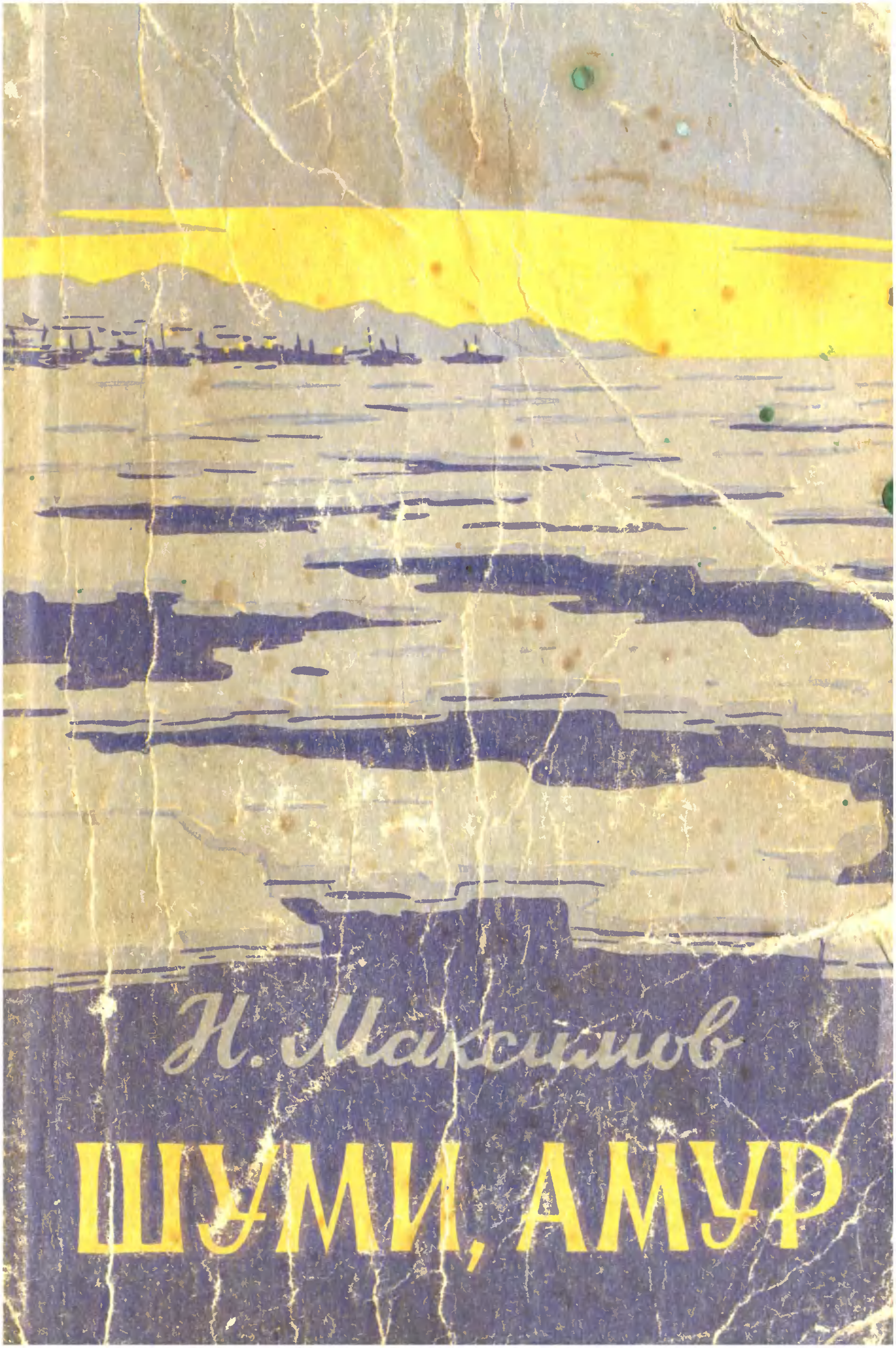


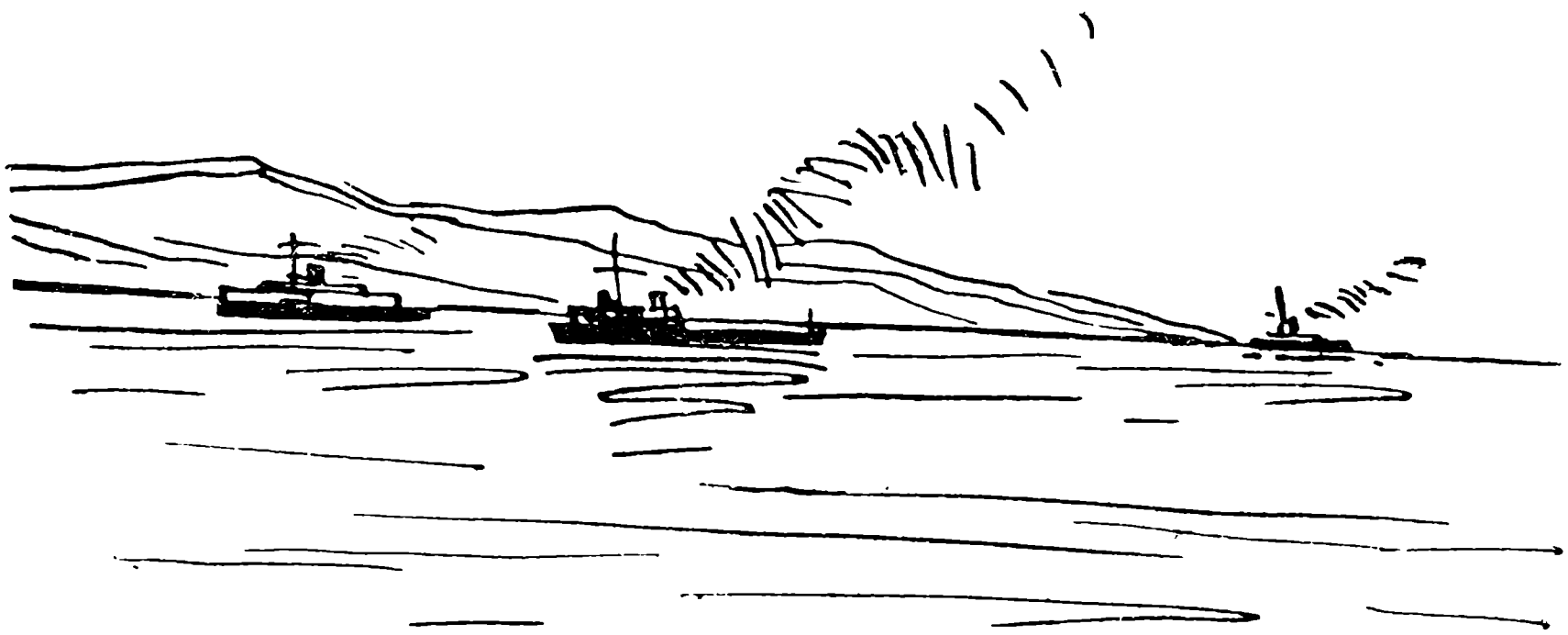
Н. Максимов

ШУМИ, АМУР

Н. Максимов

ШУМИ, АМУР

РОМАН



Хабаровское книжное издательство
1961

P 2
М 17

У Амура — интересная история и еще более интересное будущее. На этой великой водной магистрали работают тысячи людей. Они знают буйный, неспокойный нрав могучей реки и умеют бороться с нею, подчинять ее силу своему делу. Им и посвящен роман Н. И. Максимова «Шуми, Амур».

Читатель познакомится с работой амурских речников, полной опасностей и трудностей. Он полюбит героев книги — людей большого сердца, творческого труда, чутких к новому, непримиримых в борьбе с косностью и консерватизмом.

Роман пронизан горячим дыханием нашего времени. В нем живут, любят, борются наши знакомые, наши современники, и эта черта книги особенно привлекательна.

Я в скуку дальних мест не верю,
И край, где нынче нет меня,
Я ощущаю, как потерю
Из жизни выбывшего дня.

(А. ТВАРДОВСКИЙ
«За далью—даль»).

ГЛАВА I

Молодая женщина в белой кофточке с короткими рукавами одиноко сидела перед накрытым столом и заплаканными глазами смотрела на стакан недопитого мужем чая. «Неверная жена... Мама родная, слышала бы ты! Андрей, Андрей, за что? — Зинаида Строева горько вздохнула. — Десять лет вместе — и вот...» Нет, никогда, никогда она не простит такого оскорбления!

Скрипнула дверь, вбежала дочка:

— Мамочка, ты плачешь?

— Нет, доча, нет. Я не плачу. — Она обняла ее, прижала к груди.

— Плачешь, плачешь! Где папка? — Девочка вырвалась, заглянула в смежную комнату.

— Иди ко мне, — мать поцеловала ее в лоб, в щеки, затем отпустила, медленно поднялась, подошла к туалетному столику. Из зеркала устало смотрела тридцатилетняя блондинка с затаенным страданием в больших влажных глазах.

Таня заметила на полу ключ, подняла его, вставила в дверную скважину.

— Умница моя, хозяйка!

— Где папа? — требовательно спросила Таня, вглядываясь в лицо матери.

— Ушел. На собрание...

— Собрания каждый день разве?

— Случается, доча. Вот пойдешь в школу первого сентября — у вас тоже будут.

— А первое сентября скоро?

— Теперь уже скоро. Давай лапку. Вот этот пальчик — апрель, этот — май; когда все загнешь — наступит сентябрь.

— А я их сразу все загну, — решительно заявила девочка. — Веди меня в школу!

Мать и дочь рассмеялись.

Наступил вечер. Андрей домой не приходил. Но Зинаида еще надеялась, что он явится с повинной. Она представила себе его смущенное лицо, виновато опущенные глаза. Конечно, придется серьезно объясниться.

Но прошла бессонная ночь, невыносимо длинное утро, миновал долгий день, опять дочь спрашивала: «Где папа?», а он так и не возвратился.

...Непонятно поступил Горчаков. Не простясь с семьей, он улетел на черноморский курорт и молчит вот уже почти целый месяц. Строева заметно осунулась, побледнела.

— Вы здоровы? — спросил ее как-то начальник пароходства.

— Я? Вполне. — Зинаида Сергеевна искусственно улыбнулась.

— Горчаков пишет? — поинтересовался начальник политотдела Волков.

— Андрей? Да, спасибо. Он хорошо отдыхает.

Строева скрывала размолвку с мужем: ни мать Зинаиды, ни родные Андрея, ни сослуживцы ничего не знали. Делилась она только со своей соседкой Клавушкой — Клавой, женой Волкова.

В эти весенние дни Строева много работала. Хватало и своих диспетчерских дел, да кроме того пришлось взвалить на свои плечи обязанности заболевшего начальника службы движения — Архипа Севастьяновича Волкова. Заботы поглощали ее, к концу дня она сильно уставала и рано ложилась спать.

А в главном штабе пароходства — в здании над Амуром — допоздна не гасли огни. Служба эксплуатации,

коммерческий отдел, отдел портов и пристаней, механико-судовая служба — все готовились к навигации.

Ледоход начался двадцатого апреля.

Разбуженная журчаньем ручьев, вначале от полугодовой спячки очнулась южанка Уссури. Отдохнувшая, умиротворенная, она пробуждалась спокойно, величаво. Талые воды согревали ее, разъедали льды, просверливали воронки, растачивали промоины. Лениво шевелясь, Уссури медленно сбрасывала с себя зимние одежды. Но вот и Амур повел плечами, потянулся, хрустнул суставами... И тотчас гулом и ветром наполнилось все окрест. В прибрежном парке, изгибаясь, затрепетали деревья, ворох прошлогодних листьев, подхваченный ветром, взвился высоко вверх; люди плотнее запахивали пальто, прислушивались к шороху и хрусту льда: «Амур пошел...»

Время от времени над рекой бесшумно, как планер, пролетал самолет — наблюдал за движением льдов: внизу железнодорожный мост; случись затор, и через несколько минут появятся над Амуром бомбардировщики. Но ледоход проходил нормально. Это и радовало и тревожило речников. Тревожил прогноз: ожидалось резкое падение горизонта воды. Можно упустить момент вывода флота из затонов, и тогда он застрянет здесь до летнего паводка.

Пароходы спешно поднимали пары. Над судоремонтным заводом стояло черное облако. Дымилась, словно охваченная пожаром, и Чумная протока. Там зимовали суда, которым предстояло раньше других выйти в плавание, обставить реку навигационными знаками — бакенами, вехами, створами, указателями глубин.

В эти дни застать начальника пароходства в кабинете казалось почти невозможным.

— Алексей Иванович свободен?

— Он на теплоходе «Дальний Восток», — не отрываясь от бумаг, отвечала секретарь.

— Мне товарища Добрынина. Здравствуйте!

— Его сегодня не будет. Алло! Да. Слушаю. Не знаю. Кто? Товарищ Окунь? Хорошо, передам.

И так целый день.

Добрынину нелегко руководить пароходством. До этого он был лишь начальником пристани на Волге. Правда, за плечами институт и академия водного транспорта,

но все равно трудно: бассейн незнакомый, объем работы колоссальный, река — своенравная: виданное ли дело, чтобы половодье приходилось не на весну, а на середину лета! Но главное, пожалуй, даже не в этом. Алексею Ивановичу кажется, что среди его ближайших сотрудников есть люди, равнодушные к делу. Они не хотят честно, по-настоящему помогать начальнику пароходства. Такие работники либо отмалчиваются, либо твердят, что Амур — это загадка, прячутся за этой туманной фразой. А пароходство уже три года подряд не выполняет плана перевозок. Алексей Иванович чувствовал их скрытое недоброжелательство.

— Похоже, Константин Архипович, что некоторые управленцы настроены ко мне недружелюбно, — как-то сказал он начальнику политотдела. — Отчего бы это, а?

— Давно я присматриваюсь к некоторым нашим «старичкам». Обленились. Не учатся. Все помыслы, кажется, о чинах и наградах. Не исключено, что кое-кого твоя генеральская звезда кольнула в самое больное место. Только, мол, приехал, не успел еще оглядеться на новом месте, а уж и в генералы проскочил. Вот и решили, видно, устроить тебе экзамен: руководи, мол, а мы посмотрим, сколько ты стоишь.

И с обычной своей горячностью Волков закончил:

— Я уже говорил тебе, что наш синклит надо изрядно пошерстить!

— Синклит, говоришь? — Добрынин улыбнулся. — Выходит, мы с тобой тоже сановники древнегреческого образца?..

Константин Архипович Волков — потомственный речник: когда-то он был начальником Благовещенской пристани, но последние восемь лет находился на партийной работе, не связанной с водным транспортом. В Амурское пароходство он возвратился полтора года назад. И хотя в краевом комитете партии Волкова считают человеком, знающим бассейн и его кадры, все же Добрынин не мог бездумно следовать его совету — «пошерстить».

— Как думаешь, Константин Архипович, если вывести сейчас флот — не сомнут льды?

— В сводках что?

— В верховьях ледоход только начинается.

Волков задумался, спросил:

— Белокрылов что говорит?

— Рисковать не советует.

— Но ведь Уссури, считай, очистилась. Выводи, а в случае опасности спрячем суда в устье.

Волков прав: при подобных обстоятельствах флот всегда выводился в устье Уссури. Но тогда в Хабаровске не зимовали морские суда с большой осадкой. Как же быть? В низовьях реки — льды, в верховьях ледоход только начинается, Уссури может оказаться мелководной, а не сегодня — завтра в затонах пароходы могут сесть на грунт.

Заместитель начальника пароходства по эксплуатации флота Белокрылов вчера уехал на Верхний Амур.

— Здесь обойдетесь без меня, — сказал он, — а в Благовещенске случаются очень опасные ледоходы.

Добрынин не стал возражать: Юрий Николаевич проработал на Амуре почти четверть века, знает, где и когда нужно находиться руководителям. Но как же все-таки поступить с флотом?

Алексей Иванович попросил зайти к нему начальника бассейнового управления пути Тихого-Тищенко.

Как всегда шумный, сияющий, энергичный, тот не замедлил явиться.

— Привет генералам! Как жизнь холостяцкая? (У Добрынина семья погибла в оккупации).

Начальник пароходства поднялся ему навстречу.

— Моя жизнь, Аркадий Борисович, в твоих руках: дашь воду — скажу спасибо, начнем навигацию как положено.

— До августа воды не дам!

— В этом вся трагедия. Как думаешь, не пора выводить суда на глубины?

Начальник бассейна погрозил ему пальцем:

— Хитришь, Алексей Иванович. Не зря тебя в генералы произвели. Нет, брат, это ты решай сам!

Управление пути Добрынину не подчинено, хотя и обслуживает пароходство: ведет дноуглубительные работы, обставляет реку навигационными знаками, обеспечивает судам гарантийные глубины. Аркадий Борисович держался с Добрыниным как равный с равным.

— Какая тут хитрость. Дело для меня новое, а ты — старый амурский волк.

«Старый амурский волк» — невысокий кучерявый блондин с крупным носом и розовыми щеками — прора-

ботал на Амуре около десяти лет. Был лоцмейстером, начальником технического участка, затем поехал на учебу и недавно возвратился на Дальний Восток в должности начальника Амурского бассейнового управления пути.

Поболтав еще минут пять, Тихий-Тищенко заспешил к себе в управление. У него тоже дел по горло: земснаряды, технические участки, изыскательские партии, аппарат, обстановочный флот. К тому же завтра ему предстоит выезд в Благовещенск.

Добрынин поднялся из-за огромного письменного стола, прошелся по кабинету, остановился у окна.

По Амуру проплывали большие ледяные поля.

Начальнику пароходства сорок два года. Он — выше среднего роста, крутоплечий. На короткой шее покоится крупная голова, из-под белесых бровей изучающе смотрят небольшие серые глаза. Самое примечательное в его внешности — могучий лоб с отчетливой бороздкой между надбровными полушариями. Думая о начальнике пароходства, прежде всего видишь этот могучий лоб.

Вчера Алексей Иванович собирал управленцев. Положение сложилось критическое. Даже старики не помнят, чтобы сразу после ледохода ожидалось такое резкое паде-

ние горизонта воды. Об этом охотно и много говорили управленцы, но почти никто из них не внес предложения, достойного серьезного внимания. Сегодня Добрынин поедет в затон советоваться с судоводителями. Уж они-то наверняка подскажут что-нибудь толковое.

Начальник пароходства вернулся к столу и склонился над бумагами. Однако, не дочитав и первой из них, позвонил секретарю.

— Узнайте, пожалуйста, не возвратился ли из Москвы Вяткин.

— Нет, Алексей Иванович. Я уже справлялась.

— Спасибо...

Бумаги, бумаги... Добрынин сердился. Ему нужны живые люди, их мысли, а не эти сводки, докладные, реляции!

Между тем рабочий день был в полном разгаре. В кабинет то и дело заходили сотрудники, приносили на подпись различные документы, нередко имеющие очень отдаленное отношение к открытию навигации, согласовывали вопросы, большинство которых следовало решить им самим. Все это нервировало Добрынина.

— Разрешите? — Снова открылась дверь кабинета.

— Что у вас? К открытию судоходства отношение имеет?

— Как вам сказать?.. Не прямое, конечно.

— После поднятия флага навигации!

Через минуту вошел огромный, словно борец тяжелого веса, заместитель по кадрам.

— Пришел, товарищ генерал, согласовать. Мы тут подработали вопрос о назначении помощника шкипера на баржу «Нева». Вот его личное дело, — он очень осторожно протянул начальнику тощую папку, затем сложил кисти рук на край стола, изогнув могучую спину.

— Вы давно в пароходстве работаете?

— Двадцать лет. А что?

— Как думаете, флот не пора выводить из затона?

— Флот? Не знаю, товарищ генерал. — Он слегка повернул голову. — Я — по кадрам. — По лицу заместителя блуждала какая-то неловкая улыбка.

— По кадрам? Что же вам в таком случае со мной согласовывать? Человека вы рекомендуете — так и назначайте, подписывайте приказ, право вам дано. А проштрафится — с вас и спросим. Или вам нужна моя подпись?

Заместитель растерянно поморгал глазами.

— Еще что у вас? — возвращая личное дело, спросил Добрынин.

— Все, — неуверенно ответил заместитель и наконец выпрямился: — Разрешите идти?

— Пожалуйста.

Начальник пароходства повертел диск телефонного аппарата.

— Ты у себя? Это Добрынин говорит. Так я зайду...

Вскоре он шел по длинному коридору крайкома партии. У дверей с табличкой: «Окунь Г. В.» Добрынин остановился, пригладил рукой редкие каштановые волосы, вошел.

— Садись. — Заведующий транспортным отделом, щуплый, бритоголовый, в очках, показал рукой на диван, а сам продолжал распекать за что-то стоящего у стола молодого человека.

— Какой же ты инструктор? Увидел непорядок — прими меры! А ты строчишь докладную, несешь мне, словом, самоустраняешься от дела.

— Коммунистам я разъяснил. Не мог же я...

— Значит, еще мне заниматься этим вопросом?!

— Вы руководитель, — ответил молодой человек.

— Вот смотрит на тебя начальник пароходства и, наверное, думает: трудно, ох как трудно Окуню работать с такими помощниками! Ну, что ты на это скажешь?

Инструктор покраснел, отрезал решительно:

— Скажу, что с вами трудно работать.

— Вот полюбуйся, Алексей Иванович, на него!

Молодой человек схватил со стола докладную и быстро направился к двери.

— Вернись! — остановил его Окунь, но инструктор даже не оглянулся.

На бритой голове заведующего выступили капельки пота. Он откинулся на спинку кресла и тяжело вздохнул:

— Хочешь человеку добра, а придется расставаться.

— Дело, конечно, не мое, — заметил Алексей Иванович, — но, думаю, ты несправедлив к нему.

— Как? — удивился Окунь, приподняв очки и как бы желая лучше рассмотреть начальника пароходства. — Ну, это я решу сам. Ты с чем пришел?

Добрынин рассказал.

— Да, нелегкая задача. Что же ты предпринял?

— Пришел с тобой посоветоваться. — Алексей Иванович знал, что Окунь до крайкома длительное время работал в пароходстве.

Слегка прищурив глаза, заведующий отделом внимательно вгляделся в Добрынина.

— Какой у тебя самый узкий участок?

— Морские буксиры режут: глубины нужны, а вода вот-вот спадет.

— Зачем же вы их затащили сюда? Вы разве не знали, что воды может не быть? Эх, руководители! А теперь — в крайком: решай, мол, Окунь, ты заведующий отделом! Пришли ко мне Белокрылова.

— Он на Верхнем Амуре.

— Улетел? Ну, конечно, зачем ему брать ответственность на себя! Так что ты думаешь предпринять?

— Речные суда выведу в устье Уссури, а вот с морскими не знаю, что делать.

— А ты с народом поговори. А потом заходи ко мне. Еще посоветуемся. Ох, приедет Афанасий Прохорович — придется ему доложить, как вы тут руководите.

Он говорил о секретаре крайкома Вяткине.

Добрынин поднялся.

— Звони о положении дел каждый час. А то чуть что — к Окуню, а информировать, небось, времени у тебя нет?

Добрынин пообещал и вышел из кабинета. Садясь в машину, взглянул на часы. До совещания с судоводителями осталось еще три часа. «Надо было пораньше назначить», — думал он. Сейчас дорог каждый час. «Жаль, нет Вяткина». Перед мысленным взором начальника пароходства быстро проходили Тихий-Тищенко, Окунь, заместитель по кадрам, Волков. «Стоп, стоп, как же я раньше не сообразил».

— В госпиталь, — сказал он шоферу.

Алексей Иванович решил навестить старика Волкова — отца начальника политотдела.

Архип Севастьянович — один из старейших капитанов. Год назад предшественник Добрынина назначил его заместителем Белокрылова по эксплуатации флота. Высокая должность, однако, не увлекала капитана, хотя он и сумел устранить в работе флота многие неполадки, которые досаждали ему самому во время плавания. Кроме того, он не сработался с Белокрыловым. После выздоровления Архип Севастьянович собирался вернуться на судно.

С новым начальником пароходства Волков встречался всего несколько раз на совещаниях и партийных собраниях. Кажется, Добрынин ему не понравился: «Молодой. Не рановато ли в начальники вышел?» Но на Алексея Ивановича старик произвел самое благоприятное впечатление. «Молодчина. Так их, так их!» — мысленно подзадоривал он Архипа Севастьяновича, когда тот распекал управленцев.

«Синклит», как назвал начальник политотдела некоторую часть работников управления, дружно выступал против старика, упирал на то, что он только практик, а в теории смыслит немного. Архип Севастьянович не сдавался. Это нравилось Алексею Ивановичу, и ему было бы жаль отпускать его из управления.

В белом больничном халате Алексей Иванович выглядел профессором. Для полноты впечатления не хватало только очков. Сестры и няни предупредительно расступались перед ним, тем более, что «профессора» сопровождал сам главврач больницы.

Архип Севастьянович занимал небольшую палату. Вторая койка пустовала.

— Здравствуй, больной! — прямо с порога приветствовал Волкова начальник пароходства.

Больной поднял голову (он сидел на кровати и читал книгу), но Добрынина не узнал.

— Вы к кому? — спросил он.

— К тебе, Архип Севастьянович.

— Генерал? — Волков поднялся с койки, торопливо застегивая пуговицы на полосатой пижаме. — Не ожидал. Спасибо. Садитесь, Алексей Иванович. Вот сюда, — он освободил от книг и лекарств табуретку.

— Ну, рассказывай о здоровье. Сын навещает?

— Костя приходит. Это в порядке. Одно плохо: не выписывают. Может, вы похлопочете, а? — с надеждой спросил Архип Севастьянович. — Лед прошел?

— Здесь прошел. Так, отдельные льдины плывут. А на Верхнем Амуре концерт только начинается.

— Теплоход мой как?

Волков плавал на «Дальнем Востоке», но теплоход уже полтора года стоял на ремонте.

— Плохо. Затянули работы.

Старый капитан досадливо поморщился.

— Выписываться надо. Что ж они, сукины дети, зимой делали? — Волков находился в больнице уже четыре месяца.

Добрынин помолчал, потом заговорил о главном.

— Прогноз тревожный. Боюсь обсушить флот. Морские буксиры режут.

— Так разве ты еще не вывел их на глубины? — Архип Севастьянович поднялся на ноги. — А Белокрылов? Что он-то смотрит?

— Юрий Николаевич на Верхнем Амуре.

Волков полез в карман за портсигаром.

— Ты извини, Алексей Иванович, молодой ты еще, реки нашей не знаешь, но Белокрылов — сукин он сын!

— Не всыпят нам за курение в палате? — Добрынин достал папиросу.

— Верхний Амур! Пары на флоте поднял?

— Поднял.

— Так сейчас же выводи буксиры! На Амуре же чертова дюжина проток глубоких. Да лед с верховьев и не

дойдет сюда. А в случае чего, ты буксиры — в протоку, в протоку! Да капитаны сами не оплошают. Ясно?

— Ясно, — послушно ответил начальник пароходства. — Признаться, я ведь и ехал к тебе, Архип Севастьянович, за советом.

— Сразу б и говорил. Разводишь церемонии, а флот обсушишь. Ну, спасибо, что проведал. А теперь ступай. Амур, он, брат, шуток не любит. А меня если добром не выпишут — в полосатых штанах уйду!

Не дожидаясь, пока Алексей Иванович соберется уходить, старый капитан протянул ему руку...

Добрынин умчался на совещание в затон, где к концу рабочего дня взревели встревоженные пароходы.

В парке над Амуром гуляли дети. Услыхав гудки, они забыли про воспитательницу, смешали ряды, бросились к веранде утеса, мгновенно облепили полукружье белого парапета и, размахивая первомайскими флажками, возбужденно кричали:

— Пароход, пароход, пароход!

Над самым большим судном появилось белое облачко, и вслед за ним донесся простуженный бас гудка.

— Ура! — раздался пискливый голосок Тани Горчаковой, и весь детский сад подхватил этот восторженный клич.

Флот выходил на Амур.

ГЛАВА 2

Поднимая вихри у высоких платформ и переездов, транссибирский экспресс мчался на Дальний Восток.

Закатное солнце то мелькало между стволами деревьев, то пряталось в зелени рощ, чтобы затем снова неожиданно заглянуть в окна вагонов. По составу стремительно проносились тени.

Пассажиры теснились у окон, перебрасывались замечаниями, знакомились. В каком-то купе завели патефон, послышалась бойкая песенка тридцатых годов:

Сквозь края и области,
Мимо полей,
Двухнедельный путь ваш далек.
Славою и доблестью,
Песней своей
Радуйте Дальний Восток!

Пожилой мужчина с орденом и депутатским значком, слушая песню, улыбался в подстриженные усы.

— Деда! Иди скорее, — подскочила к нему белокурая девочка лет шести с красным бантом на голове. — Бабушка твою любимую пластинку завела!

— Спасибо, Леночка. Я слышу.

Девочка исчезла в купе.

— Внучка? — спросил высокий молодой человек в очках.

— Знаете, просто не верится! — пассажир с сединой на висках покачал головой. — Удивительно быстро летит время. Давно ли, кажется, сам был мальчишкой, а сколько воды утекло.

Ему вспомнилось, как он впервые приехал на Дальний Восток. Окончив институт, он направился во Владивосток на судоремонтный завод. Вскоре защитил диссертацию. А теперь вот уже три пятилетки — на партийной работе. На прошлой неделе Афанасию Прохоровичу Вяткину исполнилось пятьдесят лет.

— Значит, на Дальний Восток, молодой человек? — Вяткин мягко взглянул на своего случайного собеседника.

— К несчастью, да! — вздохнул тот.

— К несчастью? — сдвинув брови, переспросил Афанасий Прохорович, полагая, что ослышался. Его карие глаза смотрели вопросительно.

Но собеседник молчал.

— Вы едете в замечательный край, поверьте мне!

— Однако этому замечательному краю лично вы предпочитаете столицу, не так ли?

— Ошибаетесь, — мягко ответил Вяткин. — Я живу в Хабаровске. А вот вы, совсем не зная края, уже почему-то сожалеете, что вас туда послали.

— Но я родился в Москве. Это моя родина.

— Вы узко понимаете слово «родина».

— Лекция? Простите, но я уже сдал все экзамены...

— Похвально. И, конечно, получили диплом с отличием?

Молодой человек промолчал.

Афанасий Прохорович закурил.

— Простите, ваша специальность?

— Инженер, — небрежно ответил юноша в очках.

— Хорошо. Теперь давайте представим, что все инженеры захотели бы работать в Москве...

— Почему все?
— А почему вы?
— Я? Довольно странно! Я — москвич.
— Но согласитесь, что столица не может предоставить работу всем специалистам, а на периферии их не хватает.
— Эти аксиомы я слышал неоднократно, но они не помешали мне сохранить свое мнение.
Вяткин зажег погасшую папиросу, пристально вгляделся в собеседника.
— А знаете что?
— Пока еще не знаю.
— Я бы не послал вас на Дальний Восток.
— Серьезно? — инженер улыбнулся.
— Вполне.
— Но ведь вы только что говорили...
— Да. Но позвольте и мне иногда ошибаться. — Афанасий Прохорович слегка нахмурил брови и отвернулся к окну.
Молодой человек пожал плечами, сделал гримасу, видимо, означавшую «Подумаешь!», и ушел в свое купе. Там уже сидели миловидная девушка с коротко подстриженными волосами и молодой мужчина в белом кителе с зеленовато-золотистыми погонами. На вид ему было лет двадцать восемь. Синие глаза его смотрели задумчиво.
— Добрый вечер, — произнес вошедший.
— Здравствуйте, — ответили ему.
— Выходит, нас трое? — он осмотрел купе. — Тем лучше. Разрешите в таком случае представиться. Дмитрий Ксендзицкий, инженер.
— Заречный, — назвал себя лейтенант.
— Самоцветова Евгения Павловна, — девушка пожала протянутую ей руку.
— Я вижу, вы окончили университет? — Ксендзицкий нагнулся, чтобы лучше рассмотреть значок на ее жакете.
— Да, в Ростове.
— На Дону? Южанка? И куда же мы едем?
— Я, например, в Хабаровск.
— А вы, товарищ?
— Тоже.
— Нет, это просто поразительно: всё купе — в один город!

— Куда же вас назначили, Женя Павловна?

— В краевое управление культуры, Дмитрий...

— Да просто — Дима! В наши ли годы... Не так ли, товарищ...

— Заречный, — неохотно повторил лейтенант.

Поезд покачивало. Зеркальная дверь купе медленно уползала за перегородку. Ксендзицкий прикрыл ее, взял с дивана футляр со скрипкой, провел пальцами по струнам, взглянул на попутчиков и положил на прежнее место.

Его спутники молчали.

— Не помешает? — инженер включил радио. — А все-таки странно, почему пустует четвертое место. Так трудно было получить билет, и вдруг... Как вы думаете, Женя, кто к нам явится — она или он?

Девушка слегка сощурила глаза:

— Право, я еще не успела об этом подумать.

Заречный взял книгу и вышел.

— Как вы насчет ресторана, Женя?

— Мне хочется отдохнуть, — сухо ответила она.

— Вид у вас действительно утомленный. Конечно, сборы, переживания, близкие. Вас тоже отправили в эту дыру насильно?

— Меня? Напротив. Я поехала сама.

— Сами из Москвы?! Хотя да, вы же учились в Ростове... Ну, если не хотите подкрепиться, я, с вашего разрешения, удаляюсь.

Одно место в купе пустовало потому, что пассажир опоздал к поезду. Когда он выбежал на перрон Ярославского вокзала, то увидел только хвост уходящего состава.

— Как же это вы? Минутой бы раньше! — сочувствовали ему незнакомые люди.

— Идите к дежурному, — посоветовала женщина с красной повязкой на рукаве.

Опоздавший поставил чемодан, снял форменную фуражку, обнажив черные вьющиеся волосы, вытер платком вспотевший лоб и вдруг бросился с перрона к стоянке такси.

— Скорый догонишь? — спросил он, открывая дверцу шоферской кабины.

Шофер оценивающим взглядом окинул грубоватого гражданина и, не торопясь, стал извлекать из кожаного реглана папиросы и спички.

— Ну?!

— Дорого вам обойдется. Садитесь! — неожиданно предложил водитель соседней машины и распахнул дверцу такси.

Через мгновение «Победа» помчалась к открытому светофору, но проскочить не успела.

— Вы не беспокойтесь, — заговорил веснушчатый парень, — вырвемся на шоссе — поднажмем. Дальше Александрова не уйдет. Не первый раз!

— Не первый? — переспросил пассажир таким тоном, что было трудно понять: рад он этому обстоятельству или огорчен тем, что этот способ догонять поезда уже изобретен до него. Но тут красный огонек уличного светофора сменился желтым, потом зеленым, и веснушчатый парень ничего ему не ответил.

Через четверть часа машина наконец вырвалась из города на шоссе, и стрелка указателя скорости затанцевала около цифры сто. По корпусу «Победы» зашуршал ветер. «Черт меня угораздил ввязаться в эту историю на вокзале!» — подумал пассажир.

— Не свалимся? — спросил он водителя, когда на повороте машина резко осела на правые рессоры.

Шофер молчал. Счетчик быстро отсчитывал рубли: девяностно шесть, девяносто восемь, сто, сто два...

Неожиданно шофер резко убавил скорость и затормозил: шоссе перегородил шлагбаум.

— Черт возьми! — вырвалось у пассажира.

— Сейчас наш поезд пройдет, — улыбнулся парень за рулем.

— Как?

— Очень просто: догнали.

С протяжным воем, в вихре пыли прогрохотал небольшой состав с белыми табличками на вагонах и скрылся в глубокой выемке.

— Теперь ему трудно будет тягаться с нами, — все так же невозмутимо пояснил водитель.

Он был прав. Вскоре «Победа» настигла поезд и начала его обгонять.

Наступали сумерки.

В Александрове поезд остановился. К шестому вагону подошел рослый человек с чемоданом в руке.

— Догнали? — улыбаясь, спросил седоусый проводник.

— А вы откуда знаете? — басом отозвался тот.

— В окошко видел. Сколько обошлось?

— Сто пятьдесят.

— Ну, это по-честному. А то ведь другие, бывает, с дуру по пять сотенных платят. Проходите. Четвертое купе, верхнее место слева. Это вы правильно сделали: плацкарта дороже стоит, да и время не у каждого есть.

— В том-то и дело. И так к открытию навигации опаздываю.

— Загар с юга везете?

— С Черного моря.

На перроне дважды звякнул станционный колокол.

— Разрешите? — пассажир открыл купе. — Здравствуйте.

Самоцветова быстро поднялась, сунула ноги в туфли.

— Лежите, пожалуйста. Фу! — Он снял фуражку, сел. — Насилу догнал.

— Кого? — изумилась девушка.

— Поезд и вас вместе с ним.

— Не совсем понимаю, — нерешительно протянула Самоцветова.

— Опоздал. Пришлось лететь на такси до первой станции.

— Что вы говорите? Неужели это возможно?

— Как видите. — Он энергично поднялся, щелкнул каблуками и, очень довольный собой, доложил густым басом: — Опоздавший к поезду капитан 3-го ранга Андрей Корнеевич Горчаков — перед вами!

— Евгения Павловна, — протянула ему руку Самоцветова. — Как же вы ухитрились опоздать?

— Опоздать дело нехитрое. Вот догнать — это да! — отозвался Горчаков, расчесывая непослушные черные волосы. — Понимаете, приехал на вокзал за двадцать минут.

— И опоздали. Что же вы делали?

— Оправдывался.

— Не понимаю вас, Андрей...

— Корнеевич. Да вы запомните: корень, корень... А то, что идет от корня, — это и есть я!

Она улыбнулась.

— Представляю себе вашего отца: наверное, такой же огромный, как вы, говорит басом, ходит медведем, борода по пояс. Вы не обижайтесь, пожалуйста, — Женя уже совсем освоилась с новым пассажиром.

— Корней-то Евдокимович? Без малого такой и есть мой батя.

— Да, как же все-таки вы сумели опоздать к поезду? — спросила она.

— Характер тяжелый. Другой бы мимо прошел, а мне невозможно. Приехал я на вокзал и вижу — у справочного бюро какой-то типчик сквернословит, выталкивает из очереди женщину. Оглянулся — милиционера не видно. Подхожу, спрашиваю: ты что безобразничаешь? А он задирается: тебе что за дело? Что, мол, ты за начальство? Я советую: одумайся! Не понимает человек, отталкивает меня. Взял я тогда его за руку и вытащил из очереди. Ну, он, ясное дело, не устоял, растянулся на асфальте, штанину разодрал. Смотрю — передо мной сержант милиции. Обоих повел к дежурному.

На лице Самоцветовой отразилась тревога.

— Ну, дежурный капитан посмотрел на меня и нахмурился: солидный, мол, человек, а безобразничает в общественном месте. Вижу, дело плохо. Спрашиваю капита́на, а как бы он поступил? Отвечает: на вашем месте не стал бы заниматься рукоприкладством. Закон, говорит, против вас...

— Неужели вы не могли объяснить ему, что заступились за женщину?

— Объяснил. Не понимает. Сидит и строчит протокол. Место работы спрашивает. Место работы, отвечаю, это дело ясное. Вы мне ответьте на мой вопрос: неужели бы вы мимо прошли, когда женщину оскорбляют? Не знаю, как у вас, товарищ капитан, а у нас, на Амуре, за это бьют! Смотрю: у капитана глаза подобрели. Взглянул он на часы и смял недописанный протокол. Торопитесь, говорит, до отправления две минуты! Выскочил я от него, метнулся влево, а надо было вправо. Поезд тем временем и ушел.

— Какая обида, — вздохнула Самоцветова.

— Какая же обида? Ведь я-то в поезде!

Она улыбнулась.

— Вы на Амуре плаваете?

— Так точно. Капитан пассажирского парохода «Адмирал Ушаков»!

Дверь купе открылась. Вошел Заречный, увидел нового человека, поздоровался.

— Стоп, братец, да ты никак водник? — Андрей Корнеевич широко открыл глаза.

— Так точно. Штурман Заречный! Еду на Амур.

— Молодец! Будем знакомиться. Горчаков! Где плавал?

— На Волге.

— И повоевать успел, вижу?

Заречный застенчиво улыбнулся:

— Пришлось, товарищ капитан.

— Ну вот что, пойду-ка я, братцы, умоюсь. Товарищ проводник! — окликнул он седоусого железнодорожника. — Нельзя ли постель? Мне полотенце нужно.

— Сейчас будет.

— Интересный человек, — сказала Заречному Евгения Павловна, когда Горчаков вышел. — Вы знаете, он догнал нас на такси.

— Да?

— Представьте себе! — Самоцветова задумалась, но тут же спохватилась и, как бы опасаясь, что он разгадает ее мысли, взглянула на Георгия Ивановича и начала стелить постель.

— У вас верхняя полка? Извините, у меня одна рука.

— Как?

— Война...

— О чем это вы тут толкуете? — в купе возвратился Горчаков. На его вьющихся волосах блестели капельки воды.

Самоцветова вопросительно посмотрела на лейтенанта. Тот сказал:

— У нашей спутницы верхняя полка. Я бы уступил, но...

— Ясное дело. А кто на этой нижней?

— Инженер. Он сейчас в ресторане.

— Старый?

— Нет.

— Так мы ему и подскажем уступить это место, — решил Горчаков.

— Зачем? Право, не надо, — попробовала протестовать Самоцветова.

Нетвердой походкой в купе вошел Ксендзицкий.

— А вот и я! — объявил он так торжественно, словно его потеряли и долго не могли разыскать. — Вы ужасно просчитались, Женя, что не пошли со мной. Ба! Новый

пассажир? — он протер очки. — Откуда бог послал? Мы, кажется, еще не останавливались.

Горчаков строго посмотрел на развязного молодого человека.

— Разрешите представиться. Инженер Ксендзицкий.

— Горчаков, — сухо ответил Андрей Корнеевич. — А мы тут только что о вас говорили. Вам придется уступить нижнюю полку Евгении Павловне.

— Мне? А почему именно мне?

— Потому что у меня — верхняя, а товарищ потерял на фронте руку.

— Гм... Впрочем, конечно, как джентльмен, я готов терпеть известные неудобства. Пожалуйста, Женя, нижняя полка в вашем полном распоряжении.

— Благодарю.

— Располагайтесь, — продолжал Ксендзицкий, видимо, собираясь еще долго говорить о проявленном великодушии.

— Простите, но мы с Евгенией Павловной идем ужинать, — неожиданно прервал его Горчаков.

— Позвольте. А я?

— Вы уже забункеровались.

Горчаков и Самоцветова ушли.

Когда они вернулись из ресторана, Заречный и Ксендзицкий уже спали, причем оба на нижних полках, а один из них — даже в полной «парадной форме», включая очки и ботинки... На столике лежали скрипка с оборванной струной и диплом с отличием.

ГЛАВА 3

В эту ночь Горчаков долго не мог уснуть. Москва, происшествие на вокзале, новые знакомства — все перемешалось в усталой голове.

Андрей Корнеевич лежал с открытыми глазами, прислушивался к мерному постукиванию колес. Мысли его то и дело обращались к Самоцветовой. Андрею Корнеевичу все нравилось в девушке: задорно вздернутый носик, пышные волосы, несколько грустная улыбка, уменье поддержать разговор... Но вот лицо Самоцветовой стало блекнуть, расплываться... Перед Горчаковым возник образ Зинаиды. Она стояла на капитанском мостике — молодая,

задорная, в фуражке с белым чехлом, из-под которой выглядывал непокорный завиток светлых волос.

Зина... Они вместе учились в Благовещенском речном техникуме. Физкультурница, организатор походов и состязаний, она притягивала к себе и девушек и парней. На переменах Зинаиду сразу окружали студенты, на пляже около нее вертелись чуть ли не все городские женихи, на улицах девушку окликали матери взрослых сыновей. Она со всеми шутила, ее звонкий смех было нетрудно отличить от других голосов. Горчаков как будто сторонился девушки, но, встретившись с ней случайно, подолгу не мог унять волнения. Чувствуя на себе его взгляды, Зинаида думала: «Странный... Никогда не подойдет, только смотрит, смотрит...»

Летом 1941 года Зинаида перешла на последний курс судоводительского отделения. В эти же дни Горчаков окончил техникум. Ко времени получения диплома он уже проплавал в Амурском бассейне девять лет. Окончил семилетку — и на пароход. Был матросом, рулевым, потом третьим помощником капитана. И тогда ему твердо предложили — учись! Он поступил на отделение стажистов: летом плавал, а зимой садился за парту. К окончанию техникума Андрей стал капитаном буксирного парохода.

На выпускном вечере, получая диплом, Горчаков взволнованно благодарил преподавателей, Родину, которая дала ему образование, расчувствовался и не успел еще успокоиться, как подошла Зинаида, протянула тонкую руку:

— Поздравляю, Андрей. Ты хорошо сегодня выступил.

Горчаков так растерялся, что в первую минуту не мог произнести ни единого слова. Он только радостно смотрел в большие, ясные глаза девушки.

— Спасибо, Зина! — наконец вымолвил Горчаков. Он стиснул зубы, а затем, взмахнув рукой, с горечью произнес: — Эх, Андрей-воробей!

И Зинаида поняла тайный смысл этих слов. Горчаков словно вручал свою судьбу в ее руки... Строева покраснела и быстро отошла к подругам.

Взволнованный, с влажными глазами, Андрей, наклонив голову, стремительно вышел на улицу. Он остановился в неосвещенной части сквера. «Подошла. Сама подошла!» Сколько радости, сколько надежд принесла эта тонкая девичья рука!..

Поглощенный воспоминаниями, Андрей Корнеевич перестал замечать остановки поезда, мелькавшие за окном огни. Он не слышал, как ворочался Ксендзицкий и вздыхала во сне Самоцветова. Горчаков видел актовый зал речного техникума, взволнованное лицо Строевой, ее белое платье...

В ту памятную ночь молодой капитан до рассвета ходил под окном Зинаиды, а потом пошел на судно: в двенадцать ноль-ноль — в рейс. «Когда теперь еще увидимся, — думал он. — Не сегодня-завтра студенты разъедутся на практику». На душе было грустно.

Но в полдень, когда город огласили отходные гудки «Донбасса», Горчаков вдруг увидел на берегу, среди провожающих, девушку в белом платье... Она махала косынкой. Капитан бросился на крыло мостика, схватился за леера и, перекрывая гул голосов, выкрикнул:

— Спасибо, Зина!

Люди на берегу оглядывались, отыскивая глазами ту, к которой были обращены эти слова. Но Строева не смутилась: она продолжала помахивать косынкой.

— До полного! — приказал опьяневший от радости капитан и, красиво развернув судно, повел его на рейд, к баржам.

После вахты Горчаков заперся в каюте и до десяти часов вечера просидел за столом. Он писал письмо. Нет, он ничего не просил, ни на что не жаловался, он просто изливал свою душу.

Через несколько дней Строева тоже ушла в рейс. Письмо Андрея она получила только месяц спустя. Оно тронуло сердце девушки, хотя и раньше ей уже доводилось получать такие же послания.

Зинаида ответила Горчакову: «Мне понравилось твое письмо, Андрей».

Горчаков запер письмо в сейф и раза два — три в день проверял, там ли оно. Добавилось хлопот и у радиста. Капитан приказал каждый день неофициально узнавать и докладывать, где находится и куда идет «Лена». Горчаков постарался так провести рейс, чтобы в Благовещенске обязательно встретиться с Зинаидой. Он добился своего: «Донбасс» оказался в порту через час после прихода туда «Лены». Среди встречающих капитан сразу увидел Зинаиду. Он первым сошел с борта и, не подходя к начальнику пристани, направился прямо к ней.

— Здравствуй, Зина! — еще издали произнес он.

Она протянула ему руку и шагнула навстречу.

— Спасибо, Зина!

— За что, Андрей?

— Что встретила. — Лицо капитана сияло. Он волновался и не находил слов, чтобы сказать о тех чувствах, которые бились в его сердце. Подошел начальник пристани.

— Здравствуй, Горчаков! — грубовато заговорил он. — Ты как ухитрился явиться раньше графика? Пойдем в контору, есть тебе указание из пароходства.

— Сразу в рейс?

— Пойдешь на Зею снимать с мели плот. Топлива хватит?

Капитан обращал растерянный взор то к Зинаиде, то к начальнику пристани и не двигался с места. Зинаида вывела его из замешательства.

— Надо торопиться, Андрей, — сказала она. — Мы еще встретимся, — и улыбнулась.

Через полчаса «Донбасс» полным ходом пошел на спасение плота.

До осени «Лена» и «Донбасс» встречались еще несколько раз. И всегда Зинаида оказывалась на дебаркадере. Она приходила туда вместе с теми, кто ждал мужей или сыновей, запросто поднималась на судно и оставалась там до тех пор, пока Горчаков не освобождался от дел. Потом они шли к матери Зинаиды (отца у нее не было), и Андрей ждал, пока девушка переоденется, чтобы бежать на танцы или в кино.

Горчакову давно уже хотелось сделать Зинаиде предложение, но он сдерживал себя. Война, да и учится еще Зина... Но когда наконец наступил день окончания училища, Андрей, проводив ее домой, спросил решительно:

— Зиночка, когда же мы поженимся?

— Ты с ума сошел, Андрюшка! — вспыхнула она и убежала домой. Ей казалось — все это произойдет совсем не так.

Как счастлив был Андрей в следующее воскресенье, когда Зинаида подошла к нему, посмотрела в глаза, положила тонкие руки на его широкие плечи и уткнулась зардевшимся лицом в китель капитана... Сейчас, вспоминая об этом, Горчаков заскрипел зубами, а из груди его вырвался стон:

— Эх, Зинка, Зинка!

— Что? Кто там? — Заречный проснулся, включил свет.

Андрей Корнеевич плотнее сомкнул ресницы... А поезд все шел, шел, и монотонно переговаривались колеса...

ГЛАВА 4

В шестом вагоне раньше всех поднялся Вяткин. Правда, в его сознание закрадывалось ленивое желание — вздремнуть еще часок, но Афанасий Прохорович не поддался искушению. Восход — прекрасное время: сколько светлых мыслей приходит в такой час! Вяткин был уверен: откажись от строгого режима, и сразу дадут о себе знать те самые пятьдесят годов...

В пижаме и мягких туфлях он прохаживался по дорожке от одного тамбура к другому.

Поезд остановился. Тотчас проснулся Горчаков. Открыл глаза, прислушался, вспомнил, что он — не на пароходе, а в поезде и что беспокоиться не о чем, и повернулся на другой бок. Однако сон не приходил. Тогда Андрей Корнеевич спустился с полки, оделся и потихоньку вышел из купе.

— Афанасий Прохорович? — Горчаков в недоумении остановился.

— Капитан! Какими судьбами?

Андрей Корнеевич познакомился с Вяткиным, секретарем краевого комитета партии, еще прошлым летом, когда тот выезжал на пароходе в Николаевск-на-Амуре.

Они заговорили было о предстоящей навигации — Горчаков едва ли мог говорить с Вяткиным о чем-либо другом, когда из купе в пестром халате вышла Самоцветова.

— Доброе утро, Евгения Павловна, — приветствовал ее Андрей Корнеевич.

— Доброе утро...

— Как сон?

— Спасибо, — улыбнулась она и, вспоминая о своей верхней полке, пошутила: — Вы же знаете, что я находилась на высоком уровне. А как вы?

Горчаков лукаво взглянул на девушку:

— Мне не спалось. Все перед глазами были вы.

— Шутник вы, Андрей Корнеевич!

— Ага, запомнили мое отчество?

Она засмеялась.

— Но это же очень просто: корень, корень, а то, что идет от корня, — это и есть вы!

— Правильно. Беру вас в свою команду!

Самоцветова прошла к умывальнику.

— Берегитесь, — весело прищурил глаза секретарь крайкома, взглянув на Горчакова. — Познакомлюсь с вашей женой — насплетничаю ей, как вы тут комплименты пассажиркам рассыпаете.

— Есть беречься! — щелкнув каблуками, ответил Горчаков и рассмеялся.

Ксендзицкий проснулся последним. В купе уже ворвалось яркое утро. Взглянув на измятый костюм, он обратился к Самоцветовой:

— Извините, вчера я, кажется, вел себя не совсем прилично. Вы знаете, Галина Павловна...

— Евгения Павловна, — поправила она.

— Вот видите... Извините великодушно. Был несколько... нетрезв... Отъезд, и все такое. Поймите...

— Стоит ли об этом вспоминать...

— Спасибо, Евгения Павловна. Бог свидетель — мне так неприятно. Ведь, помнится, я уступил вам нижнюю полку, а сам...

В дверь купе кто-то постучал.

— Войдите, — отозвалась Самоцветова.

— Ага, проснулся наш джентльмен, — пробасил Горчаков. — Как вам спалось на верхней полке?

— Андрей Корнеевич, — вмешалась девушка, — я вас прошу — забудем про вчерашний день.

— Это ваш приказ?

— Да.

— Есть забыть про вчерашний день! Доброе утро, товарищ Ксендзицкий.

— Доброе утро... — инженер не знал, кто это — Заречный или Горчаков.

Провинившийся пассажир вел себя безупречно, и его попутчики имели все основания обвинить себя в душе за поспешное и, быть может, опрометчивое о нем мнение.

После завтрака, возвратясь в свой вагон, Дмитрий Дмитриевич услышал уже знакомую ему песенку:

Сквозь края и области,
Мимо полей
Двухнедельный путь наш далек...

Оглашая разъезды и полустанки протяжными гудками, курьерский мчался на восток, лишь изредка останавливаясь, чтобы утолить жажду. За окном простирались бесконечные леса. Иногда они чередовались с полями, потом начались горы, и все чаще поезд громыхал по мостам.

Андрей Корнеевич возбужденно рассказывал попутчикам про свою любимую реку.

— Амур, братцы, — великая река! Чтоб пройти ее, даже вниз по течению, нужно провести на борту парохода полмесяца!

— Ничего себе, — Самоцветова качнула головой.

— Вместе с Шилкой и Ононом — почти четыре с половиной тысячи километров! С низовий вывозим нефть, рыбу, с верховьев идет лес, уголь, хлеб, соль и все такое. А пассажиры? Только один мой «Адмирал» за прошлую навигацию перевез сорок тысяч человек!

— Скажите, Андрей Корнеевич, а как обстоит дело с планированием перевозок, с привлечением грузов? — спросил Ксендзицкий. И объяснил торопливо: — Видите ли, я инженер-экономист. Кажется, нам предстоит работать в одной системе.

— Каким образом?

— Я имею назначение на должность заместителя начальника коммерческого отдела Амурского пароходства.

— Гляди-ка, — удивленно качнул головой капитан. — Что же это ты, коммерция, вчера расписался?

— Андрей Корнеевич! — остановила его Самоцветова.

— Виноват. Значит, только Женя — не наша? Вы не смотрите так, — заметил он инженеру, — Евгения Павловна разрешила мне называть ее Женей. Причем, только мне — как старшему на рейде. Верно?

Девушка улыбнулась, качнула головой и сказала:

— Да. — И тут же спросила: — Скажите, Андрей Корнеевич, Амур красивый?

Горчаков шутливо встал в позу декламатора, начал:

— Амур? Могуч и полноводен красавец Амур! Прорезая горные хребты и широко разливаясь на равнинах, катит он свои буйные воды к Тихому океану.

— Ну, ну, дальше! Это почти как у Гоголя: «Чуден Днепр при тихой погоде...»

— Дальше сами увидите. Я не поэт.

— Андрей Корнеевич, вы бывали на Волге? — спросил Заречный.

— Волга? Девчонка!

— Ну, уж это вы слишком, — возразила Самоцветова. — Народ назвал Волгу матушкой.

— Все равно ей далеко до нашего Амура. Не зря и прозван он Амуром-батюшкой!

— Странно, батюшка и матушка, а живут в разных частях света. Может быть, они разошлись? — сострил Ксендзицкий.

Впрочем, на шутку его никто не обратил внимания. Да и сам Горчаков, гордясь Амуром, вовсе не хотел умалять достоинства Волги.

— Волга, конечно, красавица, — говорил он. — Но у нашего Амура своих невест хватает: спокойная Зея, златокудрая Селемджа, горячая Шилка, кареглазая Бурея, китаянка Сунгари, Уссури! Впрочем, ну вас, опять на поэзию заставили сбиться...

— Ну и выдумщик вы, — смеялась Самоцветова, поправляя пышные волосы.

Горчаков взглянул на часы, вскочил с дивана и на все купе скомандовал:

— Свистать всех наверх!

Его никто не понял. Даже Заречный недоуменно смотрел на капитана.

— Куда вы? — испугался Ксендзицкий, видя, что поезд идет полным ходом.

— Секретарь крайкома в пятнадцать пригласил меня на обед! — и Андрей Корнеевич буквально выскочил из купе.

Евгения Павловна хотела что-то сказать ему, но не успела.

— Товарищи, а не пора ли нам тоже пообедать? — вскоре спросила она. — Половина четвертого.

— Конечно, пора, — первым отозвался Дмитрий Дмитриевич. — Я к вашим услугам, Евгения Павловна.

Заречный оторвался от учебника, подумал, сказал:

— Пожалуй, позднее.

Самоцветова и Ксендзицкий ушли.

Георгий Иванович достал из кармана записную книжку — он вел краткий дневник — и вскоре задумчиво напевал свою любимую песенку:

Ведь ты моряк, Мишка,
Моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда.

Правда, Одессы Заречный не видел, да и звали его не Мишкой, но эти обстоятельства не мешали ему считать себя моряком и под «Мишкой» подразумевать самого себя.

Он не знал своих родителей, воспитывался в детском доме в Куйбышеве. В книге учета воспитанников — он видел ее сам — было написано, что его фамилия Заречный, имя — Георгий, отчество — Иванович, год рождения 1926-й. О матери, об отце — ни слова. Он пытался расспрашивать о родителях у воспитателей детского дома, но они знали столько же, сколько он...

После семилетки Георгий поступил в речной техникум, но окончить его не удалось: с третьего курса призвали в армию. Год воевал рядовым, потом закончил училище, получил звание младшего лейтенанта, брал Кенигсберг... Затем — Маньчжурия, бои под Муданьцзяном. Здесь он потерял левую руку: разрывная пуля...

Вернувшись в Куйбышев, Заречный закончил техникум, пять лет плавал на Волге, а теперь решил посмотреть на Дальний Восток. Георгий мечтал о дальних плаваниях, о Сингапуре, Мексике и Аргентине, наконец, об Одессе, где он поселится навсегда.

Ты одессит, Мишка,
А это значит...

Отправляясь на Дальний Восток, Георгий рассчитывал годик поплавать на пограничном с Китаем Амуре, потом спуститься в Татарский пролив, перебраться на морское судно, сходить на Камчатку, в Берингов пролив — туда, где Азия почти сошлась с Америкой, пожить во Владивостоке, попасть в заграничное плавание и южными морями вернуться в Одессу. Какой смысл, думал он, прожить всю жизнь на одном месте?! Нет, пока молод, надо свет повидать. Путешествия обогащают человека, дают опыт, силу, знание...

У Ксендзицкого была другая теория. В ожидании второго блюда он говорил Самоцветовой:

— Вы только подумайте, Евгения Павловна! Москва — это театры, отличное снабжение, удобства, метро!

— Очевидно, вы долго там прожили?

— Долго? Да за свои двадцать три года я только дважды выезжал из столицы. Как жаль, что мы не были знакомы раньше. Чистопрудный бульвар. Пять комнат, газ, ванна, «Победа», загородные прогулки!

— У вас была своя машина?

— По случаю окончания десятилетки папа подарил мне «Победу», и представляете, все это пришлось оставить. Но, надеюсь, не надолго.

— Ваш папа тоже инженер?

— Нет, старик пошел по народному питанию: он — управляющий трестом столовых. А ваши родители, Евгения Павловна?

Лицо Самоцветовой омрачилось.

— Отец погиб во время бомбежки в Ростове, в сорок первом. А мама... Мама умерла совсем недавно.

— И? — сочувственно произнес Ксендзицкий.

— И... и мне стало как-то не по себе в родном городе. Я очень любила маму. А в Ростове все напоминало о ней. Я не могла выдержать этого. Вот почему я оказалась здесь, в этом вагоне...

Самоцветова вздохнула, поднесла платок к влажным глазам, улыбнулась сквозь слезы:

— Впрочем, довольно об этом... Хочется работать, и так, чтобы все тяжелое и печальное осталось позади.

— Какая трагедия, — посочувствовал Ксендзицкий. — Значит, теперь вы живете самостоятельно? Скажите, сколько же вам лет? На вид около двадцати.

— Вы плохой физиономист. Мне двадцать шесть.

— Не может быть. Выходит, вы уже давно окончили университет?

— Только в прошлом году. Я несколько лет работала, потом доучивалась в вечерней школе. А работала лектором. Бывала на заводах, в воинских частях, институтах... И, знаете, сколько чудесных людей встречалось мне!..

Она остановилась.

— Извините, Дмитрий Дмитриевич. Все о себе да о себе. Сейчас май. Значит, и вы окончили институт не в этом году?

— Вы угадали. Но в прошлом году отец помог мне остаться в Москве: я заболел, — двусмысленно улыбнулся молодой человек. — И вот проходит год, неожиданно вызывают меня на комиссию, освидетельствуют и вручают путевку. Нас с папой подсидели. Но отец найдет способ вернуть меня в Москву!

Горчаков возвратился в купе поздно: играл в шахматы с Вяткиным.

— Добрый вечер, земляки.

— Где вы целый день пропадали, Андрей Корнеевич? Мы соскучились, — сощурила глаза Самоцветова.

— Отбивался от противника. Силен, разбойник! Шах королю, шах королеве, и пешки смяли короля! — жестикулировал капитан. — Эх, доберусь до Амура!

— Соскучились?

— Азиатской волной Амура,
Криком зверя во мгле ночной,
Потайною тропою маньчжура
Ты пугал меня, край лесной, —

басом декламировал Горчаков.

— Но сейчас, кого ни спроси я,
Все ответят наперебой:
Ты и здесь обжилась, Россия,
С неподкупной своей судьбой.

— Позвольте, позвольте. Это Петр Комаров, дальневосточный поэт, да? — вмешалась Евгения Павловна.

— Верно, Женя. Молодец. Беру тебя в свою команду! — И без паузы Горчаков продолжал:

— Землеходцы пришли босые,
Топором прорубая путь.
Не забудь их, моя Россия,
Добрым именем помянуть!..

Самоцветова и Ксендзицкий захлопали в ладоши.

— Ай да Андрей Корнеевич! — смеялась Евгения Павловна. — Вот уж никогда не думала, что дальневосточные медведи любят поэзию.

ГЛАВА 5

Поезд находился в пути седьмые сутки. Давно пересек он Волгу и Каму, остались позади многоводные реки Сибири, бесчисленные байкальские туннели, и вот состав уже громыхал над Зеей. До пересадки на Благовещенск Горчакову оставался какой-нибудь час.

— Хорошие вы ребята! — сказал капитан своим спутникам. — Жаль расставаться.

Дорога незаметно сближает людей. Пассажиры привыкают друг к другу и почти всегда прощаются с грустью. Сколько бывает в пути замечательных встреч!

— Когда же вас встречать в Хабаровске? — спросил Георгий Иванович.

— В Хабаровске? — Андрей Корнеевич на минуту задумался. — А знаешь что, Заречный? Айда со мной в Благовещенск! Оттуда пароходом в управление, а?

— Опоздаю.

— Разве у тебя в назначении указано, когда ты должен явиться?

— Нет.

— Ну, а раз нет, так какая разница: днем раньше, неделей позже. По Амуру проедешь. Тебе же плавать по реке, голова!

Заречный внимательно посмотрел на Горчакова.

— А что? Согласен!

— Молодец! — Горчаков на минуту задумался, потом взглянул на Самоцветову: — Женя, а почему бы и вам не прокатиться по реке, а? На Хинганское ущелье посмотреть!

— Ой, что вы, Андрей Корнеевич! Мне страшно, — она даже поежилась. — Нет, нет. Я лучше встречу вас в Хабаровске.

— Подумайте, а я пойду к начальнику поезда, договорюсь, чтобы нам перебраться в благовещенский вагон.

Женя заметно волновалась. Предложение Горчакова взбудоражило ее, но принимать быстрые решения она не привыкла.

Дмитрий Дмитриевич пришел ей на помощь:

— Не вздумайте сделать глупость. Наконец, вам, девушке, это просто неприлично.

Самоцветова покраснела, опустила глаза.

В купе появился Горчаков.

— Все в порядке. Ну как, Женя? Решились?

— Нет, Андрей Корнеевич. Говоря откровенно, мне хочется, но нет, не могу!

— Напрасно. — Он помолчал, потом добавил: — Жаль.

— Мы встретимся в Хабаровске.

Горчаков позвонил в служебное купе. Явился проводник, забрал постели, возвратил Горчакову и Заречному билеты.

— Все, — сказал Андрей Корнеевич Заречному. И скомандовал: — Отдать швартовы. В восьмой вагон.

Он взял чемодан и, не подавая никому руки, сказал:

— Счастливого пути.

За ним вышел Заречный.

— Андрей Корнеевич, кажется, на нас обиделся, — тихо сказала Женя.

— А вас это трогает?

Женя не ответила, с чувством утраты глядя на осиротевшее купе.

Поезд остановился. Самоцветова не спеша вышла из вагона, прочла название станции: «Белогорск». Садилось солнце. Было свежо. По перрону торопливо двигались люди. Гудели паровозы.

«Восьмой вагон». Женя неторопливо направилась к хвосту поезда, но едва подошла туда, как вагон отделился от состава и стал медленно удаляться. Маленький грязный паровоз потащил его за нескончаемую ленту платформ с углем.

Женя долго следила за ним.

— Вам не холодно? — за ее спиной стоял Ксендзицкий.

— Что? — Женя оглянулась.

— Температура здесь совсем не южная.

Она молчала.

— Может быть, все-таки принести пальто?

— Да, холодно. Я пойду в вагон.

Поезд тронулся...

Заречный и Горчаков прохаживались по перрону: до отхода поезда к Благовещенску оставалось сорок минут.

Георгий Иванович заинтересовался:

— А здесь есть река?

— В Белогорске? Речушка. Тепленькая, грязненькая. По торфяникам течет. Томь. Вот через три часа увидишь реку — это река!

Отвечая Заречному, Горчаков мысленно уже находился на своем пароходе, среди помощников и матросов. На вокзале он успел разузнать про обстановку на Верхнем Амуре. Вот-вот откроется навигация. Баржи стоят под погрузкой.

Порой Горчаков вспоминал о семье. Была минута, когда он хотел протелеграфировать домой о своем возвращении с курорта. Но передумал. Нет, пусть Зинаида не воображает, что он станет гоняться за ней. Девчонка! Нахватала наград, в начальство вышла и зазналась. Муж полгода на борту, а жена им командует: «Взять баржу! Доложить о причине остановки! Товарищ Горчаков, с вами говорит не жена, а диспетчер управления пароходства!»

И это по селектору! Вся линия на тысячу километров слушает! «Девчонка! Схожу к Татьяне в детский сад, а домой не пойду. Пусть кусает локти!»

Что же произошло в семье Горчакова? Как дошли до разрыва они — отец и мать семилетней дочери? Ведь первое время после женитьбы Андрей так гордился, так дорожил Зинаидой! Месяц своего отпуска после окончания училища она провела на борту «Донбасса» вместе с мужем, познакомилась с родными Андрея, успела подружиться с его сестрой Светланой. Правда, вскоре Строева получила назначение на другой пароход и рассталась с мужем до самой осени. А когда закрылась навигация, как горяча была встреча, как хорошо они прожили до самой весны! Это был поистине медовый год! Даже нежелание Зинаиды переменить девичью фамилию, что вначале обидело Андрея, быстро забылось и не оставило никакого следа.

Но вот наступила весна 1943 года, и молодой капитан начал замечать, что Зинаида стала задумчивой, грустной.

— Что с тобой, Зина? Ты какая-то невеселая, — как-то спросил он.

— А с чего веселиться, Андрей? Вот мы с тобой живем в свое удовольствие, а сколько людей каждый день мерзнет, голодает, погибает. От брата вот уже четвертый месяц — ни слова...

— Война, — ответил Андрей, полагая, что одно это слово может объяснить все.

— А у нас уже второй пароход поставили в холодный резерв, — продолжала Зина.

— Сама знаешь: плавать некому. Вон сколько нашего брата, речников, на фронт ушло.

И тут Зина, внезапно оживляясь, заговорила взволнованно:

— Андрюша, а если я предложу организовать экипаж из девушек? — Она смотрела так, словно хотела своими умными серыми глазами заглянуть в его душу.

Включая практику, Зинаида проплавала уже четыре навигации, а в минувшее лето ходила вторым помощником.

— Ерунду городишь. Где ты видела бабский экипаж? Лучше напиши, чтобы тебя перевели на мой пароход. Мне неловко просить об этом, а ты — женщина, тебе простительно.

Она ничего ему не ответила.

В пароходстве идея Строевой понравилась. Отдел кадров решил поручить ей скомплектовать женский экипаж и вызвал в управление. Вскоре она поездом поехала в Хабаровск. Горчаков проводить жену не пришел. Это сильно обидело ее.

До женитьбы Горчаков, как, вероятно, и многие в его возрасте, не задумывался над характером Зинаиды; она была красива, нравилась ему, и этого казалось достаточно. Он и не предполагал, что у ласковой Зинаиды окажется столько независимости. То отказалась изменить девичью фамилию, а теперь пошла наперекор предложению мужа, «выпряглась» совсем.

Всю навигацию Строева плавала на Нижнем и Среднем Амуре. Горчаков ходил по его притокам — Зее и Селемдже.

Обиженная Зинаида не писала мужу. Из упрямства тот молчал тоже.

Имя Строевой частенько мелькало в бассейновой газете «Амурский водник», а однажды ее экипажу была посвящена целая страница, в центре которой Горчаков увидел портрет жены с подписью: «Капитан парохода «Колыма» Зинаида Сергеевна Строева».

«Капитан Строева... Девчонка!..» — фыркнул Горчаков.

В конце августа капитан парохода «Адмирал Ушаков» должен был уехать на учебу в институт. Комсомольская организация рекомендовала назначить на вакантное место Горчакова. Андрей Корнеевич числился на хорошем счету, реку знал превосходно, доверить пассажирское судно ему можно.

— Правильно, — согласился начальник пароходства. — Это к тому же позволит молодоженам хоть изредка встречаться. А то ведь нехорошо получилось: развели мы их...

Первая встреча «Колымы» с «Адмиралом», которой так нетерпеливо ждала Строева, произошла в полдень ниже Хабаровска.

Капитаны стояли на мостиках с биноклями. Вахтенные с помощью белых флагов договорились, какими бортами будут расходиться суда. Пробасили приветственные гудки, и пароходы поравнялись.

На «Колыме» — ни одного мужчины. Матросы с «Адмирала» шутили, что было бы неплохо взять на абордаж этот милый пароходик... Девушки со встречного судна махали руками. Помощники Строевой и Горчакова поти-

хоньку наблюдали за своими капитанами. Первым опустил бинокль и отвернулся Горчаков: ему казалось неудобным так долго рассматривать жену. Строева продолжала смотреть. Но нет, даже рукой не помахал Зинаиде муж. А ведь мог бы, нарушив правила, пришвартоваться к «Колыме» или выехать к ней на шлюпке. Проводив взглядом «Адмирала», красная от обиды и стыда, Строева опустилась с мостика и, рыдая, бросилась на койку.

— Эх, Андрей, Андрей!

По окончании навигации Горчакову и Строевой дали в Хабаровске комнату в доме командного состава. Примирение состоялось, но формально.

Андрей не мог простить Зинаиде ее поступка. «Разве так должна поступать жена?! Что за жизнь — полгода вместе, полгода врозь? И в следующую навигацию — то же самое...» Пытался уговорить, чтобы она выбросила «блажь» из головы, но Зинаида не соглашалась.

— Значит, потушить топки и пусть судно стоит? Нет, Андрей! Вот победим фашистов, будет у нас малыш — тогда другое дело. — Она подходила к мужу, гладила его вьющиеся упрямые волосы. — Хорошо, Андрюша? Не надо сердиться. Ты у меня умный, добрый, правда?

Правда-то правда, но Андрей чувствовал себя обворованным.

Так прожили еще год, а в 1945-м «Колыму» передали военным морякам и переоборудовали под госпиталь. И хотя тут уж и Зинаида ничего не могла сделать, если бы даже захотела, Горчаков негодовал:

— Добилась своего? К офицерам идешь!

— Как тебе не стыдно, Андрей! Зачем ты меня оскорбляешь?

Строева ходила по Сунгари в Маньчжурию. За этот трудный и опасный поход ее наградили орденом Красной Звезды.

Наконец война окончилась. Горчаков облегченно вздохнул. Теперь он втайне гордился женой. Единственная на Амуре женщина-капитан, да еще орденоносец! Она имела такое же речное звание, как и муж: капитан третьего класса. Крупная звездочка на погонах с двумя просветами, дубовые листья на козырьке фуражки. Форма очень шла Строевой.

Жизнь в семье Горчакова налаживалась. Весной Зинаида ждала ребенка. Супруги съездили в Дом отдыха,

потом Строева ушла в отпуск. В эти дни был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении речников Амура за работу в годы Отечественной войны. Андрей не поверил своим глазам, когда прочел, что Зинаида награждена орденом Ленина. Сам он получил медаль «За трудовую доблесть». Глухой неотвязной болью заныло его мужское самолюбие.

Весной у Зинаиды родилась дочь. Однако, когда окончился декретный отпуск, Строева не захотела увольняться. Она перешла в управление на должность сменного диспетчера пароходства. Горчаков рассвирепел, категорически потребовал, чтобы Зинаида оставила работу и плавала с ним.

— Но пойми, Андрей, я не могу без работы.

— А ты пробовала?

Кончилось тем, что Андрей Корнеевич ушел в свой первый рейс, не простившись с женой и дочерью. В семейных отношениях наметилась трещина. Но Зинаида не позволила ей добраться до фундамента.

— Ты посуди, Андрюша, — успокаивала она мужа. — Раньше мы не виделись по полгода, а теперь можем встречаться каждую неделю. Разве это плохо?

Он хмурился, молчал.

— Вот подрастет Танюшка, и все изменится. Тогда и будем все время вместе.

Зинаида говорила искренне, хотя и не знала, как они смогут всегда находиться вместе. Ведь не идти же ей, опытному капитану, на судно мужа в качестве помощника! А быть домашней хозяйкой она не собиралась.

И Горчаков снова ждал. Так они прожили до весны 1953 года. К этому времени Строева была уже старшим диспетчером пароходства. У нее появилась мысль осуществить вождение барж методом толкания не только против течения, но и вниз, в направлении главного потока грузов на Амуре. Еще зимой Строева стала читать специальную литературу, делала расчеты. Сказала она о своем намерении и на партийном собрании. Коммунисты поддержали ее, хотя было немало и таких, кто считал эту затею неосуществимой. В их числе находился и заместитель начальника пароходства по эксплуатации флота Белокрылов. Однако Зинаида не отступилась.

О том, как вывести пароходство из прорыва, думал и Горчаков. Планов было немало. Капитан мечтал подо-

брать толковых, смелых, знающих реку помощников, чтоб ни днем, ни ночью не боялись уходить на тиховоды, в протоки, чтоб горели на работе! «Эх, вместе бы нам с Зинкой! Эта может. С ней бы мы показали класс!..»

— Но я, Андрей, к сожалению, не смогу в эту навигацию плавать с тобой, — ответила она, когда он высказал эту мысль.

— Опять? — он повысил голос.

Она рассказала о намерении подготовить и провести опытный рейс методом толкания вниз по Амуру.

— Ерунда! Ничего из этой затеи не выйдет. Не та река. И не за свое дело берешься. Пусть управленцы возятся с разными выдумками. На то они и академии кончали. Или боишься ручки замарать? Не хочешь расставаться со своими управленцами? До каких пор ты будешь отделываться отговорками?! Война, дочь, теперь новая выдумка?

Он ходил по комнате, размахивал руками, бросая на жену гневные взгляды.

— Подумай о том, что я тебе сказал, Зинаида. А если... Если... Сама знаешь, что!

Гулко хлопнув дверью, он ушел из дому.

Строева устало уронила голову на грудь. Душа ее наполнилась тоской и тревогой. Неужели верны эти сплетни? Еще в прошлую навигацию до нее доходили нехорошие слухи про мужа. На пассажирском пароходе «Адмирал Ушаков», которым он командовал, официанткой плавала молодая женщина. Поговаривали, что ей приглянулся капитан и она, по выражению экипажа, «взяла над ним шефство». Слухи об этом доходили и до управления. Строева не верила им. Однако, глядя на график движения судов, на красную линию следования «Адмирала Ушакова», Зинаида все чаще и чаще переставала видеть плесы. перекаты, пристани... «Говорят, ее зовут Жанной...»

Однажды у Горчакова произошел крупный разговор с начальником политотдела. Волков заговорил с Андреем Корнеевичем о семье. Капитан вспылил, наговорил Волкову дерзостей.

Едва отошел начальник политотдела, как возле Горчакова оказался Тихий-Тищенко.

— ОВ? — спросил он, сияя, словно получил премию.

Андрей Корнеевич знал, что ОВ — «очередная выволочка».

— А что еще можно ждать от начальника политотдела!

— Да, — вздохнул Аркадий Борисович. — За нами все видят. А сами каковы? Если водки не пьют, так другое... Тот же Добрынин...

— А он что? — возбужденно перебил Горчаков.

— Не знаю. Только когда ни зайди к нему — днем ли, вечером после собрания, а Зинаида Сергеевна там. Ты, брат, присматривай за ней. Генерал-то холостяк! Ну, я пошел. Держись, капитан!

«Вот оно что... Теперь понятно, почему вцепилась в управление. Буксиром тебя не оттащишь оттуда! Диспетчерская работа увлекла... Вот она и всплыла, твоя работа».

Обедали молча. А когда Таня пошла на улицу играть, Андрей, не поднимая головы, заявил:

— Ну, вот что, Зинаида. Если не хочешь плавать со мной, завтра же увольняйся. Жить будем в Благовещенске. Там и проведешь свой опытный рейс, — ядовито закончил он.

Зинаида поняла: трещина подобралась к фундаменту, вот-вот здание рухнет; но слишком много наболело у нее на душе.

— Нет, Андрей, — голос ее дрогнул. — Больше я так не могу. Давай решим, как разойтись, — сказала Зинаида, еще надеясь образумить его.

Кровь бросилась в лицо Горчакову. «Ясно. Путается с начальником! Не зря все эти повышения, портреты, ордена!»

— Потаскуха! — вскакивая из-за стола, бросил он ей страшное оскорбление и, потрясая сжатыми кулаками, рванулся в прихожую, на ходу хватая шинель и фуражку.

— Что? — слабо простонала Зинаида, непроизвольно поднимая руку к груди. Но ее стон тут же угас в грохоте двери и в звоне вылетевшего из замочной скважины ключа.

Это случилось в конце марта, перед вылетом Горчакова на курорт, откуда он сейчас возвращался.

...В Благовещенске взяли такси. Горчаков сел в машину и коротко сказал шоферу:

— На пристань! Не знаешь, где «Адмирал Ушаков» стоит?

— «Адмирал»? — переспросил водитель. — Так он сегодня утром ушел.

— Как ушел? — Горчаков едва не вскочил с сиденья.

— Ушел. Всем городом с оркестром провожали.

— Стой! — скомандовал ошарашенный капитан.

Такси свернуло к обочине и остановилось.

— В БРУ!

Но в Благовещенском районном управлении пароходства света в окнах уже не было. Поехали на пристань. Оставив Заречного в машине, капитан почти вбежал в крошечный кабинет начальника. Несмотря на поздний час, Ефим Петрович Одинец сидел за своим письменным столом. Горчаков с помутневшими от гнева глазами требовательно спросил:

— Где мой пароход?

Андрей Корнеевич не заметил сидящего в стороне сухощавого человека в форме речника. Но Белокрылов счел нужным обратить на себя внимание:

— Здравствуйте, товарищ капитан!

Горчаков оглянулся.

— Извините, Юрий Николаевич. Разволновался. Не заметил.

— Капитанам, Андрей Корнеевич, волноваться не полагается. Сегодня вы меня не заметили, завтра не увидите бакен и разобьете судно.

— Никак нет, товарищ заместитель начальника пароходства!

Не поднимаясь со стула, Белокрылов смотрел на него усталыми глазами. На небритом лице Юрия Николаевича торчали седые волоски.

— Садитесь, Андрей Корнеевич, — нарушил неловкое молчание начальник пристани.

— Да. Добрынин распорядился перевести вас на буксирное судно, — сказал Белокрылов.

— Почему?

— Пути и помыслы господни неисповедимы...

— Не унывайте, Андрей Корнеевич. Ведь вы имеете опыт вождения караванов, — вмешался в разговор Одинец.

— А кто тебе сказал, что я унываю?

Одинец улыбнулся. Это был двадцатипятилетний крепыш с умными светлыми глазами. Китель был ему явно тесноват. Горчаков знал Ефима Петровича года два. Окончив в Ленинграде речное училище, Одинец получил назначение на Амур, работал заместителем начальника пристани. Но за этим столом Андрей Корнеевич видел его впервые.

— Куда назначили? — спросил капитан.

— Тоже на «Адмирала».

— На «Невельского»?

— Семьсот пятьдесят сил. Пароход в Благовещенске. Послезавтра в рейс.

— Ну, я пойду: намотался за день. — Юрий Николаевич простился и вышел.

— Команда на «Невельском», Андрей Корнеевич, почти полностью укомплектована, баржи стоят под погрузкой. Рейс — в Николаевск.

«Черт с ним, — думал капитан, — на буксире еще больше наработаю. Там и процент премиальных выше. Я им покажу. кто такой Горчаков!»

— Сколько барж даешь?

— Готовлю четыре.

— Смеешься, Одинец? Да я до войны по шесть водил. И больше бы взял — не дают.

— Водил? — переспросил Ефим Петрович.

Горчаков ничего не ответил, только слегка прищурил глаза.

— Ладно. На свой риск дам пять. Учти, вниз пойдешь, на больших скоростях, не запаши где-нибудь в берег.

Одинец и сам не заметил, как перешел с Горчаковым на «ты».

— Ну, ты меня не учи, как жить на свете. Молод еще!

Ефим Петрович опять улыбнулся.

— Чего улыбаешься? Рад, что в начальство вышел?

— Какого дьявола ты злишься? Моя бы власть — десять барж тебе доверил!

— Ну, ладно. Не знаешь, почему перевели с «Ушакова»?

Но откуда мог знать об этом начальник пристани? Причина перемещения была известна только Добрынину и Строевой. Перед открытием навигации, после долгих колебаний, она решила обратиться к генералу.

— На «Ушакове», — откровенно сказала Зинаида Сергеевна, — есть официантка... Крохалева Жанна. Говорят... Помогите, Алексей Иванович. Ведь дочь у нас! — она была готова заплакать.

Добрынин усадил диспетчера в кресло.

— Конечно, — смущаясь, продолжала она, — проще перевести официантку, но... все-таки лучше, если бы, как прежде, Андрей ходил на буксировщике, где... — Зинаида

Сергеевна опустила глаза, не закончив фразы. Но Добрынин понял, что она хотела сказать: «Где нет женщин...»

Горчаков опаздывал. Начальник пароходства понимал, что опоздание — это еще недостаточный повод для перемещения: первый рейс мог провести и старший помощник. Но Добрынину хотелось выполнить просьбу Строевой, и вскоре появился приказ.

— А Белокрылов что тут делает? — спросил Горчаков у Одинца.

— Ходит по причалам, подписывает сведения, которые пристань посылает сама. Только мешает.

— Ну, это ты зря. Обижаешь старика. Он, наверное, уже лет двадцать на Амуре работает. Помню, я еще матросом ходил.

Одинец вышел из-за стола, стал прохаживаться по кабинету.

— Разве я его ругаю? Нет. А все же денег пароходство много тратит напрасно. Скажи, пожалуйста, зачем у нас БРУ? — Одинец расстегнул верхнюю пуговицу кителя. — Передавать указания пароходства по пристаням Верхнего Амура? Полмиллиона, не меньше, на ветер выбрасываем!

— Поднимал вопрос?

— Усмехаются: опять постановочный вопрос? Вам бы, говорят, Одинец, в министерстве работать...

— Да, — неопределенно отозвался Горчаков. — Ну, я пошел. Там у меня хлопец сидит в такси.

«Невельской» стоял далеко от пристани, и Горчаков приказал ехать в гостиницу «Амур».

Получить комнату не составило труда.

— Амур, — произнес Горчаков, подходя к окну номера. За широкой полосой воды мерцало бесчисленное множество огней.

— Китай? — спросил Заречный.

Андрей Корнеевич утвердительно кивнул головой.

Приняв ванну, они спустились вниз, в ресторан. В зале, освещенном лампами дневного света, играл небольшой оркестр, гудел вентилятор, высасывая из помещения табачный дым. Вдоль стен было несколько полузакрытых кабин. Горчаков и Заречный заняли одну из них.

Подошла официантка, подала карточку:

— Пиво будете пить?

— Я? Нет, — ответил Георгий Иванович.

— Пиво — не спиртное, — пояснил Горчаков.

— Все равно. Бутылку лимонада, будьте добры!

— Пожалуйста. — Официантка с интересом взглянула на молодого речника с синими глазами.

— Так. А мне водочки граммов двести, бутылку пива, селедочку, шницель пожирнее, — распорядился Андрей Корнеевич.

Заречный поднял голову. Молоденькая девушка с белой наколкой на черных, как южная ночь, волосах, слегка опустив густые ресницы, записывала заказ. Тонкий, вздернутый носик, полные губы, чуть удлиненный овал лица.

— А вы что будете заказывать? — спросила она лейтенанта.

— Я? Все равно. Что-нибудь.

— Хорошо, выберу вам сама.

Горчаков с недоумением смотрел на лейтенанта.

— Ты что — нездоров?

— Устал за дорогу. Это верно, что ваш пароход уже ушел?

— Перевели на буксир, — хмуро отозвался капитан.

— Как будем добираться до Хабаровска?

— Пойдем с возом на «Невельском». Послезавтра, — добавил он и замолчал. «Хорошо, что хоть Женя не поехала с нами: совсем бы осрамился», — думал Горчаков. В этот момент в кабину влетела быстроглазая рыжеволосая женщина в голубой гарусной шапочке на затылке.

— Андрей Корнеевич? С приездом!

— Здравствуй, Жанна. Ты почему на берегу?

Вошла официантка с лимонадом и пивом.

— Катюша, милая! И мне что-нибудь принеси.

Заречный взглянул на Катюшу, и глаза их встретились.

— Андрей Корнеевич... — начала Жанна, но капитан перебил ее:

— Познакомься с новым дальневосточником.

— Крохалева! — она протянула лейтенанту крупную мужскую руку.

На Жанне была оранжевая крепдешиновая блузка с большими желтыми пуговицами-украшениями на рукавах и плечах, меховые ботинки с опушкой, зеленая юбка, на которой вспыхивали, словно автомобильные стоп-огни, бордово-красные стекляшки.

— Этот рябой пес, Андрей Корнеевич, начал придираться ко мне, приставать... Мы поругались, и я в рейс не пошла.

Жанна говорила про нового капитана, но причина ее ухода с судна была другая. За полчаса до отхода «Ушакова» из Благовещенска капитану стало известно, что официантка рассовала по судну десять мешков картофеля, бочку соленой капусты, два ящика яиц. Он вызвал Крохалеву и предложил сдать груз в багаж. Как ни дешевы перевозки по воде, но за тонну, отправляемую большой скоростью, платить нужно порядочно. Такой расход совершенно не входил в расчеты Жанны, да у нее и денег не осталось, она все их вложила в товар, предназначенный для продажи в Николаевске-на-Амуре...

— Товарищ капитан! — со слезами увещевала его официантка. — Сестре везу, муж полгода в больнице, дети малые...

Но капитан отлично знал Жанну и был неумолим. Груз с парохода сняли. Крохалева в рейс не пошла.

Про это Жанна, разумеется, умолчала. Она подняла стопку за возвращение с курорта замечательного капитана Горчакова; после второй стопки сообщила, что на «Невельском» нет повара, а после третьей — уже сам Андрей Корнеевич воскликнул:

— Молодец, Жанка! Беру тебя в свою команду!

Крохалева поблагодарила капитана за доброе сердце и заторопилась.

— Утром явись на борт «Невельского!» — приказал ей Горчаков. — Послезавтра — в рейс.

— Катя, можно вас — рассчитаться? — окликнул Георгий Иванович официантку.

Улыбаясь, она защелкала косточками маленьких счетов.

Речники расплатились, поблагодарили официантку и встали.

— До свидания. Заходите, — сказала девушка, глядя на Заречного.

В дверях Андрей Корнеевич едва не столкнулся с ярко одетой особой, о которой в городе ходила недобрая слава. Модницу сопровождали двое мужчин. В одном из них Горчаков узнал начальника бассейна Тихого-Тищенко. Путеец прищурил глаза и довольно громко сказал:

— Поздравляю с повышением...

Горчакова бросило в жар.

ГЛАВА 6

Транссибирский экспресс приближался к Амуру. До Хабаровска осталось не более получаса. Афанасий Прохорович отложил в сторону книгу и отправился в тамбур.

Был вечер. Поезд пересек громадный мост через могучую реку, с минуту задержался на станции Амур, миновал пригород... Но все это Вяткин едва замечал. Он уже весь погрузился в мысли о работе заводов и транспорта, о посевных площадях и строительстве жилых домов, о нужных ему людях, вспомнил о нерешенных вопросах. Отпуск секретаря крайкома кончился.

Состав остановился. Шел мелкий снег. На перроне вокзала блестели лужи. Над платформами привычно гремел станционный динамик:

— Граждане пассажиры! Выход в город через восточную калитку вокзала. При вокзале имеется...

Ксендзицкий и Самоцветова вышли из поезда последними.

В гостинице «Дальний Восток» свободных номеров не было. Только кровати в общих комнатах. Инженер вернулся в такси. Но и в других гостиницах свободных номеров не оказалось. Женя возвратилась в «Дальний Восток», а Дмитрий Дмитриевич поехал снова на вокзал, хотя и не знал, зачем.

Ночь на вокзале оказалась сплошной пыткой: пришлось стоять в очереди у камеры хранения, в четыре утра Ксендзицкого попросили заканчивать ужин, так как ресторан закрывался на уборку, а в зале ожидания не успел он заснуть, как был разбужен милиционером:

— Гражданин, здесь спать нельзя.

Злой, утомленный, инженер с трудом дождался утра. Но было еще слишком рано. Чтобы скоротать время, он решил идти в город пешком.

По-прежнему валил мокрый снег, его рыхлые хлопья облепили зеленые почки тополей, белыми шатрами накрыли цветущие груши. Брезгливо оглядев небольшой скверик и привокзальные строения, москвич пересек огромную площадь и растворился среди немногочисленных прохожих. Он шел довольно долго, изредка стряхивая с плеч мокрый снег. Просторная улица, по которой шел Ксендзицкий, окончилась площадью; от нее спускалась к реке широкая бетонная лестница. Инженер посмотрел по сторо-

нам: и справа, и слева раскинулся нескончаемый город. Ксендзицкий долго смотрел на Амур, но видел не его, а дачные места Подмосковья, ипподром, свою «Победу», знакомых девиц. Любыми средствами, максимум через год, он должен вернуться в родное лоно!

...Самоцветова, наоборот, чувствовала себя почти счастливой. Утром, когда Женя проснулась, в номере уже никого не было. Вставать не хотелось: так приятно знать, что впереди тебя ждет интересная работа, знакомство с новым краем, с людьми. И тут ей вспомнился Горчаков. «Как с ним легко! Обиделся. Даже руки не протянул. Напрасно побоялась. Надо было поехать. А как же Михаил?»

С майором Кураевым она познакомилась в Ростове. Они встречались почти год. Его перевели куда-то в другую часть как раз накануне смерти матери. Он даже не успел прислать ей первой весточки с нового места службы. Где-то он сейчас, ее сероглазый Михаил? Может быть, соседи перешлют ей письмо майора, если она сообщит свой новый адрес? Как-то сложится еще ее судьба? Надо сходить в краевое управление культуры, определиться. А потом она сядет за письмо. Михаил не забудет ее, они встретятся.

Женя заметила, что на оконном стекле оседают снежинки. Легко, как девчонка, она вскочила с постели, босиком, в одной рубашке взобралась на подоконник и протянула руку в форточку.

Белые пушинки таяли на ее ладони, а она, поеживаясь от холодного воздуха, смеялась, счастливая, как в детстве. В Ростове сейчас лето, а здесь можно играть в снежки. «Вот ты какой, Дальний Восток!»

За окном простирался город с мокрыми, словно запл[illegible]канными крышами. А прямо в стекло стучалась зелен[illegible]и почками ветка тополя, припушенная снегом.

— Ой! — вдруг вскрикнула Женя и прижалась к косяку оконной рамы: в дверь кто-то постучал и тут же открыл ее.

— Вы что это, девушка, на окошко забрались? — спросила пожилая женщина с ведром и веником.

— Ой, как я напугалась! Простите. На город смотрела.

— Так шли бы на улицу... Можно уборку делать?

— Конечно. — Женя соскочила с подоконника и начала торопливо одеваться.

На улице она зажмурилась от блеска. Сколько света! Снег уже не шел, светило солнце; серые облака стремительно освобождали небо.

Пораженная такой внезапной переменой, Женя улыбалась. Умытая снегом улица казалась праздничной. Деревья, огороженные газоны, асфальт, автобусы, нескончаемый поток пешеходов — все это напоминало Жене Ростов.

Вскоре она оказалась на площади двух парков. Прямо против нее возвышались четыре могучие колонны, попарно связанные арками. В нишах — уютные скамьи. Женя подошла к ним и, как зачарованная, остановилась. Перед ней распростерся Амур. «Какая ширь!»

А в это время в каких-нибудь двадцати метрах от Самоцветовой, в управлении Амурского пароходства, Дмитрий Дмитриевич представлялся секретарю Добрынина:

— Инженер Ксендзицкий из Москвы!

— Вы к начальнику?

— Да.

— Он на рейде. Вам придется подождать.

Минут через десять москвич спросил:

— Скажите, а где помещается рейд? Я схожу туда сам.

Молодая женщина в зеленоватых речных погонах подавила улыбку.

— Рейд на Амуре. Начальник выехал на катере.

— Так может быть он не вернется до вечера?

— Вернется. В одиннадцать — диспетчерское совещание. — И она склонилась над газетой.

Ксендзицкий красиво выбросил согнутую в локте левую руку, взглянул на часы, закурил. Его клонило ко сну.

Алексей Иванович Добрынин поднялся в шесть часов утра и на быстроходном катере «77», или, как его называли речники, «Две семерки», — объезжал участки Хабаровского порта.

С первых дней навигации порт не справлялся с работой, ломал графики движения караванов. Начальник порта Бесхмельный ссылался на малую воду, недостаток мелкотоннажного флота, нехватку грузчиков. Организацию работы в портах и на пристанях начальник пароходства знал превосходно. Знал и то, что нередко встречаются люди, способные любое [redacted]топить в пучине объективных причин; все свои [redacted]всю леность мысли они спишут

за счет не зависящих от них обстоятельств. А такие обстоятельства, конечно, всегда найдутся в любом деле...

Добрынин нервничал, торопил, начал лично вмешиваться в диспетчерские планы.

Пытаясь упорядочить движение флота, Зинаида Сергеевна буквально сбилась с ног. Архип Севастьянович в больнице, Белокрылов — на Верхнем Амуре. Так старший диспетчер Строева фактически оказалась заместителем начальника пароходства. На ее столе то и дело настойчиво звонил телефон, соединенный прямым проводом с Добрыниным.

Бесхмельный на каждом диспетчерском совещании давал слово выправить положение, но эти его обещания не меняли дела. Все оставалось по-прежнему. Дни были очень напряженными, а тут еще в бассейновой газете «Амурский водник» появился фельетон, наделавший много шума.

В фельетоне критиковалась деятельность порта в минувшем году. Себестоимость работ оказалась значительно выше плановой. Транзитный флот всю навигацию задерживался, уходил с недогрузом. Огромные штрафы уплачивались железной дороге за простой вагонов. Переломилась в пути баржа из-за неправильной загрузки. Обнаружен подлог документов — попытка скрыть порчу четырех вагонов рыбы... Порт принес государству большие убытки.

В этом же номере газеты была помещена подборка материалов о негодной работе Хабаровского порта в первые же дни новой навигации. По сути дела, ставился вопрос об отстранении Бесхмельного от должности.

Получив экземпляр бассейновой газеты, Архип Севастьянович Волков едва дождался утреннего обхода.

— Читали? — возбужденно спросил он пожилую женщину-врача, потрясая газетой.

— Сядьте, больной. Как спали?

— Я больше не больной! — Старый капитан с пренебрежением потряс полой пижамы. — Если вы не хотите, чтобы я вот в этих полосатых штанах отправился по городу, распорядитесь немедленно меня выписать!

Врач внимательно всматривалась в своего больного.

— Что с вами, Архип Севастьянович? Вас взволновала газета? — она взглянула на температурный листок.

— Благодарю вас, доктор, за лечение. Теперь я совершенно здоров и через десять минут ухожу.

Врач взяла газету, бегло [redacted] подчеркнутые

карандашом места и поняла: Волкова в больнице больше не удержать. Она спокойно сказала сестре:

— Аня, выпишите Волкова.

Прямо из больницы старый капитан отправился в редакцию «Амурского водника».

— Здорово, молодцы! А где ваша голова?

— Вызвали в крайком!

— Ага! А я, хлопцы, прямо из больницы. Раз открылась война — то уж мне тут находиться необходимо. Молодцы, ребята! — и старик помчался в управление пароходства.

В это же время начальник порта — грузный мужчина в форме речника — подходил к кабинету Окуня. Он тихонько постучал, чуть-чуть приоткрыл дверь, просунул голову, спросил:

— Разрешите?

Заведующий транспортным отделом взглянул поверх очков и тут же поднялся навстречу Бесхмельному.

— Заходи, заходи. Я сам только что хотел тебе позвонить, — он протянул руку и довел посетителя до кресла. — Обидели? Подсидели? Знаю, знаю.

Начальник порта вытирал вспотевшее лицо и молчал.

— Успокойся, все уладим. Тут недоработал начальник политотдела. Передоверил печать второстепенным людям. Я займусь этим делом.

— Так кого угодно ошельмовать можно, — понурив голову, говорил начальник порта.

— Шельмовать никого не позволим! Ударили человека обухом по голове и думают сделали доброе дело? Разве так надо воспитывать руководящие кадры! Когда слушала порт балансовая комиссия?

— В марте.

— Ну вот, а сейчас май. Собрали все, что могли. Это критика на уничтожение. Иди, спокойно работай, я во всем разберусь.

Связаться с начальником политотдела Окунь сумел лишь во второй половине дня.

— Ты газетой своей не перестал заниматься? — спросил он. — Фельетон читал?

— Разумеется, — ответил Константин Архипович. — Фельетон в своей основе правильный.

— Не ожидал от тебя, товарищ Волков, такой недальновидности. Разберись, разберись с этим делом! — и Окунь положил трубку.

Прочитав фельетон, Добрынин послал телеграмму Белокрылову: пора возвращаться. Одному Архипу Севастьяновичу Волкову трудно управлять флотом, и тем более при низких горизонтах воды. Правда, ему помогает Строева, но все же оба они — не инженеры.

Очень недоволен был Алексей Иванович своим заместителем по кадрам. Не обеспечил найма матросов, кочегаров, шкиперов. Разводит руками, все согласовывает, советуется, а на флоте работать некому.

Сегодня Добрынин больше часа провел на «Ветке», заглянул на городской участок порта, проскочил вверх по реке к ближнему причалу. В управление добрался без трех минут одиннадцать.

В приемной уже сидели участники диспетчерского совещания — оно проводилось ежедневно в один и тот же час. Алексей Иванович на ходу поздоровался и пригласил собравшихся в кабинет.

— Позвольте! — возмутился Ксендзицкий, оставшись в приемной с секретарем. — Я, что же, должен еще сидеть?

— Вы видите: от меня ничего не зависит.

— Это безобразие. Я потерял здесь полтора часа!

— Может быть, вам пройти к главному инженеру? Он — заместитель начальника.

— Сколько продлится совещание?

— Часа полтора — два.

Инженер молча вышел из приемной.

На диспетчерском совещании Добрынин спокойно выслушал начальника службы движения Архипа Севастьяновича Волкова, который доложил о дислокации флота в бассейне, рассказал, какие пароходы и когда будут отправлены, посетовал по поводу срыва графика отправления каравана из Хабаровска: в порту по-прежнему задерживается погрузка барж.

— Начальник порта! — произнес Добрынин, когда Волков сложил бумаги и сел.

Из-за длинного стола, покрытого красным сукном, поднялся начальник порта.

— За истекшие сутки порт обработал...

Слушая, Алексей Иванович делал на листе бумаги пометки.

— Баржу 202-ю закончим грузить шестнадцатого к десяти утра, — спокойно продолжал Бесхмельный. — Лихтер — к двенадцати часам...

Тут Добрынин не выдержал.

— А сколько часов по норме полагается на его обработку?

— По норме? По норме, конечно, меньше, но вы же знаете положение с грузчиками.

— Что вы предприняли, чтобы изменить это положение?

Портовик молча пожал плечами.

— Сколько на участке «Ветка» числится по списку работников всех категорий? — спросил Добрынин.

— На «Ветке»? На «Ветке» — сто десять человек.

— Не сто десять, а сто тридцать два. Вам следует точно знать такие цифры. Сколько из них механизаторов, грузчиков, крановщиков? — продолжал жестко допрашивать начальник пароходства.

— Грузчиков пятьдесят пять, механизаторов двадцать, крановщиков одиннадцать.

— А таксировщиков, приемо-сдатчиков, операторов, табельщиков, подсобных рабочих, администраторов? Вы знаете, что у вас их тридцать человек! Тридцать — на пятьдесят грузчиков! Целая бригада! Ведь такое количество обслуживающего персонала рассчитано на круглосуточную интенсивную работу. А что у вас? В каждую смену работает одна бригада из семнадцати — четырнадцати человек. Крановщики и механизаторы почти не заняты. Что вы предприняли для ритмичной работы порта?

Начальник порта счел за благо промолчать.

— У вас шестьдесят человек работают, тридцать их обслуживают, а остальные томятся без дела! Сколько вагонов разгружено ночью? Какие краны работали?

— Ночью не разгружали.

— Сколько железнодорожных вагонов скопилось на «Ветке»?

— Восемьдесят шесть.

— Вы даже не знаете, что творится у вас в порту!

Бесхмельный энергично направился к столу генерала со сводкой в руках. На его лице была написана обида.

Добрынин протянул руку за листком и попал в струю острого водочного перегара.

— Так это вчерашняя сводка! Вы когда с «Ветки»?

— На участке я бываю каждое утро.

— И сегодня были?

— Как всегда.

Алексей Иванович снял трубку с черного эбонитового пульта со множеством глазков и рычажков, связался с участком «Ветка».

— Кто это? Добрынин... Не было? Это точно? А когда вы его видели последний раз? Позавчера? Часа в четыре? Ясно!..

Портовик вытирал вспотевшее лицо.

— Могу вам сообщить, товарищ Бесхмельный: на «Ветке» не восемьдесят шесть, а сто четыре вагона, пароход «Свердловск» ночью ушел в рейс с недогрузом. Пароходство не успевает выплачивать железной дороге многотысячные штрафы за простой вагонов.

Участники диспетчерского совещания — их было не менее десяти человек — переглянулись. Зинаида Сергеевна Строева едва заметно покачивала головой. Константин Архипович в душе радовался, что наконец-то Добрынин начал разбираться в «синклите».

— Товарищи! — обратился ко всем генерал, поднимаясь с кресла. — Дальше работать так нельзя! Сегодня утром я объехал все участки порта. Диспетчеры дремлют от безделья, тоннаж простаивает, график движения флота по бассейну превращается в ненужную бумажку. Начальник порта бездельничает, и я вынужден отстранить его от работы!

— Правильно, Алексей Иванович, — одобрительно отозвался Волков-отец.

— Твое мнение, Константин Архипович?

— Поддерживаю, — ответил Волков-младший, хотя и знал, что Добрынин не имеет права уволить начальника порта без согласия министерства.

Добрынин сел, нажал кнопку звонка. Вошла секретарь.

— Пишите! — он указал ей на столик с пишущей машинкой.

— Ну, это мы еще посмотрим! Круто берете, товарищ генерал! — Бесхмельный захлопнул свою папку с бумагами и демонстративно покинул кабинет.

— Приказ сегодня же разослать по всем портам, пристаням и судам, — распорядился Добрынин. — У меня, товарищи, все.

Участники совещания молча расходились; некоторые из

них только сегодня, кажется, поняли, что с новым начальником шутки плохи. Все чувствовали: дело только начинается; приказ Добрынина лишь пролог к главному...

Было без четверти двенадцать. Через десять минут Алексей Иванович отправился в крайком к Вяткину, а через двадцать в приемную вошел Ксендзицкий.

— Товарищ Добрынин поехал в крайком, — сказала секретарь.

— Это что — издевательство?

— Вам не следовало уходить. Алексей Иванович только что был у себя. Вы прибыли к нам на работу?

— Да. Я назначен заместителем начальника коммерческого отдела.

Секретарь сходила к заместителю начальника по кадрам, сказала ему о приехавшем инженере.

Вскоре Ксендзицкий сидел в кабинете заместителя Добрынина.

— Так, — нерешительно произнес заместитель, прочитав командировку инженера. — Значит, так...

— Что так?

— Надо согласовать вопрос с генералом. Тут, знаете, некоторая неувязка вышла.

— Какая неувязка?

— Заместитель начальника коммерческого отдела у нас уже есть. Но это ничего. Бывает. Ревизором назначим.

— Позвольте! — Ксендзицкий поднялся с кресла.

— Приходите к четырем часам, и все утрясем.

— Но мне негде жить. Я устал наконец!

— А это мы сейчас устроим, — заместитель позвонил в гостиницу. — Ну вот, идите прямо в «Дальний Восток» — это через два квартала по улице Карла Маркса. А к четырем все прояснится...

Каково же было негодование Дмитрия Дмитриевича, когда в гостинице, как и накануне, ему предложили место в общем номере! Со скрежетом зубовным заполнял он листок для приезжающих...

В краевом комитете партии Добрынин рассказал Вяткину о положении дел, записал указание секретаря крайкома немедленно отправить для рыбаков Охотского побережья промысловое оборудование и в заключение сказал:

— Сегодня уволил начальника Хабаровского порта.

— Разве это твоя номенклатура? — вскинул голову Вяткин.

— Нет, Афанасий Прохорович, но навигация ждать не может. Прошу поддержать меня.

Алексей Иванович рассказал о причинах, побудивших его издать такой приказ.

— Мне думается, — продолжал Добрынин, — что номенклатурный список вообще следует пересмотреть. Работник не справляется с делом, а освободить нельзя: надо вначале поставить ему на вид, потом объявить выговор, затем — строгий, получить согласие министерства и лишь тогда уволить. А дело страдает. Пока доберешься до четвертой меры наказания, работничек, гляди, миллион рублей убытка сделает. Если дело постоянно страдает от такого работника — надо немедленно заменить. Так или не так?

— Ну, ну, продолжай.

— Вот я и заменил. Назначил молодого, энергичного инженера.

— Партизанишь, Алексей Иванович.

— Считайте, как хотите, но с бездельниками плана не выполнишь.

В управление Добрынин возвращался в самом бодром настроении, хотя секретарь крайкома ничего определенного ему и не сказал об увольнении Бесхмельного.

Как только начальник пароходства вошел в свой кабинет, явился его заместитель по кадрам. Огромный, с бритой головой, он оперся ладонями о край стола и, виновато моргая глазами, сказал:

— Пришел вот согласовать, товарищ генерал. Тут инженер к нам приехал из Москвы, а место занято...

— Странно, — Добрынин читал командировочное удостоверение Ксендзицкого. — Вечно напутают что-нибудь. Придется назначить коммерческим ревизором. А там будет видно. Толковый малый — продвинем дальше. Издайте приказ.

— Есть, — выпрямился зам. — Определил его пока в гостиницу. — И снова его спина изогнулась, а большие пухлые ладони легли на край стола. — Наверное, в общежитие не согласится, комнату потребует.

— Договоритесь на время с судоремонтным заводом.

— Вот я так и думал. У меня все.

Из своего кабинета он позвонил директору завода и сообщил, что генерал приказал поселить инженера из Москвы. Директор распорядился подготовить комнату в доме специалистов.

ГЛАВА 7

Протяжный гудок разбудил Горчакова. Он вскочил с постели и только тогда сообразил, что находится в гостинице.

С Благовещенском прощалось какое-то судно. Капитан поднял штору. «Ереван». Пароход шел вниз по течению, за ним — шесть попарно счаленных барж. Андрей Корнеевич нахмурил брови, покосился на спящего Заречного и начал одеваться. Вскоре быстрые шаги Горчакова гулко разносились по тихим лестницам гостиницы.

Было начало седьмого. Город еще спал. Только дворник около ресторана насаживал метлу на черенок да прохаживался постовой в черной шинели с красными петлицами.

Улицы, Амур, кинотеатр, магазин, кафе — все, решительно все напоминало ему о прошлом, о речном техникуме, о встречах и расставаниях с Зинаидой. Защемило сердце.

У трапа «Невельского» стоял молоденький паренек. Его форменная мичманка лихо держалась на затылке, чуб спадал на лоб.

— Здравия желаю, товарищ капитан 3-го класса! — с военной четкостью приветствовал он Горчакова.

По лицу Андрея Корнеевича скользнула довольная улыбка: было приятно, что на Амуре знают капитана Горчакова.

— Вахтенный?

— Так точно, рулевой Никита Волков! — представляясь, матрос всегда добавлял свое имя, чтобы люди знали: вовсе он не «курносая Анюта», как его окрестили хлопцы.

Горчаков узнал в нем сына Архипа Севастьяновича.

— Старпом здесь?

— Нет. Еще не пришел с квартиры.

— Разоспались. Кто на борту?

— Вахта. Боцман.

— Вызвать!

Никита бегом бросился выполнять приказание.

Насупившись, Горчаков придирчивым взглядом обводил судно.

Вскоре на палубе появился высокий китаец в синем хлопчатобумажном кителе, в таких же брюках и матерчатых туфлях на мягкой подошве. За ним, вытянув шею и заметно шевеля ноздрями, шла овчарка.

Не доходя до нового начальника, китаец почтительно поклонился:

— Здравствуй, капитан!

— Боцман?

— Боцман Лю Чи. Твоя, капитан, шибко рано ходи, — он улыбнулся. — Моя проснулся, смотри — все люди спи. Опять уснул.

Лю Чи немного сутул, слегка скуласт; на вид ему не меньше сорока пяти лет; на висках и в тонких усах заметна седина.

— Уснул, говоришь? Судно в порядке?

— Твоя смотри, — Лю Чи с достоинством склонил голову набок, развел руками. Лицо боцмана выражало крайнее удивление. Впрочем, круто изогнутые брови, видимо, всегда накладывали на его лицо печать удивления.

— Пойдем! — приказал Горчаков. Они начали осмотр парохода. Овчарка не отставала.

На палубе, трапах все было в полном порядке. Горчаков провел рукой по поручням, но и они оказались безукоризненно чистыми. Капитан пошел на камбуз, открыл дверь и остановился.

— Ай-я-ха! — воскликнул Лю Чи, увидев, что дежурный матрос не произвел здесь вечером уборки.

— Ай-я-ха? — глухим басом гневно повторил капитан и уставился на боцмана. Затем шагнул вперед, стал хватать грязную посуду и показывать ее Лю Чи. — Ай-я-ха? Это тоже ай-я-ха?

— Серчай не надо, капитан. Моя все понимай. Ай-я! Гришка работай нету. Нехорошо!

— Ты мне зубы не заговаривай. Кто здесь боцман? Ты или Гришка? Ай-я-ха... — снова повторил Горчаков, схватил с плиты грязную кастрюлю и швырнул ее на цементную палубу. В тот же миг овчарка зарычала, прыгнула и схватила капитана за рукав.

— Диверсант! — испуганно воскликнул Лю Чи.

Собака выпустила рукав, прижала уши к голове и виновато легла к ногам хозяина.

— Ай-я! — совсем расстроился боцман, не зная, что делать. — Кусай есть, нету?

Андрей Корнеевич засучил рукав, следов на теле не было.

— Цуба! Пошел! — закричал Лю Чи на овчарку.

Поджав хвост и виновато озираясь, собака ушла.

На крик прибежали матросы.

— Кто дежурил по камбузу? — спросил капитан.

— Я, — отозвался рябоватый парень.

— Фамилия?

— Умняшкин.

— На месяц лишаю прогрессивки!

— За что, товарищ капитан? Повара нет, обязаны, что ли, сами готовить?

— Прекратить пререкания! Распустили тут вас! Собак развели. Чтоб этого кобеля на борту не было!

— Ай-я, — вздохнул боцман. — Куда дену? Фанзы нет. Моя живи парохода. Собака хорошо, капитан!

Диверсанта любила вся команда. Особенно привязался к нему боцман.

— Ключ от каюты! — приказал Андрей Корнеевич.

Каюта капитана, как обычно, состояла из кабинета и спальни. Осмотрев ее, Горчаков крикнул вахтенного и распорядился, чтобы все члены команды поочередно являлись к нему для знакомства.

— Ты можешь не приходить, — сказал он Никите Волкову, — с тобой мы знакомы. Сколько всего лет плаваешь?

— Три.

— Рулевым?

— Две навигации матросом ходил.

— Комсомолец?

— В этом году буду вступать.

— Комсорг кто?

— Зелик Шнайдер. Практикант речного училища. Вторым штурманом назначен.

— А председатель судкома?

— Судкома? Кажется, радист. Ага, радист, точно!

— Партийная организация есть?

— Нет. У нас все молодые ребята.

— Ясно. Ступай. Зови следующего.

Около девяти часов утра Никита Волков остановил на трапе молодую женщину с зеленым саквояжем:

— Вы куда, гражданка?

— Здравствуй, красавчик. Будем вместе плавать. Поваром к вам на судно назначена. Андрея Корнеевича нет еще?

— Здесь.

— Уже? — всполошилась Крохалева и, считая, что пропуск получен, заспешила на камбуз.

К приходу Жанны Гришка Умняшкин успел растопить плиту, согреть чай, навести на камбузе порядок.

— Гришенька? — с порога воскликнула Жанна. — Какой же ты молодчик! Здравствуй, дружок!

Матрос торопливо вытер руку о полотенце, поздоровался.

— Ну как, видела капитана?

— Все в порядке. Принял! Выпьешь? — она оглянулась.

— Прихватила? Давай. Только быстро! Я уже погорел: на месяц, изверг, прогрессивки лишил.

— За что?

Кочегар коротко рассказал.

— Не печалься. Мы с тобой свою прогрессивку сами сделаем. Сегодня будем получать на команду продукты.

Вскоре с подносом, прикрытым салфеткой, Жанна открыла капитанскую каюту.

— Андрей Корнеевич, завтрак пришел. Доброе утро.

Горчаков удивленно взглянул на Крохалеву, потом улыбнулся первому помощнику, с которым беседовал, развел руками:

— Придется позавтракать. Закончим беседу в другой раз.

Помощник вышел.

— Черт — не баба! — смеялся Горчаков, глядя то на поднос, то на Жанну. — Когда успела?

— Моя обязанность, Андрей Корнеевич, заботиться о капитане.

На подносе стояли сковородка с шипящей в сале колбасой, крабы, холодная курица, яйца, чайный прибор, нарезанная булка, а посередине красовалась прикрытая салфеткой четвертушка коньяку.

— Расход записывай, как на «Ушакове». Третий помощник будет рассчитываться из моей зарплаты.

— Разрешите идти?

Горчаков поудобнее уселся, перелил коньяк в стакан, положил бутылку под стол и поздравил себя:

— С новым назначением, Андрей-воробей! Ничего, мы еще покажем, кто такой Горчаков. За ваше здоровье, капитан!

А в это время в гостинице только что проснувшийся Заречный приник к окошку. Перед ним переливалась золотом широкая река. За ней, на пологих берегах возвышались два массива зеленеющих деревьев. Вероятно, это были парки. Правее начинался город. Это был Хэйхэ.

— Китай!.. — прошептал молодой речник, не в силах оторвать взора от увиденного. Захотелось скорее спуститься к реке, все рассмотреть, понять, почувствовать. — Китай! — снова повторил Заречный, не веря, что это он, Георгий, добрался сюда. На душе было легко, глаза светились радостью. Заречному хотелось петь. Начиналось то, о чем он мечтал. Сколько новых земель, сколько новых стран теперь предстояло увидеть ему...

Только спустя несколько минут он обнаружил, что в комнате нет ни Горчакова, ни его шинели. Заречный торопливо оделся, вышел из гостиницы и тотчас отправился на берег. Он пробовал на вкус амурскую воду, вглядывался в заводские трубы Хэйхэ, улыбался, швырял в реку гальку, шел все дальше и дальше, навстречу течению, увлеченный и просторами реки и своими, такими же просторными, широкими мыслями. Очнулся он где-то там, где стояли уже чуть ли не последние прибрежные дома города, и повернул обратно.

Возвращался Заречный по главной улице Благовещенска — Ленинской. На пути попался городской сад, выходящий к Амуру. Георгий осмотрел его. А в сквере, в глубине которого стояло здание речного училища, он увидел знакомую официантку из ресторана. Она сидела на скамеечке и читала книгу в затертом переплете. Георгий подошел к ней, поздоровался и начал расспрашивать о Благовещенске.

— Вы здесь впервые? — спросила Катя Ломакина. — Переправу видели?

— Какую?

— Через Зею. Там, где Зея впадает в Амур. Хотите, я вам все покажу?

Он обрадованно согласился.

Молодые люди вышли из сквера и направились к Зейской переправе.

. — Только это далеко, — предупредила Катя. — Километров пять будет.

Заречный улыбнулся:

— Да, многовато.

Он всматривался в нежный овал ее лица, в тонкий вздернутый носик, в большие черные глаза, опушенные густыми ресницами. Худенькая, в простом синем пальто с накладными карманами, в сапожках и белой вязаной шапочке, она казалась мальчишкой.

Георгий и сам не заметил, как стал называть Катю на «ты». Ему хотелось расспросить ее, кто она, откуда, кто ее родители, но он опасался, что вопросы эти покажутся ей навязчивыми.

Молодые люди подошли к длинному ряду белых каменных лабазов; они отгораживали от улицы базарную площадь.

— Это — рынок.

Увидев кафе, Георгий Иванович предложил перекусить. Ведь он не ел со вчерашнего дня. Катя запротестовала:

— Давайте лучше купим пирожков.

Через минуту они шли дальше с пирожками в руках.

— Вкусно, — похвалила Катя. — А вы вчера притворялись, что даже пива не пьете?

— Правда, не пью. Один раз попробовал, еще в детдоме.

— В детдоме? — живо заинтересовалась Катя.

— Ага, — ответил Георгий и выронил пирожок.

Катя предложила ему свой: она завтракала, сыта. Заречный отказался. Тогда она сунула пирожок ему в руку, но он тоже оказался в придорожной пыли. Только тут Катя заметила, что у него протез. У нее дрогнули губы.

— Война?

Он кивнул головой. Катя осторожно дотронулась до его плеча:

— Не надо об этом. Ладно? Сейчас я тебе расскажу про купцов...

— Расскажи лучше о себе, — попросил Заречный.

— Нет. В другой раз. Я лучше про Благовещенск. Знаешь, какой это был сонный город? По Зее и Селемдже тогда ходили смешные пароходы с одним колесом за кормой. Представляешь?

— Конечно. В училище нам показывали фотографии.

— Вот-вот. Селемджа — значит Золотая река. Очень много там добывали золота. Один ключ даже назывался «Миллионным», представляешь? Когда в Благовещенск возвращались осенью золотоискатели, тут такое творилось!..

— Катя, ты сколько лет училась в школе?

— Десять. А что? Ты думаешь, я буду всю жизнь в «Амуре» шницеля подавать? Или замуж выйду? Не такой у меня характер! Я путешественница, вот я кто! Понятно?

Заречный недоуменно смотрел на свою необычную знакомую.

— Меня один капитан обещал буфетчицей взять. Только он глупый. В Николаевске я сбегу с парохода. Попробуй, найди меня в Тихом океане!

— А документы? — усомнился Георгий Иванович.

— Неужели я ему паспорт отдам? — удивилась Катя. — Ты шагай быстрей: мне к семи на работу.

— А мы завтра уходим в рейс на «Адмирале Невельском».

— В Николаевск? Возьмите меня поваром.

Георгий Иванович улыбнулся.

— Чтоб ты сбежала?

— Так я честно говорю. А ты кто? Штурман, механик?

Заречный рассказал, кто он и каким образом оказался в Благовещенске. Катя молча слушала его.

— Ну и уезжай, — сказала она. — Ты где родился?

— На Волге.

— И я с Волги! — обрадовалась Катя.

— А сюда как попала?

— Очень просто. Мама умерла. А от мачехи я убежала. Прошлой осенью. Мама умерла, когда мне было пятнадцать лет. А теперь скоро будет девятнадцать. Десятого июня. У меня мама была хорошая. Она бы помогла мне поступить в мореходную школу, чтобы стать радисткой, хоть туда и не принимают девчонок. А мачеха вздумала за своего сына замуж выдать. Что я — крепостная, что ли? Сбегала на могилку к маме, поплакала, а потом села на пароход — и ищи ветра в поле! — Катя задорно засмеялась. — Смотри, смотри, вон Зея! Красавица — так ее все называют...

...После сытного завтрака Горчаков заметно подобрел. Вышел на палубу, спустился с механиком в машину, пошутил с командой и отправился в контору пристани.

Экипаж парохода остался в недоумении: приказал всем явиться на беседу, а сам ушел. Лю Чи ходил хмурый. Гришка Умняшкин старался не попадаться ему на глаза. Никита Волков рассказал о странностях нового капитана, о том, как он явился на борт чуть свет и устроил форменный погром.

Только Рыжая Жанна, как ее уже успела окрестить команда, горячо расхваливала Андрея Корнеевича. По ее словам, он горячий, но справедливый, добрый, отзывчивый человек. Ведь она плавала с ним на «Ушакове»! А что касается заработков — так всем по два оклада обеспечено. Уж кто-кто, а Горчаков всегда перевыполнит план. Ведь у него одних благодарностей целая папка...

На пристани Андрей Корнеевич застал Белокрылова. Узнав, что Горчаков хочет вести состав из пяти барж, тот категорически воспротивился.

— Вы давно не ходили на буксировщике. Нет, нет. Не больше трех. Ведь в каждой посудине только ценностей на миллион рублей! Шутите вы, что ли? И вообще, я прошу начальника пристани бережнее относиться к народному добру. «Еревану» тоже не следовало доверять такой большой воз! Запашет где-нибудь в берег — кто в ответе будет?

Капитан побывал на баржах, затем оформил документы, еще раз съездил на пароход, собрал команду, проверил готовность судна к рейсу и направился в гостиницу.

Георгия Ивановича там не оказалось. Капитан оставил ему на столе записку:

«Товарищ лейтенант, номер оплачен, «Адмирал» отойдет утром, в шесть ноль-ноль. Жду на борту».

Заречный возвратился в гостиницу в семь часов вечера. Прочел записку, задумался. «Утром можно проспать. Надо перебираться сегодня».

Он решил проститься с Катей. В ресторане Георгий Иванович не сразу нашел свободное место за столиком, который обслуживала Катя. Он едва узнал ее. Это была совсем не та девушка, с которой он провел почти целый день. Серьезная, сосредоточенная, она ни разу не улыбнулась, не сказала ни одного слова, которое хоть чем-нибудь могло напомнить о их знакомстве.

— Вам еще что-нибудь? — спросила она, когда он поужинал.

— Нет, спасибо. Я уезжаю сейчас на пароход. Утром уходим.

— Счастливого плавания, — ответила девушка и направилась к другому столу.

Для Георгия Ивановича на судне была уже приготовлена каюта. По просьбе капитана ее охотно уступил второй помощник — Зелик Шнайдер. Сам он перебрался до Хабаровска к первому штурману.

Предстояло около четырех суток пути. Заречный распаковал чемодан, достал записную книжку, чтобы занести в нее дневные наблюдения. Одну запись он заключил в рамку. Там значилось: «Катя Ломакина. Ресторан «Амур». 10 июня». Уставший от впечатлений, Георгий Иванович лег рано и уснул сразу.

Его разбудил короткий гудок парохода. Оказалось, что уже утро. Работала машина. Заречный стал торопливо одеваться.

«Адмирал Невельской» готовился к отходу. Кочегары энергично поднимали пары, матросы убирали палубу, капитан стоял на мостике.

Неподалеку покачивался воз из четырех барж. Шкиперы ждали команды с буксировщика.

«Попадет Одинцу от Белокрылова, — думал Андрей Корнеевич, глядя на четвертую баржу. — Да и меня не минует начальство». И капитан вновь почувствовал себя ущемленным...

У брашпиля стоял боцман Лю Чи. Он глядел на родной китайский берег. Жизнь Лю Чи сложилась плохо. Родился он в семье бедного лодочника на Сунгари. И так жилось не сладко, а тут еще явились самураи делать из Маньчжурии «чудесный райский сад для желтой расы азиатов». Сада они не вырастили, а в «рай» отправили многих... Едва не оказался на дне «рая» и Лю Чи. Простреленного пулями самураев, его несло течением по Амуру. Лохмотья одежды зацепились за плавучую корягу, и он спасся. Кажется, из всех обреченных на смерть остался в живых только он. Советские пограничники вытащили его из реки, вылечили, дали работу. Он стал боцманом. Потом была война. Японцев прогнали из Китая. Говорят, сейчас на родине совсем другая жизнь...

ГЛАВА 8

Куда ни глянь — тайга, горы, долины, а меж ними — река, многоводная, сильная. Вдали она пламенеет расплавленной медью, ниже рябит серебряной кольчугой, затем вспыхивает цветом перезрелой вишни и, наконец, обогнув остров, сливается в бирюзово-зеркальный поток.

Закат полыхает пожаром, а в небе — нежная голубизна. Лишь в самом зените заблудилось зеленоватое облачко.

Ни парохода, ни джонки. Первозданный, сказочный мир. Тихо переговариваются осины на берегу, плещется, журчит в корягах река. В чащобе, в обомшелых трещинах скал затаились сумерки. Вот откуда-то, словно из подводного царства всплывают задумчивые аккорды, слышится песня:

Шуми, Амур,
Шуми, наш батюшка,
Таежная река!
Гуляй, гуляй,
Гуляй, безбрежная,
Родная на века!

Да уж не сон ли это? Но звуки баяна и слова песни становятся все громче и громче:

Хранят, Амур,
Тебя отважные
И верные сыны.
Мила им травка,
Травка каждая
Заветной стороны.

Огнистый диск солнца коснулся земли. В небо брызнули струи металла, облачко в зените вспыхнуло, вода закипела оранжевой лавой.

Наконец солнце ушло на покой. Зарево у горизонта догорело. Все подернулось цветом пепла.

На рябине забеспокоился белый аист в красных сафьяновых ботфортах. Он переступал с ноги на ногу, вертел головой, озабоченно вглядываясь в воду, где внезапно исчезло его отражение с великолепным желтым клювом. Аист не обращал внимания на лодку, хотя она проплывала совсем близко, не слышал ни звучных переборов баяна, ни сочного голоса певца.

Впрочем, и человек — широколицый, со смелым размахом черных бровей — не замечал птицы. Подосенов раз-

мечтался о Светлане. Конечно, хорошо бы с ней встретиться сегодня, но для этого пришлось бы с утра плыть с включенным мотором, чего Александр позволить себе не мог. На границу лоцмейстерского участка Подосенов всегда поднимался на буксире за каким-нибудь пароходом, а назад, проверяя на реке судоходную обстановку, сплывал по течению, почти не расходуя бензина.

В полосатой тельняшке и широких флотских брюках, в капитанке с эмблемой водника, молодой лоцмейстер без устали наигрывал одну и ту же мелодию, ласково величая Амур «батюшкой» и настойчиво уговаривая его пошуметь... Похоже, что смысл песни не доходил до сознания влюбленного; просто у него была потребность петь. Однако можно было заметить, что в голосе лоцмейстера звучала особая нежность, когда он произносил слова: «Родная на века».

В распадках скапливался туман, острыми языками он прощупывал себе дорогу, незаметно полз к реке. Становилось свежо. Смеркалось. Амур круто изгибался. Лоцмейстер достал из полевой сумки карту, сверил ее с местностью. Ну, конечно, слева — песчаная коса, начало переката, там должен гореть бакен. Но его не видно. Александр убрал баян, завел мотор и, надев бушлат, направил лодку к середине реки.

Вдруг впереди загорелся красный огонек. Подосенов всмотрелся в туманную долину. У пирамидки бакена покачивалась лодка.

— Поздно зажигаешь! — подходя к обстановочному знаку, крикнул лоцмейстер перекатному старшине.

— Пошто поздно? — отозвался низенький старик в рваном треухе и расстегнутом ватнике. — Экономия, Лякандр. Сам сказывал.

— Какая глубина?

— Сто восемьдесят.

Подосенов опустил наметку на дно. Везде глубины больше.

— Страхуешься?

— Так разве за ней угонишься? В обед обмелела, к вечеру глыбже стала.

— Неправда. Вода не прибывает. Журнал с собой?

— Ан нету, — старик ощупал специальный карман внутри ватника. — Придется на пост зайти. Да оно и кстати: карасиками угощу.

В домике перекатного старшины, пока хозяин отыскивал постовой журнал и шептался со старухой, Подосенов читал развешанные на стенке похвальные грамоты.

Александр работал на Амуре второй год, но в этом доме был впервые. Обычно лоцмейстер встречался со стариком на реке, и так как перекат содержался в порядке, долго не задерживался. Сегодня Подосенов встревожен. «Занижены глубины! И так мало воды, а он? Сколько плотоводов, барж выйдут в рейс с недогрузом. Двадцать сантиметров, а на поверку — сотни тысяч рублей убытка».

— Милости просим к столу! — ласково пригласила хозяйка — бочкообразная женщина лет пятидесяти.

— Спасибо. Я ведь по делу.

— Одно другому не помеха, Ляксандр. Садись вот сюды, — старик указал на табуретку.

На столе уже красовались бутылка водки, грибы, жареные караси, соленая капуста.

Лоцмейстер колебался. Ему хотелось сказать, что он все равно запишет в постовой журнал о неправильно объявленных глубинах, доложит об этом Тихому-Тищенко. За такие дела надо наказывать, чтоб и другим неповадно было! Но ничего этого Подосенов не сказал, а молча сел за стол, чтобы не обидеть хлебосольных хозяев. В конце концов, каждый мог ошибиться. Ошибся и старшина. Теперь ошибка исправлена. Но какой все-таки перестраховщик этот дед...

Не сумел отказаться Подосенов и от стакана водки, выпил ее в два приема. Однако второй стакан старику пришлось выпить одному. Захмелев, он придвинулся к гостю-начальнику и, заглядывая ему в глаза, сказал:

— Вот ты, Ляксандр, осерчал. Страхуюсь, мол, говоришь. А как иначе? Упаси господь, разобьется пароход. Ведь ему цена миллион! Разумеешь? Ничего ты, Ляксандр, не понимаешь. Молод! А вот Аркадий Борисович — тот с головой.

— Тихий-Тищенко?

— Ты, — говорит он мне, — живи с умом, старик.

— То есть как это — с умом?

— А вот так, — старшина протянул руку к комоду, взял постовой журнал, раскрыл его и поднес к самому лицу Александра Степановича. Оказывается, всего три дня назад на пост заезжал сам начальник бассейна. В журнале он оставил самый лестный отзыв.

— Отец, ты не запамятовал насчет карасиков спросить? — обратилась к мужу хозяйка.

— А чего тут спрашивать? Увезет, ясное дело! Начальство ведь он ему! Выпьем, Ляксандр!

— Нет. Не могу. А про какое начальство вы говорите?

— Про твое да про мое тоже самое. Увезешь Тихому мешок карасей. Тебе же семейство спасибо скажет. Сам-то, никак, в Благовещенске?

Лицо Подосенова, розовое от водки и духоты, сделалось пунцовым. Он решительно поднялся из-за стола.

— Благодарю. Мне пора.

— Куда это ночью-то? Неровен час — разобьешься где. Ты, малый, не блажи. Садись на место.

— Нет, нет. Мне нужно проверить, как горят огни на реке.

Старик вышел проводить гостя. По дороге лоцмейстер предупредил старшину, что если пост и впредь будет занижать глубины, то он, Подосенов, напишет докладную начальнику управления. Ясно?

Перекатный старшина сокрушенно бормотал:

— Молод ты, Ляксандр, ох, молод! Вот Аркадий Борисович — тот с головой.

Не зная сам, зачем он это сделал, Подосенов прямо у берега завел мотор, лодка дернулась и стала быстро удаляться. В этот момент старик вспомнил о карасях.

— Ляксандр! — закричал он что было мочи. — Вернись, карасей возьми! Э-гей! Ах, старый кобель, — обругал себя перекатный. — Э-гей! Вернись, Ляксандр!

«Еще чего не хватало — карасей начальству развозить! Эх, Подосенов, Подосенов... Не выйдет из тебя человека. В постовой журнал записал? Нет. Водку пил? Пил. Дрянь ты, Подосенов! Поэтому Светлана и не выходит за тебя замуж. Какой из тебя, к черту, муж? Распустил слюни!»

Настроение было испорчено. Лоцмейстер старался отвлечься, но перед ним неизменно возникали то похвальные грамоты перекатного старшины, то его разорванный треух.

Далеко не сразу сообразил Подосенов, что, в нарушение своего правила, он почему-то вниз по течению жжет бензин. Мотор умолк. Стало тихо и скучно. Начала одолевать зевота. Подосенов сел за весла, начал подгребать к берегу. К часу ночи он разыскал устье знакомой речушки, бросил там якорь, разделся и залез в спальный мешок.

Проснулся он поздно утром. Болела голова. Лоцмей-

стер сел в лодку, поднял якорь, укрепил весла в уключинах, стал грести. Лодку подхватило течением и понесло вниз. На правом берегу Амура показалась китайская деревня. Неподалеку от нее, под навесом между двух столбов виднелась похожая на ворота большая красная доска. На доске мелом начертаны иероглифы. По берегу бегают дети. Китаец несет на коромысле воду. На реке — рыбацкие джонки.

Амур разделился на два рукава. Влево ушла широкая протока. Подосенов задремал. Он встряхнулся от мощного рева сирены генеральского катера «77». Катер стремительно обогнал лодку. Подосенов едва успел заметить на его палубе Добрынина и начальника политотдела с женой.

Между тем на генеральском катере шел оживленный разговор.

— Смотрю я на вас, Алексей Иванович, — облокотившись о перила, говорила жена Волкова, — и думаю: завидуете вы моему Косте.

— Это почему же?

— Из-за меня, — с серьезным видом заявила Клавдия Петровна — полная брюнетка с тонкими чертами лица и матовым цветом кожи.

— Это ты к чему? — спросил ее муж.

— Знаю, Костенька, к чему: хочу женить Алексея Ивановича. Десять лет без семьи. Разве это дело?

Волков с улыбкой протянул Добрынину руку.

— Поздравляю!

— С чем?

— Если моя Клава взялась за дело — считай, что ты уже женат.

Добрынин усмехнулся:

— Дело нелегкое...

А Клавдия втайне подумывала о своей подруге Зинаиде. Они дружили в школе, дружили и сейчас. Но мужа Зинаиды Клавдия недолюбливала, считала, что подруга неудачно выбрала себе спутника жизни. Когда до нее дошли глухие слухи о том, что Горчаков путается с какой-то Жанной, Клавдия страшно возмутилась...

Константин Архипович посмотрел на небо. Огромная бурая туча заслонила солнце, но тень от тучи накрыла лишь самую середину Амура.

«Великан! А вот с морем связан слабо, — размышлял Волков. — Впадает в мелководный лиман, продолжитель-

ное время покрытый льдами, крайне неудобный для судоходства. Надо бы заставить его впадать в Татарский пролив через озеро Кизи — ближе к теплому Японскому морю».

Подошел Добрынин, спросил:

— Ну, как Амур-батюшка?

— Сетует на свою судьбу. Прислушайся.

— Не понимаю.

— Грехи молодости. Посуди: от самой Шилки твердо придерживался курса, успешно прорвался сквозь горные хребты, и вдруг, когда до моря осталось каких-нибудь четыреста километров, девчонка Уссури вскружила ему голову, и вместо того, чтобы продолжать свой путь на восток, к океану, он легкомысленно свернул на север и тысячу километров мчался за ней. Ну, куда завела его эта пылкая красавица, знаешь сам. — Волков развел руками. — Хмель увлечения, надо полагать, давно остудили охотские льды, но вспять, как известно, реки не текут. Вот и плачется теперь на свою участь...

— Настоящая географическая драма, — заметил Добрынин.

— Но последний акт в ней еще не сыгран, и сыграть его, думается, предстоит нам.

Мужчины увлеченно заговорили о будущем Амура и Приамурья. Клавдия Петровна слушала молча.

— А сколько вокруг неосвоенных земель, ждущих своего пахаря, полезных ископаемых, леса! — Константин Архипович сделал небольшую паузу. — Убежден, недалеко то время, когда на берегах Амура — и у нас и в Китае — вырастут новые города, гидростанции, заводы!

Лицо Волкова сейчас казалось особенно красивым. Он рисовал картины будущего, и все прислушивались к его словам...

Но вот Добрынин покачал головой и глубоко вздохнул:

— Падает вода.

Волков всмотрелся в берег, сокрушенно добавил:

— Не всплывет лес.

— Что с флотом делать? — так же задумчиво продолжал свою мысль Алексей Иванович. — Глубины перекатов лимитируют. Буксиры не могут подойти к плотбищам. Дымит флот, а толку нет.

Волков думал о том же. Содержание буксирного парохода в сутки обходится не менее чем семь тысяч. Значит,

если только десять плотоводов простоят под парами без дела месяц, это обойдется государству в четверть миллиона рублей.

И Волкову вспомнился разговор с Вяткиным. «А что, разве у пароходства недостаточно мелкосидящего флота?» — спросил вчера его Афанасий Прохорович. «Очень мало», — ответил Константин Архипович. «Плохо. Не похозяйски, — в голосе Афанасия Прохоровича зазвучали сухие нотки. — Что же ты предлагаешь? Холодный резерв? Поставить флот на прикол? А как проходил сплав прошлые годы?» Волков рассказал. «Значит, и раньше плотоформировочные рейды находились в тех же местах?» — «Верно, — ответил начальник политотдела, — но лесозаготовители рассчитывали на большую воду, а ее нет. Древесина не всплыла». — «А вы на кого рассчитывали? На лесозаготовителей? Амур не впервые так ведет себя весной. Плохо рассчитывали, если оказались на мели! Что же вы предлагаете, как думаете спасти положение, обеспечить край древесиной?» Вяткин прохаживался по кабинету, часто дотрагиваясь пальцами до коротко подстриженных усов...

— Ты о чем вздыхаешь, Костя? — спросила мужа Клавдия.

Он ничего не ответил.

На пути к Хабаровску катер должен был зайти за Строевой. Зинаида Сергеевна с дочерью приехала проведать свекровь и свекра, разузнать про Андрея. Собственно, сегодняшней прогулкой все обязаны Строевой. Ей захотелось съездить в воскресенье к родным мужа, попросила катер у начальника пароходства, а он решил тоже отдохнуть на реке и пригласил Волковых.

Часа через два катер пришвартовался против домика бакенщика. На берегу собрались и взрослые и дети из соседнего поселка.

Домик Горчакова красовался на бугре, как маяк. Вот из него выскочила, не закрыв за собой дверь, девочка с большим бантом в волосах, за ней молодая женщина в белой форменной фуражке, потом бородатый человек с обнаженной головой, девушка в голубой кофточке (это была Светлана — сестра Андрея) и подтянутый пограничник.

— Тетя Клава! — подбегая к катеру, кричала Таня. — А я рыбку поймала!

Приехавшие сошли на берег. К ним приближался рыже-

бородый хозяин плеса. Он высок, могуч в плечах, в белой рубахе, простые молескиновые штаны заправлены в рабочие сапоги.

— Здравия желаю, Алексей Иванович! — басом приветствовал старик Горчаков начальника пароходства.

В это время к берегу причалила маленькая моторка. Из нее вышел мужчина в брезентовом рыбацком костюме. Это был Вяткин.

— Увидел твой катер, — говорил он Добрынину, — здравствуй. А, да тут и Константин Архипович!

— Познакомься с секретарем крайкома, — сказал старику Горчакову Алексей Иванович. — Ну, а Волкова и Клавдию Петровну, наверное, знаешь?

— Неужто своих земляков не знать? Милости просим в дом!

Клава, обнимая Светлану, заглядывала в ее ласковые зеленовато-голубые глаза.

— Красавица моя! Какие косы! Что пишет Андрей? Молчит? А как сердечушко? Не приворожил никто?

Светлана потушила озорные огоньки в глазах, опустила голову.

В этот день дом Горчаковых, казалось, притягивал всех: прибыл и лоцмейстер Подосенов. Он вышел из своей моторки с баяном в руках, поздоровался со всеми и встал рядом с лейтенантом Остроуховым, пограничником, давним своим знакомым. Оба они, как показалось жене начальника политотдела, не спускали глаз со Светланы. Девушка заметила это и сказала им:

— А вы ступайте по домам.

— Светлана, ты выйдешь? — спросил лоцмейстер.

— Нет. Хотя, впрочем, я буду еще гостей провожать.

Остроухов щелкнул каблуками, взял под козырек и отправился на заставу. А Подосенов побрел к берегу, сел неподалеку от «Двух семерок» и вскоре тихо запел под баян.

Сестре Андрея двадцать лет. Она учительница, но учится и сама. Сейчас готовится к летней сессии, чтобы перейти на второй курс учительского института. В поселке Березовая роща молодая учительница имеет при школе комнатку, но предпочитает жить с родными. Подумаешь — три километра! Зато дома.

Светлана распахнула окошко, оперлась локтями на подоконник и, улыбаясь, смотрела на скрывающуюся фи-

гуру Остроухова, одновременно слушая, как играет на баяне у реки Подосенов.

Вошла мать.

— Дочка, а где же твои хлопцы?

— Я отослала их домой.

— Никак поссорились?

— Да нет. Впрочем, наверное, придут.

— Ну, иди к гостям. Нехорошо так.

Стол был накрыт. Чего на нем только не было! Свежий редис со сметаной, соленая капуста, вода в графине с кусочками льда, винегрет, обложенный очищенными крутыми яйцами, уха, жареная рыба, пироги, мед...

— Ай да Ольга Ильинична! Стол-то какой, стол! — восклицал Константин Архипович.

— Все свое? — спросил Добрынин.

— Неужто станем на рынке покупать? — смеялась хозяйка.

— Значит, и ледник есть?

— А как же! — с гордостью отозвался Корней Евдокимович. — Ледничок, переметник, ульи, коровка, курочки, утки, два кобеля добрых, — он басовито расхохотался.

Волков покосился на бутылку:

— Корней Евдокимович, да ты, никак, и водку сам изготовляешь?

— Ото нет, Константин! Оно, конечно, мог бы гнать и сам, но закон не дозволяет. Мы хоть и живем далеко от людей, а закон блюдем, как положено.

Бакенщик выпил уже добрый стакан московской, но не похоже было, чтобы она на него действовала.

— А ты, дочка, что плохо ешь? — спросила хозяйка невестку.

— Спасибо, мама.

— Андрея своего заждалась, — продолжала Ольга Ильинична. — Ничего. Сама же сказывала, что вышел из Благовещенска. Вот и свидитесь скоро. К матери с отцом, гляди, не успеет заглянуть, а уж тебя и дочку попроведует.

Клавдия и Зинаида понимающе переглянулись.

Вяткин спросил, далеко ли отсюда колхоз «Верный путь».

— Три километра. В Березовой роще. Дочка там детишек учит.

— Ну, а там как живут люди? В достатке?

— Как вам сказать? — замялся бакенщик, ощупывая

бороду. — Как вам сказать, товарищ... Афанасий Прохорович.

— Чего ты жмешься? — вмешалась хозяйка, сверкнув светло-зелеными глазами. — Говори правду — неказисто живут люди, товарищ партийный председатель.

— Это верно, — согласился Корней Евдокимович.

— А почему? Вот у вас, я вижу, полный достаток, — Вяткин оглядел комнату. — Вы извините, пожалуйста, но я хочу понять, почему же колхозники на той же реке, на тех же землях живут хуже вас.

— Сравнил! — усмехнулся старик Горчаков. — У меня сын капитан парохода, дочь — учительница. Это на Амуре, при доме, так сказать. Другой сын — в армии, майор, начальник штаба... Старшая дочь внуков уже народила.

— Не то ты, отец, говоришь, — вмешалась Ольга Ильинична. — Дети — детьми, у них своя жизнь. А мы своими руками себе хлеб добываем.

— Конечно, не в детях дело, — послышался голос Светланы.

— А в чем? — спросил Вяткин, поворачиваясь к девушке.

— Я думала об этом. Вот у нас только восемь парниковых рам. А сколько мама собирает редиса, лука! Иногда мама продает на базаре и ранние овощи, и молоко, и яички, и свежую рыбу.

— Ничего в этом плохого нет, — заметил Вяткин, видя, что старики косятся на дочь.

— А как же! — ободрился бакенщик. — Не выбрасывать же добро!

— Так, так, — Афанасий Прохорович вопросительно посмотрел на молодую учительницу.

— Вот, — продолжала Светлана. — А у колхоза нет ни парников, ни ульев, ни рыболовной бригады, ни ледника. И кур мало. И коровы плохи — молока хватает только детям.

— Что же делать? — допытывался секретарь крайкома.

— Надо как-то помочь им. А как — я не знаю.

«Как помочь колхозу? — Эта мысль долго занимала Вяткина: — Я обязан знать, как это сделать...»

— Зря ты, дочка, Александра отпустила. Сыграл бы сейчас на баяне, — заметила Ольга Ильинична.

Зинаида и Клавдия тихо разговаривали между собой. Константин Архипович воздавал должное кулинарным спо-

собностям хозяйки. Добрынин смотрел на молодых женщин. Он наблюдал, как порой хмурится Зинаида Сергеевна, как грустно светятся ее большие серые глаза. И ему вдруг захотелось услышать ее голос, говорить с ней.

— Зинаида Сергеевна, вы готовы к отъезду? — спросил он. — Пора. Пять часов.

— Да, Алексей Иванович. Доча, собирайся домой, — крикнула она Танюшке.

«Жаль, поздновато, — думал Вяткин. — Сегодня не удастся посетить колхоз. Но я в нем обязательно побываю...»

Гости начали подниматься из-за стола, благодарить хозяев, прощаться.

— Приезжайте еще. На рыбалку сходим. Перемет поставим. А карасей сколько! В нашем озере их руками ловить можно! — хвастал захмелевший Корней Евдокимович.

Минут через десять катер, накренившись на левый борт, начал удаляться от домика бакенщика...

ГЛАВА 9

«Адмирал Невельской» с четырьмя баржами на буксире покидал Благовещенский рейд.

С капитанского мостика Заречный рассматривал город. Но вот он весь подался вперед, затем выскочил из штурманской рубки, вернулся, схватил бинокль. Глядя на Заречного, практикант речного училища тоже взял бинокль и направил его на берег.

На пристани, несколько в стороне от других, стояла тоненькая девушка в белой шапочке; ее легкое пальто с накладными карманами было настолько коротко, что даже не прикрывало коленей. Зелик Шнайдер подмигнул себе, собираясь пошутить над «оперативностью» Георгия Ивановича, но Заречный исчез с мостика. Он спустился на палубу и оттуда помахивал фуражкой.

Ломакина стояла неподвижно.

Пристань вместе с городом быстро отодвигалась назад. Кончились строения на берегу, показались протока, остров, а за ним — величавая Зея.

Навстречу «Адмиралу» шел пассажирский пароход. Суда обменялись гудками.

На палубе появился Горчаков. Он задумчиво смотрел на бескрайнюю Зейско-Буреинскую равнину, думал: «Был ты, Андрей, человеком, а теперь таскай баржи». Он никому не признавался в том, что перевод с пассажирского судна на буксир сильно его обидел. Не бывать теперь Андрею Корнеевичу в приречных селах, не беседовать во время рейса с пассажирами. Целое лето предстоит делить и радости и печали только с командой. Вот доведет воз до Николаевска, дадут там порожние баржи, и тащи их вверх до Благовещенска. Две тысячи километров! На пассажирском приедет в Хабаровск — суточная стоянка по расписанию. Все-таки дома хоть раз в неделю бывал. А теперь? Капитан вспомнил про ссору с женой. Жаль стало и себя, и дочь, и Зинаиду.

На мостик поднималась пестро одетая Жанна.

— Андрей Корнеевич, я к вам стучу в каюту. Пора обедать. Скоро ваша вахта.

Горчаков молча направился к трапу. Жанна — за ним.

— Ладная у нас повариха, — проговорил рулевой, стоя у штурвала.

— Ничего, — согласился Шнайдер. Худощавый, с правильными, резкими чертами смуглого лица, он плавал по Амуру уже несколько лет; вначале, до поступления в Благовещенское училище, — матросом, рулевым, а потом, во время практики, — третьим штурманом. В эту навигацию, перейдя на последний курс отделения стажистов, он получил назначение на «Адмирала Невельского» вторым помощником капитана.

Зелик зашел в красный уголок. Здесь собрались свободные от вахты члены экипажа. Гришка-кочегар, сидя на диване, говорил:

— Пропадешь с таким капитаном.

— Его шибко сердитый, — поддержал кочегара Лю Чи.

Кроме боцмана Лю Чи и Умняшкина, здесь было еще трое: рулевой Никита Волков, радист — он же предсудкома — Сергей Дымов, молодой, пухлый и розовощекий, как младенец, и старший механик Игнат Тимофеевич Лесной — пожилой мужчина с выражением нелюдимости на суровом длинном лице. Слегка наклонив голову, он молча слушал, что говорят другие, всматриваясь в них немигающими глазами из-под нависших густых бровей. Глубокий шрам, пересекая лоб, нос и щеку механика, делал его лицо и вовсе непривлекательным.

С появлением секретаря комсомольской организации Шнайдера Умняшкин умолк, вытянув толстые влажные губы. За эти губы его в команде прозвали «Теленком».

— Не помешал вам? — спросил Зелик.

— Нам — нет, — ответил Никита, — а вот Гришке — не знаю. Он тут плакался, что капитан лишил его прогрессивки.

— Ее надо еще заработать, — заметил Сергей Дымов.

Рябоватое лицо кочегара побурело.

— Может, ты ее для команды сработаешь своими белыми ручками?

— Я, конечно, постараюсь, а если не получится, будем просить тебя отслужить молебен господу-богу.

— Ты мне бога не путай, ясно?

— Крестик с шеи не потерял?

— Ну-ну, петухи, полегче! А то возьму баян, и конец вашей ласковой беседе, — пошутил Шнайдер. Он внимательно посмотрел на кочегара и заметил у него на шее шнурок.

Лю Чи хмурил лоб. Он, видно, ничего из этого разговора не понимал.

— А все-таки неправильно капитан поступил, — не унимался Умняшкин. — Жаловаться буду.

— Почему неправильно? — спросил Никита Волков, заглядывая в зеркало на стене.

— Смотри, чуб не потеряй, пистолет, — пренебрежительно бросил кочегар.

Радист взглянул на часы и пошел в рубку: скоро обмен депешами с пароходством.

— Сам ты ржавый пистолет! — несколько с опозданием отпарировал рулевой. — Думаешь, тебя кто-нибудь боится?!

— Смотрите, пожалуйста, — Гришка угрожающе поднялся с дивана и направился к «Анюте», явно собираясь учинить драку.

— Умняшкин, сядьте на место или уходите! — приказал второй помощник.

Кочегар прищурился, смерил Шнайдера уничтожающим взглядом, но вступать в пререкания не стал. Он секунду постоял в нерешительности, собрался было уйти, но тут вошла Жанна.

— Как обед, мальчики? Понравился?

Никита обратил внимание, что на ней очень ладно си-

дит желтая кофточка. Повариха ему нравилась. Ласковая, обходительная, красивая.

— А ты, Гришенька, что хмуришься? Вы что это все умолкли? Наверное нас, девушек, по косточкам разбирали? Игнат Тимофеевич, хоть вы объясните мне, в чем дело?

— Обед ладный сготовила, — ответил старший механик.

— Понравился? А на ужин что приготовить?

Ей никто не отвечал, и Жанна обратилась к Никите:

— Тебя как зовут, красавчик?

— Анютой его мать окрестила, — опять влез Гришка.

— Умняшкин! — остановил его Шнайдер.

Крохалева недоуменно оглядела всех:

— Гриша, зачем ты обижаешь мальчика?

— Капитан его прогрессивки лишил, так он на мне зло вымещает, — пояснил Никита.

— Капитанов, мальчики, вам не положено обсуждать. А говорить плохо про Андрея Корнеевича вообще грех. Человек он немного горячий, но справедливый. Не любит беспорядков. И вообще на пароходе хозяин — капитан, мальчики.

— Хозяин? Не то слово, — возразил Никита.

— Ну, старший.

— Капитана шибко горячий есть, — сказал Лю Чи, вспомнив своего друга Диверсанта.

— Вы очень плохо говорите по-русски, — заметил Шнайдер.

— Моя знай, — огорченно согласился боцман.

— Хотите, я буду вас учить?

Лицо боцмана засияло:

— Моя? Ай-я! Я хотите. Сыпасибо, товарищ...

— Шнайдер, — подсказал ему практикант.

— Я хотите, товарищ Шнайтер. Сыпасибо.

«Адмирал Невельской» давно миновал Константиновку, осталась слева Поярковая протока, ненадолго показалось село Чесноково, и снова пошли бескрайние просторы.

Вечерело. Из рубки вышел Сергей Дымов, посмотрел на Амур. Справа, в зелени деревьев, пряталось китайское село, чуть ниже, на другом берегу стоял под зеленой крышей бревенчатый домик бакенщика на кирпичном цоколе. Сергей оглянулся назад. На буксире за «Адмиралом» шли баржи. На «Китаянке» радист заметил мать. На ней было

темное платье и белая косынка. Баржа для Дымовых — родной дом. Сергей родился там и рос в маленьком домике-надстройке. А вот показался и отец — щупленький, без шапки и, кажется, босой. Он шкипер, мать у него под началом — она матрос. Прошлой осенью с Логином Дымовым случилось несчастье: с баржи пропала штука бостона. Видно, украли, пока он отсыпался после выпивки, а мать уходила на берег. Отца Сергея хотели судить за халатность. Велось следствие. Сын очень переживал: он хорошо знал высокую честность отца. Ходил к начальнику пароходства, к Волкову, но они сказали, что закон не может прощать тех, кто наносит народу ущерб, хотя бы и по небрежности. К счастью, вскоре была объявлена амнистия, отца освободили из-под стражи и снова приняли на работу. Все бы ничего, но Логина угнетало слово «амнистированный».

Дарью радовали и неожиданное возвращение мужа и перемены в его буйном характере. Все, слава богу, как говорила она, обошлось хорошо. И баржу их в первый рейс ведет «Адмирал», где плавает ее первенец Сережка...

Мать, кажется, заметила сына: долго и пристально всматривалась она в пароход.

Впереди показалось село Калинино. Радист вглядывался в него, в берег и думал, что все это видел и Михаил Иванович Калинин, когда в 1923 году прошел на пароходе «Чичерин» из Благовещенска в Хабаровск.

Говорят, дорога на океан произвела на всесоюзного старосту большое впечатление.

Амур своенравен, как и вся природа края. Бывает, уже цветут лютики, ивы, зеленеют поля, как вдруг повалит снег. Половодье проходит в середине лета, когда начинаются ливни в верховьях. Амур ширится, заливает берега, протоки, острова. Суши не видно, только вдали синеют горы. Мутная Сунгари, зеленая Уссури, Бурея и другие притоки несут ил, песок, тащат вырванные с корнями кусты, деревья, плавник, полузатопленные лайбы, а то и целый бревенчатый домик... Долго продолжается летнее буйство реки, медленно входит она в берега... А в сентябре приходит рыбная страда, осенний ход лосося. Крупные рыбы устремляются к истокам реки. Кипит вода от рыбных косяков!

Амур, Амур! Есть ли еще река под стать тебе!

...Уровень воды в реке заметно падал. Ориентируясь

на створы — специальные путевые знаки, установленные на берегу, штурвальный часто перекладывал руль: причудлив судовой ход на Амуре! Даже на прямых и широких плесах не везде можно придерживаться середины реки: то подводная коса выползет к фарватеру, то встретится осередок, которого не было в предыдущий рейс, или появится на дне камень, сорвавшийся где-нибудь со скалы и принесенный сюда весною на льдине.

Работники пути — бакенщики, перекатные старшины, лоцмейстеры — всю навигацию промеривают глубины, тралят дно реки, переносят створы, если поток избрал себе другое направление, ставят ограничительные бакены, вехи, освещают обстановочные знаки по ночам.

«Адмирал Невельской» приближался к Хингану. Из просторов Северного Китая на Амур надвигалась горная цепь. Это были предгорья Малого Хингана. Горы подступали все ближе, ближе и наконец совсем стеснили Амур. Река забурлила.

— Левее держи! — приказал Горчаков.

— Есть держать левее! — повторил рулевой.

Капитан оглянулся на баржи, потом взял бинокль, посмотрел вперед и нажал рычаг звукового сигнала. Пароход протяжно загудел.

Огромная сопка преграждала Амуру дорогу. Можно было подумать, что Горчаков требует, чтобы она убралась с пути.

— Держи по створам!

— Есть по створам!

Река шумела, эхо усиливало рокот волн, и он перерастал в тревожный глухой рев.

Заречный недоумевал: куда же течет Амур, когда впереди — горы; они вплотную подступали друг к другу и, кажется, были очень довольны, что им удалось заманить великана в ловушку...

Горчаков еще раз нажал на рычаг гудка, и басистый голос парохода многократно отозвался с разных сторон. По спине Заречного пробежал холодок. «До чего красиво!» Тут судно миновало скалистый берег, и перед самой горой, что преграждала путь «Адмиралу», внезапно открылась узкая долина.

— Лево на борт! — приказал капитан.

Рулевой даже не ответил, торопливо вращая штурвал. Амур круто поворачивал на юг.

Андрей Корнеевич напряженно наблюдал за баржами.

— По курсу пароход! — громко сказал Заречный.

— Знаю, — сухо отозвался капитан и сам встал за руль.

— Правым бортом! — распорядился он.

Рулевой взял белый флаг, выскочил из рубки направо и стал давать отмашку.

«Адмирал» протяжно гудел. Над трубой встречного судна тоже показалось белое облачко, а с мостика замелькало белое полотнище. Сигнальщики договаривались, какими бортами расходиться. Право выбора всегда за пароходом, идущим вниз по течению: ему труднее уступать дорогу, когда он ведет состав. А чтобы судам не встретиться на узком кривуне, на сопке находится пропускной пост. С помощью сигналов на мачте работник службы пути регулирует движение.

Пароходы сближались.

— Что за странное судно? — спросил Георгий Иванович.

— Китайское. Пассажирское.

— Винтовое?

— Заднеколесное, — пояснил Горчаков.

Молодой дальневосточник торопливо разглядывал диковинное судно. За его кормой вращалось огромное колесо. Но как ни любопытно устройство парохода, а люди интереснее. И вот Заречный уже всматривается в пассажиров. Они высыпали на правый борт, улыбаются, что-то выкрикивают, машут руками. А на мостике, рядом с пожилым капитаном в белом кителе с черными погонами, стоит за рулем девушка. На ней синяя форма, значок на груди, белая фуражка с золотистой речной эмблемой, а из-под фуражки спадают на плечи две короткие косички, перевязанные ленточками. Девушка не смотрит на «Адмирала», она ведет пароход...

Заречный улыбался. Капитан молчал, потом спросил:

— Ну, как Амур?

— Как в сказке! — восхищенно отозвался Заречный. — Даже страшно немного.

Весь вечер и всю ночь пароход шел по реке, сжатой горами. Заречный почти до рассвета не уходил в каюту. Даже ему, опытному штурману, казалось невероятным, что в темноте, ориентируясь только на сигнальные огни, можно вести судно в этом каменном коридоре. Попав в узкую

горловину, Амур остервенело бился о скалы, рычал, метался из стороны в сторону, но неудержимо рвался вперед.

По-прежнему горы почти смыкались; их тени накрывали Амур, делали воду черной; в ней отражались скалы и лес. И тогда Заречному казалось, что минута — и «Адмирал» врежется в гранитный берег.

— Так держать! — то и дело доносился с мостика бас капитана.

— Есть так держать, — устало повторял рулевой.

Георгий Иванович спустился в каюту.

Когда он проснулся, было светло. Машина не работала, пароход не двигался.

Выйдя на палубу, Заречный в недоумении остановился. Ни справа, ни слева никаких гор. Среди бескрайней равнины Амур течет тихо и плавно. Неподалеку стоят на якоре четыре баржи, а еще дальше виден какой-то пароход.

— Что случилось? — спросил заспанный штурман у Зелика Шнайдера.

— «Ереван» просит помощи. Капитан и механик пошли на шлюпке.

— Пробоина?

— Нет, с машиной не ладится.

— А горы кончились?

— Как видите, — улыбнулся практикант. — Сто пятьдесят километров прошли в теснинах Хингана. Теперь до самого Хабаровска будет равнина. Началась Еврейская автономная область. Скоро — Амурзет. Жалко, не там остановились. Домой бы успел сбегать, — глаза Зелика светились лаской.

— Вы там живете? — спросил лейтенант.

— Мама, отец, сестры. И я там вырос.

Шнайдеры приехали на Амур, когда Зелику исполнился всего год. Это было более двадцати лет назад, сразу после того, когда правительство приняло решение о заселении трудящимися евреями свободных земель в районе рек Биры и Биджана. Первые переселенцы быстро поняли, что попали в первозданный край — плодородный, богатый лесом, рыбой, зверем. Только трудись. Конечно, землю пришлось отвоевывать у тайги, но труды напрасно не пропали, земля щедро одаривала хлеборобов.

— Вы, кажется, учитесь в Благовещенске? — спросил Заречный.

— Да, в речном. Заканчиваю. Решил стать капитаном. Еще лет пять проплаваю, а там и пароход получу!..

Между тем шлюпка с «Невельского» причалила к «Еревану». Горчаков с завистью посмотрел на чужой воз. Целых шесть барж. Шесть! А ему, Андрею, разрешили взять только четыре. В душе Андрей Корнеевич выругал Белокрылова: «Перестраховщик. Тебе арифмометр крутить, а не флотом командовать».

После взаимных приветствий Горчаков спросил капитана:

— Ну, что у тебя стряслось?

— Сломалась шейка балансира мокровоздушного насоса.

— Конденсатора? — переспросил Андрей Корнеевич.

Механик с «Еревана» подтвердил и повел в машинное отделение.

— Придется тебе, Андрей Корнеевич, бросить воз и буксировать меня на завод, — сказал капитан потерпевшего судна.

— Давно стоишь?

— Без малого сутки.

— В пароходство сообщил?

— Послал радиограмму. Вот ответ. — Капитан полез в карман, достал помятый бланк. В телеграмме говорилось: «Примите меры к исправлению поломки своими силами, в случае невозможности окажем помощь. ЧЭРЭК[1] Волков».

Капитан невесело усмехнулся:

— Что тут придумать? Шейка-то заводской работы. Силами команды ничего не сделаешь.

— Да, поломка серьезная, — согласился Андрей Корнеевич.

Лесной молча разглядывал сломавшуюся деталь балансира.

— Ну что, Игнат Тимофеевич? — нетерпеливо спросил своего механика Горчаков. Его совсем не устраивало бросить груз и вести на буксире аварийное судно. Трое суток потеряешь — считай, пропал майский план.

Лесной, как всегда, не спешил с ответом. Вначале он что-то пробурчал про себя, не прекращая изучения поломки, потом сказал «да-а», обтер руки ветошью, закурил и наконец произнес:

---

[1] ЧЭРЭК — условное обозначение должности начальника службы движения пароходства.

— Плохо.

«Видно, «вылечить» деталь нельзя», — решил Горчаков.

— Да, плохо, — мрачно подтвердил он заключение механика.

Игната Тимофеевича считали в пароходстве человеком неспокойным. Вечно он что-то мастерил, совершенствовал, вносил предложения, упорно добивался разрешения произвести эксперимент, писал своим корявым почерком письма в Москву, прилагая к ним чертежи и расчеты. Впрочем, после того, как он получил патент на изобретение гак-скобы, которая нашла широкое применение на многих реках страны, к «чудаку» с «Невельского» отношение резко изменилось. Однако механик потерпевшего судна смотрел сейчас на Лесного почти с нескрываемой иронией. «Сколько ни разглядывай, а каждому ясно, что ни изготовить шейку, ни сварить ее на судне невозможно».

Докурив папиросу, Игнат Тимофеевич взял гаечный ключ и попробовал отнять один из клапанов насоса. Но гайка заржавела. Механик попробовал другие — результат тот же.

— Вырубишь зубилом клапаны, — сказал Лесной механику с «Еревана», — и пойдешь своим ходом.

Тот ничего не понял:

— Без клапанов?

Игнат Тимофеевич исподлобья взглянул на него:

— Если вырубишь, стало быть, без них.

— Ну?

— Ну, а потом плотненько закроешь крышечку насоса, закрепишь ее гаечками и пойдешь...

— А отработанный пар?

— Отведешь за борт.

— Правильно, Игнат Тимофеевич! — обрадовался Горчаков.

Механик с «Еревана» побледнел.

— Так тут на сутки работы!

— Поработай, — спокойно ответил Лесной, — часов за шесть, гляди, и управишься.

— Вывести конденсатор из строя? А котлы пополнять забортной водой?

Игнат Тимофеевич молчал: ведь все же ясно!

— Так я топливо пережгу!

«Ишь ты, умный какой, — подумал механик, ощупы-

вая шрам на лице. — Тебе угля жалко, а мы план из-за тебя не выполним, груз задержим!» Однако вслух своему собрату он ничего не сказал, а молча направился к трапу. Горчаков — за ним.

На палубе капитан «Еревана» спросил Горчакова:

— Может, Андрей Корнеевич, все же отведешь меня в завод, а?

— Прикажет пароходство — отведу. — Он взглянул на часы. — Вот через двадцать минут будем связываться с Хабаровском.

— Добро, — согласился капитан и заторопился в каюту — составлять телеграмму Архипу Севастьяновичу о том, что Горчаков готов отвести «Ереван» и ждет только распоряжения.

В шлюпке Лесной произнес:

— Лоботряс!

Андрею Корнеевичу надлежало догадаться, что речь, видимо, идет о механике «Еревана».

Шлюпка подходила к борту «Адмирала». Поднявшись на мостик, капитан отдал по переговорной трубке распоряжение:

— Готовить машину!

Горчаков вовсе не собирался ждать, пока радист начнет и закончит обмен радиограммами с пароходством. И так целый час потеряли. А если даже ЧЭРЭК и распорядится вести «Ереван», Андрей Корнеевич все равно распоряжения не выполнит, а сообщит, что судно может через несколько часов идти своим ходом.

Вскоре «Адмирал» выбрал якорь, развернулся и пошел к своему составу. Шкиперы и матросы на баржах оживились, готовясь принять буксир. В это время радист вручил капитану телеграмму. Архип Севастьянович Волков предлагал оказать помощь потерпевшему судну.

— Малый! — как-то неуверенно скомандовал Горчаков в машинное отделение.

Плицы — гребные лопасти колес — стали медленно ударять по воде.

— Самый малый! — капитан продолжал читать депешу, хотя в ней было всего три строчки. Потом, нахмурив брови, он скосил глаза на рулевого и, как показалось Никите, смотрел на него бесконечно долго. — Старпома на мостик! — распорядился Горчаков и сам встал за штурвал. — Я вам всем покажу, как надо работать!

Никита мелькнул на трапе, оставляя за собой дробный стук каблуков о металлические ступеньки.

Через минуту вместе с рулевым на мостик взбежал непричесанный, заспанный помощник. Ничего ему не сказав, Андрей Корнеевич покинул рубку.

— Что случилось? — спросил старпом Никиту.

— Не знаю. Радиограмму получил.

В каюте капитан открыл тумбочку письменного стола, торопливо порылся в ящике, достал бланки радиограммы.

— Я вас научу, как жить на свете! — с этими словами он взял карандаш и начал писать:

«КРЕК»[1] *Горчакову. Районе Амурзета результате поломки машины стоит «Ереван». Окажите помощь».* — Тут Андрей Корнеевич секунду подумал и решительно дописал: — *«Возьмите на буксир воз «Еревана» из шести барж.*

ЧЭРЭК Волков».

Прочитав телеграмму, капитан положил ее в карман и снова поднялся на мостик.

Отрабатывая на малых оборотах, «Адмирал» находился почти на том же месте, как и до ухода капитана из рубки.

— Идите отдыхать! — приказал Горчаков помощнику и тут же крикнул в переговорную трубку: — До полного!

Видя, что «Адмирал Невельской» идет к ним, на «Ереване» решили, что Горчаков либо получил указание взять их на буксир, либо перетрусил: как это не оказать помощь пострадавшему судну?

Когда «Адмирал» пришвартовался к «Еревану» и крылья капитанских мостиков оказались рядом, Андрей Корнеевич молча передал «радиограмму» капитану.

— Ясно? — спросил у него Горчаков, едва тот дочитал до конца. Протянув руку, он забрал «депешу» назад, вернулся в рубку, скомандовал: — Малый!

Озадаченный капитан «Еревана» еще не успел все как следует осмыслить, а «Адмирал» уже подходил к баржам.

На «Адмирале Невельском» команда долго не могла понять, зачем капитан берет состав «Еревана», ведет его к своему возу, счаливает. Но когда Горчаков распорядил-

---

[1] Капитан (усл.).

ся подать буксир на счаленный состав, а затем и потащил его за собой, адмиральцы убедились, что Андрей Корнеевич всерьез решил вести этот небывало огромный воз...

— Вот это да! — воскликнул Зелик Шнайдер. — Наверно, очень срочный груз. А что случилось на «Ереване», Игнат Тимофеевич? — спросил он старшего механика. — Авария?

— Механик гайку потерял, — улыбаясь одними глазами, ответил Лесной.

— Откуда?

Игнат Тимофеевич постукал себя пальцем по голове. На палубе раздался взрыв смеха. Расспрашивать дальше Лесного не стали, зная, что это все равно бесполезно.

— Вот бы такой воз до Николаевска довести, — мечтательно произнес один из матросов.

— Не разрешат, — отозвался другой, надраивая палубу.

Взяв на себя такую огромную ответственность, Андрей Корнеевич почти не покидал мостика. Он был там остаток дня, вечером, ночью и даже утром, формально сдав вахту старшему помощнику. Лишь ненадолго он задремал в рубке, на скамье.

На «Адмирале» никто не знал о проделке капитана. Только старший механик смутно догадывался о чем-то и думал обеспокоенно: «Неровен час, не запахать бы в берег... Пять пар... А доведет — по всему бассейну прогремит...»

«Победителей не судят, — проснувшись, размышлял капитан, — но если разобью состав — тюрьмы не миновать». Он всматривался в путевые знаки, часто брал в руки бинокль — надо все предусмотреть заранее, — иногда быстро выходил то на одно, то на другое крыло мостика, перегибался через леерное ограждение и тут же требовал короткими гудками промеривать глубину.

— Пронос, — то и дело доносилось с носа парохода.

— Метр восемьдесят.

«Пронос» — это означало, что наметка, похожая на вешку изыскателей, дна не коснулась.

— Довольно, — ненадолго успокаивался капитан. Но вот впереди вновь рябит вода. — Самый малый! — слышал машинист приказ с мостика.

Состав благополучно проходил опасные участки.

Глубокой ночью «Адмирал» миновал устье Сунгари — судоходной реки, несущей свои мутно-желтые воды через Северный Китай. Теперь Амур разлился на добрых три километра. Но это не радовало Горчакова: чем шире — тем мельче, а глубины действительно начали падать. Низкие берега не удерживали полноводной реки, и она растекалась бесчисленными рукавами и вправо и влево. Заречный так и не понял, где устье Сунгари, а где протоки.

После полудня состав остановился. Оказалось, что на перекате недостаточно глубин для прохода тяжело груженных барж. Об этом молчаливо оповещали знаки на сигнальной мачте.

Звуковым сигналом Горчаков вызвал перекатного старшину. Вскоре к борту подошла шлюпка, в ней сидел низенький старикашка в рваном треухе.

— Здравствуй, Андрейка! — приветствовал он капитана. — Чего гудишь-то? Эко набрал возище!

Андрей Корнеевич покривился от такого обращения, но, уважая старость, не сделал замечания.

— Глубины точные? — спросил он.

— Проверь, если не лень.

— И проверю. Если уж Верхний перекат одолели, то здесь и вовсе не должны сесть.

— А ты, гляди, не рискуй, орел. В тюрьме-то сидеть, ска́зывают, ой как несладко. Ни тебе водочки, ни жонки.

— Ты мне зубы не заговаривай. Поедем проверять!

— Ой, Андрейка, горячая голова, — вздохнул старик и направился к трапу. — А старуха мне наказала привезти тебя на ее светлые очи. Карасей, говорит, наготовила, да и водочка, кажись, у старой припрятана.

— Левее держи, — в ответ на приглашение пробасил Андрей Корнеевич, почти непрерывно опуская футшток в воду у носа шлюпки и выхватывая его около кормы.

Глубины были близки к объявленным на сигнальной мачте, но все-таки больше на восемь — десять сантиметров, а в судоходстве это не пустяк!

— Страхуешься? — сурово спросил капитан.

— Так разве за рекой-то угонишься? Утром одно, к вечеру глыбже стала. Вот надысь «Мао Цзэ-дун» с возом без малого сутки постоял — пождал, в водичка-то и прибыла.

— Во сне, что ли? Мелеет река.

— Ой, нет, Андрейка. Как где — не ведаю, а только тут

по-всякому бывает. Ну, что, заедешь карасиков отведать? Куда тебе на ночь-то глядючи спешить?

Убедившись, что состав провести можно, хотя и с некоторым риском, Горчаков сверкнул глазами и строго сказал перекатному старшине:

— Был бы ты моложе, я бы тебя выучил, как жить на свете!

— Ты чего это, Андрейка? — нахохлился старик.

— Я тебе не племянник, а капитан Горчаков, ясно? К борту! Через пять минут, чтоб на мачте порядок был! Распустили вас тут! Это мне что — на каждом перекате самому глубины промерять?

Старик молчал, прилежно работая веслами.

— Еще когда-нибудь остановишь зря... не посмотрю на возраст.

Не простившись, Горчаков молча перешел со шлюпки на борт судна. Вскоре он увидел, что на сигнальной мачте показаны истинные глубины.

На всякий случай Горчаков приказал расчалить баржи: запас глубин под днищем небольшой, нельзя рисковать сразу всем составом. Вначале «Адмирал» провел две баржи, потом взял четыре. Ни одна из них не задела дна. Остальную часть состава Андрей Корнеевич провел на средней скорости, и тоже удачно. «Напрасно расчаливал, — сожалел Горчаков. — Все этот «Рваный треух» нагнал страху...»

Задержка на перекате отняла три часа. Теперь «Адмирал» шел полным ходом. Капитан хотел успеть за ночь провести по частям состав под железнодорожным мостом, забункероваться углем и до рассвета покинуть Хабаровский рейд. Ночью никто не заметит, сколько у него барж, а утром, пока хватятся (если, конечно, капитан «Еревана» уже не сообщил, что отдал воз), «Адмирал» будет далеко на пути к Николаевскому морскому порту.

Тем временем «Ереван» получил ответ пароходства на запрос о том, куда идти. Помеха была устранена. Пароход мог двигаться своим ходом. Ответ гласил: «Продолжайте рейс». «Ереван» снялся с якоря и вслед за «Адмиралом» пошел в Хабаровск: судно нуждалось в заводском ремонте.

Горчаков частенько оглядывался назад: не догоняет ли «Ереван»...

Занятый своими мыслями, Андрей Корнеевич забыл,

что приближается к родному дому. А там, на берегу, стояли родные: мать, бородатый бакенщик Корней, сестра Светлана, а около нее — лоцмейстер Подосенов и пограничник Остроухов. Лейтенант передал Светлане бинокль, но она спустя минуту сказала со вздохом:

— Даже не смотрит...

— А ну-ка, дай сюда, дочка, — отец взял у нее бинокль. — Вот разбойник, — протянул удивленно старик, — десять барж тащит.

Только поравнявшись с путевым постом, Андрей заметил родных и дважды махнул фуражкой.

«Раньше, бывало, хоть гудком поприветствует родителей, — укоризненно думала Ольга Ильинична, — а ноне едва вспомнил, что дом рядом. Эх, сынок, сынок».

Смеркалось. Приближался Хабаровск. Заречный пошел в каюту — приготовиться к выходу. Когда он снова появился на палубе, вдали уже виднелось зарево городских огней. В одной из проток, за редкоствольным тальником, появилась луна. Амур сейчас действительно казался Черным Драконом с медно-желтой зубастой пастью...

ГЛАВА 10

Все последние дни Строева нетерпеливо ждала мужа. В любую минуту дня и ночи она могла ответить, где сейчас находится «Невельской». Зинаида верила, что Андрей осознал и осудил свой поступок. Она рисовала себе картину встречи с мужем. Вот он входит в прихожую, здоровается, не глядя ей в глаза, смотрит по сторонам — нет ли поблизости Танюши. Потом, не поднимая головы, говорит: «Прости, Зина. Ты ведь знаешь, что я люблю тебя». Он не подходит к ней, ждет у двери. Сердце Зинаиды сжимается, на глазах проступают слезы, она обнимает его, говорит: «Глупый ты, Андрюша. Почему ничего не писал?» Он молчит. Затем появляется Танюшка, бросается отцу на шею, и они кружатся по комнате, счастливые, как и Зинаида...

Судя по последней сводке, «Адмирал» должен прийти в Хабаровск в восемь вечера, но вот уже без четверти девять, а его все нет. Строева вышла на балкон, вгляделась в Амур. Нет, даже дымка не видно. Странно. Позвонила дежурному диспетчеру. «Видимо, опаздывает», — сказал тот.

Примчалась с улицы возбужденная дочь.

— Папа приехал?

— Нет, доча, еще не пришел пароход.

— Не пришел? А ты сказала — вечером.

— Теперь уже скоро. Тебе пора ужинать и спать.

— Нет, мамочка, нет! Я подожду папку. Я еще немного побегаю. Хорошо?

Мать задумчиво улыбнулась, и Таня скрылась за дверью.

В комнате у Зинаиды образцовый порядок: натерт паркетный пол, нигде ни пылинки, ни пятнышка; на окне белоснежная тюлевая штора, на столе — букет живых цветов. На кухне готов обед. Даже вино есть, хотя Строева всегда стеснялась его покупать.

Зинаида Сергеевна знала, что в Хабаровске «Адмирал» пополнит запас угля, возьмет продукты для команды и пойдет дальше до Николаевска. Плановая стоянка — четыре часа. За это время Андрей, конечно, имеет возможность побывать дома.

Если бы Зинаида знала, где Андрей сойдет на берег, она пошла бы его встретить. Пусть ему будет приятно. Но нет, лучше ждать дома, а то, чего доброго, можно разминуться.

В десять часов Зинаида уложила дочь, пообещав разбудить ее, когда придет отец. А сама не могла ни на чем сосредоточиться. Брала в руки книгу — не читается, пробовала делать расчеты опытного рейса — не получаются. Около одиннадцати она позвонила в порт.

— Кто спрашивает? — раздался в трубке сердитый голос.

— Строева.

— На подходе, товарищ старший диспетчер.

В это время над рекой раздался протяжный гудок. Сердце Зинаиды сжалось, а потом стало биться неровно, толчками. Она выглянула в окно. На рейде мерцало много огней. Зинаиде казалось, что она видит не только огни, но и то, как Андрей спускается в шлюпку, идет к берегу, заходит к диспетчеру порта, докладывает о прибытии, получает указания, тут же передает их помощнику, отправляет его на судно, а сам направляется домой. «В пять ноль-ноль, — говорит он, — подадите шлюпку. Ясно? И чтоб все было в порядке!»

Зинаида оглядела комнату, поправила одеяло на дет-

ской кроватке, остановилась перед туалетным столиком. Из зеркала на нее смотрели возбужденно блестевшие большие серые глаза. Зинаида поправила на кофточке подковку, усыпанную маленькими рубинами. Эту брошь подарил ей Андрей в день свадьбы.

Резкий звонок телефона заставил Строеву вздрогнуть. Она бросилась к аппарату, чувствуя, как запылало лицо.

— Слушаю. (Она чуть было не добавила: «Андрюша»). Ах, это ты, Клава... Еще нет. Да, думала он. Заходи. Танюшка спит. Обещала разбудить. Ждет. Уверена ли, что придет? — Зинаиду этот вопрос застал врасплох. «А вдруг? Неужели? Что же я утром скажу дочери?» Зинаиде сделалось страшно, она опустилась на стул, чувствуя, как тревожно защемило сердце. Почти ни о чем не думая, оперлась локтями о стол, приложила к пылающим щекам ладони и просидела так, как ей казалось, очень долго. Не было сил подняться, что-то предпринять. Поехать самой на судно? Нет, этого она сделать не могла. После того, что Андрей сказал ей! Нет, это выше ее сил. И тут ей вспомнилось, как просто она могла появиться на пристани в Благовещенске, когда еще была невестой Андрея. Как ей тогда было хорошо...

Звонок в прихожей уже не мог ни взволновать Зинаиду сильнее, ни успокоить. Не вытирая слез («Пусть увидит!»), она направилась к двери.

На пороге стояла Клавдия. Увидев, что по лицу подруги текут слезы, она обняла Зинаиду и увела на диван.

— Он не придет, не придет! — повторяла Зинаида.

— Успокойся.

— Сердце не обманешь, я знаю.

Лицо Стрелковой сделалось строгим, губы плотно сжались.

— Не стоит он тебя! — произнесла свой приговор Клавдия. — Не стоит! Пойдем, у меня есть валерьянка.

Подруги пересекли лестничную площадку и оказались в квартире начальника политотдела.

— А если он придет?

— Сядь. На, выпей воды. Сейчас я найду пузырек с валерьянкой.

Зинаида тихо всхлипывала. Клавдия тем временем написала на листке бумаги: «Зина у нас. Клавдия».

— Ясно? — она показала листок и вышла приколоть его на дверь квартиры Горчаковых.

Едва Зинаида привела себя в порядок, как в прихожей раздался звонок, и хозяйка бросилась к двери.

Вошел Никита — брат мужа Клавдии.

— Здравствуйте, Зинаида Сергеевна.

Строева кивнула головой.

— Клава, а где отец?

— На собрании. И отец и Костя.

— Чего это они по ночам? — он взглянул на часы. — Полдвенадцатого. Я ненадолго. Только повидаться да взять кое-что.

В речной форме Никита Волков был великолепен. Брюки отглажены, бушлат новенький, тельняшка, а главное — чуб.

— Сейчас мы у него кое-что разузнаем, — сказала Клавдия, когда Никита скрылся в другой комнате.

Молодой адмиралец мелькнул в коридоре, на ходу возбужденно делясь новостями:

— Знаешь, какой мы воз везем? Десять барж!

— Ты мне о возах не рассказывай. Как новый капитан?

Строева насторожилась.

— Морской волк!

— Ужасно суматошный парень, — улыбнулась Клавдия Петровна.

Зинаиде Сергеевне не терпелось самой расспросить об Андрее, но она стеснялась.

— Клава, — еще из другой комнаты послышался голос Никиты, а затем появился и он сам, — мне нужно позвонить товарищу по телефону...

— А не поздно?

— Нет, ничего.

— Твое дело. Звони.

Никита вертел диск телефона и постепенно краснел.

— Алло! Квартира? Это ты? Ага, я. Здравствуй. Узнаешь? Ага. Часа на два. Поздно? Так только пришли. Я и так... — Никита старался плотно прижимать трубку к уху, но женщины все же слышали, что «товарищ» говорит девичьим голосом. — Ну, а ты как-нибудь потихоньку. На полчаса. Честно! Ладно? Через пять минут — у почтамта, да? Через десять? Есть!

— Ох, всыпят твоему товарищу родители, — вздохнула Клавдия.

— Так он уже взрослый. И паспорт есть.

— А кто тебе брюки так отутюжил?

— Повариха. Знаешь, какая она у нас! И стряпать мастерица, и кому что сделать — все может.

— Хабаровская?

— Нет. Новая. С «Ушакова». Жанной зовут. Ну, до свиданья. Я больше не приду. — И Никита скрылся.

Уже хлопнула входная дверь, а Клавдия Петровна все не решалась взглянуть на подругу.

— Опять? — тихо проговорила Зинаида. — Опять Жанна? — щеки ее пылали.

Клавдия молчала. Она знала, что по просьбе Зинаиды начальник пароходства перевел Горчакова на другое судно из-за этой самой Жанны. «А они опять вместе. Как это могло случиться? Да, тут дело нечистое».

«Так вот почему Андрей молчал и не явился домой! Значит, он решил...» Зинаида еще сама не знала, что это значит, но горькое чувство стыда и обиды давило ее. Она втянула голову в плечи, словно под тяжестью невидимого груза.

За дверями послышался шорох.

— Костя идет, — сказала хозяйка.

Зинаида не слышала ее.

Прихожая наполнилась мужскими голосами.

— Кто там? — Строева быстро поднялась.

Семья Волковых состояла из четырех человек: Волкова-отца — Архипа Севастьяновича, его старшего сына Кости, младшего — Никиты и Клавдии. Жена Архипа Севастьяновича умерла три года назад.

— А мы, Клавушка, пригласили Алексея Ивановича чайку попить, — говорил невестке свекор.

— Проходите, проходите, — приглашала хозяйка.

— Да ты не одна, оказывается? Здравствуй, Зина, — в комнату вошел муж Клавдии. — А я смотрю, какой-то листок у тебя на двери. Знакомьтесь — начальник пароходства.

Все засмеялись. И даже Строева не сдержала улыбки.

— Зиночка, помоги мне накрыть на стол, — выручила подругу хозяйка.

— Андрей не приходил? — спросил Архип Севастьянович.

Но Зинаиды Сергеевны уже в комнате не было.

Разгоряченные спором на собрании, мужчины продолжали какой-то понятный только им разговор.

Клавдия выставила на стол все, что у нее было, принесла чайник, сказала:

— Хозяйничайте, пожалуйста, сами.

— А ты? — Костя удивленно взглянул на жену.

— А Зинаида Сергеевна? — почти одновременно спросил Добрынин.

— У нас есть свои дела. Я буду у Зины, Костя.

Некоторое время пили чай молча. Первым заговорил глава семьи. Отодвинув пустой стакан, он провел рукой по черным с проседью волнистым волосам и сказал:

— Да, всыпали нам сегодня... — На собрании разбирались фельетон газеты о Бесхмельном и жалоба начальника порта на Добрынина.

Партийное собрание признало, правда, незначительным большинством голосов, действия начальника пароходства поспешными и предложило ему пересмотреть свой приказ относительно Бесхмельного.

Начальник порта говорил на собрании, что Добрынин, видимо, избрал его, Бесхмельного, в качестве «стрелочника», который всегда и во всем виноват. Пароходство в целом провалило план, а виноват почему-то он один, Бесхмельный.

Уволенного сурово критиковали, собрание объявило ему выговор, но многие склонялись к тому, что приказ начальника пароходства лишает Бесхмельного возможности выправить положение. Да и стоит ли в пору навигации менять руководящие кадры! Эту точку зрения высказали Юрий Николаевич Белокрылов и Тихий-Тищенко, их поддержал Окунь. Юрия Николаевича Белокрылова знали на Амуре больше двух десятилетий, к его голосу прислушивались. За предложение Белокрылова голосовало на два человека больше, чем за решение начальника пароходства.

— В райком пойду, — горячился Алексей Иванович. — В горком, в крайком, но докажу, что снял с работы бездельника и очковтирателя!

— Туда, конечно, тебя сами вызовут. Но не думаю, чтобы поддержали, — старался остудить его Константин Архипович.

Добрынин ощупал огромный лоб, расстегнул верхний крючок кителя:

— Почему же ты не голосовал вместе с Белокрыловым и Тихим-Тищенко за их предложение?

— Потому что убежден в никчемности Бесхмельного.

— И все-таки его придется восстанавливать?

— Полагаю, и ты знаешь, что так может случиться.

Добрынин налил себе еще чая, но отставил чашку в сторону, снова закурил, задумался. На реке протяжно загудел пароход и вслед за этим дал три коротких сигнала.

— Это кто же? — Архип Севастьянович вскинул голову, как бы ожидая, что гудки повторятся. — Вроде, «Невельской»...

И обратился к начальнику пароходства:

— Алексей Иванович, оно, конечно, не вовремя, а все-таки напомню: как насчет меня?

— Не думал еще, Архип Севастьянович. Да и стоит ли в период навигации перемещать работников?

— Как хотите, товарищ генерал, а только в управлении сидеть я не стану! Не мое это дело...

— Подумаю, подумаю. Ну, пора отдыхать. Спасибо за чай. Спокойной ночи.

Начальник пароходства ушел. Отец тут же, в прихожей, подступил к сыну:

— Я тебя, Костя, хотел спросить... — с хрипотцой в голосе начал он.

— О чем?

— Ты можешь начальнику пароходства сказать, чтоб он меня отпустил на судно, или нет?

— Не могу, отец.

— Это почему же не можешь? — Архип Севастьянович нахохлился.

— Только потому, что ты мне вроде бы родственник. И сейчас напрасно просил Добрынина. Некрасиво: позвал чай пить, а сам делишки свои устраиваешь.

— Делишки? Ты с кем говоришь, сопляк! Забылся?

Кто знает, как далеко зашла бы эта перепалка, если б не пришла Клавдия. Старик сверкнул глазами и, раздраженный, ушел в свою комнату.

Клавдия подсела к мужу:

— Мне надо с тобой очень серьезно поговорить о Зинаиде. Она, конечно, не должна об этом знать.

Часы пробили дважды, потом еще один раз, затем трижды, а Костя и Клавдия еще не спали.

Не спала и Строева. Только что просыпалась Танюшка, спрашивала, где папа. «Пароход еще не пришел», —

сказала мать, хотя сама слышала отходные гудки «Адмирала». На всякий случай позвонила в порт:

— Как «Невельской»?

— Отправился в час тридцать.

Сердце Зинаиды ожесточилось. Шел уже четвертый час, а заснуть она не могла.

Утром, проводив дочь в детский садик, Строева выпила стакан чая и отправилась на работу. Голова гудела, клонило в сон и слегка пошатывало. Если бы какой-то молодой речник вовремя не увлек ее в сторону, она попала бы под мощную струю автополивальщика.

— Спасибо, — сказала она речнику и пошла дальше.

Это был Заречный. С самого рассвета он знакомился с городом. Не доходя до управления пароходства, он заметил Самоцветову. Девушка торопливо шла, размахивая небольшим портфелем.

— Евгения Павловна! — окликнул ее лейтенант.

Она резко повернулась, на ее лице появилось вначале недоумение, потом улыбка, глаза засияли, и она шагнула к молодому человеку.

— Здравствуйте, Георгий Иванович. Вы когда приехали?

— Ночью.

— А Андрей Корнеевич?

— Ушел в Николаевск.

— Да? Как вы устроились?

Заречный сказал, что идет сейчас представляться в управление пароходства. Женя в свою очередь сообщила, что она работает в лекционном бюро управления культуры, живет почти рядом — на Тургеневской. А сейчас спешит в музей.

— Передайте привет Андрею Корнеевичу, если увидите его, — и, махнув рукой, она быстро скрылась за углом.

Самоцветова выглядела превосходно. В походке, быстрой и энергичной, в жизнерадостном блеске глаз угадывалось, что она полна сил и задора. Женя была одета в тот же сиреневый костюм, в каком Заречный видел ее в поезде.

На днях Евгения Павловна прочла свою первую лекцию о советских писателях и покорила серьезную аудиторию. Да, Самоцветова умела и проникновенно прочесть отрывок из «Молодой гвардии», и с лукавым задором процитировать строфу из Симонова («Скажи им пару

слов, Самед, испорти им, чертям, обед!»), и увлечь слушателей стихами Щипачева («Любовь не вздохи на скамейке и не прогулки при луне»). Молодому лектору долго аплодировали, потом задавали вопросы и когда наконец отпустили с трибуны, снова окружили плотным кольцом. Женя перехватила несколько восторженных взглядов, которые относились, кажется, уже не только к ее лекторским способностям...

Женя была увлекающейся натурой. Сейчас ее захватила мысль подготовить лекцию по истории освоения Дальнего Востока. Она постарается, чтобы слушатели увидели и Ерофея Хабарова, и Невельского, и знатного шкипера Малякина, о котором вчера читала в газете, и многих, многих других замечательных людей. А сколько на Дальнем Востоке было исследователей, ученых, флотоводцев! Женя трудилась самозабвенно. Когда она видела, что открывает людям то, чего они раньше не знали, когда она чувствовала, что завтра многие захотят сами прочитать книги, о которых она упомянула лишь вскользь, — Женя чувствовала себя вполне счастливой. Не напрасно говорят, что труд — лучшее лекарство от всех болезней и особенно болезней душевных.

В музее, прежде чем углубиться в работу, Женя подумала, что надо узнать, когда будет возвращаться из Николаевска Горчаков, и встретить его на пристани. «Но ведь я о нем ничего не знаю, — тут же предостерег внутренний голос. — Как он посмотрит на это? Что подумает?» Однако вопросы эти остались без ответа, и желание увидеться с «дальневосточным медведем» не ослабело. На секунду Жене вспомнился Ксендзицкий. Он ухитрился разузнать не только место работы Жени, но и ее домашний адрес. Вчера вечером нанес ей «визит вежливости» и усиленно приглашал поужинать. Кажется, инженер был под винными парами.

Сегодня у Ксендзицкого побаливала голова. К тому же он поздно лег, не отдохнул ночью как следует, и теперь ему хотелось спать. Он вышел из коммерческого отдела в коридор и тут увидел Заречного.

— Ба! Явился наш турист!

— Здравствуйте, — сдержанно ответил Георгий Иванович.

— Уже получили назначение?

— На пять часов назначена встреча с начальником пароходства.

— А где ваш очаровательный шеф?

Не ожидая ответа на вопрос, инженер торопливо поведал, какая «дыра» этот Хабаровск, как он, Дмитрий Дмитриевич, скучает по родным и столице и какая ужасная несправедливость «высылать из Москвы людей только за то, что они имели неосторожность получить высшее образование». Заречный едва отделался от его назойливой болтовни...

Как всегда, в одиннадцать часов в пароходстве началось диспетчерское совещание. Встревоженный срывом майского плана перевозок, к речникам приехал Вяткин. «Сколько людей ежедневно отрывается от дела», — была его первая мысль, когда он вошел к Добрынину. Начальники отделов и служб управления, работники порта и политотдела едва умещались в просторном кабинете; они сидели вокруг длинного стола, покрытого красным сукном, на диванах и стульях, расставленных вдоль стен.

По традиции первым всегда выступал начальник службы движения. Держа в руках сводку, Волков бесстрастно докладывал, где сейчас находятся суда транзитного флота, какие составы будут отправлены днем, а какие ночью, каково положение на плотоформировочных рейдах, — словом, обо всем том, что одни знали и без его доклада и что совершенно не касалось других. Архипу Севастьяновичу уже успела опротиветь эта ежедневная «говорильня», которая, по его мнению, приносила мало пользы, хотя и отнимала до двух часов дорогого времени.

Вяткин оглядел кабинет. В левом углу стоял зеленый сейф, в правом, за ширмой, виднелась вешалка. К огромному столу приткнулись на подставке селектор, радиоприемник и большой эбонитовый пульт с множеством рычажков и стеклянных глазков. Пользуясь этим аппаратом, Алексей Иванович мог по прямому проводу, без помощи коммутатора, разговаривать с начальниками отделов управления, соединять их между собой.

После Волкова докладывал преемник Бесхмельного — коренастый молодой человек с упрямо выпяченными губами. Солнце слепило ему глаза, он то и дело отворачивался и, наконец, не прерывая речи, направился к окну, шумно задернул зеленую штору и вернулся на свое место, чтобы сказать: «Все» — и сесть на диван.

«С характером», — одобрительно подумал о нем Вяткин.

Выступили Строева, Белокрылов, Тихий-Тищенко. Часы пробили полдень, прошло еще полчаса, близилось время обеденного перерыва, а люди все говорили и говорили о недостатках в работе пароходства. Вяткин подумал: «Уж не перед секретарем ли крайкома они демонстрируют свое прилежание к службе?» Он написал записку и передал ее Добрынину. Тот прочел, кивнул и, как только закончил свою обличительную речь Константин Архипович, предоставил слово Вяткину.

— Слушал я вас, товарищи, и удивлялся, — неторопливо начал Афанасий Прохорович. — Я хорошо понимаю, что такое малая вода: сам вырос на реке. Однако, судя по всему, дело не столько в низком уровне воды, сколько в низком уровне руководства флотом. Коммунисты должны уметь в любых условиях преодолевать трудности, а у вас получается так: чуть обмелела река, вы и сели на мель. — Невысокий, худощавый Вяткин положил локти на спинку стула, помолчал, словно давая срок присутствующим представить себя сидящими на мели. — Вы говорили о важных вещах, но сейчас, конкретно, как вы думаете выполнить майский план? Стройки края ждут древесину. Разве это вас не волнует? Расчет только на большую воду свидетельствует, что вы плохо думали о своей работе. Надо было так распределить флот, чтобы при коротком весеннем паводке успеть выхватить лес. Теперь придется исправлять положение мелкосидящими судами. Есть они у вас? Нет... — После паузы Афанасий Прохорович продолжал: — Придется заниматься позорной штурмовщиной. Но где другой выход?

Добрынин чувствовал, что краснеет.

— Краевой комитет поможет вам мобилизовать катерный флот управления малых рек, промышленных предприятий, леспромхозов. Малыми сплотками катера выведут лес на глубины. Вам предстоит быстро организовать новые плотоформировочные рейды, послать туда людей, выехать самим из управления. Нельзя допустить, чтобы древесина зазимовала в местах заготовок. — Афанасий Прохорович опять помолчал. — Меня очень удивляет, что никто из вас об этом не говорил. Значит, смирились? Нет, мол, воды, не будет и древесины? Прошу вас, товарищи, оперативно пересмотреть свои графики и возмож-

ности и обеспечить вывозку леса. Теперь об использовании несамоходного флота. Значит, три четверти навигационного времени баржи не перевозят грузы, а стоят? Я правильно понял?

Ему никто не ответил.

— А вы, товарищ Белокрылов, утверждаете, что у пароходства недостаточно флота? — Юрий Николаевич промолчал. — Алексей Иванович, я бы вам посоветовал пореже заседать, а почаще бывать на судах. Капитан парохода — вот центральная фигура на водном транспорте! Поддерживайте, поощряйте инициативу передовых экипажей, делайте ее достоянием других команд. Почему вы так робко пользуетесь методом толкания?

Зинаида Сергеевна увидела, что Вяткин смотрит на нее. И тут же он обратился прямо к ней:

— Товарищ Строева, вы — главный диспетчер. Почему же вы только говорите об этом прогрессивном методе, а не внедряете его в жизнь? За последние годы, товарищи, что-то мы привыкли слишком много говорить, принимать решения, обещать, а вот организовывать дело, бороться за осуществление своих же предложений как следует не научились. Не пора ли кончать шумиху и по-серьезному браться за работу? Как только каждый из нас начнет осуществлять то, что его волнует, дело, наше общее дело сразу двинется вперед. Побольше инициативы в работе, товарищи!

Когда совещание закончилось и почти все разошлись, Белокрылов сухо сказал:

— В одну из навигаций аренда катерного флота у сторонних организаций обошлась пароходству больше чем в миллион рублей. Только по этой причине себестоимость перевозок резко увеличилась.

— Что вы предлагаете? — спросил начальник пароходства.

— Дождаться июля и взять древесину своими силами по большой воде.

— А что делать с флотом сейчас? — задал вопрос Добрынин.

— Холодный резерв.

— Потушить топки? — Константин Архипович поднялся на ноги. — Это преступление.

— А приносить государству миллионные убытки — это как, по-вашему, называется? — спокойно отпарировал

Белокрылов. — Не забывайте об экономических показателях.

— Мне думается, Алексей Иванович, — не поднимаясь с кресла, начала Строева, — что надо все свободные буксиры направить к плотбищам. Чем им простаивать с баржами у перекатов, пусть подходят как можно ближе к плотоформировочным рейдам. Там можно пары спустить, а команды будут...

— Идея! — перебил ее Константин Архипович.

— Верно, товарищ Строева, — Добрынин внимательно вглядывался в Зинаиду Сергеевну. — Верно. Послать, скажем, десять пароходов. Команды займутся лесом. Это же, считай, триста — четыреста человек. Архип Севастьянович, идите и продумайте, какие суда можно туда направить. А вас, Юрий Николаевич, попрошу подготовить к концу дня соображения о работе флота в условиях мелководья. — Добрынин склонился над бумагами, выбирая какие-то документы.

Поднялся и начальник политотдела:

— Завтра выеду на Зею. Пока не отправлю лес, меня не жди.

— Очень хорошо. Перед отъездом зайди. Сейчас иду в крайком.

Вскоре начальник пароходства был у заведующего транспортным отделом.

— Ну, отменил приказ?

— Нет.

— Как? А решение собрания? — Окунь приподнял очки, с недоумением уставился на Добрынина. — Да ты соображаешь, что говоришь? Бесхмельный твой приказ обжаловал в министерство...

— Слыхал. Я тоже отправил докладную.

— И Афанасию Прохоровичу заявление написал. Вот оно. — Окунь похлопал ладонью по закрытой папке.

Начальник пароходства молчал.

— Так к какому решению мы придем? — не унимался Окунь.

— Буду отстаивать свой приказ.

Окунь снова приподнял очки на лоб.

— Так, так. Ну, что ж, придется доложить Афанасию Прохоровичу, как ты относишься к людям, как считаешься с мнением коммунистов. Ступай!

Начальник пароходства вскипел.

— Ты мне не угрожай. Я не инструктор, которому ты можешь говорить «ступай» или «не ступай!» — И Добрынин прошел к двери. Окунь долго смотрел ему вслед ошалелым взглядом.

Забыв, что пора обедать, Алексей Иванович поехал в пароходство. На столе лежала почта. Взглянув на конверты, Добрынин не стал вскрывать их. Он закурил, откинулся на спинку кресла, вспоминая о решении партийного собрания. «Почему не поддержали меня? Сжились? Породнились? «Синклит»? Но разве может половина организации идти у кого-то на поводу? Нет, я ничего не понимаю! Круто, видимо, взял. Решил один, сам, а надо было вместе с людьми. Да уж не оторвался ли я от коллектива, если он меня не поддерживает?»

Механически Добрынин вскрыл верхний конверт. Из министерства сообщили, что в пароходство направляется на практику группа китайских студентов из Харбинского речного училища. Добрынин отложил бумагу в сторону и распечатал пакет от Одинца. Начальник Благовещенской пристани предлагал ликвидировать районное управление на Верхнем Амуре, организовать пассажирское движение на Шилке, перестроить работу флота по принципу тяговых плеч, как на железных дорогах. Об этом Одинец, конечно, вычитал в газете «Водный транспорт» и, в меру своих сил, разработал проект применительно к Амуру. Добрынин бегло просмотрел письмо и написал на уголке: «Белокрылову».

В пять часов пришел Заречный. После знакомства и обычных анкетных вопросов начальник пароходства, глядя на командировочное удостоверение Заречного, спросил:

— А что же вы так долго ехали?

— Я, товарищ генерал...

— Меня зовут Алексеем Ивановичем.

— В Благовещенске, Алексей Иванович, я перешел на пароход, чтобы попутно ознакомиться с рекой.

Добрынин с интересом посмотрел на молодого штурмана.

— А я вот не догадался этого сделать, когда перевели на Дальний Восток. — Он опустил рычажок на телефонном аппарате, снял трубку и сказал коротко: — Зайдите.

— Куда нам нужны штурманы? — спросил он своего заместителя по кадрам, когда тот вошел.

Пухлые ладони кадровика немедленно легли на край стола, спина изогнулась дугой и, заглядывая в глаза своего шефа, заместитель виновато ответил:

— Флот укомплектован, товарищ генерал.

— Так вот, поживите несколько деньков в гостинице, познакомьтесь с городом. Здесь есть на что посмотреть. Я вас вызову.

В дверях Георгий Иванович едва не столкнулся с Белокрыловым. Юрий Николаевич торопливо вошел в кабинет и еще с порога возмущенно начал:

— Это черт знает что такое!

— Что случилось?

Вид у Белокрылова был растрепанный, возбужденный, небритые щеки — в бурых пятнах.

— Я разрешил ему взять три баржи. Одинец дал четыре, а он...

— Кто?

— Горчаков! Это подлог! Я отдам его под суд.

— Сядьте, Юрий Николаевич. Авария?

— Пока сведений нет, но он подделал радиограмму и забрал воз у «Еревана»!

Добрынин решил не задавать вопросов, а ждать, пока его заместитель успокоится и расскажет все по порядку. Минут через десять, когда начальнику пароходства стало все ясно, он сказал:

— Этим вопросом я займусь сам. Вы подготовили соображения по лесу?

— Архип Севастьянович заканчивает.

— Я жду, — подчеркнуто сухо сказал Добрынин, чтобы Юрий Николаевич ушел.

Белокрылов смотрел на генерала и не понимал, почему он так равнодушно относится к преступлению Горчакова.

— Надо немедленно отобрать у него воз «Еревана». Он, видимо, уже подходит к Комсомольску...

Добрынин ничего не ответил.

Когда заместитель по эксплуатации флота ушел, Алексей Иванович пододвинул к себе селекторный аппарат, повернул рычажок и сказал в микрофон:

— Говорит начальник пароходства. Вызываю Комсомольск. Прошу всех уйти с линии.

— Начальник пристани Комсомольск слушает! — ворвался в кабинет громкий голос.

— Здравствуйте, товарищ Литвинцев!

— Здравствуйте, Алексей Иванович!
— Слышите меня хорошо?
— Отлично.
— «Адмирал Невельской» прошел?
— Проследовал без бункеровки в шестнадцать десять.
— Какой повел состав?
— Десять барж! — на весь кабинет зазвучал восторженный голос. — Боязно смотреть, товарищ генерал.
— А вы не бойтесь. Ко мне вопросы есть?
— Вопросов нет.
— Ну, благодарю, Анатолий Иванович, за добрые вести. Желаю успеха. До свиданья.

Отодвинув селекторный аппарат, начальник пароходства подошел к карте Амура, висевшей на стене, некоторое время изучал ее и неожиданно громко засмеялся:

— А ведь доведет, разбойник! Ну, а за мошенничество всыплю ему на обратном пути.

ГЛАВА 11

Нередко мы судим о людях по внешним признакам. Только по тому, например, что начальник бассейна вечно куда-то спешил, многие считали его чрезвычайно занятым человеком, хотя суетливость, торопливая походка и неизменная озабоченность на румяном лице свидетельствовали лишь о свойствах его натуры. Это отлично знала жена Аркадия Борисовича. Даже на прогулках он порой забывал о ней и уходил вперед. Таков уж был Тихий-Тищенко. Вот и сегодня, вскочив утром с постели, он торопливо побрился, быстро позавтракал, схватил фуражку, на ходу чмокнул жену в щеку:

— Будь умницей!
— Аркаша, я приготовила тебе кое-что на дорогу.
— Опять? Ничего не возьму!
— Но ты домой еще зайдешь?
— Едва ли, едва ли, я позвоню тебе.

Жена прикрыла дверь, вышла на балкон, облокотилась о перила и горько вздохнула. Когда уезжал муж, а это случалось часто, ей становилось особенно тоскливо: поступить на службу Аркадий не разрешил, детей нет, с соседками, женами подчиненных мужа, она не дружила. Жизнь тридцатилетней женщины проходила тускло, у нее

было всего две радости: книги и возвращение мужа из командировок.

Аркадий Борисович стремительно выкатился из подъезда, пересек улицу и скрылся за углом.

В управлении его ждал старшина катера.

— Все готово? — спросил Тихий-Тищенко и, не дожидаясь ответа, добавил: — Зайди!

Старшина вошел в кабинет.

— В четыре снимаемся с якоря. Верхний Амур, Зея. Вот триста рублей, купи что следует.

— Коньяк?

— Можно пополам с водкой. Продукты на складе получил?

Было девять утра, а начальник бассейна так спешил, как если бы транспорт, с которым ему предстоит отплыть, отходил через десять минут.

В это утро сотрудников бассейнового управления пути то и дело вызывал начальник; требовал приказы, лоцманские карты, профили перекатов, различные сведения. Можно было подумать, что он выезжает не на плесы, а по меньшей мере на доклад в министерство. Портфель Аркадия Борисовича разбухал с каждым часом. Тихий-Тищенко всегда отправлялся в служебные командировки во всеоружии. Ни один подчиненный на линии не вотрет ему очки!

Время от времени из его кабинета доносилось:

— Работать нужно лучше! Организуйте коллектив! Подумайте, разберитесь. Мобилизуйте людей!

Тихий-Тищенко осуществлял общее руководство.

Около часу дня Аркадий Борисович созвонился с Окунем и отправился в крайком. Надо было доложить о цели поездки. Тихий-Тищенко подружился с Окунем давно, еще до академии, когда Окунь работал в пароходстве плановиком. Человек он был, правда, ничем непримечательный, но к работе относился с усердием, любил, как и Аркадий Борисович, и поговорить, и выпить немного, и на охоту съездить, и угостить своих друзей. В прошлом году на отчетно-выборном собрании Бесхмельный предложил кандидатуру плановика в новый состав партбюро, и Окуня избрали. А вскоре Тихий-Тищенко случайно узнал, что в крайкоме подбирают инструктора по транспорту, и горячо порекомендовал предшественнику Вяткина своего старого друга, «человека скромного, перспективного, хорошо знающего транспорт».

На улице, против научной библиотеки, путеец увидел Ксендзицкого с какой-то милой особой. Дмитрий Дмитриевич обрадовался встрече: пусть Женя посмотрит на его знакомых! На погонах речника красовались полковничьи звезды, на козырьке — золото дубовых листьев.

— Здравствуйте, Аркадий Борисович. Знакомьтесь, моя попутчица на Дальний Восток.

— Евгения Павловна Самоцветова, — назвала себя девушка.

Она явно понравилась Тихому-Тищенко. Через минуту Ксендзицкий мог только улыбаться, потому что путеец не давал никому вымолвить ни единого слова.

— Ростов? Великолепный город! Но разрешите вам доложить, что и на Амуре есть прелестные уголки! Если вы не возражаете, то после моей командировки я готов открыть вам очарование здешних мест. Протоки. Острова. Хехцир. Это сказочно красиво!

Евгения Павловна охотно согласилась принять участие в такой поездке.

Новый знакомый произвел на Самоцветову самое благоприятное впечатление.

— Какой милый человек, — сказала она Ксендзицкому, когда Аркадий Борисович, вспомнив, что его ждут, торопливо простился и ушел.

Заведующий транспортным отделом уже позавтракал, когда без стука вошел Аркадий Борисович.

— Ты что же заставляешь ждать?

— Дела, дела! Сегодня еду на Верхний Амур.

— Холодные сосиски будешь есть?

Тихий-Тищенко присел к столику и быстро проглотил завтрак. Запивая сосиски остывшим чаем, он говорил:

— Передай Афанасию Прохоровичу, что я выехал на плотбища лично. Боюсь, придется объявить конвенционное запрещение: вода падает. Разве можно плавать при таких глубинах! А если разобьют флот — кто в ответе? Начальник бассейна! Да и про тебя не забудут, спросят на бюро, куда смотрел, чем занимался?

Окунь провел рукой по бритой голове и неопределенно протянул:

— Да-а. — И, помолчав, добавил: — Ладно, передам Вяткину. А вернешься, сразу заходи. Еще посоветуемся.

— Ну, я помчался. Будь здоров! — и Тихий-Тищенко скрылся за дверью.

Без четверти четыре начальник бассейна поднялся из-за письменного стола, оделся, взял огромный портфель из светло-желтой кожи и направился к двери. В это время раздался телефонный звонок. Аркадий Борисович вернулся, снял трубку:

— Да. Здорово, Алексей Иванович. Куда? На Сунгари? Не могу. Все землечерпалки заняты. Понимаю, что для Китая. По плану там будем углублять русло в июле. Нет, нет. Не знаю. Пиши в министерство, дело твое. Нет, не смогу. Через десять минут выезжаю на плотбища. Попробуй дотолковаться с главным инженером — он остается вместо меня. — Начальник бассейна опустил трубку.

Дойдя до двери, Тихий-Тищенко остановился, оглядел кабинет, затем вернулся, проверил, заперт ли сейф, еще раз взглянул на стол, на тумбочку с телефонными аппаратами и быстро поднял одну из трубок:

— 2-07! Киска? Ну, будь умницей. Не смог. Нет, нет. Не успеешь: через десять минут я буду на рейде. Пока. Скоро вернусь.

Катер начальника бассейна мягко рокотал двумя мощными моторами. Взбежав по сходням, Аркадий Борисович спустился в каюту, и в тот же момент «Бриз» слегка вздрогнул и пошел навстречу течению.

Время от времени на катере завывала сирена: старшина предупреждал катеришки и лодки, чтобы они поостерегались крутой волны, опасной для мелкого флота. Постовые старшины, начальники изыскательских партий, бакенщики, завидев «Бриз», с трепетом наблюдали за его курсом. Но их тревоги были напрасными: сегодня Тихий-Тищенко в пути не задерживался. Не остановился и около землесоса, углублявшего перекат, хотя там его ждали.

«Бриз» миновал Казакевичевскую протоку, пост бородача Горчакова, а Аркадий Борисович не выходил из каюты. Вначале он разбирал вынутые из портфеля бумаги, потом читал газеты, помечтал о получении генеральского звания.

Приближались сумерки. Путеец выглянул в иллюминатор и подумал, что неплохо бы заночевать у перекатного старшины: у старика недурная дочка-вдовушка. Аркадий Борисович открыл дверцы буфета и не спеша стал подкрепляться. Забулькал коньяк.

Перекатный старшина сегодня никак не ожидал приезда начальства. С полудня он куда-то уехал на своей мо-

торке и до сих пор не вернулся. А между тем уже два часа его ожидал лоцмейстер Подосенов. Он опять обнаружил заниженные глубины и решил обязательно дождаться «Рваного треуха», как часто называли перекатного старшину.

В доме старшины лоцмейстера встретили, как родного, но ни хозяйке, ни ее смазливой дочери не удалось уговорить его пообедать. Подосенов ушел на берег и там поджидал возвращения хозяина переката.

На крутом берегу, против домика старшины, лежало несколько отличных бревен, принесенных рекой. Под них положены жерди и камни. Александр прилег на могучие стволы деревьев и, как всегда в свободное время, размечтался о Светлане.

«Бриз» шел бесшумно, но очень быстро. На траверзе поста катер повернул, и через минуту Тихий-Тищенко уже сходил на землю, а лодку Подосенова било о берег и заливало водой.

Александр кинулся в лодку и, работая веслами, поставил ее носом к волнам. Потом, когда волнение стихло, он схватился за мокрый футляр с баяном и в это время услышал окрик своего начальника:

— Чем занимаешься?

— Жду старшину. Опять у него глубины занижены, — лоцмейстер стал ведром вычерпывать воду из лодки.

Начальнику бассейна показалось, что Подосенов ведет себя непочтительно: копается в лодке, а он, Тихий-Тищенко, стоит перед ним.

— Да вы наконец потрудитесь подойти ко мне!

Лоцмейстер подтянул лодку и вышел на берег.

— Почему баян в лодке?

— Он всегда со мной.

— Бездельничаешь? — опять сорвался начальник бассейна.

— Почему бездельничаю? — с обидой в голосе отозвался молодой человек. — Я объезжаю дистанцию.

— Здравствуйте, Аркадий Борисович, — в два голоса нараспев поздоровались с ним женщины. — Милости просим в хату.

Не отвечая на приветствия, Тихий-Тищенко строго сказал лоцмейстеру:

— Отправляйтесь проверять огни на реке, и чтобы на работе я больше баяна не видел!

Подосенов покраснел, но ничего не ответил: от обиды и стыда перехватило горло. Молча он отвязал конец, сел в лодку и, не простившись, оттолкнулся от берега. Впрочем, начальник бассейна уже и не смотрел на него: не очень твердой походкой он пошел к домику.

Женщины изо всех сил старались угодить гостю-начальнику.

— Где же хозяин?

— А сию минуту явится, Аркадий Борисович. Может, сбегать на катер, сказать, что заночуете, а?

Тихий-Тищенко вопросительно взглянул на хозяйскую дочь. Та зарделась, давая, однако, понять, что поступить ему следует именно так.

— Ну, уговорили, — милостиво согласился начальник бассейна и поближе придвинулся к вдовушке. — Пойдете на катер, прихватите с собой оттуда из моего буфета кое-что...

— Сделаю, Аркадий Борисович, сделаю!

Хозяйка ходила очень долго. Гость напрасно времени не терял.

— Барашек мой кучерявый, — ворковала податливая вдовушка, вороша его рыжеватые волосы.

Раскрасневшийся, охмелевший Тихий-Тищенко чувствовал себя превосходно.

Когда хозяин пришел домой, дочь его уже спала в соседней комнате, а сильно опьяневший гость беседовал со старухой о днях молодости.

— Ты где пропадаешь до полуночи?

— Служба, Аркадий Борисович. Служба требует. Здравствуйте.

— Молодец, старина!

«Рваный треух» покосился на пухлый портфель гостя и налил два полных стакана водки.

Этого оказалось достаточно. Тихого-Тищенко стал одолевать сон, и он направился в комнату, где для него уже приготовили постель.

Проснулся Тихий-Тищенко поздно. Голова трещала. В доме никого не было. Во дворе что-то мастерил хозяин переката. Мужчины опохмелились, в постовом журнале появилась еще одна похвальная запись, и вскоре на «Бризе» вновь зарокотали моторы.

Поднявшись на катер, Аркадий Борисович приложил руку к фуражке с золотым козырьком. С берега ему улы-

балась дружная семья перекатного старшины, а сам он помахивал рваным треухом.

Все были очень довольны.

В конторе Благовещенского технического участка Тихий-Тищенко ознакомился с положением на верхних плесах Амура, Зеи и Селемджи. За последние дни из-за недостатка глубин судоводители разбили два плота, а пароход «Амурзет» сел на мель.

Предложение начальника бассейна наложить запрет на плавание — объявить конвенционное запрещение — путейцы Благовещенска одобрили. Встревоженные последними авариями, работники районного управления тоже охотно поддержали начальника бассейна. Получив от него официальное извещение о вступлении в силу конвенции, руководители БРУ уведомили об этом Добрынина и одновременно приостановили перевозки. На пристани появились объявления об отмене очередных пассажирских рейсов и о прекращении приема грузов.

Неприятный разговор произошел у Аркадия Борисовича с Одинцом.

— Страхуетесь? — не без яда спросил путейца Одинец.

— В ваши годы, молодой человек, я так со старшими не разговаривал.

Ефим Петрович слегка покраснел, расстегнул верхний крючок на воротнике кителя.

— Разве я сказал что-нибудь грубое?

— Вам надо еще многому учиться, а не болтовней заниматься, — расхаживая по кабинету начальника пристани, сердито ответил Аркадий Борисович.

Одинец еще сильнее покраснел и внезапно охрипшим голосом выпалил:

— Учиться у перестраховщиков не буду! Не согласен, что плавать нельзя. В обком пойду!

От изумления Тихий-Тищенко остановился перед письменным столом, уставился своими большими, навыкате глазами на Одинца:

— Мальчишка!

— Вон отсюда! — неожиданно для самого себя взревел Ефим Петрович.

Начальник бассейна опешил.

— Как? — весь побагровев, только и смог он произнести.

— А вот так!

— Хорошо. Эта дерзость вам даром не пройдет! — Аркадий Борисович схватил с дивана свой пухлый портфель и почти выбежал из кабинета.

Дрожащей рукой Одинец налил из графина воды и залпом опустошил стакан. На лбу выступила испарина. Расстегнув китель, он снова сел за стол и составил телефонограмму Белокрылову. Своей ссоры с начальником бассейна он в докладной не коснулся.

— Конвенционное запрещение, — возмущенно говорил он, большими шагами меряя кабинет. — Поставить флот на прикол? Ничего, Белокрылов разберется. Все равно будем работать. Не зря приказали буксирам бросить баржи и идти к плотбищам.

Имея осадку значительно меньшую, чем баржи, пароходы еще могли ходить почти по всем плесам. Если вода не будет падать, можно с успехом водить мелкосидящие халки, небольшие плоты и неполностью загруженные баржи. Это же ясно! А вдруг не будет летнего паводка — тогда как? Нижний Амур и Охотское побережье останутся без завоза? Хлеб, соль, промтовары, машины — все зазимует в Благовещенске?

Одинец направился в Благовещенский областной комитет партии. Он докажет, что начальник БРУ попал под влияние Тихого-Тищенко и принял неправильное решение. Конвенционное запрещение — это дело путейцев. Пусть страхуются. А эксплуатационники должны перевозить грузы при любых горизонтах.

До самого обкома Ефим Петрович не думал о своей ссоре с начальником бассейна и только у парадной двери пожалел, что напрасно погорячился и что за это, вероятно, придется держать ответ.

Пока Одинец беседовал с заведующим транспортным отделом, начальник бассейна сидел у секретаря обкома. Он говорил, что вынужден был пойти на конвенционное запрещение с целью повысить бдительность и ответственность судоводителей. Пусть знают: ссылаться при авариях на путейцев им теперь не удастся. Что касается путевых работ, то он, Тихий-Тищенко, принимает самые энергичные меры для углубления перекатов...

...Чтобы сэкономить время, Константин Архипович Волков доехал до города Свободного поездом и уже через сутки был на пристани Суражевка — в среднем течении

Зеи. К полудню глиссер примчал его к одному из крупных плотбищ в верховьях реки.

Картина здесь была безотрадной. Двести тысяч кубометров древесины лежало на берегу в штабелях, плавало в мелководном устье Медведки или в плотах засело на косах. Несколько сплавщиков формировали мелкие сплотки, два катера отводили их на глубины. «При таких темпах работы хватит на год, — думал начальник политотдела, — а со дня на день начнут подходить пароходы-буксировщики».

Еще в Свободном Волков договорился с горкомом, что на плотбище пришлют сто комсомольцев, мобилизуют катерный флот хозяйственных организаций. Сейчас он решил ехать в ближайший крупный колхоз и просить людей хотя бы дней на семь, пока подъедет народ из Свободного, Благовещенска и других мест.

Когда Тихий-Тищенко добрался до плотбища, здесь был целый палаточный городок. Сотни людей с баграми копошились среди бревен. Десятки катеров отводили на глубины мелкие сплотки. Вместе со сплавщиками трудились члены пароходных команд. Там и здесь горели костры, над ними висели огромные котлы. В одной из палаток до поздней ночи работал магазин, в другой кассир и счетовод обрабатывали наряды, составляли платежные ведомости. Трудно было поверить, что еще несколько дней назад здесь было тихо, как в забытой гавани.

Аркадий Борисович с завистью смотрел на все, что успел «провернуть» здесь один человек.

Волков похудел, солнце обожгло его лицо, губы распухли.

— Будешь ночевать? — спросил начальника бассейна Константин Архипович.

— Рад бы передохнуть, но дела, дела заели. Пойду вверх по реке. Надо выяснить там обстановку.

— Говорят, наложил конвенционное запрещение?

— Не я наложил — Амур...

Зазвонил стоящий на чурбаке радиотелефон. Волков снял трубку.

— Слушаю. Взяли? Ясно. Желаю счастливого пути! Нет, у меня к вам нет ничего.

— Кто это? — поинтересовался Аркадий Борисович.

— «Амурзет».

— Разве его сняли с мели?

— Стащили. Повел плот.

— Ну, мне пора. Ты когда в Хабаровск?

— Вот лес отправлю...

— Сколько осталось?

— Осталось начать и кончить. Вывели пока тысяч десять, а древесины здесь двести тысяч кубометров.

— Что жинке передать?

— Мы с ней часто депешами обмениваемся.

— Значит, поручений не будет?

— Нет.

Простившись, Аркадий Борисович пошел к своему катеру. Вскоре «Бриз» ушел.

Доехав до первого бакенщика, Тихий-Тищенко осмотрел его путевое хозяйство, сделал запись в постовом журнале и распорядился возвращаться в Хабаровск, куда и прибыл на четвертые сутки.

— К пригородному! — приказал он.

Аркадий Борисович быстро взбежал по широкой бетонной лестнице, окутанной зеленью деревьев, и через минуту оказался у себя в кабинете. Было пять часов вечера.

— На Верхнем Амуре, Зее и Селемдже объявил конвенционное запрещение, — торопливо сказал начальник бассейна главному инженеру. — Подробно — завтра. Сейчас надо срочно написать отчет о поездке крайкому. Скажите, чтоб меня не беспокоили.

Оставшись в кабинете один, Тихий-Тищенко позвонил Ксендзицкому и пригласил его с Самоцветовой к себе на чашку чая.

— Прихватите и скрипку.

Белокрылова начальник бассейна разыскал по телефону в порту, Бесхмельного — дома, Окуня — в крайкоме, а заместителя начальника пароходства по кадрам — у него в кабинете.

— Жду к восьми, — неизменно заканчивал Тихий-Тищенко. — Будет талантливый скрипач и еще кое-кто.

Все обещали прийти. Затем Аркадий Борисович позвонил домой, предупредил жену, что он приехал и вечером будут гости.

— Аркаша, может быть, не сегодня? — несмело спросила жена.

— Невозможно. Развернись. Я буду в семь.

До половины восьмого начальник бассейна лично отстучал на машинке докладную о положении дел на плотби-

щах. Он хотел вручить ее Окуню сегодня, чтобы утром она уже лежала на столе Вяткина.

Аркадий Борисович подробно сообщил, что сделано в устье Медведки, сколько там работает людей, как они устроены, называл цифры и сроки и в заключение заверял, что, несмотря на трудности плавания в условиях мелководья, задание краевого комитета по вывозке древесины будет выполнено. Касаясь конвенционного запрещения, Тихий-Тищенко упомянул, что этот вопрос он согласовал в Амурском обкоме партии. Докладная получилась бодрая.

Дома Аркадий Борисович торопливо поцеловал жену и пошел в столовую проверить, хорошо ли накрыт стол.

Через несколько минут в прихожей раздался первый звонок. Вскоре все приглашенные сидели у овального стола. Не было только Самоцветовой: она куда-то уехала читать лекцию.

— Одаренный экономист и тонкий музыкант! — хозяин представил гостям Ксендзицкого.

Правда, Андрею Борисовичу не довелось еще слышать, как тот владеет смычком, но он надеялся, что молодой человек не подведет.

Окунь приподнял очки на лоб и, как показалось начальнику бассейна, вопросительно оглядел инженера. «Зачем он здесь?»

Тихий-Тищенко поспешил рассеять его недоумение.

— Дмитрий Дмитриевич приехал на Дальний Восток прямо из института, и мы с женой решили помочь ему легче перенести разлуку с родными. Молодежь — наше будущее!

Жене Аркадия Борисовича не пришлось подтверждать слов мужа: она находилась на кухне, да и вообще старалась своим присутствием не мешать мужским разговорам. Так уж было заведено в этом доме.

После первой стопки гости дружно заработали ножами и вилками. Не отставая от них, хозяин успевал еще и рассказывать о своей поездке.

Изогнув могучую спину, заместитель Добрынина по кадрам сидел молча, не смея вмешиваться в разговор старших по званию; бывший начальник порта напряженно всматривался в Окуня, выжидая удобного момента, чтобы заговорить о своем увольнении; Белокрылов с выражением усталости на лице, казалось, досадовал, что хозяин так долго не умолкает; Ксендзицкий каждым жестом

стремился подчеркнуть свою воспитанность, и только Окунь время от времени пытался что-нибудь уточнить:

— Ну, а как там начальник политотдела?

— Волков? Суетится по плотбищу, — неопределенно ответил хозяин. — Да, кстати, Юрий Николаевич, завтра буду тебе бить челом на Одинца. Распустили вы с генералом людей.

Белокрылов приподнял красивые брови, провел рукой по седеющей шевелюре.

Тихий-Тищенко продолжал:

— Наговорил мне дерзостей, мальчишка! Потребуй от него объяснений и накажи как следует. Сегодня он мне хамит, а завтра вообще никого не станет признавать. Не так ли?

— А что такое? — поинтересовался Окунь и приподнял на лоб очки. — Одинец — это начальник Благовещенской пристани?

Аркадий Борисович кивнул головой и вкратце рассказал о возмутительном поведении «этого выскочки».

Окунь укоризненно посмотрел на Белокрылова:

— Его Добрынин назначил?

— Не знаю, Юрий Николаевич, куда смотришь ты, — не унимался Тихий-Тищенко. — Опытных людей увольняете, а мальчишек тащите за уши вверх. А им еще надо учиться элементарным вещам.

— Начальник пароходства не отменил приказа? — спросил заведующий транспортным отделом.

— Нет, — отозвался Бесхмельный.

— Придется, видно, вопрос о работе пароходства поставить на бюро.

Хозяйка подала пельмени и снова вышла. Муж не задерживал ее.

Бесхмельный начал поносить Добрынина, но Юрий Николаевич оборвал его:

— Мне кажется, здесь не место сводить счеты.

Аркадий Борисович не донес до рта вилку, взглянул на Окуня, но тот поддержал Белокрылова:

— Правильно. Об этом поговорим на бюро.

Наступила неловкая пауза. Чувствуя это, хозяин попросил Ксендзицкого сыграть на скрипке. Дмитрий Дмитриевич охотно согласился.

Гости слушали, ели, перебрасывались замечаниями. Юрий Николаевич зевал. Годы брали свое.

— Может быть, пульку сгоняем? — предложил хозяин, задорно теребя пятерней свои рыжеватые волосы.

Белокрылов стал прощаться. Он и в самом деле устал за день, а утром — на работу. Ксендзицкий тоже счел уместным откланяться.

— Я хотел проститься с хозяйкой, — уже с футляром в руке показался он из прихожей.

— Она, мальчик, давно бай-бай. Заходи как-нибудь с Евгенией Павловной. Передай ей мой дружеский привет.

— Спасибо. Обязательно.

Щелкнул дверной замок. Оставшиеся уселись поудобнее, освободили на столе место, расчертили лист бумаги, «пропустили» еще по маленькой и одновременно потянулись за картами, которые бойко сдавал Аркадий Борисович.

ГЛАВА 12

Пассажирский пароход «Адмирал Ушаков», которым в прошлом году командовал Андрей Корнеевич, возвращался из очередного рейса. День был воскресный. На пристани собралось много хабаровчан: одни встречали, другие уезжали, третьи пришли их проводить. Дебаркадер гудел от людских голосов.

Несколько в стороне от всех стояли две молодые женщины. На одной — белая фетровая шляпа и габардиновый пыльник цвета пепла, на другой — строгий костюм с университетским значком на груди. Это были Стрелкова и Самоцветова.

Вдали задымил пароход.

— «Адмирал Ушаков»? — спросила Самоцветова.

— Да. Вы встречаете?

— У меня на этом пароходе знакомый капитан. Мы вместе ехали на Дальний Восток.

— Богодайко?

— Нет, Горчаков.

Стрелкова удивленно взглянула на незнакомку:

— Горчаков на «Ушакове» не плавает.

— Странно. Он сам мне говорил, и мы условились, что я встречу его...

Насторожившаяся Стрелкова поддержала беседу, чтобы исподволь утолить свое женское любопытство. Самоцветова охотно отвечала новой знакомой.

Тем временем подошел пароход. В толпе собеседницы потеряли друг друга.

Андрея Корнеевича действительно на «Ушакове» не оказалось. Самоцветова решила написать ему письмо.

«Как глупо, как все ужасно глупо! — думала Женя, выбираясь с пристани. — А зачем, собственно, он мне нужен?» Однако она почему-то не могла примириться с мыслью, что больше не увидит Горчакова.

Клавдия ушла с дебаркадера раньше Самоцветовой, и сейчас решительно говорила Зинаиде:

— Плюнь ты на своего грубияна Горчакова.

— К чему это ты? — изумленно спросила Зинаида.

Клавдия рассказала подруге о встрече с Самоцветовой. Зинаида сникла, плечи расслабленно опустились. Она чувствовала себя оскорбленной, униженной, жалкой.

— Что же делать, Клавушка?

— Выходи замуж за Добрынина — и все! — неожиданно выпалила Стрелкова.

— Ах, оставь ты, ради бога, эти шутки! Но Андрей, Андрей, какой он... — Она расплакалась. — Сначала Жанна, теперь эта... И история с подложной радиограммой... Новатор-мошенник! Ведь именно так и назвал его Юрий Николаевич.

...А Горчаков в это время торжествовал победу. За неделю до окончания месяца «Адмирал Невельской» уже выполнил майский план на двести семь процентов. Команда предвкушала прогрессивку, равную двум окладам. Рейс прошел блестяще. Правда, внезапно заболел первый штурман, и его пришлось вывезти на санитарном гидросамолете, но это не повлияло на ход дела: на борту оставались два судоводителя — капитан и Зелик Шнайдер.

Сейчас «Адмирал Невельской» толкал вверх по реке огромную баржу-нефтянку, почти до палубы погруженную в воду.

Когда «Невельской» пришел в Хабаровск, диспетчер порта передал Горчакову распоряжение явиться к начальнику пароходства.

В приемной Добрынина пришлось ждать. Начальник пароходства был занят: он изучал сводку о выполнении майского плана. «Провал, — думал Добрынин, подперев ладонью лоб. — А тут еще конвенционное запрещение...»

Вошла секретарша, молча положила на стол почту. Алексей Иванович прочел одну телеграмму, вторую и по-

багровел. Заместитель министра предлагал немедленно восстановить Бесхмельного на работе и впредь не заниматься самоуправством.

«Вот оно, началось, — сгорбившись, думал Алексей Иванович. — Телеграмма безапелляционная. Но какая нелепость: начальник пароходства не вправе заменить негодного руководителя!»

Добрынин не заметил, как отвлекся от телеграммы, и теперь думал о Строевой. Начальник политотдела, выезжая на плотбище, рассказал Добрынину о ее семейных делах. «Что у них происходит? Молодые, красивые оба, дочь...» Тут он вспомнил, что в приемной кто-то ждет, и нажал кнопку звонка.

— Кто там ко мне? — спросил он секретаршу.

— Капитан «Невельского» Горчаков.

— Пусть войдет. Хотя подождите... Запишите, пожалуйста.

Секретарша с готовностью села за машинку. Добрынин продиктовал приказ о восстановлении Бесхмельного в должности начальника Хабаровского порта.

— Разрешите? — у двери появился Горчаков.

Начальник пароходства молча кивнул головой.

— Здравия желаю, товарищ генерал! — Андрей Корнеевич остановился в трех шагах от стола.

«Любит человек позу», — подумал начальник пароходства, поднимаясь и протягивая руку.

— Садитесь и докладывайте о своих подвигах, — хмуро произнес он. — Есть мнение отдать вас под суд.

— Воля ваша, — глухим басом отозвался Горчаков. Щеки его вспыхнули, на лбу выступили капли пота. — А только так, как мы работаем, всю жизнь в прорыве будем!

— Телеграмма у вас?

Капитан достал из нагрудного кармана сфабрикованную им депешу и протянул ее начальнику пароходства. Тот прочел и едва заметно улыбнулся:

— А что бы стоило вместо вот этой фальшивки, — он потряс бумажкой, смял и швырнул ее в корзину, — обратиться ко мне, а?

— Не сообразил, товарищ генерал. В следующий раз...

— Так вы собираетесь и в следующий раз?

— Если разрешите...

Зазвонил телефон. Добрынин взял трубку, Андрей

Корнеевич взволнованно прикидывал: «Кажется, обойдется. Победителей не судят!»

Закончив телефонный разговор, начальник пароходства вгляделся в волевое лицо капитана.

— А если бы разбили состав? Ведь там ценностей на несколько миллионов!

— Тогда — под суд, — развел руками Горчаков.

— А теперь?

— Теперь? Теперь ничего не поделаешь.

— Ах, вот как! Значит, все продумали?

— Так точно! — впервые улыбнулся штрафной капитан.

— Есть сведения, что вы увлекаетесь спиртным.

— Был случай в прошлом году.

— А с семьей как у вас?

— С судна прямо к вам, — уклонился от прямого ответа Андрей Корнеевич.

Начальник пароходства постеснялся расспрашивать о большем, ненадолго задумался, сказал:

— На первый раз объявляю вам устный выговор. Но учтите, если...

— Все ясно. Благодарю вас!

— Не спешите, Горчаков. Если повторится что-либо подобное, отстраню от командования, а в случае аварии — отдам под суд!

— Ясно.

— Как бы то ни было, вы доказали возможность вождения больших составов. О вашем опытном рейсе мною будет издан соответствующий приказ. — Добрынин сощурил свои и без того небольшие глаза и добавил: — Разумеется, без упоминания о подделке радиограммы. Потрудитесь этим не хвастаться.

— Понятно.

— Сейчас пойдете с возом до Благовещенска, потом на Зее возьмете плот. Вопросы есть?

— Вопросов нет.

— Желаю успеха! — Алексей Иванович поднялся и пожал руку возбужденному капитану.

Четким шагом Горчаков пересек кабинет и скрылся за дверью. Лишь тут он вспомнил, что до сих пор не знает о причине перевода с пассажирского судна на буксировщик, но возвращаться было уже невозможно. «Черт с ним. Все равно ничего не изменишь!..» Чтобы не встретиться

с Белокрыловым и женой, Андрей Корнеевич поспешил покинуть управление.

«Адмирал Невельской» забункеровался, через два часа порт закончит грузить последнюю баржу, через три — назначен отход. Все это Горчаков узнал, позвонив с первого попавшегося автомата. Итак, отход в пять вечера. Сейчас два. Андрей Корнеевич секунду постоял в раздумье, нащупал в кармане ключ от квартиры и направился к дому. Как давно он здесь не был: больше двух месяцев.

В квартире Горчаков почему-то почувствовал себя очень неуютно, словно был чужим человеком, незаконно проникшим сюда в отсутствие хозяев. Стараясь ступать осторожно, он тихо обошел комнаты, сел на стул и задумался. Зинаида вернется не раньше половины седьмого: с работы она еще пойдет в садик за дочерью. Пароход отойдет в пять. Позвонить ей? Но ведь она, похоже, и не ждала его, хотя, конечно, знает, что он сейчас в Хабаровске. Андрей Корнеевич снова отправился на кухню и убедился, что у жены ничего не приготовлено к обеду. «А ведь знает, что я в порту. Ясно. Решила, что отдадут под суд, и обрадовалась». Эта нелепая мысль больно уколола сердце. В одном из ящиков туалетного столика Горчаков наткнулся на тетрадь, исписанную почерком жены. Это было что-то вроде дневника. Он стал торопливо читать, спеша поскорее добраться до того дня, когда уехал на курорт.

Двадцатого марта Строева записала: «Обругал... хлопнул дверью и уехал. Андрей, Андрей! За что, за что ты меня так обидел? Десять лет вместе — и вот награда».

Такие записи муж просматривал бегло. А жаль! Вдумавшись в них, можно было многое понять. Ведь не могла же Зинаида лгать самой себе... Но вот Горчаков прочел, что жена решила просить Добрынина о переводе Андрея на буксирное судно.

— Так вот кто мне это устроил! Ясно. Все ясно!

Побагровевший, со сведенными бровями ходил он по комнате, не зная, на что решиться, что предпринять. Хотелось ворваться в кабинет Добрынина и там учинить скандал, а затем так же поступить у жены, в диспетчерской. Однако ни того, ни другого он сделать не решился.

Зазвонил телефон. Андрей не снял трубки.

«Решила сразу избавиться от меня на всю навигацию?» Если на пассажирском судне, которое ходит по твердому

расписанию, он бывал в Хабаровске хоть четыре раза в месяц, то теперь, на буксировщике, Зинаида может его загнать, как он выражался, на Зею, на Верхний Амур, в лиман на всю навигацию. Знал Горчаков и о том, что в мае Зинаида приезжала к его родным с Клавдией, Костей и, конечно, с начальником пароходства.

— Эх, Андрей-воробей! — он потряс головой и стиснул зубы. — Ну, ладно. Я научу тебя жить на свете! — Он достал со шкафа большой чемодан, вытряхнул его содержимое на кровать и стал укладывать одежду — свою и дочери. Через несколько минут капитан запер квартиру и направился в порт. В руках — чемодан и узел, за спиной — охотничье ружье.

Сложив все в каюте, он вернулся в город. Вначале его видели в универмаге, потом в гастрономе. Оттуда он снова пошел на пароход. На пути встретился рулевой Никита Волков. Андрей Корнеевич нагрузил его покупками и вскоре появился в детском садике.

Танюшка играла с детьми во дворе. Она сразу узнала отца, бросилась к нему.

— Папка, папка! Мой папка!

— Здравствуй, доча! — Горчаков подхватил ее на руки, она обвила ручонками его шею, прильнула к нему.

Отца и дочь окружила детвора. Из помещения вышла заведующая.

— Мой папа приехал! — радостно оповестила ее девочка.

— Вы разрешите мне сегодня пораньше взять дочь? — попросил Горчаков.

— Пожалуйста, Андрей Корнеевич, пожалуйста.

— Пароход мой хочешь посмотреть?

— Пойдем. А маму возьмем с собой?

— Мама сейчас на работе.

У трапа Горчакова встретил Заречный:

— Здравствуйте, Андрей Корнеевич. Меня назначили к вам помощником.

— Да? — капитан только сейчас вспомнил, что у него не хватает штурмана. — Ну что ж, иди, устраивайся. Утром — на вахту.

— Дочка? — спросила Крохалева. — Какая милая девочка! Тебя как зовут?

— Таня. А вас?

— Меня — Жанна.

Таня внимательно посмотрела на незнакомую тетю и вдруг заявила:

— А тетя Клава говорит, что Жанна дрянь.

— Так это другая Жанна. А я хорошая!

— Ну, ладно, — согласилась Таня и отправилась осматривать папин пароход.

Новый, неизвестный мир сразу увлек девочку. Чего здесь только не было! Разные лесенки — вниз, вверх; кухня настоящая — с плитой, с кастрюлями; дождик-душ, точно в бане; комнатки маленькие и большие, а в одной из них, за железной дверью, живет огромное колесо.

Обойдя нижнюю палубу, девочка увидела ступеньки. Она поднялась на камбуз, а потом, заметив еще лесенку, взобралась и по ней. На крыше, рядом с большой трубой, стоял домик. Из него вышел дядя в белой фуражке и сказал:

— Маленьким сюда приходить нельзя. Спустись к маме. А то сейчас пароход загудит, и ты испугаешься.

— Таня, Таня! — откуда-то издалека доносился тревожный голос Горчакова.

— Я здесь! — отозвалась она с капитанского мостика, но тут же, вздрогнув, закрыла ладонями уши, так как пароход загудел. Но лишь только стало тихо, как девочка запрыгала на мостике и, жестикулируя ручонками, рассмеялась: — Вот и нет, вот и нет... И не испугалась!

Здесь и застал ее отец.

— Ну, понравилось у папы? — спросил он. — Хочешь на этом пароходе поехать к бабушке?

— Хочу, хочу, папочка! С тобой?

— Конечно.

— А мама?

— Она приедет потом.

— Ну, ладно. Сейчас поедем?

— Убрать сходни! — вместо ответа скомандовал Горчаков. — Отдать концы. Малый! — распорядился он в машинное отделение.

Не успел «Невельской» взять воз и покинуть Хабаровский рейд, как Жанна уже пришла к дочери капитана спросить, что ей приготовить на ужин.

Интереса к пароходу у Тани хватило всего на несколько часов. К вечеру она захандрила, часто спрашивала о матери, а когда совсем стемнело, долго всматривалась в берег и наконец спросила старшего механика:

— Дядя, когда же мы доплывем до луны?

— Куда, куда, дочка? — Вопрос озадачил Игната Тимофеевича.

— До луны! Плывем, плывем к ней, а она все уходит...

— Так ведь, видишь ли, какое дело: до нее мы не достигнем, — честно признался механик. — Пароход-то плывет по воде, а луна-то, она — на берегу...

Этот довод вполне устроил девочку, и, сразу потеряв интерес к месяцу, она отправилась к папе на мостик.

Около одиннадцати часов капитан приказал стать на якорь и спустить на воду шлюпку. «Адмирал» находился на траверзе путейского поста, где жили родные Андрея Горчакова.

Таню клонило ко сну. Едва добравшись до бабушки, она начала раздеваться.

— Ты чего это, сынок, всю дочкину справу притащил? — спросила Ольга Ильинична, разбирая Танюшкину одежду. — Свет родной, да он и зимнее прихватил! — Мать с тревогой посмотрела на сына. — Ты что же это задумал?

— Ушел я от Зинаиды, — глухо отозвался Андрей, не глядя матери в глаза.

— Да ты очумел, никак! — всплеснула она руками.

Корней Евдокимович закашлялся. Светлана плотно сжала губы, поднялась из-за стола.

— Так, сынок, — глухо заговорил старый бакенщик и зажал в кулак бороду. — А ну, поведай родителям, что у тебя приключилось с Зинкой.

— Что приключилось — это наше дело, вы мне тут допрос не устраивайте!

Светлана не сдержалась:

— Андрей, ты не забыл, с кем говоришь?

— Ах, простите, я не заметил, что здесь классная дама.

Корней Евдокимович насупил нависшие брови, поднялся с места.

— Ты, может, сынок, и отца с матерью не заметил? — С этими словами он взял его своими железными руками за китель, приподнял и с силой посадил на скамью. — Чем тебе не угодила Зинка? Сказывай! Сам, поди, нашкодил, а на жену собак вешаешь?

Андрей молчал. Да ведь и в самом деле, какое обвинение он мог предъявить Зинаиде? Не рассказывать же обо всех своих подозрениях, ссорах, сомнениях!

— Мне некогда, отец. На плесе воз стоит. Если вам в тягость Татьяна, я заберу ее.

— Ну уж нет, Татьянку мы тебе не отдадим. Бессовестный ты, — зеленоватые глаза Светланы вспыхнули недобрым огнем. — Так обидеть Зину! Да ты ее ногтя не стоишь!

— Опомнись, Андрюша. Срам-то какой, господи, — утирая передником глаза, запричитала мать.

— Расскажу в другой раз. Сейчас некогда.

— В другой раз? — глухим басом спросил Корней Евдокимович и хотел снова подойти к сыну, но Ольга Ильинична встала на его пути. Старик загремел: — Чтоб ноги твоей, паскудник, не было в родительском доме! Вон, бесстыжие глаза! — Он поднял руки, сжатые в кулаки, и двинулся к сыну, но тот уже успел выскочить из комнаты. — Ну, порадовал на старости лет, — опускаясь на скамью, горько вздохнул Корней Евдокимович и снова зажал в кулак бородищу.

Андрей Корнеевич не ожидал такого приема. Впрочем, он не потрудился подумать, как могут отнестись близкие к его разрыву с Зинаидой. «Ну, мать с отцом — куда ни шло! А эта пигалица? Привыкла в школе поучать...»

Чего, собственно, хотел Горчаков? Зачем он забрал дочь? Он хотел одного — покорности Зинаиды. Хотел увезти ее в Благовещенск, заставить плавать вместе с ним. Андрей Корнеевич мечтал подобрать себе опытных штурманов, чтобы каждый месяц выполнять по полтора—два плана. Одним из таких судоводителей, конечно, могла быть Зинаида. Но она не желает помочь ему, путается с начальниками... Все это бесило Горчакова. Упорство, с которым Зинаида держалась за управление, усиливало ревность Андрея.

Андрей Корнеевич твердо решил выбить «блажь» из головы жены. Или он сомнет ее упорство, увезет в Благовещенск, или их пути разойдутся! «Не родился еще тот человек, кто сло́мает Андрея Горчакова!»

Утром «Невельской» подошел к перекату «Рваного треуха». Глубины здесь оказались достаточными для прохода не полностью загруженных барж. Впрочем, правильные глубины были вывешены на сигнальной мачте лишь несколько минут назад, когда перекатный старшина рассмотрел в бинокль, что вверх по реке идет буксировщик грозного капитана Горчакова.

Георгий Иванович напряженно всматривался в знаки путевой обстановки. Около молодого штурмана почти неотлучно находился Зелик Шнайдер. Но когда впереди фарватер оказался занятым каким-то судном, Зелик Ефимович разбудил капитана.

Встрепанный, с воспаленными глазами, Горчаков взбежал на мостик.

— Растяпа! — спустя минуту произнес он и приказал баржам стать на якорь. Конец металлического троса полетел с борта судна в воду.

Упрек относился к капитану парохода «Колыма», который посадил на мель лихтер водоизмещением свыше двух тысяч тонн. Лихтер слегка накренился. Около него дымили «Колыма» и китайский буксировщик.

«Адмирал Невельской» подошел к месту аварии.

Пока капитаны договаривались между собой, Лю Чи оживленно болтал с земляками-китайцами. Лицо боцмана сияло; то и дело он восклицал радостное «Э-гей!» или восторженно-удивленное «Ай-я-ха!»

И «Колыма», и небольшое китайское судно «Сунь Ятсен» значительно уступали «Невельскому» в мощности. Все их попытки стащить лихтер с мели оставались безуспешными. Теперь за дело взялся «Адмирал». Лихтер вскоре ржаво заскрипел днищем по мелкому песку и оказался на плаву.

Целый день «Невельскому» встречались плотоводы, путейские суда, катера с халками, плавучие лавки; у берегов то там, то здесь виднелись брандвахты изыскателей. Только что прошел расцвеченный кумачом агитпароход «М. Фрунзе», а вдали уже показался дымок какого-то другого парохода.

Никита размахивал белым флагом то с правого, то с левого крыла капитанского мостика, договариваясь о расхождении с встречными судами. Но вот впереди показался «Ереван». Заменив на хабаровском заводе шейку балансира мокровоздушного насоса и вырубленные клапаны, он увел в Благовещенск три баржи, а сейчас с новым составом спускался вниз по реке.

Когда «Ереван» поравнялся с «Невельским», кто-то из обманутого Горчаковым экипажа крикнул:

— Привет мошенникам!

Андрей Корнеевич протянул руку за рупором:

— Не надо ушами хлопать!

— Андрей Корнеевич, а почему они нас назвали мошенниками? — спросил озадаченный Зелик Ефимович.

— Воз-то мы у них забрали!

— Ну и что же?

Горчаков расхвастался и рассказал то, чего до сих пор не знала команда.

Никита слушал с раскрытым ртом. Капитан взглянул на него, вспомнил предупреждение начальника пароходства и неожиданно грубо закончил:

— А ты смотри, прикуси язык! Волк собаки не боится, но брехни не любит.

Предупреждение капитана не подействовало: к вечеру едва ли не вся команда знала, каким путем она перевыполнила план...

Шнайдер считал себя оскорбленным: «Мошенники!..» Но больше всех новость озадачила Георгия Ивановича. В связи с назначением на «Невельского» Заречного пригласили в политотдел и после продолжительной беседы утвердили секретарем партийно-комсомольской группы.

Кроме Заречного, на «Адмирале» был еще один член партии — Игнат Тимофеевич Лесной и два комсомольца — Зелик Шнайдер и Сергей Дымов.

Отстояв вахту, молодой штурман спустился с мостика и заметил нескольких подвыпивших матросов. Это обеспокоило его. Георгий Иванович побывал у механика и радиста, побеседовал со Шнайдером, договорился с ним провести на следующий день собрание партийно-комсомольской группы.

А тем временем подвыпившие хлопцы снова заглядывали в каюту Жанны.

— Опять водочки? Ох, мальчики, пропьетесь, достанется мне на берегу от ваших жен, — говорила она, кокетливо поправляя прическу.

— Не бойся, Жанночка, мы неженатые.

— Ах, простите, извиняюсь. Я совсем забыла, что в рейсе все холостые... — Сидя на койке, Жанна игриво развела руками и слегка запрокинула голову.

Ребята старались подольше задержаться в каюте Рыжей Жанны, как они ее называли. Крохалева выглядела молодо, одевалась ярко, привлекая к себе взоры, и если б не предательские морщинки у глаз, никто бы ей не дал больше двадцати пяти лет.

— Ну, мальчики, выпили и ступайте. А то скоро Гри-

ша придет. Вы же знаете, какой он! Смотрите, не выдавайте меня.

— Что ты, Жанночка!

— Знаю я вас. Прижмет капитан — вы и ляпнете, что опохмелялись у меня, — играла она быстрыми глазами.

— Зря обижаешь нас.

В Николаевске Жанна с помощью дружка-кочегара втридорога распродала картофель, яйца, соленую капусту, прихваченные в Благовещенске. Кроме того, Умняшкин сумел во время рейса проникнуть в трюм баржи и незаметно откромсать от штуки больше двадцати метров «драпкастора», как назвали материал жулики. Этот рейс принес ей с Григорием по шесть тысяч рублей чистоганом.

Свободное от вахты время члены экипажа проводили по-разному. Зелик Шнайдер занимался с боцманом русским языком, читал книги, играл на баяне. Никита готовился к поступлению в речное училище. Другие «резались» в домино, в шахматы, шашки. Старший механик проводил с масленщиками занятия по техминимуму. Сергей Дымов подолгу всматривался в берега, словно видел их впервые. Заречный запасся в Хабаровске книгами и сейчас, читая одну из них, выписывал в блокнот:

Я жить хочу с такой отдачей сил,
Чтобы потом без тени укоризны
Смогли бы про меня сказать: и жил
И умер он, как верный сын отчизны...

Шла первая неделя июня. Георгий Иванович знал, что пароходство в мае не справилось с планом перевозок. «Чтобы выправить дело в июне, надо каждому судну перекрыть свое задание», — сказали Заречному в политотделе и выразили надежду, что «Адмирал Невельской» не окажется в хвосте.

«Невельской» майский план перекрыл, но теперь понятно, каким путем: сорвал план другому судну. Ведь «Ереван» и сам мог после ремонта довезти воз до Хабаровска. «Нет, такого больше повториться не должно!»

Поручение политотдела обострило у Заречного чувство партийной ответственности. «Надо найти общий язык с капитаном, с командой», — думал Георгий Иванович.

В дверь постучали.

— Войдите, — откликнулся Заречный.

На пороге появилась Крохалева с подносом в руках.

— Добрый вечер, Георгий Иванович. Принесла ужин.

— Зачем же в каюту?

— А как же? Моя обязанность заботиться о командирах.

Среди тарелок на подносе стоял графинчик и две стопки.

— Водки я не пью, Жанна... Как ваше отчество?

— Здесь, Георгий Иванович, никто не увидит. И я никому не скажу. А отчества у меня нет, — Жанна изо всех сил старалась понравиться новому помощнику капитана.

— Ну, это дело ваше. А водку унесите.

— Нехорошо, ой, как нехорошо. Я поздравить вас хотела с назначением. Ведь нам с вами плавать вместе.

— Благодарю вас, но я не пью.

С обиженным лицом Жанна забрала графинчик и молча вышла.

Поужинав, Заречный сам отнес на камбуз посуду и попросил кормить его в столовой вместе с командой.

— Ну, как безрукий? — спросил Жанну Умняшкин.

— Упирается. С ним осторожней будь.

Капитан в этот вечер был навеселе, запросто разговаривал со всеми. Но ухо Заречного то и дело резали слова: «мой пароход», «моя команда», «я выполнил план», «я им докажу, кто такой Горчаков!».

К Благовещенску подходили около полуночи, на пятые сутки пути. В устье Зеи работал земснаряд: здесь река выносила много песка, намывала косы, изменяя фарватер. Справа и слева от земснаряда плескались на воде зеленые и красные огни обстановочных знаков. Вдали светились два города — один на левом, другой — на правом берегу Амура, в Китае. «Хэйхэ», — вспомнил название города Заречный.

Георгий Иванович знал, что в Благовещенске стоянка будет очень короткой и ему не удастся повидаться с Катюшей Ломакиной. Он спустился с мостика и написал девушке письмо, поздравил ее с днем рождения. Адрес он знал: ресторан «Амур».

Горчаков заглянул в кабинет начальника пристани. Несмотря на поздний час, Одинец оказался там.

— Обошлось? — спросил он Андрея Корнеевича.

— Добрынин издаст приказ о моем опытном рейсе.

Одинец от удивления заморгал глазами.

— Выскочил, чертяка?

— Андрей знает, что делает! Сколько будем стоять?

— Часа два. Возьмете бункер — и на Зею за плотом.

— Ясно.

— Обо мне ничего не слыхал?

— А что о тебе можно услышать?

— С Тихим-Тищенко поругался. Слушай, Андрей Корнеевич, новый начальник пароходства как, толковый?

— Мужик стоящий, сразу видно.

Одинец недоуменно пожал плечами:

— Какого же дьявола он поручил на мое письмо ответить Белокрылову? Вот я отправлю Добрынину ответ его заместителя и напишу пару теплых слов!

— Правильно сделаешь. Учить их надо. Помнишь, как Юрий Николаевич не велел давать мне больше трех барж. А оказалось — десяток можно было вести...

Через двое суток «Невельской» бросил якорь недалеко от устья Медведки. На судно приехал Константин Архипович Волков.

— Здравия желаю, товарищ инженер-капитан первого класса! — приветствовал его Горчаков.

— Здравствуй, Андрей Корнеевич.

На палубе показалась чуть ли не вся команда. Начальник политотдела направился к боцману, протянул ему руку:

— Как живешь, Лю Чи?

— Здравствуй, капитан!

— Как здоровье?

— Здоровье мое хорошее, — слегка запинаясь, ответил китаец.

— Да ты, я вижу, совсем обрусел.

— Я изучаю русский язык, — четко произнес Лю Чи заученную фразу.

Матросы улыбались.

— Кто же твой учитель?

— Мой учитель — капитан Зелик.

— Диверсант как?

Лицо Лю Чи засветилось, тонкие шнурочки усов слегка дернулись. Он не ожидал, что большой капитан может помнить не только о боцмане-китайце, но даже и о его собаке.

— Диверсант! — громко позвал Лю Чи, и почти в тот же миг откуда-то выскочила овчарка. Собака взглянула

в глаза своему хозяину, обнюхала гостя и легла у ног Лю Чи.

Горчаков разрешил боцману снова взять собаку на борт...

— В Китай не тянет? — спросил Константин Архипович и показал рукой на запад.

Боцман не ожидал такого вопроса. «Откуда знает этот человек мысли старого китайца?» — думал Лю Чи и чувствовал, что его глаза увлажняются. Родина! Кто же не мечтает вернуться на свою милую родину! Только Лю Чи не знает: может быть, он виноват, что, оставшись живым, сразу не вернулся назад, а столько лет прожил в другой стране. Разрешит ли председатель Мао? Все эти мысли давно бродили в сознании старого сунгарийца.

— Ай-я-ха, — глубоко вздохнул Лю Чи, сокрушенно покачал головой и, сразу забыв все, чему его учил Зелик, продолжал: — Моя думай, много думай, Костя Архипа. Моя смотри китайска земля, пароход, люди... Нехорошо! — Он прижал руку к груди, показывая, где именно нехорошо.

Команда стихла. На глазах боцмана выступили слезы и начали скатываться по морщинистым щекам. Овчарка поднялась с палубы, тревожно взвизгнула и уставилась на своего хозяина.

— Твоя, Костя Архипа, хороший люди! Говори председатель Мао — старый Лю Чи ходи Китай. Хао?

— Зелик Ефимович, — обратился к Шнайдеру Волков, — помогите Лю Чи написать заявление. Мы перешлем его в Москву. Я думаю, ему дадут разрешение вернуться на родину.

— Будет сделано, Константин Архипович.

— Сы-па-сибо, капитан! — отозвался старый китаец и крепко пожал руку «Косте Архипа».

— Ну, а как поживают ваши родные, Сергей Логинович? — спросил Волков у радиста Дымова.

— Благодарю. Здоровы. Первым рейсом вместе шли. Мать теперь приглядывает за отцом.

— Игнат Тимофеевич, а вы что там прячетесь за других? Здравствуйте.

Старший механик медленно шагнул навстречу Волкову.

— Каковы успехи с руль-винтом? Действует опытная установка?

— Действует.

— Значит, не напрасно потрудились?

— Поведем плот — пригодится. Только зимой переделывать надо. В расчете ошибся.

— Дело поправимое. Привлечем на помощь инженеров...

Руль-винт — второе изобретение Лесного. Оно увеличивало маневренность буксировщика, позволяло проводить плоты на кривунах и небольших протоках Амура.

Крохалевой ужасно хотелось, чтобы начальник политотдела заметил и ее. Постепенно продвигаясь вперед, она вскоре оказалась рядом с Волковым. И он вспомнил Жанну.

— А вы, кажется, плавали буфетчицей на «Ушакове»?

— Правильно, Константин Архипович. Я помню вас, — Жанна старалась казаться застенчивой, но это ей плохо удавалось. — Что вам приготовить на обед?

— Андрей Корнеевич, — не отвечая Крохалевой, окликнул Волков капитана, — да у тебя здесь, как в ресторане, — по заказу?

— Это для гостя.

— Благодарю. Меня ждет обед на берегу.

Волков обратил внимание на молодого человека с гвардейским значком на кителе.

— Товарищ Заречный? — Константин Архипович уже знал, что в пароходство приехал новый штурман и политотдел утвердил его секретарем партийно-комсомольской группы на «Невельском». — Познакомимся. Как вас зовут?

Заречный ответил.

— Георгий Иванович, если у вас найдется час свободного времени, зайдите, пожалуйста, ко мне в палатку. Ваш плот будет готов только к вечеру.

Волков вскоре ушел с капитаном в каюту, а члены экипажа еще долго не расходились. Радист говорил:

— Когда моего отца арестовали, Константин Архипович сам пришел к следователю и доказывал, что батька не мог украсть доверенный ему груз. Это такой человек — всегда за правду!

Хорошее впечатление произвел Константин Архипович и на Заречного. Недоволен визитом «Клавкиного мужа» остался только капитан. Прежде всего начальник политотдела поинтересовался историей с пароходом «Ереван».

— Я уже доложил начальнику пароходства.

— И получил устный выговор? Да ты отдаешь отчет в своем поступке? Снять тебя надо было с судна, а не

устный выговор. Счастье твое, что меня в Хабаровске не оказалось.

— Что ты мне угрожаешь? Я доказал...

— ...что недостоин быть капитаном советского парохода, — перебил его Волков.

— А я думаю, работать по старинке нельзя, — пользуясь паузой, сказал Горчаков.

— Это очень верные слова. Но слыханное ли дело так поступать! Ты просил у кого-нибудь десять барж? Тебе отказали? Ты добился своего, убедил?

— В этом дал промашку... Понимаю, — насупившись, протянул капитан.

Они оба помолчали. Первым снова заговорил Волков, прохаживаясь по каюте:

— Я вот думаю о твоем рейсе. Видимо, через Хинган такой состав вниз по течению вести опасно. А если за Хинганским ущельем сделать переформировочный рейд, как ты думаешь?

— Правильно.

— Этот перекат надо досконально изучить. Одного твоего рейса мало. Да, кстати, каким образом ты перетащил к себе буфетчицу с «Ушакова»?

— Она что-то там не поладила с капитаном. Списалась, а у меня не было повара.

«Любопытно, — подумал Волков и пристально посмотрел на Горчакова, — надо будет узнать, почему она списалась оттуда».

Вслух он сказал:

— На днях говорил по телефону с Добрыниным. Николаевский порт предъявил «Невельскому» претензию.

— Нам?! Какую?

— Один тюк оказался вскрытым. Похищено драпа на значительную сумму.

— Не может быть, — возмутился Горчаков. — Шкиперы все сделали как положено и документы подписали.

— Выходит, что может быть. Сразу не заметили. В Николаевск выехал коммерческий ревизор, разберется. У тебя народ надежный?

Капитан заявил, что в экипаже он не сомневается.

— И еще позволь спросить тебя, куда ты увез дочь? И вообще, что у тебя с семьей?

Капитан не выдержал.

— Это мое личное дело, и вы в него не суйтесь! Ясно?

Константин Архипович спокойно продолжал:

— Ты виделся с женой после курорта?

— Я тебе отвечать на эти вопросы не буду. Смотри лучше за своей Клавдией!

— Хорошо, Андрей Корнеевич, учту твой совет, — спокойно ответил Волков. — Но и ты подумай о семье. — Он протянул руку: — Ладно! Желаю успешного рейса!

ГЛАВА 13

Как ни крепилась Строева, а сердце ее защемило, когда она услышала отходные гудки «Адмирала». Зинаида подошла к открытому окну. Амур глухо рокотал и волновался. Там и здесь черные дымы разъедали хмурое небо. «Адмирал» уходил.

Никогда Зинаида с такой печалью не смотрела на отходящий пароход. А сейчас ей чудилось, что вместе с «Невельским» безвозвратно уходят ее ясная молодость, надежды, мечты... От обиды на жизнь, на мужа она была готова заплакать.

— Что задумалась, Зинушка? — ласково окликнул ее Архип Севастьянович.

Строева сдержала себя и внешне спокойно ответила:

— Показался дымок «Ленинграда».

— Ох, дымок, дымок, — вздохнул Волков и вышел из диспетчерской.

После работы Зинаида Сергеевна зашла в магазин, потом отправилась в детский садик за дочерью и там узнала, что Таню забрал Горчаков. Озадаченная, она помчалась домой, заглянула в комнату и обмерла. Авоська с покупками выскользнула из рук. Но еще одна надежда оставалась у матери. Она бросилась через лестничную клетку к Клавдии, но дверь никто не открыл. Зинаида поспешила к телефону, сняла трубку, но медленно положила ее обратно. И напрасно: на катере можно было легко догнать «Адмирала».

До полуночи Строева просидела у Клавдии. А утром, еще до начала работы, ей неожиданно позвонил Алексей Иванович, сказал, что ему все известно, что он сейчас выезжает по делам вверх по Амуру и готов попутно подхватить Строеву. Ведь Горчаков, наверняка, оставил дочь у стариков.

Видя, как встревожена Зинаида Сергеевна, Добрынин решил заняться делами позднее, а сейчас распорядился идти прямо к посту старика Горчакова. Однако, когда «Две семерки» подошли к берегу, Алексей Иванович постеснялся зайти в дом и остался на катере. Впрочем, это не помешало Светлане, когда она провожала Зинаиду и еще издали увидела Добрынина, спросить:

— Зина, а почему с тобой начальник пароходства?

Сестре Андрея было известно, что Добрынин вдов.

— Ты знаешь, ему Клава все рассказала, и он предложил мне воспользоваться его катером.

Глаза Светланы сверкнули недобрым огнем.

— А катер без генерала, видимо, ходить не может?

Строева вспыхнула:

— Что ты этим хочешь сказать? Он выехал по делам, а я...

— Ну вот и нашлась мамина пропажа! — послышался бодрый голос Добрынина. — Здравствуйте, Светлана Корнеевна!

— Здравствуйте, — сухо отозвалась та и ушла с берега.

Предоставив своему диспетчеру с дочерью каюту, начальник пароходства остался на палубе.

Татьяна носилась по катеру, выглядывала в иллюминатор, без умолку трещала, рассказывала матери всякие новости, а Зинаида думала о своем. «Разве счастье только в личной жизни? Разве не была я счастлива без него — студенткой, капитаном женского экипажа? Нет, мне необходимо встретиться с Андреем. Пусть он мне честно расскажет про Жанну, про лектора, пусть объяснит, почему не является домой!» Тут она вспомнила, что Андрей забрал все свои личные вещи. «Неужели ушел навсегда?..»

— Мама, а почему дедушка говорит, что папа посудник? — прервала ее размышления Танюша.

— Дедушка шутил, доча.

Вспарывая черную гладь Амура, катер сотрясался, его мелкая дрожь раздражала.

В каюту вошел Добрынин.

— Большое спасибо вам, Алексей Иванович. Кажется, подходим?

— Да, — он посмотрел на часы.

— Алексей Иванович, я давно хочу вас спросить...

Как случилось, что Крохалева опять оказалась на одном судне с Горчаковым?

— Как? На «Невельском»?

Не поднимая глаз, Строева кивнула головой.

— Странно. Хотя что ж тут странного: обслуживающий персонал нередко подбирают сами судоводители, а потом оформляют в отделе кадров.

...Вернув дочь, Зинаида Сергеевна занялась подготовкой опытного рейса и в заботах легче переносила личное горе. А забот было много. Вот опять на столе зазвонил телефон. Контора «Металлосбыт» неожиданно отказалась от тоннажа, но просила его на завтра. Строева отчитала экспедитора:

— Завтра ничего для вас выделить не смогу. Как быть? Работать по плану. Неужели вы думаете, что из-за каждого клиента пароходство может нарушать ритмичность движения флота! Жалуйтесь куда хотите!

Через несколько минут ее вызвал Белокрылов:

— Зинаида Сергеевна, контора «Металлосбыт» просит изыскать возможность...

— Пароходство не может штопать дырявые носки клиентам. Барж не будет! Я уже отдала их порту.

Белокрылов поднял свои красивые брови:

— Тем не менее, я полагаю, что тоннаж надо дать.

— Юрий Николаевич, вы график подписывали? Для чего? Чтобы потом ломать его? Если вы это сделаете, я напишу рапорт начальнику пароходства!

Белокрылов устало вздохнул и, видимо, отступился: «Нет, положительно невозможно работать с женщинами!»

Вскоре в диспетчерскую опять позвонили. Теперь «Металлосбыт» соглашался взять тоннаж сегодня.

— Теперь я не дам барж и сегодня.

— Позвольте, за простой мы уплатим...

— От переливания штрафов с одного текущего счета на другой государству никакой пользы нет. Нужно возить грузы, в порту от них ломятся склады, а у вас они не подготовлены. До свиданья, товарищи!

Добрынин поддержал Строеву: график — железный закон на транспорте.

Июнь подходил к концу. Пароходство опять не справилось с планом, и было совершенно очевидно: в оставшиеся дни наверстать упущенное не удастся.

Добрынин заметно похудел. Он часто выезжал в коман-

дировки, но выправить дело пока не удавалось. Недавно Алексей Иванович летал в устье Амура: в Николаевском порту уже целый месяц простаивает в ожидании погрузки полсотни барж. А причалы забиты, разгружать некуда.

Белокрылов твердил, что скопление барж в низовьях рек неизбежно, пока не будут расширены складские площади и построены новые причалы. Морская навигация из-за льдов в Татарском проливе начинается значительно позже, чем на Амуре.

«Пятьдесят барж в Николаевске, — размышлял Алексей Иванович, — двенадцать застряли на перекате в Хингане. Начальник бассейна занимается землечерпанием не там, где сегодня решается судьба плана».

— Моя задача, — объяснял Тихий-Тищенко, — обеспечивать пароходству гарантийные глубины по всем плесам бассейна. План работы утвержден Москвой.

Добрынин молнировал в министерство. Начальнику бассейна предложили представить свои соображения. Положение дел, разумеется, от этого не изменилось. А время шло.

По-прежнему не справлялся с планом переработки грузов и Хабаровский порт. Вообще дела в пароходстве шли плохо. Многие буксирные суда не выполнили план ни в мае, ни в июне.

Судоводители, рискуя сесть на мель, использовали тиховоды, протоки, сокращающие пути, приходили в конечные пункты раньше графика; механики в портах не покидали пароходов, чтобы произвести профилактический ремонт, кочегары экономили топливо, масленщики — смазочные материалы. Но команды все же не могли выполнить плановых заданий. Нагонит пароход в пути время, придет в порт раньше срока на несколько часов, а потом сутками ждет состав. Не выполнил июньский план и «Адмирал Невельской»: в ожидании порожняка он простоял в Николаевске два часа. Усилия людей, их патриотический порыв сводились на нет.

На днях капитан «Камчатки» «запахал» в берег, на неделю вывел пароход из строя. Добрынин отдал его под суд, и сейчас предстояло назначить на судно нового капитана. Зная об этом, Архип Севастьянович решил идти на приступ, написал рапорт начальнику пароходства. Алексей Иванович посоветовался с Белокрыловым и наложил резолюцию: «Удовлетворить после окончания навигации».

Старый капитан отправился к Окуню. Тот подробно расспросил о делах в пароходстве, долго допытывался об «истинных» причинах, побуждающих отца начальника политотдела уйти из управления, и наконец пообещал поговорить с Добрыниным.

Прошел день, другой, третий, а результатов — никаких. Волков позвонил Окуню:

— Как мои дела?

— А, Архип Севастьянович? Здравствуй, — ответил заведующий транспортным отделом. — Мы тут советовались, есть мнение в период навигации перемещений не делать.

Старый судоводитель сердито бросил трубку и отправился к Вяткину. Вскоре Волков возбужденно говорил секретарю крайкома:

— Афанасий Прохорович! Если заставлять человека делать работу, которая ему не по душе, будет толк?

— Видимо, будет, но не очень большой.

— Так вот я тот самый человек и есть, — и он устно изложил то же, что писал в рапорте.

Вяткин терпеливо выслушал его, спросил:

— Значит, не лежит душа?

— Мое дело — капитанский мостик!

Секретарь крайкома связался с Добрыниным, сказал, что надо удовлетворить просьбу старого капитана. Добрынин согласился.

— Ну вот и хорошо, — улыбнулся Вяткин. — Но как с планом? Восемьдесят пять? Николаевск не высвобождает тоннаж? Вчера послал телеграмму министру, чтоб Сахалинское пароходство ускорило вывозку грузов. Да. Прогноз получил? Через неделю вода начнет прибывать. Готовься.

— Спасибо, Афанасий Прохорович. — Волков поднялся.

— Желаю успешного плавания, Архип Севастьянович. Да покажите маловерам, как надо работать. Горчаков-то десять барж провел!

— Постараюсь, товарищ секретарь.

Вяткин улыбнулся и крепко пожал руку старому судоводителю.

— Поздравляй старика, Сергеевна, — заявил Волков, заходя в диспетчерскую.

— С чем, Архип Севастьянович? — Строева выпрямилась около стола с розовой миллиметровкой.

— Вяткин дал команду! Завтра приму «Камчатку».

— Есть приказ?

— Будет! Если Афанасий Прохорович сказал, тут промашки не случится.

— Поздравляю, Архип Севастьянович. По правде сказать, я тоже скучаю о мостике.

— Хватит с тебя, поплавала! Теперь дочь расти да еще заводи деток.

Строева вспомнила об Андрее. На днях, пока «Адмирал» два часа стоял в Хабаровске, Горчакова видели около детского садика.

— Заглядывал, а к дочери не зашел, — удивлялась воспитательница.

— Наверное, торопился на пароход, — ответила Зинаида, а сама подумала: «Проверял, забрала ли я у стариков дочь. Пора всему этому положить конец».

Она твердо решила в следующий приход «Адмирала» разыскать Андрея и серьезно с ним поговорить. Однако в очередной приход «Невельского» встретиться с мужем ей не удалось: проводила опытный рейс. Это был очень рискованный и сложный эксперимент. Зинаида возвратилась в Хабаровск похудевшей, но просветленной и счастливой.

Вскоре в бассейновой газете появилась статья «Новаторский рейс». В ней говорилось: «До последнего времени вождение барж толканием осуществлялось на Амуре только вверх по реке, хотя главный поток грузов идет в низовья.

Диспетчер-новатор Строева на днях доказала маловерам, что применять передовой метод судовождения можно с успехом и вниз по течению».

Товарищи искренне поздравили Строеву, кое-кто завидовал («Везет человеку!»); начальник пароходства издал соответствующий приказ («Умница!» — думал он про нее); Вяткин позвонил по телефону: «Благодарю вас, Зинаида Сергеевна!»; Белокрылов вел себя сдержанно («Один удачный рейс еще ни о чем не говорит»); Константин Архипович прислал с плотбища теплую телеграмму; Волков-отец задумал повторить эксперимент Строевой, но с бóльшим количеством барж.

И только муж Зинаиды нахмурился и швырнул газе-

ту в сторону. Он прочел статью в Николаевске перед отправлением в рейс. Не успел еще Горчаков успокоиться, как на мостик «Адмирала» с достоинством поднялся Ксендзицкий, предъявил свои полномочия и заявил, что пойдет на «Невельском». Андрея Корнеевича покоробило: не верят. Ишь, и ревизора прислали. Но дело есть дело.

— Ладно, ревизор, трудись. Жить будешь в кубрике с матросами, кают у меня нет. Отдать швартовы! Ма-лый!

Оглушающе зашипел пар, под колесами забурлила вода, из трубы повалил густой черный дым. Буксировщик издал два коротких гудка и залился протяжным хриплым воем. Мелкие водяные капли, словно из душа, окропили мостик. Дмитрий Дмитриевич поспешно спустился на палубу и столкнулся с Заречным.

— Вот так встреча! — воскликнул ревизор. — Вы — на «Невельском»? Не завидую.

— Почему?

— С этим медведем-капитаном? — И, не ожидая ответа, начал возмущаться тем, что его, инженера, коммерческого ревизора управления, толкают в одно помещение вместе с «черт знает кем». — Вашему капитану это так не пройдет!

Георгий Иванович побледнел.

— Советую быть осмотрительнее в выражениях: на пароходе люди разные, могут и за борт выбросить!

— Это что — угроза?

Заречный молча отвернулся и ушел.

— Скажи, милок, — спросил Дмитрий Дмитриевич проходившего мимо кочегара. — На пароходе есть буфет?

Гришка Умняшкин с ног до головы оглядел ревизора.

— Буфеты только на пассажирских. Там и ресторан есть.

— Где же я буду питаться?

— С командой придется.

— Здравствуйте, — в иллюминатор выглянула Жанна. — Вы хотите кушать? В какую каюту прикажете подать?

Вскоре Ксендзицкий ел яичницу. На столе стоял графинчик с водкой. Крохалева хлопотала и болтала без умолку.

— Как вас, такую очаровательную девушку, занесло на этот грязный пароход? — галантно интересовался Ксендзицкий и откровенничал: — Знаете, мне предстоит

расследовать, где пропадают грузы — на вашем судне или на складах Благовещенска. Дело важное. Я — коммерческий ревизор.

Узнав от Жанны, кто и по какому поводу находится на борту «Невельского», Гришка Умняшкин не только перестал ревновать свою подругу, но и сам посылал ее поразвлечь ревизора.

Вполне довольный обществом Жанны, Ксендзицкий не очень утруждал себя служебными обязанностями.

Во время рейса произошло приключение с радистом. Лю Чи как-то обнаружил у себя в каюте радиста, бледного от страха.

— Ты чего жди, Сергей? — спросил боцман.

— Убери свою собаку! — нервно закричал Дымов и, не спуская глаз с Диверсанта, стал продвигаться к двери. — Уже десять минут меня вызывает пароходство!

Оказывается, Сергей пришел к боцману по делу, постучал. Ему никто не ответил. Тогда радист вошел в каюту, предполагая, что Лю Чи спит, и попал к Диверсанту под арест. Пришлось ему около часа просидеть не шевелясь.

— Ай-я! Зачем так делай? — допрашивал овчарку огорченный Лю Чи. — Его надо работай. Твоя — дурак!

Диверсант виновато прятал голову в ногах хозяина.

— Если Гришка приходи — тогда можно. Сергей — нельзя, его хороший люди.

Лю Чи дождался, пока Сергей закончит работу, пошел к нему в радиорубку просить прощения для Диверсанта.

— Его дурак. Я говорил ему. Ты, Сергей, капитану не ходи. Хао? Хорошо?

— Ладно. К тебе тоже больше не зайду, — радист улыбнулся. — Умная собака!

Сергей не знал, что в пору, когда он сидел под «арестом» у овчарки, боцман был у «капитана Зелика». Зелик переписал начисто заявление Лю Чи, чтобы в Хабаровске передать его в политотдел. Многое поведал в нем китаец. Это был рассказ о том, как японские самураи провоцировали инциденты на советской границе, как мешали судоходству по Амуру, воровски, ночью переставляли обстановочные знаки в надежде погубить наши пароходы, как притесняли китайских крестьян, заставляли их строить фортификационные сооружения, приковывали к тачкам, били бамбуком, за ослушание гноили в подземелье. Однако са-

мым страшным в биографии Лю Чи был последний день его пребывания на родной, оккупированной тогда врагом земле.

Японцы согнали крестьян на строительство крепости в устье Сунгари. Мобилизовали на один месяц, а держали за колючей проволокой год. В горах действовали партизаны. Лю Чи дважды пытался бежать к ним, но неудачно. А потом, когда, наконец, работы были закончены, невольникам объявили, что завтра под охраной они пойдут в ближайший уездный город. Там они дадут в полиции подписку не разглашать, что и где они сооружали, и получат «щедрое вознаграждение».

Утром изможденные люди выстроились у ворот построенной ими крепости. Их было не менее шестисот человек. Вскоре ворота открылись, и после многих месяцев заточения невольники вышли из зоны. Впереди колонны медленно шел грузовик с пулеметами. Замыкали шествие японские солдаты.

Когда преодолели крутой перевал и спустились к реке, самураи разрешили измученным людям напиться. Но лишь только несчастные припали к воде, как по ним открыли огонь...

Берег покрылся трупами. Их столкнули в реку. В этой «боевой операции» Лю Чи был тяжело ранен. Он очнулся в воде, поплыл вниз по течению. Через несколько часов советские пограничники, заметив плывущего на коряге беспомощного человека, спасли его.

Зелик Ефимович перечитывал заявление, когда вошел Заречный. Георгий Иванович узнал через Никиту, что Крохалева занимается шинкарством и что нашлись любители выпить во время рейса. Решил провести собрание и поговорить о дисциплине на судне.

Собрание состоялось на следующий день. В президиум избрали председателя судкома Дымова, капитана и старшего механика Лесного. Разговор начал Заречный. Он говорил о том, что увидел на судне за несколько дней рейса, коснулся претензии Николаевского порта к шкиперу баржи, которую вел «Невельской».

— Мы еще не знаем, — сказал он, — где произошло хищение, но пятно на нас уже легло. Сегодня на борту находится ревизор управления.

Ксендзицкий поправил очки и с достоинством оглядел собрание.

Здорово влетело Умняшкину: он не бережет ни топлива, ни котлов. Но больше всех досталось Крохалевой.

— Андрей Корнеевич! — взмолилась она. — Чего это он на меня всякую напраслину валит?

— Тут собрание, — сурово ответил ей Горчаков и слегка покраснел.

— Шинкарства на судне мы не потерпим! — гневно заявил в заключение Георгий Иванович.

«Пришел конец масленице», — переглядывались некоторые хлопцы, слушая нового штурмана.

Горчаков уже радовался, что в лице Заречного он обрел доброго помощника, когда Георгий Иванович сказал:

— Мы с вами, товарищи, недавно приняли вызов экипажа «Камчатки». Это налагает на нас большую ответственность. Если мы не будем критиковать друг друга, изживать свои недостатки, — ничего не добьемся. Многое зависит и от капитана. Андрей Корнеевич хороший судоводитель, у него есть чему поучиться, но и его мы должны и будем критиковать...

— Капитана?! — едва не вскочил со стула Горчаков, пожирая Заречного глазами.

— Здесь, товарищ Горчаков, собрание, а не капитанский мостик, — резко ответил штурман.

От неожиданности Андрей Корнеевич даже приоткрыл рот. Он так растерялся, — чуть ли не впервые в жизни, — что не нашел слов, чтобы осадить Заречного. А тот критиковал капитана за подделку радиограммы. «Наградил бог помощничком», — горько думал Горчаков.

После Заречного выступил Лесной. Он произнес всего три слова:

— Правильно говорил докладчик, — и сел на место, считая, что высказал все, что следовало.

Горчаков выступать не стал, чем весьма озадачил Заречного и Шнайдера. «Трудный характер», — думал Георгий Иванович про капитана.

Лю Чи на собрании не выступил, но грубияна и пьяницу Гришку Умняшкина решил проучить. Боцман заперся у себя в каюте и перочинным ножом вырезал на доске рисунок. Когда клише было готово, китаец принес черной краски, нарезал полсотни небольших листков бумаги и начал делать оттиски. Утром по всему пароходу была расклеена карикатура на Гришку-кочегара. Умняшкин изображался с опухшим лицом, с крестом на шее. Бутыл-

ки водки распирали его рваные карманы. На четвереньках он пробирался по сходням на пароход, балансируя обезьяньим хвостом... Портретное сходство не вызывало сомнений. Команда покатывалась со смеху. Гришка метался по судну, соскабливал карикатуры ножом, но, пока он в сопровождении гогочущих хлопцев спасал свой престиж на левом борту, неприятные картинки появлялись на правом...

Карикатуры преследовали Умняшкина в кубрике, в столовой, в красном уголке, в кочегарке... Он находил их даже в собственных карманах...

— Так ты сам, видать, наготовил их впрок! — надрывалась от хохота команда.

С этого дня боцман стал членом судовой редколлегии.

...На пятые сутки пути радист принял радиограмму, что после полудня к «Адмиралу» пришвартуется агитпароход «М. Фрунзе» и на ходу будет обслуживать команду. Это известие взбудоражило экипаж. Ребята начали надраивать судно, бриться, отглаживать брюки.

На борту агитпарохода находились лектор-международник, киномеханик с аппаратурой, небольшая концертная бригада филармонии и Евгения Павловна Самоцветова. Она охотно согласилась с предложением провести месяц на агитпароходе. Увидеть притоки Амура, Николаевск, Комсомольск, Благовещенск, китайские города и деревни, побывать в затонах, на плотбищах, на судах и, может быть, встретиться с Андреем Корнеевичем — это было так заманчиво!

Комсомольск поразил ростовчанку монументальностью жилых кварталов, планировкой, заводами, Дворцом культуры. «Неужели за двадцать лет можно построить такой городище?» — удивлялась Женя. Многие свои наблюдения и мысли она записывала: может пригодиться для новой лекции по истории Дальнего Востока. Когда пароход подходил к Николаевскому порту, навстречу, дымя трубами, спокойно шли огромные килевые суда. Глядя на морских гигантов, Самоцветова записала: «Как странно видеть на реке жителей океана! Впрочем, какая же это река, если в нее на тысячу километров от устья — до самого Хабаровска могут заходить морские суда».

Девушка сидела перед раскрытой тетрадкой в своей каюте. Из салона слышались звучные аккорды баяна. «Готовятся к концерту», — решила Женя и подошла к иллюминатору.

У борта вздыхала темная вода. Волны выгибали спины, заигрывали с всклокоченным прибрежным ивняком. А дальше начиналась тайга — бесконечная, как мечта...

Размышляя о Дальнем Востоке, Женя вспомнила поезд, который примчал ее в этот край. И снова перед ее взором возник Горчаков. Самоцветова улыбнулась. Он виделся ей большим и сильным...

В каюту постучали. Кто-то громко сказал:

— Подходим!

Женя набросила поверх платья жакет и покинула каюту. Агитпароход шел на сближение с «Адмиралом Невельским». Команда «Адмирала» высыпала на палубу. Горчаков стоял на мостике. Женя сразу его заметила.

— Женечка! Какими судьбами? — вдруг услышала она восторженно-слащавый голос Ксендзицкого. «Господи, и он здесь», — досадливо поморщилась Самоцветова.

Пока начальник агитпарохода разговаривал с Андреем Корнеевичем, Дмитрий Дмитриевич засыпал Евгению Павловну вопросами и восклицаниями.

— Значит, сегодня я услышу вашу лекцию? Превосходно! Нет, это просто удивительно! Да, вы знаете, Заречный тоже здесь. Невероятно, но факт: где-то на диком Амуре снова встречается все купе! Женя, вы помните, как мы ехали?

— Я даже помню и то, как в первый вечер вы уступили мне нижнюю полку.

— Женечка! Неужели я еще не искупил своей вины?

— Мне пора готовиться к лекции, — сухо ответила Самоцветова.

Все время, пока ее осаждал Ксендзицкий, она искоса следила за Горчаковым. Он ни разу не повернулся в ее сторону. «Не может быть, чтобы он меня не заметил! Неужели он не получил моего письма? Или все сердится, что не поехала с ним в Благовещенск? Но не самой же искать с ним встречи!» Ее больно задело невнимание Горчакова.

Почти три часа она просидела в каюте, листая какую-то книгу...

Подошло время ее лекции. Она направилась в салон, где уже собралась вся свободная от вахты команда «Невельского». В первом ряду сидел Андрей Корнеевич.

Самоцветова долго не могла побороть волнения — стоило лишь ей взглянуть на капитана. Но вот она

вспомнила испытанный метод лекторов: чтобы найти контакт с аудиторией — надо найти контакт с одним из слушателей. Ее взгляд остановился на юном рулевом — Никите Волкове. Она как бы говорила только ему.

Никита быстро заметил, что красивая докладчица поглядывает на него, и, разумеется, отнес такое внимание на счет своей неотразимой внешности.

Пятьдесят минут пролетели очень быстро. Адмиральцы бурно аплодировали, требовали еще стихов, забыв, что перед ними лектор, а не артистка. Первым к Самоцветовой подошел Горчаков.

— Хорошо! — восторженно сказал он, протягивая руку. — Ну как, понравился Дальний Восток?

— А я выходила встречать вас на «Ушакове».

— Перевели.

Они перекинулись еще несколькими фразами, и Андрей Корнеевич неожиданно откланялся, сказав, что ему пора на вахту. Женя знала, что капитаны заступают на вахту только в десять часов. «Что с ним?» — спрашивала она.

Подошел Заречный. Когда они прогуливались по палубе, мимо них дважды торопливо прошел капитан.

— Что случилось с Андреем Корнеевичем? Не узнаю его. Ходит хмурый. В поезде был не таким. Неприятности?

Молодой штурман огляделся по сторонам и доверительно сказал:

— Да.

— Служебные?

— И по службе и в семье неладно. Недавно забрал у жены дочь и отвез к своим старикам.

— Меня что-то знобит. Простите, я пойду к себе.

Больше Женя капитана не видела. А в полночь агитпароход ушел.

Прошло еще двое суток. «Адмиралу» оставалось идти до Хабаровска часов десять, когда глубокой ночью на реке неожиданно вспыхнуло множество огней. Рулевой сильнее сжал в руках штурвал, не понимая, откуда вдруг взялись эти огни на курсе «Адмирала».

— «Гоголь» вышел из-за кривуна, — пояснил Горчаков, видя недоумение штурвального.

Навстречу шел пассажирский пароход «Гоголь», но сигналов на расхождение не давал.

«Обращаю внимание!» — загудел «Адмирал».

Ответа не последовало. И вдруг...

— Что он делает? — вырвалось у рулевого.

— Самый малый! — мгновенно скомандовал Андрей Корнеевич в машинное отделение.

Можно было подумать, что капитан «Гоголя» лишился рассудка: он положил судно на левый борт и на полной скорости, под острым углом, начал пересекать курс «Адмирала».

Расстояние между судами быстро сокращалось. Еще минута, другая, и всей своей громадой «Гоголь» может врезаться в «Невельского». Корму пассажирского судна сильно заносило течением.

Состав барж на буксире стеснял маневренность «Адмирала», лишал его возможности быстро изменить курс. Освещенное яркими огнями огромное тело парохода стремительно надвигалось на беспомощный буксировщик.

Никита вцепился в штурвальное колесо, готовясь к сумасшедшему толчку, взрыву котлов... Столкновение уже казалось неизбежным, когда Никита заметил, что «Гоголь» не находится на курсе «Невельского». Рулевой не сразу сообразил, что положение спас Горчаков: он резко переложил штурвал влево; в это время «Гоголь» успел оттащить свою корму, которая едва не коснулась правого борта «Адмирала».

— Ой! — хрипло вздохнул рулевой. Капитан почувствовал, как у него ослабли ноги. Из-под фуражки по лицу катились капли пота.

По инерции «Гоголь» уходил к противоположному берегу, разворачиваясь против течения.

— В чем дело? — крикнул в рупор Горчаков.

Не отвечая, «Гоголь» пошел на сближение. Суда встали борт к борту. Крылья капитанских мостиков оказались почти рядом.

Нетвердой походкой из рубки вышел капитан «Гоголя» Косицын.

— В чем дело? — строго повторил свой вопрос Горчаков. От нервного напряжения у него пересохло во рту и дрогнул голос.

— Ты извини, Андрей Корнеевич, — заплетающимся языком ответил Косицын. — Потом объясню, — и скрылся в рубке.

Спустя минуту изумленные пассажиры и команды двух

пароходов узнали, что едва не стали жертвами катастрофы из-за пьяного капитана, который преступно нарушил правила плавания, чтобы «с эффектом» пересадить на борт «Невельского»... свою жену.

«Так вот почему он не давал сигналов на расхождение!» — понял Горчаков. Вскоре пароходы снова легли на свои курсы.

Горчаков молча расхаживал по мостику. Вначале он хотел немедленно радировать в пароходство о случившемся, потом решил после вахты написать обстоятельную докладную записку, но тут ему стало жаль Косицына. Андрей Корнеевич знал, что за такое могут отстранить от командования, а то и отдать под суд. Горчаков в душе бранил Косицына, возмущался его лихачеством, снижал в должности и звании и снова жалел. Ведь с ним вместе росли, дружили, учились, живут в одном доме, бывают друг у друга. Но тут же капитан «Адмирала» рисовал себе картину катастрофы. Если бы она произошла, гибель людей и пароходов была бы неминуема. Сердце капитана ожесточалось вновь. «Но ведь ничего не случилось, все обошлось. Так о чем же, спрашивается, мне думать? — успокаивал себя Горчаков. — Ну, не будь это Костя Косицын — я б ему показал!»

«Костя? — капитан резко остановился. — А если другой? Значит, приятельские отношения, родство, землячество?..»

— Андрей Корнеевич, отойдите, пожалуйста, в сторонку. Створов не видно, — несмело попросил капитана рулевой.

— Так держать! — властно приказал Горчаков, бросив взгляд на Амур. И не сдвинулся с места. Больше до окончания вахты он не произнес ни слова.

А днем, в Хабаровске, Горчаков явился к Белокрылову и вручил ему докладную записку о ночной встрече с «Гоголем». Почти одновременно с капитаном об этом же рассказал в политотделе и Заречный. Доложил он и о том, что Ксендзицкий в рейсе делами не занимался.

В этот день Заречный получил два письма. Одно из них — его собственное, вернувшееся из Благовещенска «за ненахождением адресата», другое с отчетливым штемпелем почты «Петропавловск-Камчатский». «Неужели Катюша?» — Заречный вскрыл конверт.

Да, Катя Ломакина осуществляла свои планы. Добра-

лась по Амуру до Николаевска, а там устроилась на «Курильск» и теперь пишет с Камчатки.

«Ну и девчонка!» — восторженно подумал Заречный, вспоминая свою прогулку с ней по Благовещенску. Вечером он отправил ей большое письмо.

...Андрей Корнеевич сидел у Белокрылова. Зинаида Сергеевна прохаживалась по коридору, ожидая мужа. Уже целый месяц у нее в кармане лежит письмо Самоцветовой. Да и вообще надо же, наконец, внести ясность в свои отношения с Андреем. Не зная, на каком судне плавает Горчаков, Женя адресовала письмо на пароходство, а инструктор политотдела отнес его Зинаиде Сергеевне.

— Возьмите, — сказал он. — Для Андрея Корнеевича.

Строева, поколебавшись, вскрыла письмо.

«Здравствуйте, Андрей Корнеевич!

Я выполнила свое обещание: приходила вас встречать, но, увы, на «Адмирале Ушакове» даже не знают, на каком пароходе вы теперь плаваете.

Не знаю почему, но я часто вспоминаю дорогу на Восток и ругаю себя за то, что не согласилась плыть по Амуру вместе с вами до Хабаровска.

На днях получила приглашение на агитпароход читать речникам лекции. Согласилась с радостью. Видимо, скоро где-нибудь на Амуре мы с вами встретимся снова...»

В коридоре показался Горчаков. Зинаида остановила мужа.

— Андрей, мне нужно с тобой поговорить.

— Я слушаю.

— Пойдем домой. Кстати, навестишь дочь. Ей нездоровится. Отправление «Адмирала» назначено на двадцать три ноль-ноль.

— Опять простой?!

— Порт не справляется с погрузкой.

Дома Андрей Корнеевич сразу пошел к дочери. Она сидела в своем уголке и укладывала кукол спать.

— Ты почему не в садике?

— Я простудилась на Амуре.

Отец строго посмотрел на Зинаиду.

— Папа, а дедушка говорит, что ты не капитан, а посудник.

— Кому говорит?

— Бабушке и Светланке.

— Доча, я тебе уже объясняла — дедушка пошутил.

Горчаков недоверчиво покосился на жену.

— Понравилось у бабушки? — спросил он у дочери. — Еще поедем?

— На пароходе?

— Да.

— На пароходе не хочу. Уже темно, а он все ползет.

— А на чем же ты хочешь?

— На катере. Знаешь, как быстро! Когда мама приехала за мной с Алексеем Ивановичем...

— С кем? — Глаза Горчакова вспыхнули недобрым огнем.

— С Алексеем Ивановичем, я уже сказала.

— Ясно, — глухо произнес он, еле сдерживая себя от взрыва лютой ревности. Он некоторое время нетерпеливо ходил по комнате, потом схватил телефонную трубку.

— Диспетчер? Горчаков. Отход когда? В двадцать три? Там кто-нибудь есть с «Невельского»? Передай, чтобы оформлялись без меня. Я задержусь.

— Танюша, иди поиграй: нам с папой нужно поговорить.

Зинаида сняла с себя парусиновый китель с зеленоватыми погонами, повесила его на спинку стула, привычным движением поправила волосы, заплетенные в косы и кольцами уложенные вокруг головы...

Горчаков, несмотря на жаркий день, был в суконном кителе и таких же брюках, и только белый чехол на фуражке, которую он держал в руке, свидетельствовал, что Андрей Корнеевич помнил о времени года.

— Скажи, Андрей, что у нас с тобой происходит? — спросила Зинаида, глядя на мужа большими серыми глазами. Она стояла в двух—трех шагах от Горчакова, опершись одной рукой о стол.

— Не у нас, а у тебя! — резко ответил он.

— Что у меня? В чем я перед тобой виновата?

— Сама знаешь!

— В том, что не захотела стать твоей вещью?

— Ты лучше... про генерала расскажи! Вместе мне пакостите?

— Опять?! Ну, уж если на то пошло, расскажи-ка ты вначале про Жанну!

Ссора разгоралась. Дверь в кухню открылась, вошла дочь:

— Тише, куклам спать мешаете.

— Интересно, как же ты сумел перетащить ее с «Ушакова» на «Невельского»? — допытывалась Зинаида.

В прихожей раздался звонок.

Выйдя из комнаты, Зинаида захлопнула за собой дверь, но Андрей приоткрыл ее и высунул голову.

— А, блудный муж вернулся? — увидев Горчакова, сразу атаковала Клавдия.

— Ты потише.

— Так, так. Ну, рассказывай о своих... этих самых... С лекторшей повидался? Встречать тебя приходила.

— Замолчи! — взревел Горчаков. — За Костей лучше смотри.

— Не кричи, не на пароходе. Не к тебе, не в твой дом пришла. Ты уже и портянки свои забрал на пароход. Так и ступай туда.

— Клавка! — сжав кулаки, подступил к ней Горчаков. — Уйди от греха!

— Может, ударишь? — с вызовом спросила соседка.

— Змея! — прошипел побагровевший капитан и отвернулся к окну.

— Ты не сердись на Андрея, Клавушка.

— Была забота. У меня полугодовой отчет не балансируется. У тебя горчица есть? Одолжи немножко... Ну, Змей-Горыныч, до свиданья.

Горчаков ничего не ответил.

Перепалка со Стрелковой была далеко не первой: Клавдия никогда не давала спуску грубоватому Андрею, а тот не считал возможным остаться в долгу.

— Да, кстати, что за лектор? — требовательно спросила Зинаида.

— Какой лектор?

— С которой ты договорился встретиться в Хабаровске.

Горчаков снова вспылил:

— Что ты городишь?

— Самоцветова, Женя.

— А-а. Ехали вместе. А ты откуда ее знаешь?

— Вот откуда! — Зинаида достала из кармана кителя письмо.

Лицо Андрея Корнеевича вспыхнуло, он быстро пробежал строчки.

— Ну и что? Свиданья ей я не назначал, она сама пришла...

— Представляю, если б такое письмо было адресовано мне и попало в твои руки, — вздохнула Строева. — Хочу тебя спросить, как ты живешь последнее время? Мне стыдно за тебя. Но-ва-тор. Рекордсмен ты, а не новатор! Ты все делаешь только для себя, для своего тщеславия. Кому ты передал свой опыт?

— Хватит того, что моя жена орет про себя на всю страну!

— Только обыватель может так рассуждать! Теперь я понимаю: ты и в партию не вступал, опасаясь дисциплины. Дура я, что связалась с тобой...— Она отвернулась, поднесла платок к лицу, расслабленно опустилась на табуретку.

Андрею Корнеевичу вдруг стало жаль Зинаиду. Захотелось подойти, положить ей руку на плечо, обнять, успокоить. Он чувствовал себя виноватым и в том, что Жанна оказалась снова у него на борту, и в том, что Зинаиде попало в руки письмо Жени. Он подошел к ней, мягко сказал:

— Зина, давай жить, как прежде.

Она подняла лицо, глаза ее засветились надеждой. И только было хотела встать, прильнуть к мужу, сказать ему что-то теплое и благодарное, как он продолжил свою мысль:

— Опытный рейс ты провела. Бросай свое управление, поедем в Благовещенск.

Он ничего не понял!

— Неужели, Андрей, ты не видишь, что тащишь меня назад? Почему ты упорно не желаешь видеть во мне человека, у которого есть любимое дело, есть свои...

— Мне нужна жена, а не человек, у которого...

— Я не договорила.

— Хватит, Зинаида. Знаю, все знаю! Отступись, пока не поздно. А не то...

Но не мог Горчаков сказать: а не то к черту все... Устал, измучился Андрей с Зинаидой, и все же любит ее, и дочь любит. Что же делать, как быть? Он готов был обнять жену, вырвать у нее согласие быть всегда с ним, с Андреем, вместе ходить на пароходе. Но этот порыв тут же сменялся гневом на упорство Зинаиды. Примирения не получалось...

«Адмирал Невельской» забункеровался, Крохалева получила для команды продукты, Заречный — зарплату.

Порт закончил погрузку барж, а Строева и Горчаков все еще продолжали свой трудный спор.

— Мне хотелось найти с тобой общий язык, Андрей. Не забывай о дочери. Скажи, зачем ты напрасно меня ревнуешь и оскорбляешь? Чего ты хочешь?

— Мне жена нужна, помощник, друг, а не диспетчер пароходства!

— Значит, уйти с работы? Плавать с тобой в должности жены? Нет, Андрей, на это я не пойду.

— Ну, мне пора на судно, — на лице Горчакова выступили каменные желваки скул. Он взглянул на часы и поднялся с места.

— Подожди, — она тоже встала, — доведем разговор до конца. Значит, развод? Давай объявление в газете...

— Объявление? Сама сделаешь.

— Я? Но разве я требую развода? Разве я ушла от тебя? Ты и здесь хочешь остаться святошей, Андрей?! Не выйдет...

— Пожалуешься своему... — Он еле сдержал готовое вырваться бранное слово. — Так я и на него управу найду. Плохо знаешь Андрея Горчакова.

— Как я в тебе ошиблась!

Он надел фуражку и твердым шагом направился к двери. Щелкнул язычок замка, и все стихло.

Зинаиде сделалось страшно. Она кинулась в смежную комнату. Одетая Танюшка спала на диване. «Куда, куда мне себя девать?» — широко открытыми глазами Строева осмотрелась по сторонам, потом накинула летнее пальто и торопливо выбежала на улицу. На углу она замедлила шаг. Среди зеленых тополей росли две стройные ели, осыпанные тополиным пухом. При электрическом свете они казались запорошенными снегом. Зинаида зябко приподняла плечи и пошла дальше. Поднялась на Комсомольскую площадь, по привычке направилась к управлению. Здесь она в нерешительности постояла у подъезда, потом перешла дорогу и села на бетонную скамью у колонн, венчающих лестницу к Амуру.

По площади проходили люди, шуршали автобусы, гудели на реке пароходы. За спиной шелестели деревья. Гасли в домах огни. С каждой минутой становилось все тише и тише. Белые хлопья тополиного пуха засыпали тротуар, дорогу, скамью, мягко цеплялись за влажные ресницы Зинаиды...

ГЛАВА 14

В воскресенье Добрынин проспал до полудня. Проснувшись, он не поверил, что уже двенадцать часов. В окно бил мощный поток света, заставлял жмурить глаза; на стене, отражаясь от зеркала, трепетала многоцветная полоска спектра.

В квартире тишина. Ее монотонно подчеркивал неутомимый медный маятник.

Следуя многолетней привычке, Добрынин принял холодный душ; растерся мохнатым полотенцем. Потом побрился, согрел чай, позавтракал и опустился в кресло. Взял со стола фотографию жены с детьми.

Как много воспоминаний рождали эти три родных лица! Вот в такой же полосатой пижаме в воскресные дни он, бывало, расхаживал по квартире в Куйбышеве, шутил с женой, «путешествовал» с сыном по разным странам («Сегодня побываем в Африке...»), отбирал у дочери книги («Это тебе еще рано»)... Потом всей семьей отправлялись в город.

«Все в прошлом», — грустно подумал Алексей Иванович. Он знал, что не следует без конца предаваться горьким воспоминаниям, расслаблять волю. И все-таки едва ли не каждое воскресенье Алексей Иванович садился вот так в кресло и подолгу находился среди близких сердцу людей. Он представлял, как бы сейчас выглядели Владимир и Ольга (она, конечно, училась бы в Московском университете); видел Настеньку, видел, как они идут с ней по главной улице Хабаровска...

Настенька для Алексея Ивановича была не только женой и матерью его детей: в ней он нашел друга. Если б она сейчас оказалась с ним, он рассказал бы ей, как трудно одному, трудно с работой, трудно жить...

Открыв пианино, он сыграл что-то бравурное, потом взял несколько тихих, задумчивых аккордов...

Не закрыв инструмента, Добрынин подошел к балконной двери. Перед ним искрился Амур, стояли пароходы, баржи, лихтеры. Стояли... А им полагалось двигаться, перевозить грузы. Просмотрел газеты. Опять «сюрприз». Передовая статья «Водного транспорта» критиковала пароходство за поздний выход из ремонта рефрижератора «Дальний Восток», за то, что мало вывезли леса и подвели клиентуру; за ежедневные диспетчерские совещания,

на которых лишь выслушиваются оправдания работников, повинных в срыве суточного графика. Добрынин пытался отвлечься, принимался читать какой-то роман, но мысли неизменно возвращались к делам пароходства. «Юрий Николаевич Белокрылов — неплохой человек, — думал Добрынин, — но он явно не на месте. Не скажешь, что он бездельник, консерватор, карьерист. Создается впечатление, что просто выработался, устал. Как же с ним быть? Отстранить от должности?.. Спросят: «За что?» И в то же время партия учит смелее выдвигать молодежь».

Не мог Добрынин смириться и с восстановлением на работе Бесхмельного. Алексей Иванович отослал в министерство объяснение, но, видно, на этом все и закончилось. А порт изо дня в день недорабатывает, ломает график, платит штрафы железной дороге. С Бесхмельным получилось неладно. Как недавно выяснил Добрынин, начальника Хабаровского порта хотели «сплавить» с Амура еще два года назад. Возник вопрос, как это сделать. Возиться с увольнением не захотели, решили послать его на учебу в Академию водного транспорта. Написали блестящую характеристику, уговорили, отправили, а он провалился на экзаменах и вернулся назад. Попробуй теперь с такой характеристикой снять его с работы! Министерство потребовало немедленного восстановления Бесхмельного в должности.

Как-то Алексей Иванович спросил своего заместителя по кадрам:

— Кто писал Бесхмельному характеристику в академию?

Положив кисти рук на край стола и виновато заглядывая в глаза Добрынину, заместитель ответил:

— По приказу начальника пароходства, товарищ генерал. Хотели избавиться.

— Но ведь она не соответствовала действительности!

Кадровик смолчал.

Особенно досаждал Добрынину начальник бассейна. Он совершенно не считался с пароходством, работал по своему плану, страховался конвенционным запрещением. Критиковал его Добрынин на собрании, писал в министерство, говорил Окуню. Вчера заведующий транспортным отделом вызвал к себе Тихого-Тищенко и Добрынина, выслушал претензии пароходства, объяснение начальника бассейна, дал возможность «враждующим сторонам» скрес-

тить шпаги, затем поправил очки, провел рукой по бритой голове и спросил:

— Так к какому решению мы придем? — и улыбнулся, как бы подчеркивая этим и свою доброту, и терпимость, и то, что ему, Окуню, очень забавно с высоты своего положения наблюдать за «петушиным боем» двух руководителей.

«Враждующие стороны» молчали, ибо для того, чтобы ответить на вопрос, каждому пришлось бы все повторить вновь.

— Что же мы доложим Афанасию Прохоровичу? — в другой редакции задал прежний вопрос Окунь, глядя то на одного, то на другого смеющимися глазами. — Ты пошлешь, — спросил он Аркадия Борисовича, — земснаряд на Сунгари?

— Пошлю, — послушно ответил Тихий-Тищенко, уже имея на этот счет указание министерства.

— Вот и хорошо. А то шумите, хлопаете крыльями, как петухи.

— Разве дело только в земснаряде? — резко бросил начальник пароходства. — Акватория рейда и подходы к причалам до сих пор не углублены, в Николаевском порту простаивает огромное количество барж, а путейцы и не собираются производить там дноуглубительные работы!

— Ну, об этом вы договоритесь сами.

Миролюбивый стиль работы Окуня объяснялся, видимо, тем, что вчерашнему плановику было трудно самостоятельно решать сложные вопросы. Сказывались, конечно, и приятельские отношения с Бесхмельным, Тихим-Тищенко, Белокрыловым.

Мысли Добрынина бежали беспорядочно. На минуту забыв об Окуне, Алексей Иванович открыл левый ящик письменного стола, где лежала незаконченная диссертация. Достал ее, прочел несколько страниц и положил на место. Нет, не читалось, не сиделось сегодня Добрынину!

«Может быть, написать обращение по радио ко всем речникам Амура?» — думал он. В голове складывались готовые фразы: «На вас вся надежда, берите выполнение плана в свои руки, требуйте от портовиков, диспетчеров, путейцев четкой работы, включайтесь сами в погрузочные работы, молнируйте в пароходство о бюрократах и лодырях...»

«Это правильно, — думал он. — Пусть знают: выпол-

ним план — получим четверть миллиона рублей в фонд пароходства, используем их на улучшение быта, на культурные нужды, путевки в санатории, на премии. Но, постой, постой, а не краснобайство ли это? «Берите выполнение плана в свои руки...» Попробуй, возьми, когда порты не дают барж! Ну, с лесом поможет Константин, а дальше что? Есть ли у меня ясный и реальный план того, как вытянуть пароходство из прорыва?» На этот вопрос Алексей Иванович был вынужден ответить отрицательно. «Вот издал приказ о рейсе Горчакова с десятью баржами, об эксперименте Строевой. Прочли их экипажи, а дальше что? «Берите в свои руки?» Не похоже ли это на издевательство, насмешку?». Добрынин думал о том, что до сих пор занимается штопкой дыр, пишет приказы, потом отменяет их, а время, дорогое время уходит. «Архип Севастьянович добивается, чтобы ему подготовили состав для толкания вниз по реке. Помог я ему? Нет. Сама жизнь подсказывает мне главное». — Алексей Иванович от одной папиросы прикурил другую и тут же решил: «Раз уж все графики поломаны, начну-ка я их доламывать до конца!»

Через полчаса он позвонил на квартиру Белокрылову. Юрий Николаевич выслушал «сумбурный», как он расценил, план Добрынина и ответил:

— Мы окончательно дезорганизуем работу флота и наверняка провалим план. Кроме того, не исключены массовые аварии.

— Надо верить в способности людей. Передовые капитаны доказали возможность работать по-новому.

Белокрылов молчал. Алексей Иванович положил трубку. Ему хотелось тут же сесть и написать приказ, но он решил посоветоваться еще со Строевой.

«Итак, решено. А проект приказа все-таки напишу сейчас».

Перед выходом из дому, когда проект приказа уже лежал в кармане, Добрынин связался по телефону со сменным диспетчером, спросил, как выполняется суточный график.

Диспетчер замялся, отвечал невнятно: он не ожидал, что в выходной день позвонит начальник пароходства.

— Ничего не понимаю. Говорите яснее! — рассердился Добрынин.

Диспетчер нервничал. Во-первых, он доложил начальнику пароходства не все, о чем следовало, а во-вторых, бо-

ялся, как бы Добрынин не зашел в диспетчерскую и не увидел, чего натворила в его смену Строева. «Ей море по колено, — думал бедняга. — Новатор, орденоносец, о ней «Водный транспорт» пишет. А каково мне?» Тревожное предположение его оправдалось: Добрынин сам явился в диспетчерскую.

— А вы, Зинаида Сергеевна, по какому случаю здесь?

— Здравствуйте, Алексей Иванович. Я сегодня тут партизанила...

Начальник пароходства поздоровался с дежурным диспетчером и стал изучать график.

— Разве «Ленинград» назначался вниз?

— Нет, — ответила Строева. — Я сломала график.

Добрынин выпрямился, строго посмотрел на старшего диспетчера, ожидая объяснения.

— Воз «Камчатки» без остановки, на ходу, передала «Ленинграду». Завтра получите от Архипа Севастьяновича на меня жалобу. Конечно, команда «Камчатки» обижена, зато транзитный состав не стоял ни минуты.

— А «Камчатка»?

— Пока она бункеровалась, порт закончил погрузку барж. Отправила назад, в Благовещенск. А так бы «Ленинград» ожидал окончания погрузки барж, а воз «Камчатки» столько же стоял бы на якоре, пока бункеруется его буксировщик. Дело ваше, Алексей Иванович, но на железной дороге поезда не идут с одним паровозом от Москвы до Владивостока, так ведь?

— Значит, баржевые команды отправили без продуктов?

— К ним подходила плавучая лодка со снабженцем и кассиром на борту. Шкиперы обеспечены всем необходимым.

— И все на ходу?

— Да...

— Что на это скажете вы, молодой человек? — Добрынин обратился к сменному диспетчеру и, не дожидаясь, пока тот соберется с мыслями, протянул Строевой руку:

— Спасибо, умница, от всего сердца спасибо! — Ему хотелось расцеловать ее. — Учитесь, молодой человек, мыслить и действовать по-государственному, — он все еще не выпускал руки Зинаиды Сергеевны, хотя она делала несмелые попытки ее высвободить. — А вы мне говорите — министерство. Вот оно — министерство! — Добрынин, на-

конец, выпустил руку совсем смутившейся женщины. — Завтра Афанасию Прохоровичу расскажу!

— Зачем? Я давно об этом думала. Только в рабочий день начальства много. Вот и решила в воскресенье.

Добрынин смотрел на нее восхищенными глазами.

— Учиться хотите? Хотя, нет, не отпущу. Вот вырвем пароходство из прорыва — тогда и поезжайте. А муж отпустит?

— Мы с Горчаковым разошлись, — сама не зная, как это у нее вырвалось, выпалила Строева и страшно смутилась.

— Да? — Алексей Иванович тоже смутился, скосил глаза на сменного диспетчера.

Тот разговаривал по телефону и одновременно делал запись в вахтенный журнал.

«Вот это новость», — думал Добрынин, снова отвернувшись к графику и делая вид, что очень внимательно его рассматривает.

Зинаида Сергеевна никак не могла решить, как ей вести себя — продолжать сидеть за столом или уходить. Наконец, она спросила:

— А может быть, правда, Алексей Иванович, пошлете меня в институт? Еще успею подготовиться к экзаменам.

— А дочь?

— У меня мама в Благовещенске.

— Давайте на будущий год, ладно? — Он на секунду задумался. — Я вот хотел с вами посоветоваться. Как вы смотрите на проект такого приказа?

Пробежав глазами текст, Строева почувствовала, что волнуется. Такая смелая ломка ошеломила ее.

— В эту навигацию? — спросила она и взглянула прямо в лицо начальнику пароходства.

— С завтрашнего дня. После диспетчерского совещания.

— Сразу и переформировочный рейд и толкание?

— Сразу. Справитесь?

— Я? — она опять тревожно взглянула на Алексея Ивановича. — Одна — нет.

— Почему одна? Будем впрягаться все. Вот только Юрий Николаевич опасается аварий, дезорганизации. А вы — одобряете?

— Это замечательно, Алексей Иванович. Это как раз то, что нам нужно! Только очень неожиданно...

— Иначе, Зинаида Сергеевна, нам положение не выправить. Надо ломать на ходу, вот как вы сегодня. Вышло? Шесть часов сэкономлено? И дальше так будем. А сколько высвободится судов под лес! Жизнь-то ушла вперед, а мы все работаем по старинке. Подумайте, завтра выскажете свои соображения на совещании.

Добрынин и Строева еще долго обсуждали этот план, намечали, какие буксировщики и где использовать. Наконец разговор иссяк, а начальник пароходства не уходил. Зинаида Сергеевна опасалась подняться первой, чтобы не получилось так, что они пойдут домой вместе. Этого она не хотела. Сказав о своем разрыве с мужем, Строева почувствовала, как тяжело признаться в этом людям, как трудно ей будет жить в одном городе с Горчаковым, где все знают и его и ее. Не потому ли она ухватилась за мелькнувшую надежду уехать в институт?

Часы пробили восемь.

— Вы не собираетесь домой, Зинаида Сергеевна? — спросил Добрынин.

— Нет, я задержусь, Алексей Иванович. Дочь у Клавдии.

Начальник пароходства простился и ушел.

Через четверть часа покинула диспетчерскую и Строева. Около дома она обратила внимание, что в квартире Добрынина горит свет.

Алексей Иванович допоздна расхаживал по комнатам, думая о Зинаиде Сергеевне, о том, что она разошлась с мужем... Если бы Строева вышла на улицу и в третьем часу ночи, то и тогда бы она увидела свет в окнах Добрынина...

На другой день в ходе диспетчерского совещания Добрынин впервые оборвал Белокрылова, когда тот заявил, что Строева самовольно поломала график.

— Вам нужно учиться у нее ломать графики!

Управленцы притихли. Начальник пароходства огласил приказ и, даже не пригласив высказаться по поводу принятого им решения, сказал:

— Впредь диспетчерские будем проводить через день. Попрошу готовиться серьезнее, докладывать по существу и без оправданий. Прочтите передовую в «Водном транспорте». Все!

Совещание закончилось небывало скоро.

Разбирая бумаги на подпись, Алексей Иванович уви-

дел проект приказа, в котором Одинцу объявлялся выговор за его недавнюю стычку с начальником бассейна. Вместо подписи под приказом Добрынин начертал в верхнем углу: «В архив». Позвонил, вызвал секретаря:

— Месяц назад на мое имя было письмо Одинца. Я переслал его Юрию Николаевичу. Мне нужен ответ.

Затем он распорядился, чтобы принесли личные дела Горчакова, Белокрылова, Строевой, Одинца, своего заместителя по кадрам.

Заместитель по кадрам, торопливо перелистывая личные дела, недоумевал, зачем генералу понадобились эти документы. Не одного руководителя пароходства «пережил» кадровик, но никто из них никогда не требовал сразу по пять личных дел. Сердце зама билось тревожно, почуяв что-то недоброе. «Не зря спросил в субботу, кто писал характеристику Бесхмельному». Он передал личные дела секретарше в тот момент, когда она открывала дверь кабинета, чтобы положить на стол начальника пароходства ответ Белокрылова на письмо Одинца.

Прежде всего Добрынин открыл папку с документами Строевой. В правом углу анкеты приклеена большая фотография. Алексей Иванович склонился над ней. С фотографии смотрела двадцатилетняя студентка с комсомольским значком на белом платье. Прямой тонкий нос, большие серые глаза, плавный взлет бровей. А сколько задора и радости во взгляде! Теперь Строева старше, но лицо ее почти не изменилось. Разве что глаза немного погасила грусть. «Ну и глупец Горчаков! На такую женщину молиться надо, а он?»

Принесли телеграмму. Капитан «Камчатки» Архип Севастьянович Волков писал: «Свою жалобу беру обратно. Диспетчер Строева поступила правильно. Команда одобряет, говорит: «так держать!». Добрынин улыбнулся: «Погорячился вчера старик...» Алексею Ивановичу захотелось услышать голос Строевой. Он решительно снял трубку.

— Строева слушает, — послышалось в телефоне.

— Хочу вас порадовать. Волков прислал депешу, — и он прочел ее содержание.

Она спросила:

— Разрешите «так держать»?

— Ну и хитры вы, Зинаида Сергеевна. Разрешаю. Да, просматриваю сейчас ваше личное дело. Нет, не в инсти-

тут... Просто знакомлюсь. Только плохо продвигается. Почему? Никак не могу перевернуть первую страницу анкеты... — Алексею Ивановичу казалось, что он видит смущение на лице диспетчера. Строева молчала. — Чудесная девушка! И умница, — добавил он, чувствуя, как сильно у него забилось сердце.

Строева продолжала молчать, и Добрынин осторожно положил трубку.

— Выволочка? — участливо спросил Зинаиду Сергеевну сменный диспетчер, глядя на ее красное лицо.

— Небольшая, — не поднимая головы, ответила Строева.

Добрынин еще раз взглянул на фотографию и стал просматривать анкетные данные. Автобиография, послужной список, Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Строевой орденом Ленина.

«Умница! Вот кому командовать флотом! Женский экипаж, толкание, эстафета. И везде справилась, да еще как справилась! Почему она разошлась с Горчаковым?..» Отложив в сторону дело Строевой, начальник пароходства углубился в пухлый белокрыловский том.

— Милый Юрий Николаевич! Да тебе через месяц можно уходить на пенсию! — вслух произнес Добрынин и задумался. Белокрылов честно и долго трудился, речники избрали его депутатом городского Совета, тепло отзываются о своем депутате.

И все же Добрынин решил откровенно поговорить со своим заместителем. В конце рабочего дня, освободившись от текущих дел, он пригласил к себе Белокрылова.

— Юрий Николаевич, сегодня я просматривал личные дела работников управления...

Белокрылов медленно повернул голову, приподнял седые брови и взглянул на Алексея Ивановича.

— И решил поговорить с вами, как коммунист с коммунистом.

— Слушаю вас, Алексей Иванович, — уже догадываясь, о чем пойдет речь, отозвался заместитель. Было заметно, как дрогнули его губы.

Добрынин закурил.

— Мне не хотелось бы говорить вам неприятные вещи. — Алексей Иванович помолчал. — Вы старше меня, много сил отдали транспорту, Амуру... — Он опять умолк, все еще не находя нужных слов, чтобы сказать главное.

Белокрылов ждал. — Вас неоднократно отмечало наградами правительство, речники избрали своим депутатом...

— Я слушаю вас, Алексей Иванович, — с болью в сердце прервал новую паузу старый речник.

— Мне не хочется обидеть вас, Юрий Николаевич, вы этого не заслужили...

— Мы условились говорить, как коммунист с коммунистом...

— Юрий Николаевич, вам не кажется, что жизнь обгоняет вас, что вам уже не под силу руководить таким большим флотом? Посмотрите вокруг себя. Молодежь показывает нам, как надо трудиться. Давно ли Строева доказала возможность толкания вниз по реке, а вчера применила эстафету. А ведь вы не оценили этого. Жалобу капитан «Камчатки», видимо, вам направил?

— Да, она у меня.

— А вот его телеграмма с борта судна.

Белокрылов прочел и дрожащей рукой положил депешу на стол.

— Читал я сегодня ваш ответ Одинцу. Нехороший ответ. О работе по принципу депо думать нам надо, да мы и сейчас уже, по сути дела, приступили к этому. Обслуживать трудящихся на Шилке тоже надо. Невредно подумать и о целесообразности Благовещенского районного управления. Быть может, начальник пристани и прав? — О выговоре Одинцу Добрынин умышленно умолчал. — Вам ведь через месяц можно уходить на пенсию.

— Я знаю об этом.

— Пароходство уже три года не выполняет планов, — продолжал Алексей Иванович. — Моего предшественника сняли, хотя за работу флота прежде всего несете ответственность вы. Огромные убытки. Что вы предложили в этом году, чтобы вывести пароходство из прорыва? Ничего. А молодежь и предлагает и осуществляет свои проекты, причем нередко вопреки нашей воле. Примеры? Горчаков, Строева, Одинец... Да разве всех перечислишь! — Начальник пароходства зажег погасшую папиросу.

Белокрылов молчал, и Добрынин не знал, чем закончить эту беседу.

— Смотрите, что у нас с вами получается. Тоннаж заморожен в Николаевске. Как же можно было так планировать перевозки? По старинке работаем, не видим нового, мало думаем. Вот я освободил Бесхмельного. Вы не

поддержали меня на партийном собрании, а ведь объективно я прав, начальника порта нужно менять! Разве вас это не волнует? Почему вы молчите?

— Я слушаю вас.

— Весной, когда нависла угроза обсушить флот в затонах, разве вы помогли мне, новому человеку? Вы уехали на Верхний Амур...

Белокрылов нервно прикуривал уже третью папиросу подряд.

— Вы работник номенклатуры министерства, человек с заслугами, депутат, коммунист... Вы понимаете, что я не могу вас освободить от должности, как Бесхмельного. Но поймите и вы, что жизнь предъявляет все новые и новые требования. Нужна энергия, смелость, может быть, риск... Я долго и много думал, Юрий Николаевич. Мне кажется, вы сможете возглавить конструкторское бюро, техническую группу... Но — не флот. Вы меня понимаете? Этого требуют интересы дела.

— Понимаю, — вздохнул Белокрылов.

— Я не тороплю вас с ответом. Подумайте. Извините за суровые слова. Их больно слушать, знаю, но ведь мы — коммунисты!

Много, очень много хотел бы сказать Добрынину Юрий Николаевич. Поспорить, кое с чем не согласиться, доказать несправедливость некоторых обвинений. Но для такого разговора у него сейчас не было сил. Белокрылов ответил:

— Хорошо, я подумаю.

Добрынин молча протянул ему руку.

Через минуту он снял трубку прямого провода к заместителю по кадрам.

— Все готово для встречи китайских практикантов? Куда назначаете? Согласовать? Ну приходите, согласуем.

Китайцы приезжали сегодня вечером поездом. Их четверо: трое ребят и девушка. Знают русский язык.

— Мо Ли и Мына назначьте на «Невельского». У Горчакова есть чему поучиться. К тому же он скоро пойдет по Сунгари в Китай. Студенты пригодятся. Вана — на «Камчатку» к Волкову. Ли — к Лобастову.

— Ясно...

— До подхода судов ознакомьте молодежь с отделами управления. Я приму их завтра в четырнадцать.

— Слушаю.

— Покажите им город, рейд, участки порта, судоремонтный завод.

— Ясно, товарищ генерал.

Рабочий день заканчивался...

ГЛАВА 15

Уже около месяца в Хабаровске гастролировал Новосибирский театр оперы и балета, а Строева еще не была ни на одном спектакле. Клавдия дважды приглашала подругу, Но Зинаида ссылалась на занятость.

— Хватит, милая, симулировать, — сказала ей наконец жена начальника политотдела и положила на стол билет.

— Одна?

— Вместе со мной.

— А дочь?

— Побудет у соседей. Ведь подумать только — «Лебединое озеро».

В субботу Строева ушла из управления точно по звонку, забежала в садик за Танюшкой, подогрела приготовленный утром обед, поела и начала одеваться. К восьми часам ее было трудно узнать. Золотистые волосы заплетены в косы и тщательно уложены на затылке. Вместо парусинового форменного костюма на ней было красное шерстяное платье с белым воротничком, изящные лакированные туфли на тонких высоких каблуках.

Взглянув на подругу, Клавдия восхищенно заявила:

— Смерть мужчинам! Сегодня они будут смотреть не на сцену, а на тебя!

Зинаида улыбнулась, рассматривая себя в зеркало.

— Давно пора. А то сидит, ждет своего лоботряса и стареет.

— Не надо об этом, Клава. У меня сейчас так светло на душе.

В вестибюле театра Клавдия заметила знакомую и направилась к ней, увлекая за собой Зинаиду.

— Вот мы и опять встретились. Здравствуйте! Знакомьтесь: моя подруга.

— Самоцветова, — назвала себя девушка, протягивая руку.

— Строева.

— Вы сегодня прелестны! — не скупилась на комплименты Клавдия. — Так кто из нас оказался прав?

— Да, Андрея Корнеевича действительно перевели с «Ушакова». Но недавно мы все-таки встретились. На агитпароходе. Я читала там лекцию...

Зинаида Сергеевна следила за каждым движением глаз Самоцветовой, всматривалась в нее, не пропускала ни единого слова. Медленно продвигаясь, все трое миновали гардероб, мимоходом оглядели себя в зеркало и вошли в фойе.

— Вы работаете в пароходстве? Я не ошиблась? — спросила Самоцветова Стрелкову.

— Скучный бухгалтер, — подтвердила Клавдия.

— Так вы, наверное, хорошо знаете Андрея Корнеевича?

— Капитана Горчакова? Да.

— У него, кажется, неприятности в семье? — сочувственно спросила девушка.

— Вы о какой семье говорите? Он ведь многоженец.

— Неужели? — Женя смутилась.

Зинаида Сергеевна удивленно посмотрела на подругу.

— Да, — входила в роль Стрелкова, — двоим платит по исполнительным листам. И вообще он ужасный ловелас!

Строева не выдержала:

— Зачем ты говоришь про Андрея гадости? Ведь это же неправда!

Клавдия пыталась делать ей какие-то знаки, но Строева, не замечая их, продолжала:

— В конце концов мне, его жене...

Женя растерянно остановилась.

— Вы его жена?

К ним спешил радостный Добрынин. Самоцветова медленно отошла.

Алексей Иванович повел подруг в зал, то и дело отвечая на поклоны знакомых и сослуживцев и замечая на себе любопытные взгляды.

К удивлению Зинаиды место Добрынина оказалось рядом с ней.

— Какое совпадение...

Строева не подозревала, что этим «совпадением» она обязана подруге.

В антракте Клавдия куда-то исчезла, и Зинаида Сергеевна прогуливалась со своим начальником одна. Могла ли

она подумать, как дорого обойдется это Добрынину! Но случилось именно так. В понедельник, докладывая Вяткину о транспортных делах в крае, Окунь не преминул заметить, что начальник пароходства ведет себя некрасиво: публично ухаживает за своей подчиненной — женой капитана Горчакова.

— Вообще, Афанасий Прохорович, кажется, Добрынин не умеет работать с людьми. Белокрылова уговаривает уйти на пенсию, замахивается на заместителя по кадрам — старого и заслуженного водника; не ладит с начальником бассейна, с Бесхмельным наломал дров. Потянет ли такой пароходство? А теперь пытается мстить коммунистам за то, что не поддержали его на партийном собрании, за критику.

Вяткин насторожился.

— За критику? В чем же это выразилось?

— Юрия Николаевича упрекнул в разговоре, да и другие чувствуют.

— Но упрек и месть понятия не идентичные, не так ли?

— Это верно, Афанасий Прохорович, но сигнал тревожный.

— А как с выполнением плана?

— Опять проваливает. Семьдесят шесть процентов.

— Но до конца месяца еще десять дней. Да, кстати, что произошло в семье Строевой? Говорят, ее бросил муж?

Окунь сказал, что это не удивительно, ибо она уже не впервые замечена в обществе начальника пароходства.

«Удивительные вещи делают люди, — думал Афанасий Прохорович. — Плохо еще воспитываем их».

— У меня все, Афанасий Прохорович.

— Хорошо, — не отрываясь от своих мыслей, ответил секретарь крайкома. «Семьдесят шесть процентов, конечно, мало, но ведь в прошлом году на это же время было всего пятьдесят девять», — думал Вяткин.

Афанасию Прохоровичу вспомнилось диспетчерское совещание. Не понравились тогда секретарю крайкома выступления работников управления. «Что ж, вероятно, Добрынин начал разбираться в своих кадрах. Пусть разворачивается. Но что это за история с женой Горчакова? Надо будет выяснить».

В эти дни Афанасию Прохоровичу не хотелось отвле-

каться от вопросов сельского хозяйства, однако на партийно-хозяйственный актив к речникам он все же пришел.

Доклад делал Добрынин. В нем он не коснулся внутриуправленческих дел, резонно считая, что актив бассейна призван решать более серьезные вопросы, от которых зависит выход пароходства из прорыва. Каково же было удивление Алексея Ивановича, когда Окунь в своем выступлении весь огонь сосредоточил на нем. Заведующий транспортным отделом обвинил Добрынина в попытке разогнать старые кадры, в расправе над людьми за критику, в неспособности руководить пароходством и чуть ли не в бытовом разложении.

— Только безответственный руководитель, — закончил Окунь, — может устраивать интимные прогулки на служебном катере и в служебное время!

Добрынина бросило в жар.

Тихий-Тищенко в душе торжествовал. «Молодец, Окунь! Подожди, он с тебя снимет генеральский мундир». Бесхмельный молча дотронулся локтем до руки Аркадия Борисовича, кося глазами на побагровевшего начальника пароходства. Белокрылов боролся с дремотой. Высоко подняв седые брови, он старался осмыслить, что произошло, почему Окунь так резко выступает против Алексея Ивановича. Лицо Строевой пылало: ведь Окунь, несомненно, имел в виду ее. Зинаида Сергеевна растерялась. Речники переглядывались: для многих из них услышанное было полной неожиданностью.

Последним на трибуну поднялся Вяткин. Но он лишь в самом конце и очень коротко коснулся выступления Окуня:

— Заведующий транспортным отделом критиковал начальника пароходства, в частности за расправы над людьми за критику. Это серьезное обвинение. Но почему об этом не говорили сами пострадавшие?

Выступление Окуня озадачило Вяткина. Не верить заведующему отделом у него не было причин, но и поддерживать его без тщательной проверки фактов Вяткин считал невозможным.

Заключительное слово Добрынина тоже не оправдало надежд некоторой части водников, ожидавших, что вот-вот разгорится сыр-бор. Алексей Иванович лишь вскользь коснулся предъявленных ему обвинений:

— Сознаюсь, товарищи, меня удивило выступление за-

ведующего транспортным отделом. Полагаю, однако, что собрались мы не для того, чтобы рассматривать мнимые или действительные погрешности начальника пароходства. Перед нами стоит более важная задача — вывести пароходство из прорыва.

Одни расценили такое поведение начальника пароходства как признание справедливости критики, другие решили, что Добрынин боится возражать заведующему транспортным отделом, третьи подумали о том, что и Вяткин и генерал умышленно замолчали выступление Окуня, подчеркнув этим его беспочвенность. Но многим показалось, что над новым начальником пароходства сгустились тучи, авторитет его здорово подорван, и если Добрынина завтра вызовут в Москву, — оттуда он больше на Амур не вернется.

— Начальство всегда снимают без лишнего шума, чтоб не будоражить умы, — по пути к дому сказал Бесхмельный Аркадию Борисовичу.

— А снять его пора, — отозвался тот. — Говорят, в театре он открыто демонстрировал свою связь со Строевой.

Константина Архиповича Волкова на активе не было. Он задержался на Верхнем Амуре. О том, как проходил актив, ему рассказал Одинец. Начальнику политотдела также показалось странным, что критиковали Алексея Ивановича не речники, а заведующий транспортным отделом крайкома.

«Пора возвращаться в управление», — решил Константин Архипович.

— Какие будут поручения? — спросил он у Одинца. — Хотя ведь вы только что из Хабаровска.

Ефим Петрович нахмурился.

— Что толку! Не удалось выступить на активе. А хотелось кое-что высказать.

— Что именно?

— Районное управление — это нарост на теле пароходства. Надо укреплять пристани, а не содержать промежуточную инстанцию — дублера главного штаба.

— Этот вопрос, Ефим Петрович, решать с ходу нельзя. Нужно все взвесить, подсчитать.

— Правильно, но Белокрылов и рассматривать эти вопросы не хочет. Вот его ответ. — Он достал из письменного стола лист бумаги. — Читайте! Или переход на работу по принципу железнодорожных депо. Почему другие

пароходства переходят, а мы и думать о такой системе не смеем?

— Система тяговых плеч на речном флоте, Ефим Петрович, дело новое. Она требует строжайшего соблюдения графика движения судов.

Одинец вышел из-за письменного стола.

— Правильно. А преимущества какие? Ведь что сейчас происходит? Семья в Благовещенске, а глава семьи полгода в плавании! Разве это дело? Нет, мало думают в управлении о людях — вот что я вам скажу!

— Обещаю вам, что зимой мы этот вопрос изучим. А вы нам помогите: сделайте расчеты по Верхнему Амуру.

— Вот это другое дело. И последнее... — Одинец неловко улыбнулся. — Я тут как-то поссорился с начальником бассейна. Погорячился, конечно... Выгнал его из кабинета.

— Тихого-Тищенко? — Константин Архипович удивленно посмотрел на Одинца. — Ну, брат, силен! Как же это случилось?

Ефим Петрович рассказал. Выслушав его, Волков неожиданно спросил:

— Скажи, пожалуйста, почему Крохалева перешла с пассажирского судна на буксирное?

— Крохалева? Разве вы не знаете? Она спекулировала, а новый капитан это дело пресек. Вот она и ушла с «Ушакова».

Перед самым отъездом с Верхнего Амура Волков встретился с Заречным («Адмирал Невельской» стоял в Благовещенске под бункеровкой) и поручил ему присматривать за Крохалевой.

— От спекуляции до воровства, — сказал он, — один шаг. Есть основания предполагать, что грузы пропадают не на складах, а в пути, хотя коммерческий ревизор этого и не установил. Собери комсомольцев, установите наблюдение за баржами, за Крохалевой, особенно на стоянках. Ясно?

— Ясно. Неужели у нас под носом действуют воры?

— Проверьте. Как Горчаков?

Георгий Иванович замялся.

— После критики на собрании замкнулся. Наверное, обиделся. Однако стал заметно сдержаннее.

— Значит, пошло на пользу. Да, Георгий Иванович, у него тяжеловатый характер. Что ж, таких людей надо

как можно больше загружать работой .— Начальник политотдела помолчал. — Судоводитель он отличный. А вот в жизни то и дело срывается. Вы знаете, что он бросил семью?

— Догадываемся, Константин Архипович.

— Догадываться мало. Надо создать атмосферу нетерпимости к таким поступкам.

— Каким образом? Ведь это его личное дело?

— Нет, Георгий Иванович, дело это не только его личное. Разлад в семье нередко является началом падения человека. Разве мы вправе быть безучастными! Вам, как члену партии, разве не будет больно, если Горчаков свихнется, потеряет уважение коллектива? Подготовьте доклад о моральном облике советского человека. Используйте факты из жизни амурских водников. Пусть Горчаков почувствует себя неловко, пусть задумается, переоценит свои поступки.

...В Хабаровск Константин Архипович возвращался поездом. В вагоне пассажиров было мало, и Волков один занимал купе. Пользуясь свободным временем, он просматривал свои блокноты, мысленно готовился к беседам с Добрыниным, Вяткиным, вспомнил Одинца, Заречного, долго думал о Горчакове.

Константину Архиповичу было приятно, что пароходство почти вырвалось из прорыва. В этом есть и его, Волкова, заслуга. «А отец все же ушел из управления!» Вчера в «Амурском воднике» упоминалось имя Архипа Севастьяновича. Он провел методом толкания четыре баржи из Хабаровска в Николаевск, сэкономил много времени и топлива... Вспомнился Добрынин. На днях он сказал по телефону: «Спасибо, Константин. Без тебя провалили бы с лесом». Но что там с ним происходит? Почему Окунь мечет громы и молнии?

Поезд подходил к Хабаровску, долго громыхал по мосту, проследовал станцию Амур, и вот уже показался вокзал.

Еще из окна вагона Волков заметил жену. Клавдия почти бежала к пятому вагону.

— Костя! — у самых ступенек Клавдия бросилась к мужу, обняла его. — Я так рада, что ты приехал!

В этот день супругам было очень трудно разговаривать. У обоих накопилось много новостей, каждому хотелось поскорее о них рассказать.

— Ты представляешь, только потому, что он видел Зинку вместе с Алексеем Ивановичем в театре...

— Кстати, как ее самочувствие?

В прихожей раздался звонок. Оказывается, пришел Добрынин. Клавдия Петровна встретила гостя и через минуту уже хвастала подарками мужа.

Добрынин улыбался:

— Знаю, знаю, заботлив ваш Константин.

— Садитесь, Алексей Иванович, к столу...

Константин Архипович сразу заметил подавленное настроение Добрынина, хотя тот старался его скрыть. Верная своему тайному замыслу, Клавдия помчалась к Строевой.

— Зиночка, пойдем к нам. Костя приехал!

— Вы вдвоем?

— И Алексей Иванович у нас.

— Тогда не пойду.

— Почему?

— И без того со всех колоколен звонят...

— Глупости, Зинка! Идем. Тебя ждут. У Алексея Ивановича неважное настроение. Ты будешь очень кстати.

— Я не привыкла быть кому-нибудь «кстати» или «некстати».

Тем временем Константин Архипович беседовал с Добрыниным.

— Это верно, Алексей Иванович, что ты уговаривал Белокрылова подать в отставку?

— Верно. Он обещал подумать. Человек устал, жизнь обогнала его. Юрий Николаевич по-своему тоже заботится об интересах государства. Он, например, очень бережет флот, не разрешает молодым капитанам водить большие составы, не одобряет метод толкания вниз по реке, так как на больших скоростях, действительно, вероятность аварий значительно увеличивается. Но...

Волков открыл форточку.

— Но нужна ли государству такая забота, Алексей? Мне, кажется, за ней кроется консерватизм, леность мысли, я бы сказал, равнодушие к новому, передовому...

Зазвонил телефон. Константин Архипович снял трубку и услышал голос Тихого-Тищенко.

— Да. Спасибо. Нет, нездоровится. Добро! Завтра увидимся. Не люблю этого ловкача, — положив трубку, сказал начальник политотдела. — Узнал, что вернулся, спе-

шит сориентировать меня в обстановке. Мне кажется. Алексей, что управленческий синклит возглавляет начальник бассейна. Изворотлив, хитер, тщеславен! Видишь, уже позвонил...

— Синклит, синклит... — Добрынин поднялся из-за стола, прошелся по гостиной. — Я думаю, Константин, что никакого синклита у нас нет. Есть усталый человек Белокрылов, бездарный руководитель и пьяница Бесхмельный, осторожный до неприличия мой заместитель по кадрам, болтун и карьерист Тихий-Тищенко — и все.

Поднялся и Волков, чем-то напоминавший Добрынину Горчакова. Такой же стройный, черноволосый, с горячими темными глазами.

— Дорогой Алексей Иванович. Ты, кажется, довольно точно охарактеризовал их. Но беда заключается не только в недостатках и пороках этих людей. Дело еще и в том, что они, как тебе известно, нередко действуют сообща. А это не может нас не беспокоить.

Добрынин взялся за спинку стула.

— Ты знаешь, на активе Окунь мне всыпал именно за них. Разгоняет, говорит, старых речников.

— Слышал. Кстати, чем ты досадил Окуню, что он тебя так безжалостно отчитал? Вяткин не приглашал после актива?

— Пока нет. — Алексей Иванович приставил стул вплотную к столу, ощупал бугристый лоб, снова закурил.

Константин Архипович ждал, Добрынин молчал. Волков позвонил на квартиру Строевой.

— Здравствуй, Зинаида. Клава у тебя? Спасибо. Заходи. Алексей Иванович здесь. Нездоровится? Ну, передай трубку ей. Ты что же, Клавушка, нас покинула? Поговорить? Ты нам не помешаешь. Приходи, приходи.

Он положил трубку.

— Давай-ка за стол, Алексей Иванович. Сейчас Клава придет. Недавно прочел, кажется, у Грибачева. Послушай. — Он достал записную книжку:

Но как ты будешь жалок и ничтожен,
Как будет вечер горек и тяжел,
Когда свой день лишь для себя ты прожил,
Хоть делал вид, что рядом с нами шел!

— Кого ты имеешь в виду? — насторожился Добрынин.

— Того, кто не думает, что он оставит после себя.

— А ты что оставишь?!

— Во-первых, сына и дочь, — улыбнулся Константин Архипович, — во-вторых, тех людей, которым я помогу твердо стать на ноги; в-третьих, то полезное, что принесу своим трудом. Вот ехал я в поезде и думал. Из леса, который мы сплавляли, построят в Комсомольске новые дома, скажем, для сталеваров, поселятся в них люди, будут жить с удобствами. А в этом и моя доля труда есть! Значит, сделал я доброе дело, и на душе у меня хорошо. Чувство, согревающее сердце человека. А ведь я тоже человек, Алексей. Ты что так смотришь?

— Думаю, а что после себя оставлю я?

— Ты можешь и должен оставить много. Выведи пароходство из прорыва, сделай его рентабельным. Славу хорошую о себе оставишь, будут тебя добрым словом вспоминать. — Волков помолчал.

Вернулась хозяйка дома и громко возвестила из кухни:

— Сейчас будем есть пельмени.

— Садись, Алексей. Пришла «Хозяйка Медной горы».

— Одна? — спросил Добрынин и почувствовал, что краснеет.

— Клава, а Зина придет? «Ого! — подумал про себя Константин Архипович. — Кажется, Окунь намекал не напрасно».

С дымящимся супником вошла Клавдия.

— Был я на Зее, — задумчиво говорил Волков. — Есть там великолепное место для строительства электростанции.

— Лучше, чем на Амуре? Где именно?

— В Хинганском ущелье.

— Да, там тоже место вполне подходящее. Плотина позволит регулировать баланс воды в Амуре. Вот тогда бы мы не гадали, будет в мае вода или нет, затопит летом река поля или помилует. Сколько нужно воды, столько и пустим!

— Замечательная перспектива, — вздохнул Добрынин.

— Дело недалекого будущего, уверен в этом! Вообще, знаешь, Алексей, подумаешь вот так о будущем — до чего же здорово можно устроить жизнь! — Глаза Константина Архиповича возбужденно блестели.

— Батюшки, там чайник, наверно, выкипел! — воскликнула хозяйка и помчалась на кухню.

— Вчера получил письмо от приятеля из министерства, — сказал Добрынин. — Пишет, что на Амур собирается министр, обеспокоен перевозками на Дальнем Востоке.

Константин Архипович, улыбаясь, спросил:

— Значит, ты тоже пользуешься приятельскими отношениями? Министр-то, наверное, думает прилететь внезапно, застать нас врасплох, а его помощники...

Алексей Иванович засмеялся:

— Знать заранее все-таки не мешает.

— Как у тебя с диссертацией? Работаешь?

— Нет. Надеюсь взяться зимой.

— Неверный расчет.

— Не говори. Помнишь, у Байрона, в «Чайльд-Гарольде»: «Все ж мысль моя осуществится может: зимой исправлюсь, стужа мне поможет...» — И спросил неожиданно: — Почему ты сегодня все время напоминаешь мне Горчакова?

— Андрея Корнеевича?

— Да.

— А мы немного похожи друг на друга.

Хозяйка принесла чайник.

— Клава, — шутя спросил Константин Архипович, — помнится, когда мы ездили весной по Амуру, ты взяла на себя обязательство женить Алексея Ивановича. Как выполняется обещание, товарищ генерал?

Добрынин переадресовал вопрос хозяйке дома:

— Но его давал не я.

— Однако главное зависит от вас, Алексей Иванович, — смеясь, ответила она.

Алексей Иванович задумался. Теперь все чаще и чаще ему хотелось видеть Строеву. «Что у нее с Горчаковым?» — спрашивал он себя.

После Волковых Добрынин побывал в диспетчерской пароходства, с полчаса бесцельно просидел в своем служебном кабинете и вернулся домой только в первом часу ночи.

На другой день Волков справился в коммерческом отделе:

— Не обнаружили, где происходит хищение грузов?

— Нет, — ответил начальник отдела. — Не можем напасть на след. Товарищ Ксендзицкий выезжал в Николаевск, был на «Невельском», только на днях возвратился из Благовещенска.

— Да, абсолютно темное дело, — поднимаясь из-за стола, включился в разговор Дмитрий Дмитриевич.

— Ксендзицкий — это, видимо, вы?

— Совершенно верно, — поправляя очки, улыбнулся коммерческий ревизор.

Константин Архипович внимательно оглядел его:

— Вы где работали до Амура?

— Я? Я прямо из института.

— Странно. Неужели вас в институте учили сибаритствовать там, где нужно проводить расследование?

— Позвольте, — внезапно охрипнув и краснея, хотел возмутиться Дмитрий Дмитриевич.

— Не позволю, товарищ Ксендзицкий! Не позволю безответственно относиться к государственным делам!

Из коммерческого отдела Волков отправился к заместителю Добрынина по кадрам. Познакомился с личным делом Заречного, распорядился запросить характеристику на Крохалеву с прежнего места работы на Днепре.

Встретив в коридоре Строеву, Волков спросил:

— Ты с Андреем разошлась, что ли? Говорят, за генерала собираешься замуж?

— Неправда это, Константин Архипович! А с Андреем... Андрей... он сам ушел от меня!

— Погоди, погоди. А откуда эти разговоры о Добрынине?

— Сами знаете: как-то он ездил со мной за Татьянкой. Попутно... А после нас видели в театре. Но ведь мы были втроем.

— А третий кто?

— Клава. Мы пошли с ней, а в фойе встретились с Алексеем Ивановичем. Его место оказалось рядом. Окуню кто-то насплетничал, а он с трибуны актива... — Она заплакала, ушла к открытому окну. — Представляю, когда узнает Андрей!

— Так ты говоришь, он же ушел от тебя.

Она молчала. «Так, так, — думал Константин Архипович, — похоже, что в этом спектакле моя Клавушка играет не последнюю роль. А я, дурень, и не догадывался, на ком она хочет женить генерала». Волкову стало неловко за жену. Как она не понимает простых вещей!

— Я поговорю с Андреем, — заглушая поток мыслей, сказал он.

— Бесполезно. Он ревнует меня ко всем — к Добрыни-

ну, к вам, к диспетчерам. Считает, что я выскочка, зазнайка. Он требует, чтобы я ушла из управления и плавала вместе с ним...

— Не горячись, Зинаида Сергеевна. Выйти второй раз замуж дело нехитрое, а вот сохранить семью — это сложнее. Не забывай о дочери.

В руках Строевой хрустнул переломленный карандаш.

— До каких пор я буду терпеть? Жанна, какая-то лекторша...

Константин Архипович нахмурился, всматриваясь в Амур.

— «Невельской». Вниз идет?

— Да. Потом — в Китай. — Она качнула головой и сказала с надрывом: — Все живут, как люди, а мы — посмешище всему пароходству.

— Брось, не сдавайся. Верю, что Андрей еще придет к тебе с повинной.

— Не знаю, не знаю, Константин Архипович. Я тоже не железная.

После управления Волков побывал в порту и к Окуню попал только к обеденному перерыву.

Заведующий транспортным отделом был не один. Сидя у маленького столика недалеко от двери, он завтракал вместе с начальником бассейна.

Подняв бритую голову, Окунь опустил со лба очки в простой железной оправе и уставился на посетителя.

— Приехал?

— Здравствуйте, — поздоровался Волков.

— Долго путешествовал. Приди пораньше, позавтракали бы вместе. Сосиски любишь?

— Благодарю. Я питаюсь дома.

Тихий-Тищенко спросил:

— Справился с лесом? А мы тут, пользуясь перерывом, о коммунизме размечтались.

— Аркадий нарисовал такую картину, — сказал Окунь, — что в пору писать проект в правительство.

— Любопытно.

— Так вот послушай. Ну-ка, Аркадий!

Тихий-Тищенко вытер бумажной салфеткой рот, поднялся из-за стола.

— Известно, что водный транспорт самый дешевый из всех видов транспорта. — Аркадий Борисович взъерошил волосы. — Между тем огромное количество грузов мы

перевозим по железной дороге. Взгляните на карту. Наша страна пересечена повсюду судоходными реками. Достаточно соединить их каналами, и мы получим непрерывный водный путь через весь материк Европы и Азии, от берегов Атлантики до Тихого океана!

Константин Архипович молчал. «Кажется, — думал он, — речь идет о трудах Амурской экспедиции 1913 года».

— Все очень просто, — улыбнулся Тихий-Тищенко. — На комфортабельном теплоходе мы отправляемся из Ленинграда по Мариинской водной системе, — Аркадий Борисович показывал на карте маршрут, — достигаем Волги, затем идем по Каме и Чусовой, по Уральскому каналу переходим на Тобол — Иртыш — Обь, по Обь-Енисейскому попадем через Ангару в Байкал. К этому времени закончится строительство третьего канала через Яблоновый хребет — Байкало-Амурский, который даст нам возможность спуститься по Шилке и Амуру к Тихому океану.

— Значит, всего три канала? — спросил Окунь.

— Только всего. Зато свыше тридцати тысяч километров непрерывного водного пути! Вы представляете, какие это сулит выгоды народному хозяйству?

— Прожектерство, — спокойно ответил начальник политотдела.

— Как? — Окунь приподнял на лоб очки, всем телом подался на письменный стол.

— Напрасно, Аркадий Борисович, ты считаешь, что при коммунизме люди будут поступать безрассудно.

— Ты считаешь это безрассудством?

— Не только я. Инженер Чубинский тоже говорит, что как бы ни была красива и грандиозна эта идея, слишком мало шансов на ее осуществление.

При упоминании фамилии Чубинского Аркадию Борисовичу вдруг сделалось жарко. Он достал носовой платок, стал вытирать шею и лоб.

Окунь спросил:

— Чубинский где работает?

— Он возглавлял дорожный отряд Амурской экспедиции, командированный на Дальний Восток по высочайшему повелению, кажется, в 1913 году. Я не ошибаюсь, Аркадий Борисович?

Тихий-Тищенко сделал вид, что вопроса не слышал.

Окунь медленно поворачивал голову, глядя то на Волкова, то на начальника бассейна. Волков продолжал:

— Помнится, Чубинский писал, что почти все реки потребуют шлюзования, а на перевале Яблонового хребта вообще невозможно создать искусственное водохранилище из-за отсутствия источников воды.

— Но это соображение полувековой давности, — уже оправился от смущения Тихий-Тищенко.

Константин Архипович прищурил смеющиеся глаза.

— Совершенно верно. Тем более теперь никому не взбредет в голову вкладывать сотни миллиардов рублей в водную систему, требующую около двух тысяч километров шлюзованного пути. Кстати, полгода она будет покрыта льдом. Нет, Аркадий Борисович, не этим нам с тобой надо заниматься. — Волков помолчал. — А труды Амурской экспедиции прочесть, конечно, полезно.

— Ты ко мне с чем? — Окунь пришел на выручку начальнику бассейна.

Константин Архипович рассказал о положении дел на Верхнем Амуре, о предложениях Одинца.

— Думаю, его соображения заслуживают изучения, — закончил начальник политотдела.

— Выскочка, мальчишка, грубиян! — неожиданно сорвался Тихий-Тищенко, вспомнив, как начальник Благовещенской пристани выставил его из кабинета.

Волков нахмурился.

— Может быть, мне зайти позднее? — спокойно спросил он заведующего отделом.

— У тебя еще есть ко мне дела? — Окунь взглянул на Тихого-Тищенко. — Нет? Ну, ступай. Заходи завтра.

Аркадий Борисович пожал ему руку и удалился.

— Много нареканий, — продолжал Волков, — на работу Хабаровского порта. Напрасно ты защищаешь Бесхмельного.

— Опять вам Бесхмельный покоя не дает? Ты читал в газете отчет о партийно-хозяйственном активе?

Константин Архипович внимательно всмотрелся в Окуня.

— И на Добрынина зря нападаешь. Человек ночей не спит, болеет за пароходство.

— Не видно, не видно. Диктаторствует. Старых амурцев разгоняет. За чужими женами волочится. Ты здесь долго не был. Присмотрись, прислушайся к голосу наро-

да. Афанасий Прохорович недоволен. Напрасно берешь под защиту. Смотри, не сломай на Добрынине шею.

— Я вот просматривал последние номера газет, — оставляя без внимания слова Окуня, продолжал Волков, приглаживая непослушные черные волосы. — Странно ведут себя портовики. План не выполнили, вагоны сотнями простаивают в ожидании обработки, суда уходят незагруженными, а в печати сплошной трезвон об успехах. Создается впечатление, что руководители порта принимают все меры к тому, чтобы на весь край раструбить о своих мнимых достижениях. Обработают в срок судно — кричат об успехах, разгрузят десяток вагонов — хвастаются; исправят кран — шумят, что ввели его в строй досрочно. А воз-то и ныне там!

Окунь открыл папку со сводками, перебросил несколько листков, сказал:

— Тут ты, пожалуй, прав. Я уже думал об этом. Вчера вызывал Бесхмельного. Обещал.

— На это он мастер...

От заведующего транспортным отделом начальник политотдела пошел к Вяткину.

Афанасий Прохорович снял очки, поднялся навстречу. Невысокий, в темно-синем костюме, он протянул Волкову обе руки:

— Наконец-то! Садись, рассказывай. — Вяткин позвонил. В дверях показался помощник. — Георгий Георгиевич, если удастся, хорошо б на полчасика меня спрятать. Попробуйте, ладно?

Волков снял с руки часы, положил их перед собой.

— Чувствуется военный человек, — секретарь крайкома улыбнулся. — Ну, рассказывай, чем занимался?

Начальник политотдела удивленно взглянул на Вяткина, быстро перебиравшего какие-то бумаги.

— Разве вы не знаете?

— Знаю, конечно. Только, если верить бумагам, лесом занимался не ты. Вот, смотри! — он протянул ему докладную Тихого-Тищенко.

Волков спокойно прочел.

— Кажется, у китайцев есть пословица: обманом весь свет пройдешь, но назад не вернешься.

— Хорошо сказано. И мне не нравится начальник бассейна. Что-то в нем есть фальшивое. Надо присмотреться к нему...

Волков закурил.

— Афанасий Прохорович, я привык по-солдатски говорить прямо что думаю.

— Прекрасно. Что же ты думаешь?

— Не только думаю, а убежден, что дело не только в начальнике бассейна. Читал я отчет об активе, говорил с людьми. Напрасно обидели Добрынина.

— Кстати, получил сегодня телеграмму. Министр запрашивает о нем мнение крайкома. План ведь опять не выполнили.

— Снимать собираетесь?

— Вероятно. Ты что-то хотел сказать по-солдатски.

— И скажу. Не Добрынина надо снимать с работы, а заведующего транспортным отделом! — взгляд начальника политотдела стал жестким.

— Интересно.

— Кто вам подсунул эту докладную? Окунь! Бесхмельного кто поддержал? Опять он. А толк какой? Пароходство проваливает план главным образом из-за скверной работы Хабаровского порта.

Секретарь крайкома слушал, но у Волкова явно недоставало данных, чтобы доказать верность своих утверждений.

«Передал докладную? — думал Вяткин. — Так она на мое имя. Бесхмельного поддержали сами речники, министерство, не только Окунь».

— Подумайте, Афанасий Прохорович, — продолжал Волков, — за кого ратует заведующий отделом? За начальника бассейна — этого вечно занятого бездельника, за пьяницу и лодыря Бесхмельного, за беспомощного кадровика — за своих давних приятелей. А вот новатора Строеву обливает помоями с трибуны актива!

— Он не называл ее имени.

— Но его намек все поняли. Хотя Добрынин с ней ездил не специально гулять, а за дочерью, попутно.

— Скажи, пожалуйста, что происходит в семье Зинаиды Сергеевны? Верно, что Добрынин разбил семью?

— Ложь, ложь! — горячо заявил Волков и рассказал все, что ему самому было известно о конфликте Горчакова с женой.

Глубокая убежденность Константина Архиповича озадачила секретаря крайкома.

— Не скрою, Афанасий Прохорович: Добрынин, ка-

жется, увлечен Строевой. Но ведет он себя добросовестно, семьи не разбивает.

Вяткин задумался.

— Жаль, меня не было на активе, — вздохнул Константин Архипович. — Нехорошо получилось. Да, Добрынин говорил с Белокрыловым, как коммунист с коммунистом, но причем тут расправа за критику?

Беседа с Волковым встревожила секретаря крайкома. Он взял лежавшую на столе стенограмму актива, перелистал ее, потом о чем-то, видимо, вспомнил, взглянул на часы.

Волков заметил это, посмотрел на свои часы, встал и протянул руку:

— До свиданья.

— Будь здоров, Константин Архипович. Спасибо, что зашел.

...За обедом Волков был хмур. На вопросы жены отвечал односложно, нехотя, а когда она наконец возмутилась, отчитал ее за сводничество.

— И это жена начальника политотдела! — укоризненно воскликнул он.

— Вот именно, — начальника политотдела, который только и заботится, чтобы «моральным разложением» не запахло. А о живых людях не думает... — Клавдия выскочила из-за стола, заперлась в спальне и горько заплакала.

ГЛАВА 16

Всю ночь капитан «Невельского» не давал покоя диспетчеру порта, а своевременный выход в рейс все же срывался. Напрасно Горчаков возмущался, грозил пожаловаться Добрынину: причалы были заняты, и баржи «Албазин» и «Китаянка» в ожидании обработки продолжали болтаться на якорях вдали от пристани.

С девяти утра Андрей Корнеевич начал разыскивать Бесхмельного. Однако поиски не увенчались успехом. С квартиры ответили, что он давно ушел, а с участков порта сообщали, что он еще не приходил. Лишь немногие знали, что начальник порта с вечера уехал на охоту и пока не вернулся. Время шло, и капитану стало ясно: если даже немедленно поставить баржи под погрузку, то и тогда они не будут готовы раньше полуночи — в порту по-прежнему не хватало грузчиков.

Махнув на все рукой, Андрей Корнеевич отправился в город. Около управления он взглянул на окно, за которым работала жена, замедлил шаги, нахмурился и решительно направился к дому.

В квартире ничего не изменилось. Никаких мужских вещей, фотографий или писем Андрей Корнеевич не обнаружил. Новых записей в дневнике Зинаиды не было. Тщательно исследовав комнату и кухню, он спустился вниз, зашел в магазин, накупил сладостей и отправился в детский садик.

Танюшка встретила отца не так восторженно, как в прошлый раз.

— Ты почему невеселая?

Девочка потупила глаза.

Заведующая садиком молча наблюдала за встречей отца с дочерью.

— Ну, как живешь?

— Так, — ответила дочь, не поднимая головы.

— Что значит «так»?

— Так, — упрямо повторила она, теребя нижнюю пуговицу на кителе отца. — Все говорят, что ты плохой, вот!

— Кто говорит?

— Тетя Клава.

— А еще?

— Спроси у мамы.

Краска прилила к щекам Горчакова. Он заметил: не только дочь холодна к нему, но и сотрудники детского сада.

Встреча с дочерью явно не удалась.

«Чтоб ноги твоей не было в родительском доме, паскудник», — вспомнились слова отца. Опустив голову, Андрей Корнеевич бесцельно зашагал по тротуару. Появилось желание напиться и забыть обо всем. «Сговорились они, что ли?» На днях Горчаков добрых полтора часа высидел на докладе о моральном облике советского человека, который делал Заречный. Правда, докладчик ни разу не назвал имени капитана парохода, но говорил о таких предметах, которые прямо касались Горчакова.

Настал час обеденного перерыва. Из учреждений повалил народ. Все чаще мелькали знакомые лица водников. Андрею Корнеевичу казалось, что они умышленно его не замечают. Навстречу шла Самоцветова.

— Женя! — окликнул он ее.

Девушка повернулась, взглянула на капитана и сердито сдвинула брови.

— Здравствуйте, — сухо ответила Евгения Павловна. — Извините. Я тороплюсь.

— Вы направо? Пойдемте вместе.

— Нет, нет. Избавьте.

Горчакова бросило в жар.

— Подождите, в чем дело?

— Вы поступили, — она запнулась, — поступили, по крайней мере, некрасиво!

Женя холодно и немногословно рассказала о встрече в театре.

Они стояли у входа в библиотеку. Через дорогу за ними наблюдала Клавдия Петровна.

— Я не виноват...

— Я не нуждаюсь в ваших объяснениях! Прощайте!

Горчаков растерянно смотрел ей вслед.

В это время Строева открыла дверь своей квартиры.

— Странно, — произнесла она, переступив порог. Дорожка сбита в комок. В вещах кто-то рылся. А тут — пыльные следы мужских ботинок. «Проверял... Он...» Гулко забилось сердце.

Зазвонил телефон. Это звала обедать Клавдия. Строева приняла приглашение.

Семья Волковых сегодня была в полном сборе. Час назад подошла «Камчатка», и Архип Севастьянович сразу отправился домой; Никита воспользовался задержкой «Невельского», чтобы побывать среди родных. Клавдия, как шутил ее муж, являлась постоянным представителем Волковых в Хабаровске.

В центре внимания находился Никита. Клавдия посмеивалась над тем, как он назначал по телефону свидание товарищу с косичками, а Костя допытывался, готовили его брат к экзаменам в речное училище:

— А ну-ка, скажи, чему равна разность кубов двух чисел?

— Я до этого еще не дошел, — краснея и поправляя свой чуб, ответил Никита.

— Но ведь разность кубов, если не ошибаюсь, изучают в седьмом классе, который, кажется, ты окончил?

Глава семьи кашлянул, вытер салфеткой седые усы.

— Ты, Константин, не торопи парня. Пусть походит рулевым, в армии послужит, понюхает жизнь со всех сто-

рон. Может, ему захочется стать механиком, а мы его на штурмана выучим. Думаешь, он нам спасибо скажет? Сам пускай поживет, поосмотрится, пооглядится да и выберет себе дело по душе, чтоб не скакал потом, как козел, с места на место.

Клавдия подала второе блюдо: молодой картофель с бараниной. Архип Севастьянович продолжал:

— Насмотрелся я на сопляков с дипломами. Лет пятнадцать подряд учат такого оболтуса папа с мамой, избалуют, втемяшат ему в голову, что его профессия самая выгодная, а толк какой? Он и старается всю жизнь искать для себя выгоду. Туда не пойду, сюда не пойду, это не мое дело. А сам никакого дела толком не знает. Нет, ты сызмальства научись труд уважать, а дело выбери, полюби его. Полюбишь — учись. В деле своем разворачивайся. Вот тебе здесь и институт понадобится и академия, ежели что... Так-то, Константин! Возьми, к примеру, старых капитанов. С низов шли, мастера на все руки, головы золотые, ни в какой беде нос не повесят. Закалка! Ты думаешь, мы с матерью не имели возможности тебя сразу в институт определить? Дело это в наше время самое простое. Ан нет, решили, пойди потрудись, своей головой поживи, своими руками хлеб зарабатывай. Гляди, и получился из тебя человек. То же и с Никитой.

— Я не согласна, — заявила Клавдия Петровна. — Вот Зинаида прямо из семилетки пошла в техникум. Разве из нее не получился человек?

— Зинаида Сергеевна — потомственная водница. Да и пола она не мужского, могла выйти замуж — и будь здоров! Я о парнях говорю. Да, к слову пришлось, ты, Зинаида Сергеевна, по старой дружбе «Камчатку» побыстрей отправляй. Нам стоять недосуг. Гляди, как бы от твоего муженька не отстать. Как он, здоров?

— Не знаю, Архип Севастьянович: он домой приходит только тогда, когда я на работе.

— Что так? — старый капитан нахмурил седые брови. — Ну, Никита, поел? Иди на борт. Матросам отлучаться надолго не положено. Вот станешь капитаном, тогда другое дело.

Когда брат вышел, Константин сказал:

— Андрей бросил семью, отец.

— Бросил? — Архип Севастьянович не поверил, уставился на Зинаиду.

Она вздохнула:

— Да, Архип Севастьянович. Только никто из нас не решается сделать в газете объявление о разводе.

Старик поднялся из-за стола.

— Корней знает?

— Все знают, — отозвался сын.

Глава семьи подошел к буфету, налил стакан воды, залпом выпил ее.

— А компот? — спросила хозяйка.

— Шут с ним, с компотом. Клавдия, — строго обратился он к невестке. — Чтоб ноги Андрейкиной в нашем доме не было! Ясно? Как только выйду в рейс, пошлю ему радиограмму, что соревноваться с ним не буду!

— Отец, не путай, — вмешался Константин Архипович.

— Ты меня не учи!

— Я не учу. Но соревнование — дело общественное, тебя никто не поддержит.

Усы Архипа Севастьяновича топорщились, а сам он походил на потревоженного среди зимы медведя.

Константин сказал:

— Ты вырази ему свое нерасположение...

— Я ему выражу! Такое выражу, что... — Старик не нашел подходящего слова.

Строева покраснела. Ее выручил Константин Архипович:

— Скоро два часа. Мы опаздываем на работу.

Зинаида и Клавдия с мужем ушли.

Архип Севастьянович прилег отдохнуть. Годы все-таки брали свое. В полудреме он мысленно составлял текст радиограммы Горчакову. Старый капитан знал покойного отца Зинаиды, всю ее семью, добрых десять лет прожил дверь в дверь с ней самой. Да разве только он? Никто из водников не скажет про Строеву дурного слова. А вот про Андрея болтают всякое. Свихнулся парень. А чего же это смотрят Добрынин и Костя?

Не спалось. Старик поднялся с дивана, позвонил диспетчеру порта, узнал, на сколько назначен отход. Потом побродил по дому, постоял перед портретом жены, покашлял и ушел на пароход.

...Горчаков, не зная куда девать себя, забрел на водную станцию, сел на скамейку под грибком, молча глядел на оживленные группы купальщиков. Здесь его и встретил

Георгий Иванович Заречный. Сияющий, возбужденный, он показывал капитану фотографию Катюши Ломакиной.

— Помните, Андрей Корнеевич, официантку в «Амуре»? В первый день, когда мы приехали в Благовещенск? Тогда еще Жанна к нам подходила.

— Ну и что?

— Так вот, эта официантка там уже не работает. Вы представляете, спустилась вниз по Амуру, побывала на Камчатке, в Беринговом проливе, на Сахалине, во Владивостоке!

— Влюблен?

— Она хорошая. Я написал ей, чтобы возвращалась на Амур.

— Жениться собрался?

— У нее мама умерла, а мачеха хотела отдать ее за своего сына. Вот Катюша и сбежала из дому.

— Не женись. Я вот попробовал, а теперь мучаюсь. На судне все в порядке?

— Все, Андрей Корнеевич.

— Баржи все еще не поставили под погрузку?

— Нет. Я пришел искупаться. Жарко.

Горчаков не без удивления наблюдал, как его штурман разделся, отстегнул протез и с вышки бросился в реку. С одной рукой он прекрасно держался на воде, плавал, сам выбирался на понтон.

— Ох, и теплая вода! Раздевайтесь, Андрей Корнеевич.

— Нет. Пойду на судно. — Горчакову было не по себе. Дочь словно подменили. Женя отчитала прямо на улице, на виду у всех... Зинаида? А что Зинаида? Вспомнилось последнее объяснение с ней, и сердце Андрея Корнеевича заныло.

Нет, не мог, не умел, не хотел понять Горчаков, что не только он, но и жена вправе к чему-то стремиться, чего-то хотеть, бороться за свою мечту и в кипении этой борьбы находить высокую радость. Мало думал Андрей Корнеевич о жизни, не приглядывался к другим семьям, не находил путей к тому, чтобы снова обрести счастье.

В этот день в Хабаровск вместе с Подосеновым приехала Светлана. Девушке не давал покоя давний разговор с секретарем крайкома о колхозе «Верный путь». Сначала

она пошла к начальнику политотдела, но не застала его. Тогда Светлана отправилась прямо к Добрынину. Алексей Иванович радушно встретил девушку, спросил о здоровье родных, но, когда зашла речь о деле, которое привело ее в город, нахмурился.

— Светлана Корнеевна, я, конечно, понимаю, что вами руководят благородные чувства, но вы многого не учли... «Какое шефство? — думал он. — Тут впору колхозникам брать над нами шефство...»

От начальника пароходства Светлана пошла к Зинаиде. Та посоветовала идти прямо к Вяткину.

— Действуй, поддерживаю. И с Константином Архиповичем поговорю.

Секретарь крайкома вышел из-за стола, встречая учительницу из Березовой рощи.

— Здравствуйте, Светлана Корнеевна! Давно вас ждал!

— Ждали?

— В том-то и дело. Вы, конечно, еще не обедали? Вот мы и поговорим за обедом. С женой познакомитесь. Она тоже учительница.

— Афанасий Прохорович, я не могу. Меня внизу ждут.

— Кто?

Девушка смутилась. Вяткин улыбнулся, положил ей руку на плечо:

— Ничего, заберем и его. Поехали!

Около здания крайкома Вяткин сразу определил, кто ждет его спутницу.

— Молодой человек! — окликнул он юношу и узнал в нем лоцмейстера. — О, да мы, кажется, с вами встречались. Вы ждете Светлану Корнеевну?

Александр смущенно заморгал глазами.

— Здравствуйте! Прошу следовать за мной! — смеялся секретарь, направляясь к дому.

Шофер у подъезда захлопнул приоткрытую дверцу машины и поехал в гараж.

Мужа и гостей встретила худощавая женщина с проницательными спокойными глазами. Она была в белом полотняном платье с короткими рукавами. Слегка тронутые сединой черные волосы тщательно собраны на затылке.

— Знакомься, Люда. — Афанасий Прохорович представил ей своих спутников.

— Людмила Петровна, — назвалась она, протягивая руку Светлане. — Прошу к столу.

Светлана и Александр пошли помыть руки в ванную.

— Вот бы нам с тобой такую ванную, Светлана...

— Постой, — она взглянула на него, слегка прищурив глаза. — Что значит — «нам с тобой»?

— Посмотри, что на стене?

Не успела Светлана повернуть голову, как Александр чмокнул ее в щеку.

— С ума сошел!

— Молодежь! Обед остывает, — послышался голос хозяйки.

— Ты знаешь, Люда, — говорил жене Афанасий Прохорович, — Светлана Корнеевна привезла свой проект подъема колхоза «Верный путь». Помнишь, я тебе говорил, что она обязательно приедет?

— Я долго думала, Афанасий Прохорович, — говорила Светлана. — Колхозникам надо помочь выкопать силосные траншеи, изготовить парниковые рамы... Вы представляете, какой доход могли бы они получить от ранних овощей!

— Так-так...

— Надо, чтобы у колхоза были постоянные шефы. Далеко, конечно, он. За рекой. Но у пароходства достаточно флота. Мы вот с Александром кое-что подсчитали, — она взяла свой портфель, достала ученическую тетрадку и передала ее Вяткину.

— Любопытно, очень любопытно, — говорил секретарь крайкома, листая записи.

Горчакова продолжала:

— Я уверена, что речники не откажутся помочь. Хотя... — она запнулась, — начальник пароходства не соглашается. Я только что была у него. А кто еще может помочь? Вокруг — ни заводов, ни фабрик. В колхозе — мало людей. Рыбной ловлей не занимаются. Парников нет, сочных кормов для скота не заготавливают. Откуда же будет молоко? Надо им помочь. И это сделать можно.

Вяткин отодвинул тарелку.

— Не только можно, а нужно, необходимо. Правильное предложение, Светлана Корнеевна. Завтра же приглашу начальника политотдела. Да... Постоянное шефство, именно постоянное! Вместо того, чтобы просто посылать в страду горожан на поля, организуем соревнование шефов, — вслух

думал Афанасий Прохорович. — Глядишь, через два — три года не узнаешь этих маленьких хозяйств. Как ты думаешь, Люда?

Жена ответила не сразу.

— Надо, чтобы рабочие и служащие пошли на такую жертву сознательно, без нажима.

Светлана спросила:

— Людмила Петровна, почему вы говорите «жертва»?

— А вот послушай, дитя мое. Я понимаю, что колхозы надо поднимать. Но нельзя забывать и того, что шефство предполагает дополнительный труд. Причем, труд за счет отдыха, труд в непривычных условиях, в отрыве от семьи. Конечно, это жертва, и жертва большая. И мне кажется странным, что, сидя здесь, вы пытаетесь распорядиться временем тысяч горожан. Такие вопросы решаются с народом, а не в кабинетах.

— Конечно, Люда, конечно!

— И еще я хочу сказать о следующем — нельзя постоянно требовать от тружеников города дополнительной работы на колхозных полях. Вы посмотрите, что получается: как только наступает осень, рабочие и служащие, студенты, учащиеся старших классов мобилизуются на сельскохозяйственные работы. И так из года в год. Скажи, Афанасий, неужели ты считаешь такое положение нормальным? Вы, что же, так планируете, что без горожан обойтись не можете? Не злоупотребляете ли вы этой помощью?

Вяткин долго молчал.

— В твоих словах, Люда, много справедливого. Но полностью я с тобой согласиться не могу. Город и деревня должны всегда оказывать друг другу посильную помощь. Может быть, действительно пора прекратить практику посылать на поля пожилых людей с заводов, из учреждений. Но почему бы молодежи, нашей советской городской молодежи не помогать селу? Кстати, комсомольцы — да и не только они — считают такую помощь за честь. И это правильно. Это проявление патриотизма, проявление глубоко искреннее и понятное! Не забывайте, друзья мои, что мы строим новое общество, а это далеко не простое дело.

— Но ведь постоянное шефство, Афанасий, предполагает участие не только молодежи.

Вяткин кивнул головой.

— Да. Конечно, это так, — ответил он, думая о другом. — Мне вспоминается прошлогодняя поездка в Китай.

Встретился я там с одним партийным работником. Он говорил, что считает необходимым, чтобы все руководящие работники каждый год определенное время отводили для участия в физическом труде, принимали участие в полевых работах, в промышленном производстве — и без всякого дополнительного вознаграждения.

— Интересно, — встрепенулся Подосенов.

— По мысли китайского товарища, такая практика не только помогла бы избежать многих ошибок в руководстве, но и способствовала бы искоренению пренебрежительных взглядов на физический труд. А почему это мы порой считаем зазорным поработать некоторое время на полях?!

— В принципе я согласна, Афанасий. Но при одном условии.

— Чтобы от физического труда не отлынивали именно руководящие работники?

— Совершенно верно. В том числе и секретарь крайкома, и председатель крайисполкома, если, конечно, это ему не противопоказано по состоянию здоровья. Всем — значит всем, если это нужно.

— Ну вот, видите. А вы говорите, что моя жена консерватор! — Афанасий Прохорович посмотрел на Горчакову.

— Я говорю?! — изумилась Светлана. Но, поняв, что Афанасий Прохорович шутит, она засмеялась вместе со всеми.

Хозяйка спросила гостью:

— Сколько детей у вас в школе?

Учительницы заговорили о своих профессиональных делах.

— Как ведет себя Амур, Александр Степанович?

— Вода прибывает, затопила левый берег.

— Беда, — вздохнул Вяткин, — весной мелководье, теперь плывут огороды. Обуздать надо реку.

Выйдя от Вяткина, Светлана и Александр рассуждали:

— Как думаешь, Саша, получится что-нибудь?

— Чудачка! Конечно, получится!

— Ага. А Людмила Петровна что говорила?

— Ох, строгая она, видать.

— Директор школы.

— Все вы, учительницы, вредные.

— И я? — Светлана остановилась.

— И ты. Вот сейчас пойдешь к Зинаиде, а мне одному сидеть на берегу, ждать тебя.

— Сходи к себе в управление.

— Спасибо. Чтоб попасться Тихому на глаза?

— Боишься? Трусишка! А еще уговариваешь меня замуж.

— А вы до сих пор не соглашаетесь? — едва сдерживаясь, чтоб не засмеяться, спросил Вяткин, оказавшийся сзади них.

Светлана зарделась, а Подосенов сказал с обидой в голосе:

— Она хочет выйти за лейтенанта Остроухова.

— Александр! — прикрикнула на него девушка, сверкнув глазами.

Афанасий Прохорович громко рассмеялся, замахал руками и обогнал молодых людей.

...Практиканты из Китая приехали на Амур позднее, чем их ожидали. На борту «Адмирала» их оказалось двое: юноша Мын — коренастый, черноволосый, с румяными щеками, и девушка Мо Ли. Молодые люди изучали в училище русский язык и теперь вполне обходились без переводчика. Сейчас они сидели в каюте Шнайдера.

— Я вам не мешаю? — по-русски спросил Лю Чи, появляясь на пороге. Практиканты были на борту всего второй день, и боцман еще не успел с ними наговориться, отвести душу на родном языке. — Я очень соскучился китайска товарищи, капитан Зелик, — глаза боцмана блестели. Он сел, взял с тумбочки фуражку Мына, стал рассматривать на ней речную эмблему.

— Красивая у вас форма, — заметил Шнайдер и протянул руку к фуражке Мо Ли. — Разрешите посмотреть?

Белоснежный чехол, витые черные шнурочки, лакированный козырек, а над ним — схваченные золотыми искрами костра спасательный круг и серебряный якорь, на котором укреплен пурпурный флажок с пятью звездочками у древка.

Фуражки китайских речников прекрасно гармонировали с синими хлопчатобумажными костюмами. Мо Ли, как и Мын, была в безупречно отглаженных брюках. У обоих практикантов — красные значки с изображением Мао Цзэдуна.

— Капитан Зелик, ты видел Костя Архипа? — спросил Лю Чи.

— Да. Но пока из Москвы ответа нет. Наверное, твое заявление отправили в Пекин.

— Ты хочешь вернуться домой? — спросила Мо Ли.

— Очень хочу! Расскажи мне, как живут сейчас мои земляки, — по-китайски попросил боцман.

— Скоро увидишь сам. Ведь мы пойдем по Сунгари, знаешь?

Старый боцман закивал головой.

В иллюминатор было видно, как к «Невельскому» подходил старший механик в окружении детей.

— Это все его сыновья? — спросил Мын.

— Внуки.

— О! — воскликнула Мо Ли. — Раз, два, три, пять, восемь, десять, одиннадцать! Он, конечно, очень хороший, — сказала практикантка. — Человек, у которого много внуков, не может быть плохим.

Старший механик со своими многочисленными наследниками и женой поднялись на борт судна.

— Смотри, капитан Зелик! — Лю Чи указал рукой в иллюминатор. — Гришка опять... Ой-я!..

Вдоль причала, приближаясь к «Невельскому», брел Умняшкин. Его бросало из стороны в сторону. Был момент, когда он едва не свалился в Амур.

— Ну, ты, Анюта! — вызывающе окликнул кочегар вахтенного. — Выпить хочешь?

Никита промолчал.

На трапе Гришка пошатнулся. Вахтенный поддержал его.

— Проходи, пока не искупался.

— Гришенька! — послышался женский голос, и через минуту Крохалева уже вела друга в каюту.

...«Адмирал» стоял под парами, готовый в любую минуту сняться с якоря. Но вот и день прошел, а баржи все еще не загружены. Горчаков нервничал, бегал к диспетчеру, звонил в управление, но там уже никого не было. Рабочий день кончился, а в восемь — партийное собрание. Многие управленцы готовились к выступлению. Вопрос важный — о работе Хабаровского порта.

Зал заседаний наполнялся народом. Между рядами то и дело мелькала кучерявая шевелюра начальника бассейна; недалеко от сцены виднелась бритая голова Окуня; у

двери что-то согласовывал с генералом кадровик; секретарь партийного бюро разговаривал с Константином Архиповичем Волковым; Белокрылов устало слушал начальника порта, который смотрел не на собеседника, а на двери, надеясь, что, может быть, Вяткин все-таки на собрание не придет. Однако надежды Бесхмельного не оправдались: Афанасий Прохорович был уже в зале и здоровался с речниками. Постановка вопроса на открытом партийном собрании, присутствие секретаря крайкома — все это тревожило начальника порта, хотя написанный им доклад накануне был одобрен Окунем.

Слушая Бесхмельного, можно было подумать, что дела в порту обстоят вовсе не плохо. Впервые на Амуре портовики организовали транспортировку песка методом толкания без баржевых команд; участок «Рейд» значительно перевыполнил план — опять же по песку, благодаря чему порт в целом справился с заданием; вышедшие из строя механизмы отремонтированы значительно раньше намеченного срока...

— Конечно, — сказал Бесхмельный, — есть у нас и недостатки, над устранением которых сейчас напряженно трудится весь коллектив под руководством партийной организации.

«Опытный очковтиратель», — думал начальник политотдела. В течение недели он с инструкторами проверял работу порта и еще раз убедился, что Бесхмельный — бездельник и никудышный организатор.

— Скажите, — спросил Волков, — в чем причина задержки отправления «Невельского»?

— Не хватает грузчиков. Вы знаете об этом.

— Зачем же, в таком случае, вы позавчера потребовали у железной дороги сразу 120 вагонов, а до сих пор не разгрузили и половины?

— Порт старается работать ритмично, — уклончиво ответил Бесхмельный.

В прениях Константин Архипович выступил первым, рассказал об истинном положении дел в порту. Он обращался прямо к Бесхмельному:

— Вы тратите свою энергию на то, чтобы обмануть руководство, ввести в заблуждение партийные органы. Вы строите свои планы на песке и в прямом и в переносном смысле. А флот в порту сутками простаивает, важнейшие народнохозяйственные грузы лежат на складах. Кстати,

заготовленный вами песок размывает, уносит река. К тому же берете его там, где для вас удобнее, не считаясь, что на фарватере возникают косы, мешают судоходству. Интересно, почему этого упорно не хочет замечать начальник бассейна?

На трибуну поднялась Стрелкова. Она привела факты непроизводительных расходов в порту, назвала огромные цифры штрафов, выплаченные железной дороге за простой вагонов.

Слово попросила Строева. С блокнотом в руках она упругой походкой прошла по залу, поднялась на трибуну, взглянула на ручные часы.

— О порте сегодня говорилось много, — начала Зинаида Сергеевна. — Он действительно работает отвратительно. Константин Архипович рассказал нам, почему это происходит. Ну, а дальше что? Проголосуем за резолюцию, и все? Не справляется с работой Бесхмельный — надо его заменить!

Потом досталось Белокрылову:

— У вас капитан «Индигирки» просил разрешить ему провести состав толканием до Николаевска? Вы отказали ему: дескать, молод. А разве молодость — недостаток? Вы до сих пор не разрешаете диспетчерам осуществлять эстафетные рейсы. Вы всего боитесь, Юрий Николаевич. Извините меня, но трудно отличить вас от консерватора! — В зале стало совсем тихо. А Строева обратилась к Добрынину: — Почему начальник пароходства терпит невыполнение своего же приказа?

Услышать такое от Строевой в присутствии Вяткина Алексей Иванович никак не ожидал. Он вытирал платком влажный лоб. А она продолжала:

— «Наши академики» — вот как иронически называют капитаны руководителей пароходства.

— Кого? — спросили из президиума.

— Белокрылова, Добрынина, Тихого-Тищенко!

В президиум градом сыпались записки с просьбой предоставить слово. Страсти разгорались. Был уже поздний час, когда председательствующий огласил предложение о прекращении прений.

— Сколько в списке? — спросили из зала.

— Еще двое.

— Прошу слова! — из задних рядов раздался голос начальника бассейна.

— Академику надо дать!.. — задорно выкрикнул кто-то.

— Хватит!

Тихий-Тищенко остался за чертой. Впрочем, именно этого он и хотел.

В задних рядах сидели Горчаков, Лесной, Заречный. «Как же будем работать дальше, — думали они, — если в главном штабе нет порядка?»

Вяткин не выступил, чем весьма озадачил Бесхмельного. Окунь в присутствии секретаря крайкома подняться на трибуну не решился: после выступления на активе он все время чего-то опасался. Белокрылов вообще к собранию не готовился. Начальник порта от заключительного слова отказался. Собрание признало работу порта неудовлетворительной, наметило, как обычно, ряд мероприятий и ровно в полночь закрылось.

Выходя из зала, Вяткин заметил печать досады на лице Строевой, подошел к ней:

— Что хмуритесь, Зинаида Сергеевна?

— Зло берет. Болтаем, принимаем решения, а толк какой? — Строева имела в виду Бесхмельного, и секретарь это отлично понял. — Порт, порт... Неужели нельзя навести там порядок? С весны, да и в прошлые годы, только и разговоров, что о порте, а пароходы и баржи по-прежнему простаивают на рейде целыми сутками. Просто обидно. Стараешься, стараешься. Да что там говорить...

Афанасий Прохорович шел рядом, слушал. Зинаида Сергеевна продолжала:

— Я понимаю, начальнику пароходства трудно управиться со всем одному. Немало и других работ.

— Почему «одному»? У него огромный аппарат.

Некоторое время шли молча, потом секретарь спросил:

— Зинаида Сергеевна, в последнее время ваше имя стали часто упоминать... Возможно, в разговорах этих много наносного, несправедливого. Извините, но краевому комитету все это не безразлично, вы член партии. Что у вас в семье? Вы разошлись с мужем?

— Не знаю, Афанасий Прохорович. — Она вздохнула. — Сама не знаю.

Вяткин молчал.

— Пойдемте, я провожу вас, — сказала Строева. — Очень мне трудно, Афанасий Прохорович. И с Андреем неладно, а тут еще чехарда с работой. Сердце изболелось.

Домой Зинаида Сергеевна возвратилась лишь к часу ночи.

...Утром секретарь крайкома вызвал заведующего транспортным отделом.

— Ознакомьтесь с этим письмом.

В письме жители Нанайского района жаловались на бассейновое управление пути. На берегу Синдинской протоки, писали они, расположено несколько колхозов и ряд предприятий. Вывоз всей продукции промышленности и сельского хозяйства, сплав леса, пассажирское сообщение ведутся по протоке. Однако она содержится плохо. Работы по углублению дна проводятся редко, причем приносят мало пользы, так как труд работников пути оценивается по кубометрам выброшенного грунта, а не по качеству судоходного пути. Земснаряд недавно в протоке намыл косу, которая затрудняет судоходство. Работы проведены не там, где требовалось, а там, где легче выполнить план.

— Проверю! — сказал Окунь и ощупал, не сбился ли у него галстук.

— Организуйте проверку всего бассейнового управления. Есть сигналы, что зимой на каменистых перекатах произведены только взрывные работы без последующей уборки породы. Не поэтому ли было объявлено конвенционное запрещение?

— Немедленно займусь, Афанасий Прохорович.

— Теперь о Хабаровском порте. Мне непонятно, почему весной вы так рьяно защищали Бесхмельного? — Вяткин внимательно посмотрел на заведующего отделом. У того сразу взмокла бритая голова. — И второй вопрос. Какими данными вы руководствовались, докладывая мне и активу о начальнике пароходства?

— Как? — Окунь приподнял на лоб очки. — Афанасий Прохорович, я же сам вижу... И в театре видел их вместе.

— И только?

— А чего же больше, Афанасий Прохорович? Тут такое дело, что и слепой...

Вяткин резко прервал Окуня:

— Хорошо. Разберемся. Сколько вам потребуется времени, чтобы представить доклад по порту и путейцам?

— Дней десять...

Секретарь полистал настольный календарь, сделал пометку на одном из листков.

Едва ушел Окунь, как явился Добрынин и положил на стол рапорт Белокрылова.

— Я с ним беседовал раньше. Обещал подумать. Видно, вчерашнее собрание помогло ему принять решение.

— Куда его назначаете?

— Начальником проектного бюро. Должность вакантная.

— А на место Юрия Николаевича?

— Предлагаю временно Строеву.

— Почему временно?

— Она не инженер. Не знаю, согласится ли министерство.

— Говорил с Зинаидой Сергеевной?

— Еще нет.

— А я вот вчера с ней беседовал. Считает, что ты сам во многом виноват. Недостаточно твердо требуешь выполнения своих приказов. Мне твое вчерашнее выступление не понравилось. Общие слова. Не вижу дела. — Вяткин помолчал. — С назначением Строевой согласен. Подготовь телеграмму министру. Подпишем вместе. Но с условием: во-первых, не сковывай ее инициативу, помогай, а во-вторых... во-вторых, что за разговоры идут о тебе и Строевой?

Добрынин закурил, встал с кресла, прошелся по ковру, собираясь с мыслями. Вяткин не торопил его.

— Афанасий Прохорович, я давно собирался поговорить с вами, посоветоваться...

— Не советую, — сухо отозвался Вяткин. — Ты коммунист. Не разбивай семью!

Добрынин покраснел.

— Они не живут вместе.

— Может быть, ты читал и свидетельство о прекращении брака?

Начальник пароходства молчал.

— Ничего больше не скажу. До свидания.

«Вот так посоветовался...» — думал Алексей Иванович, чувствуя, что лицо его пылает.

В управлении Добрынин пригласил Строеву и сказал, что есть мнение назначить ее исполняющей обязанности начальника службы эксплуатации. «Опять Андрей скажет «выскочка», — подумала Зинаида Сергеевна. — Пусть. Ничего он, бедняга, не понимает!» Мелькнула мысль о Белокрылове.

— А как же Юрий Николаевич? — спросила она.

Добрынин молча протянул рапорт Белокрылова.

— На пенсию? — в ее голосе прозвучали нотки жалости.

— И в проектное бюро.

— Да! — оживилась Строева. — Тогда я согласна.

— Вот и хорошо, — отозвался начальник пароходства.

Таким подавленным Зинаида Сергеевна видела его впервые.

— Вы здоровы, Алексей Иванович? У вас очень усталый вид.

Добрынин словно не слышал ее вопроса.

— Завтра с утра и приступайте.

«Он, кажется, заболел!» — в тревоге подумала Строева...

ГЛАВА 17

После партийного собрания, на котором отчитывался Бесхмельный, «адмиральцы» Горчаков, Лесной, Лю Чи и Заречный отправились в порт. Вдоль причальной линии дремали баржи, лихтеры, теплоходы; у складов спали кладовщики; застыли в неподвижности транспортеры и краны. Жизнь в порту замерла до утра. Лишь у закрытых ворот размеренно, как маятник, прохаживался вахтер да около одного портального крана кто-то сращивал лопнувший трос. Оказалось, что это капитан «Камчатки».

— Ты чего это, Архип Севастьянович, такелажное дело осваиваешь? — спросил Горчаков.

Волков ничего не ответил. В душе у него кипел гнев.

Услышав голоса и узнав своих, сошел с баржи Логин Дымов — щупленький, всклокоченный, без шапки, в резиновых сапогах и стареньком ватнике.

— Что же это, хлопцы, за работа? Пять молотилок осталось погрузить, на час дела... Рейс-то на сколько назначен, Андрей Корнеевич?

— Ничего неизвестно. Баржу «Албазин» загрузили только наполовину, а «Гилюй» еще и к причалу не подвели.

Логин повернулся к Амуру. По всему рейду, сколько охватывал взор, виднелись неподвижные огни.

— Капитан, — заговорил боцман, — твоя чего смотри, а? Буди команду, работать давай!

Заречному вспомнилось обращение начальника пароходства по радио: «Берите дело выполнения плана в свои руки».

— Андрей Корнеевич, я поддерживаю. До утра своими силами закончим погрузку «Китаянки» и «Албазина».

Горчаков посмотрел на часы.

— Иди поговори с командой. Игнат Тимофеевич, возьмись-ка за механизмы. А я разбужу кладовщиков.

К часу ночи порт заметно ожил. Послышались громкие команды: «Вира!», «Майна!», «Давай-давай!». Задвигались краны, заработали лебедки. Шла погрузка на «Китаянку», «Албазин» и баржу «Слон», которую поведет «Камчатка».

Гришка-кочегар ворчал:

— Поспать не дадут, ироды. На кой ляд мне ваше соревнование!

— Перестаньте ныть, Умняшкин. Не вы одни — все трудятся, — урезонивал его Зелик Шнайдер.

— Разбудить Крохалеву! — распорядился капитан. — Внеплановый завтрак, чай. Срок — тридцать минут.

Никита бегом помчался на «Адмирал».

Вместе с Жанной в каюте поселилась практикантка Харбинского речного училища Мо Ли. Узнав, что идет погрузка, она быстро оделась и подошла к Горчакову.

— Доброй ночи, капитан. А что мне делать?

— Спать.

— Когда товарищи работают, капитан...

— Идите помогать Жанне.

— Приказано помогать Жанне! — отчеканила китаянка и отправилась на пароход.

Вышел на аврал и Сергей Дымов, но капитан не разрешил ему работать:

— Обойдемся без вас. Рация мне дороже. Ясно?

— Андрей Корнеевич, мне, как председателю судкома, неловко. Ребята вкалывают, а я буду спать?

— Разрешаю не спать, — улыбнулся Горчаков. — Все. Идите.

Забрезжил рассвет. Андрей Корнеевич обходил экипаж, подбадривал:

— Держитесь, хлопцы, до восьми. Портовики скоро выспятся.

Матросы, кочегары, масленщики под руководством боцмана расставляли и крепили по трюму сельскохозяйствен-

ные машины и моторы, Крохалева и Мо Ли разносили бутерброды и чай.

«Молодцы ребята, — думал Горчаков, глядя, как ловко люди управляются с механизмами. — Словно заправские грузчики. Боцман у меня толковый. Жаль будет отпускать».

Неподалеку от «Албазина» работала команда с «Камчатки». Между баржей и складом часто мелькала фигура Архипа Севастьяновича. «Слон» все больше погружался в воду.

«Удивительное дело, — размышлял Горчаков, — неужели в таком городе невозможно набрать грузчиков, обеспечить ночную погрузку? Эх, нет в порту хозяина!»

Утром рейдовый буксирный пароход отвел от причала «Китаянку», а затем «Албазин» и подвел под обработку «Гилюй».

Экипаж «Невельского» переглядывался. Люди устали, не выспались.

— Команде отдыхать! — распорядился капитан.

Часов в десять на участке появился начальник порта.

— Как идут дела? — бодро спросил он капитана «Камчатки».

Волков оглядел его с ног до головы. На Бесхмельном — кремовый чесучевый китель, отглаженные брюки, начищенные ботинки. Лицо выбритое, румяное.

— Выспался? — ядовито осведомился Волков. И загремел гневно: — О своих делах у меня спрашиваешь?

— Да ты что, Архип Севастьянович? — опешил Бесхмельный.

— Отчитался вчера? На песочке выехал? Ну, погоди, я до тебя доберусь!

К ним подходили шкиперы барж.

— Товарищ начальник, когда же нас поставите под обработку?

— Обратитесь к диспетчеру.

— Погноим сою, баржа течет.

— Смотреть надо, откачивать воду.

Бесхмельный молча отвернулся и не спеша, важной походкой направился дальше.

— Видал? — спросил Волков. — Ему хоть стреляй в лоб — не пробьешь.

Андрей Корнеевич слышал этот короткий разговор и, глядя на Бесхмельного, думал: «Покритиковали, признали

работу неудовлетворительной, а он преспокойно спит до десяти утра. Ну и дела...»

К «Гилюю» подошел рейдовый буксировщик.

— Эй, на «Гилюе»! Идем на рейд. Подберите концы!

— Стой! — закричал Андрей Корнеевич.

— Приказ диспетчера! — послышался голос с буксира.

Капитан сжал кулаки, с силой рубанул рукой воздух.

— Пропадите вы... пропадом с вашими порядками! — И ушел спать.

У причала освобождалось место для очередного пассажирского судна, которое должно уйти в рейс по расписанию.

...Капитан проспал до трех. Пассажирского парохода у причала уже не было. Теперь его место заняла «Аргунь»: ее со «Слоном» и другими баржами поведет Архип Севастьянович. Погрузка шла полным ходом.

— Зря старались ночью, — роптал экипаж «Адмирала».

— Видать, и сегодня в рейс не уйдем.

— Обставит нас «Камчатка», — вздыхали хлопцы.

Увидев, что вместо «Гилюя» у причала стоит «Аргунь», капитан побагровел. «Проспал... Обошел тебя Архип». Понурив голову, Горчаков стоял на палубе и невидящим взглядом смотрел на Амур.

Пока Андрей Корнеевич спал, с работой порта знакомилась Строева. Теперь ей предстояло не только руководить движением буксирного флота, но и возглавить всю эксплуатационную работу.

Строева побывала у диспетчера порта, обошла всю причальную линию, поговорила с капитанами, шкиперами. У трапа «Невельского» стоял вахтенный. Больше никого на судне видно не было.

— Капитана нет на борту? — спросила Зинаида Сергеевна.

— Весь экипаж спит. До семи утра работали на погрузке. Разбудить?

— Нет, нет. Пусть отдыхает.

«Так вот, оказывается, кто загрузил «Китаянку», «Слона» и «Албазин». А диспетчер умолчал. Интересно».

Из проходной будки у восточных ворот Зинаида Сергеевна позвонила в кабинет начальника порта.

— Бесхмельный! — раздался в трубке голос.

— Строева. Здравствуйте.

— А, новый начальник? Поздравляю с назначением!

— Скажите, в ночную смену на городском участке флот будет обрабатываться?

— До двадцати четырех.

— А потом?

— Будут работать угольные краны, причалы клиентуры.

— А разгрузка вагонов?

— До двадцати четырех, — невозмутимо повторил Бесхмельный. — Возможно, на днях сумеем скомплектовать еще одну бригаду грузчиков.

Строева вздохнула. «Вот тебе и переформировочный рейд, и эстафета, и график, и толкание вниз по реке... Тридцать три судна ждут очереди на обработку. А на подходе еще составы. Пробка! Нет, с Бесхмельным положения не выправишь».

Отойдя от проходной будки, Зинаида Сергеевна остановилась. Казалось, она пристально вглядывалась в Амур. «Итак, ночью работали экипажи судов. А сколько у нас сейчас в Хабаровске пароходов? Вот к ним я и обращусь сегодня. А с Бесхмельным надо решать вопрос немедленно. Сейчас же пойду к Афанасию Прохоровичу. Он поймет».

Проходя мимо «Невельского», она заметила на борту мужа. Сердце ее учащенно забилось. Горчаков тоже заметил ее. Она это видела. Но ни он, ни Зинаида не пошли навстречу друг другу.

— Товарищ старший диспетчер! — окликнул Строеву в это время шкипер с «Нельмы». — Соя сгниет, баржа протекает. Десять суток болтаюсь на рейде.

— Обещаю вам сегодня ночью поставить «Нельму» под разгрузку.

Она достала записную книжку и сделала в ней пометку.

Встретиться в этот день с Вяткиным ей не удалось: освободившись от неотложных дел, он поехал в порт. В то время как Строева поднималась по широкой бетонной лестнице в город, Афанасий Прохорович выходил из машины у западных ворот порта.

Секретаря крайкома встретил начальник участка.

— Может быть, позвонить Бесхмельному?

— Он разве после четырех в порту не бывает?

— Когда как.

— Пока не надо. Проведите, пожалуйста, меня по складам.

Вскоре многие знали, что секретарь крайкома приехал в порт. Не ведал об этом только Бесхмельный: еще в три часа дня он уехал на охоту...

Тихий-Тищенко, узнав, что Вяткин в порту, немедленно помчался туда.

— Где Вяткин? — требовательно спрашивал он у портовиков. — На складе? На каком?

Наконец начальник бассейна все-таки настиг секретаря крайкома.

— Здравствуйте, Афанасий Прохорович. Решили за портовиков взяться?

— Здравствуйте, — сухо ответил тот.

Он осматривал грузы, спрашивал, куда они должны быть отправлены, давно ли на складе.

Тихий-Тищенко ходил следом.

— Чем только не приходится заниматься партийным работникам, — соболезнующе вздыхал Тихий-Тищенко. — А люди грузов ждут. Что же вы задерживаете? Надо немедленно отправить!

Вяткин повернулся к начальнику бассейна, пристально посмотрел на него, спросил:

— А вы, собственно, что здесь, на складе, делаете?

— Хотел, Афанасий Прохорович, пройти с вами, обратить кое на что внимание.

— Мне свита не нужна. Идите, занимайтесь своим делом.

«Неприятная личность», — подумал Вяткин.

Закончив осмотр пакгаузов, он отправился в диспетчерскую. Потом его видели на баржах, среди крановщиков и грузчиков. Было уже семь часов вечера, но Афанасий Прохорович, казалось, и не собирался домой. Ему хотелось объехать на катере рейд, поговорить и с теми, кто томится в ожидании обработки, ждет своей очереди у причалов, но сейчас это было просто невозможно. «Придется рейд отложить до следующего раза, — решил он. — А сегодня обязательно побываю на всех до единого судах, стоящих у берега».

— Вы идите отдыхать, — сказал он начальнику участка. — Извините, что задержал вас.

— Что вы, я...

— Нет, нет. Идите, идите. Я хочу остаться один.

И он остался один в пустой конторке таксировщиков, задумался. Потом позвонил на квартиру Добрынина:

— Добрый вечер, Алексей Иванович. Чем занимаешься? Заболел? Тридцать восемь и пять? Зайду проведать. — Он взглянул на часы. — В десять не поздно? Договорились.

Вяткин поднялся и пошел на ближний пароход. Это была «Камчатка».

В красном уголке буксирного парохода «Камчатка» Афанасий Прохорович поговорил с командой и уже собирался уходить, когда Архип Севастьянович заговорил запальчиво:

— Судов, видели, сколько скопилось? А Бесхмельного с собаками не найдешь! С двадцати четырех опять станем на обработку барж. Зинаида Сергеевна просит. Вы знаете, сколько могут портальные краны перегружать за сутки? Около двух с половиной тысяч тонн — все три крана. А сколько дают?

— Восемьсот тонн, — ответил Вяткин.

— Правильно весной начальник пароходства увольнял Бесхмельного. Гнать его нужно по шеям из порта! Не любит он работу. И людей не жалеет.

— Тут виноват я, — сказал секретарь крайкома. — Не досмотрел.

Команда притихла.

Простившись с экипажем «Камчатки», Вяткин направился к «Адмиралу Невельскому».

— Афанасий Прохорович? — удивленно спросил Горчаков, увидев секретаря крайкома на пороге своей каюты.

— Здравствуйте, товарищи. Кажется, я помешал вам?

— Заходите, заходите. Мы тут планировали ночную работу на погрузке. — В каюте были Лесной, Заречный, Дымов, Лю Чи.

Оказалось, секретарь крайкома знает всех, кроме радиста. С Заречным ехал в поезде вместе, с боцманом познакомился прошлой осенью на партийно-хозяйственном активе. Игната Тимофеевича тоже встречал неоднократно на пароходе и на активах.

Разговор завязался непринужденный и неторопливый. Но едва Афанасий Прохорович коснулся работы порта, как понял, что и тут чаша терпения переполнилась.

— Гнать надо! — коротко сказал о Бесхмельном Игнат Тимофеевич.

Андрей Корнеевич дважды отлучался из каюты и вскоре пригласил всех на ужин.

— А сколько времени? — спросил Афанасий Прохорович и взглянул на часы. — Простите, товарищи, не могу. Заболел Алексей Иванович. Я обещал зайти к нему в десять. Осталось пятнадцать минут. А позднее — неловко: человек болен. Как-нибудь в другой раз.

Когда капитан провожал гостя, Вяткин спросил:

— Что у вас в семье, Андрей Корнеевич?

Горчаков замялся.

— Вы извините, конечно. Но обидно, по-человечески обидно, что разрушается хорошая семья. Вам, разумеется, виднее. Но все же позвольте сказать, что Зинаида Сергеевна ведет себя достойно. Уж поверьте, тут я не ошибаюсь. Недавно беседовал с вашей женой и понял: она вас любит.

— Не верю я ей!

— Почему же?

Горчаков рассказал о причине перевода его с пассажирского судна на грузовое, о том, что Зинаида была с начальником пароходства в театре.

— И вообще... — он махнул рукой.

— А что «вообще»?

Капитан затруднялся ответить, и Вяткин догадался, что причина не столько в переводе на буксирное судно, сколько именно в этом самом «вообще».

— Думается мне, Андрей Корнеевич, вы просто отстаете от жизни. А жена ваша... Жена идет вперед... Ну, вот мы и пришли. Спасибо, что проводили. До свиданья.

У Добрынина Афанасий Прохорович пробыл недолго.

— С больным, конечно, не полагается говорить о делах, но я тебе все же скажу: правильно освобождал от работы Бесхмельного. Завтра напишу министру. Бесполезный человек. Я к тебе прямо из порта.

— Ну, что там?

— А ничего. Тридцать три единицы ждут обработки. Бесхмельного нет. Грузить ночью будут команды пароходов. Зинаида Сергеевна разворачивается. Кстати, хочу спросить тебя о Горчакове. Прошлый год я с ним шел на «Ушакове», а сейчас смотрю — он на буксировщике.

— Тут сложная история, Афанасий Прохорович. Просила Строева. Говорят, якобы спутался с буфетчицей.

— А разве не проще было перевести буфетчицу?

— Я так и собирался сделать. Но перед самой навигацией вдруг узнаю, что Горчаков задержался на курорте, в рейс выходить некому, вспомнил просьбу жены, взял и перевел.

— Да, не очень мудро. Не очень. На будущий год надо бы ему вернуть пароход. Впрочем, тебе виднее. Подменять не хочу. Так ты выздоравливай, пожалуйста, поскоре́е.

В этот же вечер Вяткин написал министру о необходимости освободить Бесхмельного от занимаемой должности.

ГЛАВА 18

К рейсу в Китай экипаж «Адмирала» относился поразному. Никита, Заречный и Шнайдер горели нетерпением увидеть великую страну, о которой знали только по книгам. Игнату Тимофеевичу Лесному такой маршрут не новинка; старший механик больше думал о судовых механизмах, чем о пункте назначения; Сергей Дымов мечтал купить любимой девушке какой-нибудь совершенно редкостный подарок; практиканты Мо Ли и Мын гордились, что идут в родные места на советском пароходе и на Сунгари будут выполнять обязанности лоцманов; Лю Чи не мог дождаться, когда же наконец «Невельской» снимется с якоря. У боцмана теплилась надежда узнать что-нибудь в Цзямусах о семье. Капитан довольный ходил по судну, всем своим видом как бы говоря: «Ну вы, юнги, рады, небось, что попали на судно к Андрею Горчакову?»

Правда, иные члены команды не были в восторге от предстоящего рейса: они подумывали о работе на берегу. Мечтали об уходе с судна и Крохалева с Умняшкиным:

— Проплаваем, Гришенька, навигацию, купим домик, коровку заведем, хозяйство. Нам бы еще тысчонок десять...

— А может будет, Жанна? Сколько верёвочке ни виться, а концу быть.

— Бог милостив. Ложись, отдохни, тебе скоро на вахту.

...Сорок девять часов сверх графика простоял «Невельской» в Хабаровске. С якоря снялись только утром. Двое суток пройдут по Амуру, а там пополнят углем бункеры, пограничники оформят документы, и пароход свернет на Сунгари.

Вздремнув после беспокойной ночи, Андрей Корнеевич позавтракал и опять поднялся на мостик. Плавание по большой воде тоже небезопасно. Реки выходят из берегов, поднимают деревья, подхватывают заготовленный лес, несут его в своих мутных водах. Недолго напороться на топляк, пробить корпус судна, затонуть. Такие случаи Горчакову известны. А вчера диспетчер специально предупредил об опасности: в верховьях разбит плот.

«Невельской» толкал состав против течения. Впереди шли «Албазин» и «Гилюй», а «Китаянка» была пришвартована к левому борту парохода.

Поглядывая на берег, капитан видел, что караван идет быстрее, чем при буксировке. «Еще бы две посудины взял. Да разве их дождешься в Хабаровске... Эстафета, метод толкания... А для чего? Чтобы потом сутками коптить небо над Хабаровским рейдом? И моя дура там сидит неизвестно зачем.»

Караван приближался к путейскому посту Корнея Евдокимовича. На мостик поднялись практиканты Мо Ли и Мын.

— Здравствуйте, капитан! — они почтительно склонили головы.

— Ну, как Амур?

— Очень большой, — отозвалась девушка с белыми ленточками в косичках. — Сунгари — совсем ребенок.

Боцман неизменно ходил следом за практикантами.

— Ну, Лю Чи, наговорился по-китайски?

— Ой, мало, капитан. Совсем мало! — он сокрушенно качал головой.

Практиканты интересовались учалкой барж при толкании, системой сигнализации, телефонной связью судна с возом. Андрей Корнеевич набрасывал схемы учалок и расположения барж в составе, увлеченно рассказывал о возможных трудностях судовождения. По его словам, на Амуре все обстояло великолепно. Здесь и по десять барж буксируют, и эстафету применяют, и переформировочный рейд начали создавать, и сдвоенные плоты водят, а к ним нередко цепляют еще и баржи, и даже иногда опытные шкиперы сплавляют свои «утюги» по течению без буксировщика.

Мо Ли и Мын быстро перечерчивали схемы в свои тетради и одновременно ухитрялись записывать пояснения.

Впереди, по курсу каравана, поднимались две лодки.

Они шли недалеко друг от друга. «Тралят», — решил Горчаков. Вскоре он узнал сидящих в лодке людей: отец, Светлана, Подосенов и какой-то парень. Лоцмейстер, конечно, не обязан заниматься тралением, но коль с отцом поехала дочь, то почему же не принять участие...

Андрей Корнеевич опустил бинокль. Говорят, бакенщики — бездельники; велика ли, мол, работа — вечером зажечь несколько фонарей, а утром потушить их. Однако Горчакову известно, что труд их вовсе не так легок, как кажется. Надо изготовить и правильно расставить береговые и плавучие знаки для ограждения судового хода, своевременно их переносить в другие места при изменении фарватера, обеспечить горение сигнальных огней, промеривать глубины, поддерживать чистоту дна на шестьдесят метров в ширину... Да разве все перечислишь! Не напрасно говорят: бакенщик — часовой на реке. До света поднимается, днем работает, ночью за огнями присматривает; когда только спит? Случается, и снежок в конце октября выпадает, а караваны все идут — в туман, в дождь, в снегопад, в шторм...

«Адмирал» настиг моторки. Капитан перешел на левое крыло, взял рупор.

— Здравствуй, отец!

Корней Евдокимович ощупал бородищу, не торопясь, стащил с головы кепку, махнул ею раза два и отвернулся. Совсем бы не поглядел, да подводить сына перед командой не хотелось: капитан все-таки!

У Андрея Корнеевича сразу отпала охота справляться о здоровье матери. «Не простил отец...»

На палубе хорошо: освежает легкий ветерок, а в машинном отделении жарко. Без устали трудятся массивные шатуны и кривошипы, мелкой дрожью бьется металлическое ограждение машины. Снует масленщик, подливает в масленки смазку, порой на какую-то долю секунды дотрагивается ладонью до сочленений двигателя — не греются ли. У поста управления — вахтенный механик, готовый мгновенно выполнить приказание с капитанского мостика. Он наблюдает за работой двигателя.

Старший механик тоже здесь. Маленькими, немигающими глазами он подолгу смотрит в одно и то же место. Над глазами круто нависла лобная кость, и кажется, что густые брови Лесного всегда нахмурены.

Как опытный врач, выслушивая человека, определяет,

какое у него сердце, так и Лесной по биению пульса главной машины знает состояние сердца судна.

Вторая забота механика — котлы. Ведь это позор — ремонтировать их после пятнадцати — двадцати лет эксплуатации, когда им служить положено полвека! В сотни тысяч рублей обходится государству такой ремонт. А причины? Трещины на огневых частях, выпучины на трубной решетке, которые появляются при быстром охлаждении металла, от большой накипи, от сквозняков в котельном отделении, от питания холодной водой при продувке.

Игнат Тимофеевич направляется в кочегарку. Секунду Лесной смотрит на манометры, водомерные стекла, на работу кочегаров, потом молча берет из рук Умняшкина резак, сам подрезает в топке шлак, выгребает его.

Григорий понимает, чем недоволен старший механик: выгребая шлак, кочегар не отделял несгоревший уголь, который продолжал пылать на сланях. Знает Умняшкин, как надо работать, да не хочет. Что ему пар на марке, экономия топлива, премия, когда осталось сделать еще несколько рейсов — и на отдых, на сытую покойную жизнь.

А Лесному обидно: каждую неделю проводит он с машинной командой занятия по техминимуму, рассказывает, чертит, вычисляет, будит мысль у людей, стремление к рационализации... Но ничему не хочет учиться Умняшкин. Сколько раз говорил кочегару Игнат Тимофеевич, что при шуровке и чистке топок надо как можно меньше держать дверки открытыми, чтобы не создавать холодных сквозняков. Не выполняет. Гляди, и трещина в котле появится. «Придется просить капитана списать его с судна. Впору самому не выходить из кочегарки», — думал старший механик, поднимаясь на палубу.

День выдался ясный, безоблачный. И хотя ночи уже стали свежие, солнце по-летнему было жаркое.

Тайга нарядилась в пестрые одежды. Среди изумрудных кедров багряным пламенем вспыхивали клены. Огромные липы казались бронзовыми, а серебристый красавец — амурский бархат разгуливал по лесу в желто-палевом плаще. Виднелись осины, ярко-желтые ильмы; вот из-за сибирской ели выглянул маньчжурский орех и тут же спрятался за белокорую пихту. Тайга справляла осенний карнавал. И всюду, куда ни глянь, падали, падали листья. Они выткали целый ковер, расшитый то зеленым плю-

шем жимолости, то лакированными побегами лимонника с гроздьями рубиновых плодов.

С вершины распадка за праздником леса наблюдал монгольский дуб, окруженный золотыми березками. Его не коснулось дыхание осени. В летнем наряде он простоит до самых холодов, и даже снежные бураны не сорвут с него опаленных морозами листьев. Всю зиму будет звенеть он медной кольчугой.

А листья все падали, наряды деревьев менялись, и с парохода, огибавшего крутой мыс, казалось, что лес кружился в каком-то нескончаемом танце. И чудилось, будто звуки вальса льются не из каюты радиста, а рождаются в тайге, у вершины распадка, где разместились оркестрантки-березки со своим дирижером — монгольским дубом...

Плес старика Горчакова кончился. Караван подходил к перекату «Рваного треуха». Вскоре Андрей Корнеевич заметил у берега, против домика старшины, «Бриз».

— Ага, взялся, видно, за тебя начальник бассейна! — самодовольно произнес капитан.

Но дело обстояло совсем не так. Тихий-Тищенко и перекатный старшина сидели за столом, уже наполовину опорожнив бутылку водки.

— Ты, Аркадий Борисыч, — говорил «Рваный треух», — живи спокойно. И меня не трожь. Тут на меня наговаривают: дескать, глубины занижаю. Было такое дело?

— Капитан «Невельского» писал. И еще сигналы поступали.

— Уволить меня собираешься?

— Не бойся, — успокоил его начальник бассейна. — Ты за мной — как за каменной стеной.

— То-то. А ежели насчет увольнения, то, ты уж прости за слово, такую бумагу начальнику сочиню, что тебе не поздоровится. Ведь не ко мне ты заезжал. К дочке. Вот об этих твоих шашнях накатаю и — закрутится дело.

— Ну-ну, — угрожающе поднялся с места Тихий-Тищенко.

— Да сиди уж, сиди... Никуда писать не собираюсь. Но и ты меня уважь; не трогай. — И изменил тему разговора: — Вот сейчас дочка придет. За ягодами пошла. Серчает она на тебя: хоть бы подарок какой поднес...

У переката загудел «Невельской».

— Никак это Андрейка? — прислушался «Рваный треух».

— «Невельской». Я обогнал его, — отозвался начальник бассейна.

— Что ж, еще по маленькой? Выпьем, да я пойду. Служба, Аркадий Борисович, служба требует.

На следующий день «Адмирал» пополнил запас угля, пограничники оформили отход за границу, и караван двинулся дальше.

Устье Сунгари разбивалось на несколько проток. В одной из них работал наш земснаряд. Горчаков посмотрел в бинокль, покачал головой: «Вода берега топит, а они теперь фарватер углубляют, выполняют план, закапывают народные денежки. Эх, работяги...»

Лю Чи не покидал палубы, всматривался в пологие болотистые берега, прислушиваясь к звукам баяна, доносившимся из каюты штурмана. «Капитан Зелик» играл что-то очень печальное; глаза боцмана наполнились слезами. Он не стыдился их — это были слезы радости от близости родной земли. Правда, порой Лю Чи овладевало беспокойство: разрешат ли ему возвратиться домой?

Китаец вглядывался вдаль. Вспомнились Лю Чи и собачья конура, в которой он подростком прятался от побоев хозяина, и видимо навсегда потерянная семья. Не окажись в этом рейсе практикантов, взбудораживших все его существо, быть может, он был бы спокойнее.

Диверсант сидел перед хозяином, участливо заглядывая ему в лицо. А Шнайдер все играл и играл, словно задался целью будоражить душу боцмана.

Обмениваясь сигналами с земснарядом, «Адмирал» протяжно загудел. На минуту звуки баяна исчезли. Но вот гудок стих, и снова из каюты штурмана полилась печальная мелодия, да по-прежнему плицы толкача вели свой торопливый разговор с рекой, а она, обтекая корпус судна, отзывалась им за кормой переливом могучих струй.

Наступила ночь. Горчаков стоял на мостике. Рядом — рулевой и практикант Мын.

— А это что за огонь? — спросил Андрей Корнеевич.

— Маленький поселок, одна семья. Людей много. Везде есть. На Сунгари — пять миллионов.

Ночь темная. Река почти незнакома, по ней Горчаков давно не ходил. Правда, створные огни горят, но долго ли спутать их с костром на берегу, со звездой у горизонта, светильником в окне... Вспомнилось, как в дни войны случалось ориентироваться и на звезды. На китайском берегу

Амура сигнализации не было, и вот приходилось примечать, где, в какие часы, на какую звезду держать курс. Все звезды оказались счастливыми. Вот только родился он, видно, под несчастливой: не повезло с Зинаидой.

Ночью прошли Фугдин. На рассвете капитана и Мына сменили Заречный и Мо Ли.

— Вы хорошо знаете реку? — спросил Горчаков практикантку.

— Не беспокойтесь, капитан. Желаю хорошо отдохнуть.

«Из этой будет толк», — спускаясь с мостика, думал Андрей Корнеевич.

Крестьяне, рыбаки, лодочники (какие у них красивые паруса из циновок!), детвора — все приветствовали советских речников. В бинокль были видны улыбающиеся лица китайцев.

— Москва! Русска! Пекин! Дружба! — это был голос народа.

Река прибывала, топила луга, болота, заросли косматого ивняка. Мо Ли хмурилась, часто брала в руки бинокль. Сунгари протекает в пойменных берегах. Подъем воды опасен для приречных жителей.

— Вон куда разлилась, — покачала головой практикантка. — А скоро пойдут совсем низкие места.

После отдыха Горчаков обратил внимание, что Сунгари выходит из берегов. Вспомнил, что и на Амуре вода все время прибывала. Не затопило бы. Андрею Корнеевичу шел одиннадцатый год, когда по улицам Благовещенска плавали лодки, катера, плоты... Он знает, какие тогда разрушения причинила вода.

День на Сунгари прошел спокойно. «Адмирал» миновал какой-то городок, почти сплошь обнесенный серыми глинобитными стенами. По-прежнему советский пароход приветствовали многочисленные лодочники, рыбаки, крестьяне, дети. К вечеру восток заклубился тучами, похожими на дым. Они быстро надвигались на реку. Начался ливень. Всю ночь оглушительный гром тревожил сонных адмиральцев, ветвистые молнии рассекали небо, синеватыми змеями вспыхивали на реке, слепили рулевого.

Горчаков осунулся за одну вахту. На рассвете, едва он сменился, его разбудил боцман:

— Капитан, скорее! Китайские люди умирай есть!

Мо Ли металась по штурманской рубке.

Заречный приказал убавить ход.

Взлохмаченный, без фуражки и кителя, на мостик взбежал капитан, молча выхватил у практикантки бинокль. На крыше одинокой фанзы, стоящей в распадке, сидела женщина с детьми, а пожилой китаец, почти по горло в воде, пытался спасти мула.

— Шлюпки на воду! Отдать якорь, — разнеслось по всему судну.

— Шлюпки! — кричал Лю Чи, устремляясь к якорному брашпилю на нос парохода.

Горчаков взялся за звуковой сигнал.

Один протяжный, три коротких и опять протяжный... Глухие, тревожные гудки огласили окрестность. Команда выскочила на палубу. «Обращаю внимание». Без нужды такие сигналы не подаются.

— Шнайдер, Волков, Мын — на первую! — приказал капитан. — Боцман, Дымов, Надысев — на вторую!

Шлюпки отчалили от «Невельского». Андрей Корнеевич осмотрел берега. Больше нигде строений не видно.

— Спасибо, капитан! — взволнованно произнесла Мо Ли; ей хотелось сказать что-то еще, но она не находила нужных слов.

Горчаков не слышал ее, наблюдая, как идет спасение людей.

Прямо в одежде адмиральцы ходили по воде, их лица было трудно различить. Женщину и детей уже сняли с крыши, теперь грузили нехитрый домашний скарб. Удалось спасти и мула. Вскоре все потерпевшие бедствие оказались на судне.

Мо Ли говорила пожилой китаянке:

— Народное правительство вам поможет. Теперь новые времена.

Когда старый крестьянин — его звали Чжао Цин-жун — немного успокоился, он подошел к Горчакову — Андрей Корнеевич был уже в полной форме, — низко поклонился, прижимая жилистые, загорелые руки к сердцу, и сказал:

— Сы-па-сибо, капитан!

Китаец заплакал. Чжао Цин-жуна можно было понять: один раз его спасли от японского рабства русские солдаты, и теперь, наверное, это были те же солдаты, только без оружия и красных звездочек на фуражках.

Китайцев пригласили в столовую. Жанна постаралась угостить их на славу.

Во время обеда Зелик Ефимович неожиданно предложил:

— Ребята, давайте поможем людям... Предлагаю всей команде отдать свой трехдневный заработок.

— Поддерживаю, — первым отозвался Георгий Иванович.

— Вношу тысячу наличными, — сказал капитан.

— Зачем? Народное правительство... — начала Мо Ли.

Но ей не дали договорить.

— И мы хотим! — раздались голоса.

— У кого нет наличных, — предложил капитан, — обратитесь к помощнику, выдаст в счет зарплаты. А в Цзямусах попросим нашего представителя обменить деньги в банке.

— Правильно!

— Ну, будем сниматься, — Горчаков посмотрел на часы: стоянка затянулась.

Чжао Цин-жун решил высадиться в Цзямусах. Там живет его брат.

Зелик Ефимович никому не напоминал, но все заходили и оформляли свои взносы.

— Запиши четвертную, — небрежно, на «ты», бросил штурману Гришка. И этого б кочегар не дал, да уговорила Жанна: «Нехорошо. Что люди подумают?»

Чжао Цин-жуну покоя не давали. Не успела уйти Мо Ли, как явился Лю Чи. Жена и дети крестьянина давно спали, а боцман все расспрашивал Чжао о новой жизни в Китае. Его интересовала и земельная реформа и жизнь джагунщиков, кули, рабочих.

Все, что ни рассказывал сунгарийский земледелец, радовало боцмана. Огорчало только одно: Чжао ничего не знал о семье Лю Чи. Временами Лю Чи забывал, что пробудет на родине всего несколько дней. Ему казалось, что он возвращается навсегда. «Ай-я-ха, Диверсант, а вдруг не разрешат вернуться?» Лю Чи не спал, всю ночь бродил по палубе, всматривался в берега, ждал огней Цзямусов.

«Адмирал Невельской» часто обгонял баржи, шаланды, джонки, откуда и теперь раздавались приветственные голоса.

Ветер совсем стих. Паруса обвисли. С одной из барок просили взять на буксир. Сердце боцмана щемило: он знал, как трудно идти на веслах против течения. Лю Чи поднялся на мостик.

— Конец, говоришь? — капитан улыбнулся боцману и вопросительно взглянул на Мына.

Тот молчал, считая такую просьбу соотечественников нескромной и зная, что из этого может получиться, особенно ночью.

Но Горчаков уже вошел в роль спасителя и распорядился выбросить конец. Лю Чи с удовольствием исполнил приказание.

С барки донеслись слова благодарности.

В десять часов «Адмирал» подошел к пристани крупного торгово-промышленного города Цзямусы — административного центра провинции Саньцзян.

Первым на борт «Невельского» поднялся постоянный представитель Амурского пароходства в Цзямусах — Николай Васильевич Трушечкин.

Невысокий, худощавый, он был в форме из белой рогожки, на голове — фуражка с белым чехлом, на погонах — звезда капитана третьего класса. Николай Васильевич поздоровался с командой, поздравил с благополучным прибытием.

— А график-то нарушили, опоздали, — и покосился на Горчакова.

— Так точно. Спасали от наводнения китайского жителя. Находится на борту. Вместе с семьей и мулом.

Как в подтверждение сказанному на корме протяжно замычал мул: близость земли взволновала его. Адмиральцы рассмеялись.

Зелик Ефимович добавил, что на оказание помощи Чжао Цин-жуну команда собрала четыре тысячи восемьсот семьдесят пять рублей, и просил обменить их на китайские госзнаки.

— Отход завтра в шесть ноль-ноль. Команда получила валюту? — спросил представитель пароходства. — Давайте документы на грузы. Свободных от вахты можете отпустить в город до восемнадцати. — Трушечкин вдруг увидел Мына и Мо Ли. — Старые знакомые?!

— Здравствуйте, Николай Васильевич, — поздоровалась девушка. — Мы на «Адмирале» проходим практику.

Сколько счастья и гордости светилось в глазах молодых китайских речников!

К стоящим на палубе быстрой походкой шел высокий сутуловатый китаец средних лет. Это был представитель профсоюза портовиков — У Бао-ци. Он приветствовал

экипаж. Мо Ли переводила, представляла членов команды «Невельского».

— Дымов? Профсоюз? — китаец сиял. Он пригласил экипаж «Адмирала» на вечер дружбы.

— В восемь часов, — перевела Мо Ли, — за нами зайдут китайские товарищи.

— Пока! — по-русски сказал У Бао-ци и откланялся, уводя с собою Чжао Цин-жуна.

Никита спросил:

— А почему на дебаркадере советский флаг?

— Наше речное представительство, — ответил Николай Васильевич. Кроме Трушечкина, в Цзямусах жили врач, шкипер, матрос и радист.

Когда Никита проходил через дебаркадер, старик-шкипер спросил:

— Ну, как там, сынок, в России?

Рулевой не нашелся с ответом. Шкипер вздохнул:

— Домой крепко хочется...

А ведь он ежедневно слушает радио на родном языке, смотрит наши фильмы, киножурналы, читает газеты, разговаривает с соотечественниками. Каково же Лю Чи?

С широко открытыми глазами боцман шел по территории порта, наблюдал за работой кранов, транспортеров, автокранов. «Ай-о! Совсем мало кули».

На белой стене огромного склада было начертано крупными иероглифами:

ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ
ШЕЛ НАШ НАРОД СКВОЗЬ МИЛЛИОН ПРЕПЯТСТВИЙ,
ПОКА СВОБОДЫ НЕ ОБРЕЛ ОН В БРАТСТВЕ
С ВЕЛИКОЙ СТРАНОЙ БОЛЬШЕВИКОВ.

От ворот порта начиналась улица Благополучия. Лю Чи никак не мог вспомнить, как она называлась при японцах.

Минутой позже из ворот вышли Умняшкин с Крохалевой, а потом целая ватага адмиральцев — матросы, масленщики, штурманы, кочегары; среди них — Шнайдер, Заречный, Сергей, Никита, Мо Ли, Мын.

У Зелика превосходное настроение. Шутка ли: он — в Китае!

— А это, девушки, автобус, — с серьезным видом поясняет он товарищам.

Те хохочут, спрашивают:

— А это что?

Шнайдер не теряется:

— Это, леди и джентльмены, дом. В Китае дома называются фанзами.

Мын фыркает.

Заречный включается в разговор:

— Простите, сэр, название улицы?

— Мо Ли? — Зелик вопросительно смотрит на девушку.

Она смеется.

— Улица Вечного веселья.

Адмиральцы в Китае впервые, им все в диковинку, но все понятно, а вот Лю Чи, хоть и бывал в Цзямусах, многого не понимает. Он не видит полуголых, грязных подростков, которые всегда заполняли улицы и рынки, просили подаяние, таскали тяжести, убегали от разъяренных лавочников. На пути боцмана встречаются опрятно одетые дети. Лю Чи спрашивает одну девочку, как ее зовут. Она отвечает.

— У тебя отец есть?

Та отрицательно качает головой.

— Кто твоя мама? — допытывается Лю Чи.

— Крановщица.

В руках у девочки книжки.

— Ты умеешь читать?

— Я посещаю школу.

Боцман вспоминает, что русские всегда спрашивают детей, как они учатся. Он делает то же.

С обидой в голосе дочь крановщицы задает встречный вопрос:

— Разве вы не видите, что у меня красный галстук?..

Лю Чи смущен, он идет дальше. Девочка с недоумением смотрит ему вслед.

«Где нищие, калеки?» — думает боцман. Он не слышит их причитаний: «Щедрый господин, вы не обеднеете, если...»

«Что творится?» — недоумевает Лю Чи, останавливаясь около ювелирного магазина. Черепаховый гребень. Как он хотел подарить такой жене! «Интересно, сколько стоит?» Вошел внутрь, спросил о цене. «Совсем недорого, можно купить. Но для кого?»

Вдоль дороги — велосипедист с коляской для пассажи-

ра. Только сейчас Лю Чи сообразил, что в Цзямусах нет рикш. «Ай-я... Что творится!» Вспомнилась песенка кули:

Птице вольной виден я —
Наша ноша тяжела,
Ноги, ноги и спина
Онемели...

«Чжао Цин-жун говорит: бедные арендаторы и батраки живут в домах помещиков. Дали землю, семена, создали группы по совместной обработке. Что творится?»

Напротив дом, во дворе много мальчиков и девочек. Они сидят за длинным низеньким столом, уставленным мисками — время обеда. Лю Чи долго смотрит на них, потом спрашивает прохожего:

— Чьи это дети?

Тот удивлен:

— Наши.

Оказывается, пока родители на работе, ребята находятся в детском садике: здесь их кормят, лечат, читают им сказки.

— Много денег?

— Оплачивает профсоюз.

— Ай-о...

Глядя на земляка, прохожий поражен не менее, чем поражен увиденным и услышанным Лю Чи. Лицо боцмана делается очень серьезным, он спрашивает:

— Профсоюз где?

И вот — тесная комнатка профсоюзного секретаря. Лю Чи низко кланяется, сняв головной убор.

— Зачем вы так кланяетесь? — спрашивает посетителя китаец в простом синем костюме, таком же, как и у Лю Чи. — Работу? Какая у вас специальность?

Боцман нарочно перечисляет много профессий — так, однако, вернее. Он плавал на шаландах и барках, был кули, работал на строительстве, умеет вязать сети.

— Зачем так много? Какую работу вы хотите получить? Может быть, пойдете на пароход? Или в порт, на завод?

Лю Чи наводит справки о заработках, благодарит, очень смущается, объясняет, кто он и зачем пришел.

Профсоюзный секретарь не сердится. Он внимательно слушает, задает вопросы, потом говорит:

— Ты правильно поступил. Китаец должен жить в

Китае. Приезжай к нам, в Цзямусы. Мы поможем тебе разыскать семью, — и тут же записывает имена родных боцмана.

— Что творится! — шепчет Лю Чи, выходя из помещения профсоюза. На улице он сталкивается с ватагой адмиральцев. Они увлекают его за собой.

Дымят трубы заводов, гудят паровозы, проносятся грузовики, непрерывным потоком идут люди.

Какие яркие улицы в Китае! Цветная черепица крыш, раскрашенные фасады домов, пестрые вывески... А рынок! Чего здесь только нет! Разносчики горячей пищи с кухнями на коромысле, парикмахерские, вход в которые завешан нитями разноцветных бус, лудильщики, фокусники, музыканты, продавцы птиц, чайные под открытым небом, украшения из яшмы, янтаря, зеленовато-молочного нефрита; книги, земляные орехи, фаянс, обувь из тканей, расшитая причудливыми цветами, овощи, фрукты, соевые бобы, подогретое вино...

В книжном магазине Мо Ли берет с прилавка книгу пословиц, читает вслух:

— Лучше обрезать свои ноги, чем снова идти к помещику. Честность — лучшая политика. Моднице всегда холодно. Женский волос достаточно крепок, чтобы удержать на привязи слона.

С самого утра нещадно палит солнце. Но вот оно скрывается за бурой пеленой, которая быстро растекается по небу. Духота становится нестерпимой. Торговцы торопливо собирают товары. Клубясь, завеса ползет к востоку, становится коричневой и вдруг, как кровля при пожаре, обрушивается на землю. Грохают ставни, окна, двери, дорожная пыль взмывает навстречу шквалу и несется по улице, скрывая дома в бурой непроницаемой массе. Становится темно. Адмиральцы бросаются в ближайший подъезд.

Смерч длится минуты. Потом над головой громыхает так, словно раскалывается небо. На город обрушиваются потоки дождя. Ливень душит пылищу, смывает грязь с деревьев, освежает воздух и, исчерпав свои запасы, внезапно прекращается. Обновленный, чистенький город вновь является взорам во всей своей пестроте. Желтоватое солнце стыдливо прячется в косматых обрывках темных облаков...

Заречный смотрит на часы: четверть пятого.

— Такой прелести у нас не бывает, — посмеиваются адмиральцы.

Ровно в восемь на «Невельском» появилась группа молодежи. Гости осматривали пароход, каюты. Адмиральцы угощали портовиков папиросами, сладостями, дарили на память открытки, фотографии, автоматические ручки. Потом гости увели своих русских друзей в клуб.

Восторженными овациями, взрывом хлопушек, боем барабанов встретили китайские портовики русских гостей.

Вечер открыл У Бао-ци. Он приветствовал гостей и по поручению мэра города вручил им адрес за спасение Чжао Цин-жуна. Не без гордости Андрей Корнеевич принял тисненый переплет, куда был вложен двойной лист бумаги, исписанный красными иероглифами.

Портовики Цзямусов преподнесли адмиральцам альбом с видами Китая. Этот подарок У Бао-ци вручил команде через радиста:

— Дымов — профсоюз? Хао. Пожалуйста. Дружба. Соседи.

— А сейчас, — сказал переводчик, — вы увидите Инци — китайский театр теней.

На экране затемненного зала, словно в кино, возник цветной пейзаж: синие волны, голубое небо, зеленые берега. По реке плывет джонка.

Гости оглядывались, но луча света от киноаппарата не было. А по бурным волнам уже шла не одна джонка, а целая флотилия с войсками. Воины громко разговаривали, потом они высадились на берег и напали на врагов, рассекая их мечами...

На глазах у зрителей человек превращался в дракона, который изрыгал огонь, глотал людей, летал по воздуху...

Каким же образом демонстрировался этот сказочный фильм? Оказалось, что за экраном — большим листом промасленной бумаги — находилась лампа, а около нее — кукольщик. В его руках были бамбуковые палочки, соединенные с каждым из «действующих лиц» тремя проволочками. Этими «лицами» оказались фигурки величиной с ладонь, вырезанные из препарированной до прозрачности кожи. Фигурки были раскрашены. Чрезвычайной быстротой движений кукольщика достигалась кажущаяся одновременность действий нескольких персонажей.

— Да это же как цветное кино! — восторгался Никита.

Заречный сидел как зачарованный. «Китай...»

Хозяева исчерпали свою программу. Тогда с баяном на сцену поднялся Зелик Шнайдер.

— Хао! Ай-я! Ай-о! — то и дело раздавались в зале восторженные голоса.

Никита прочел стихи Маяковского, масленщик Надысев исполнил матросский танец. А потом сдвинули к стенам скамейки, и под баян Зелика пошла танцевать молодежь. Русские парни и китайские девушки кружились в вальсе, разучивали старинный китайский танец янгэ, отплясывали польку. Это был действительно вечер дружбы. Глядя на молодых, старые китайцы от удовольствия прищелкивали языками.

В полночь на сцену поднялся Горчаков, поблагодарил цзямусовцев за теплый прием.

— Хэпин! Мир! Вансуй! Десять тысяч лет! — выкрикивали китайцы.

Стояла тихая лунная ночь. Река расплескивала зеленые и красные огни, вполголоса разговаривала со стоящими у причалов судами.

Ночью адмиральцам снились драконы, изрыгающие огонь, поминальные таблички, смерч, лица девушек... Сон был нарушен отходными гудками «Адмирала». Провожали судно У Бао-ци, Чжао Цин-жун с женой и детьми, Трушечкин, старик-шкипер, радист.

На ресницах Лю Чи мерцали слезы. Он чувствовал, что больше не сможет жить вдали от своего народа. «Мэю шуй — мэю яцзы, мэю цянь — мэю фацзы» («Без воды нет утки, без денег нет счастья»), — так раньше говорили в Китае. Нет, Лю Чи не согласен с этим. Счастья нет без родины! Даже среди друзей нелегко Лю Чи...

Недалеко от устья Сунгари капитан получил радиограмму. «Невельскому» предписывалось забрать в Ленинском еще пять груженых барж. Горчаков не поверил своим глазам. Но главное — поразила подпись под депешей: «ЧЗР[1] — Строева».

— ЧЗР? Ты не ошибся? — спросил он у радиста.

Дымов сказал, что попросит повторить радиограмму.

Через два часа радист подтвердил: подпись правильная. Кроме того, он по-дружески проконсультировался у собрата по эфиру, и тот вкратце поведал об изменениях в пароходстве.

---

[1] ЧЗР — условное обозначение должности заместителя начальника пароходства по эксплуатации флота.

— Белокрылов перешел в проектное бюро, — сообщил радист капитану. — На его место назначена Зинаида Сергеевна.

— Ясно.

Дымов ушел. Андрей Корнеевич прошелся по мостику. «Она что ж, заигрывает со мной? На, мол, миленький дружок, съешь горячий пирожок?»

Капитан не знал, как упорно пыталась Зинаида Сергеевна наверстать упущенное в первые месяцы навигации, ломала установившиеся порядки, прямо на плесах отбирала составы у судоводителей, если это хоть на несколько часов раньше высвобождало тягу или тоннаж.

А Горчаков все же радовался уходу Белокрылова. «Это работа! А то дадут три посудины и шлепай с ними». Он с нежностью подумал о жене и чуть было не сказал, что «Зинка молодец», но вовремя спохватился...

К Ленинскому «Адмирал» подходил перед самым рассветом. Вахта Горчакова заканчивалась, когда на мостик взбежал возбужденный Заречный.

— Андрей Корнеевич, скорее вниз, — задыхался штурман. — Там на «Китаянке»...

— Что случилось? — на лице капитана появилась тревога.

— В трюме поймали Умняшкина!

— Останьтесь на мостике, — приказал Андрей Корнеевич и кинулся к трапу.

Никита Волков напряженно всматривался в огни створных знаков. Он чувствовал, что штурман не видит реки, хотя и мечется по рубке.

— Малый! — на всякий случай распорядился Никита.

А на палубе «Китаянки» собиралось все больше и больше людей. В трюме баржи под арестом овчарки сидел Гришка Умняшкин. Пользуясь темнотой, кочегар проник на «Китаянку» и теперь, в изорванной Диверсантом одежде, смиренно ждал своей участи.

Прибежал взволнованный Лю Чи, взял из рук вахтенного фонарь и вместе с Логином Дымовым, капитаном и другими спустился в трюм. Рядом с кочегаром — он безмолвно сидел на ящике с земляными орехами — лежал кусок бостона. Члены экипажа молчали. Первым заговорил старый шкипер:

— Вот из-за таких паразитов меня без малого в тюрьму не упекли.

Диверсант жалобно повизгивал. Лю Чи увидел на шее собаки рану. Неподалеку лежал нож.

— Хунхуз! — закричал на Умняшкина боцман.

— Встать! — гневно приказал Горчаков.

Кочегар поднялся.

— Вор, — лаконично высказался старый механик и ушел.

— В угольную яму! — распорядился Андрей Корнеевич.

В Ленинском, пока переформировывали состав, капитан доложил о ночном происшествии местным властям. Те посоветовали отвезти преступника в Хабаровск: все равно судить его будет линейный транспортный суд.

Команда считала себя опозоренной. Горчаков вспомнил, как он уверял Константина, что за свой экипаж ручается. Крохалева возмущалась вместе со всеми. Она надеялась: Гриша ее не выдаст.

— Видать, и тот раз в трюме побывал Умняшкин. А под суд меня отдали, — вздыхал Логин Дымов. — Оно, конечно, вина моя: не досмотрел. И в законе сказано — халатность...

Георгий Иванович доверил ребятам секрет: еще на плотбище начальник политотдела посоветовал ему присматриваться к Умняшкину и Крохалевой.

— Значит, это вы Диверсанта в трюм посадили? Молодцы! А мы глядим — работать Гришка не хочет, прогрессивкой не интересуется, золотые часы находит на дороге...

— Наверное, он заодно с поварихой, — предположил масленщик.

— Следователь, ребята, во всем разберется, — сказал Заречный. — Что ж, впредь будем дальновиднее. Зелик Ефимович, сыграй что-нибудь повеселее, а то полувахта совсем заскучала.

...На вторые сутки после отхода из Ленинского погода начала портиться. С низовьев дул холодный ветер. Амур почернел.

Подминая под себя отяжелевшие волны, за «Невельским» на длинном буксире шел состав из восьми барж. Они грузно сидели в воде и казались огромными утюгами.

«Эх, Андрей, провели тебя, как воробья на мякине», — думал Горчаков об Умняшкине и Крохалевой. Он был почти уверен, что Жанна тоже замешана в хищении грузов.

Капитан спустился с мостика в каюту, выпил стопку коньяку.

Амур гневно шумел. Волны вкатывались на палубу. Пароход все глубже зарывался в воду, вспарывая стальным носом черную толщу реки. Начался шторм.

Шнайдер прислал за капитаном: страшно вести караван в такую погоду. Холодно, неприветливо, сыро. Клубятся тучи, похожие на драконов; они нависают все ниже, вытягивают к реке свои хищные головы на длинных шеях. От порывов ветра «Адмирал» вздрагивает, парусит, уходит с курса.

Горчаков на мостик не пошел: «Пусть привыкают», но сам то и дело выглядывал в иллюминатор. На душе у Андрея Корнеевича тревожно. Налил почти полный стакан коньяку, залпом выпил его и снова выглянул в иллюминатор. Навстречу шел большой состав барж. Их толкал буксирный пароход «Новосибирск». «Смотри, пожалуйста! — удивился капитан. — Радист говорит, что и переформировочный рейд за Хинганом создается. И мне пять барж подбросили в Ленинском». И опять Андрей Корнеевич с благодарностью и нежностью вспомнил о Зинаиде. «Чего это я ее расхваливаю? — тут же спросил он себя. — Что она, начальник пароходства, что ли?» Горчаков выпил еще. Противоречивые чувства боролись в нем. Обида, гнев, ревность, оскорбленное самолюбие, любовь — все это перепуталось, давило сознание, будоражило хмельной мозг. Андрей то закипал злостью, то чуть ли не плакал, а тут еще — вор в экипаже!

К концу дня Шнайдер довел состав до Хабаровска, поставил баржи на рейде и пришвартовался к дебаркадеру. Андрей Корнеевич из каюты не показывался. Настроение — дрянь, видеть никого не хочется.

Вошел Лю Чи и доложил, что капитана вызывает министр.

Горчаков посмотрел на боцмана ошалелыми глазами.

— Министр?

— Да, капитан. На дебаркадере.

Нетвердой походкой Горчаков пошел по судну, споткнулся на трапе и на секунду застыл у двери дежурного по вокзалу.

— Проходите, проходите, — сказал ему очень крупный мужчина с сединой на висках.

— Товарищ министр, по вашему приказанию капитан

Горчаков явился! — Он остановился в нескольких шагах от министра.

Тот подошел к капитану, протянул руку:

— Здравствуйте. Как прошел рейс?

— Отлично. На борту все в порядке и один арестованный.

— Кто? За что?

Андрей Корнеевич коротко доложил. Хмель брал свое: капитан пошатнулся. Начальник пароходства, Константин Архипович, все с ужасом увидели, что Горчаков совершенно пьян.

— Вы выпили? — хмуро спросил министр.

— Так точно! Сегодня мне исполнилось тридцать шесть лет.

— Как же вы вели судно?

Капитан молчал. Министр обернулся к начальнику пароходства:

— И это, вы говорите, один из лучших капитанов?! Как же тогда у вас выглядят худшие? Вы и команду так воспитываете? Товарищ Добрынин, объявите капитану от моего имени выговор! Я вас больше не задерживаю.

Секунду Андрей Корнеевич стоял неподвижно, потом, побагровев, резко повернулся и, зацепив плечом дверной косяк, вышел на дебаркадер.

ГЛАВА 19

Срок, который секретарь крайкома дал Окуню для проверки порта и бассейнового управления пути, истекал. Докладная была готова, и вдруг телефонный звонок. Аркадий Борисович сообщил невероятную вещь: министр снял Бесхмельного.

Заведующий транспортным отделом торопливо схватил черновик докладной записки, который собирался отослать на машинку, прочитал выводы докладной: «Конечно, Бесхмельный кое-где недорабатывает, но дело знает. Много провалов происходит по вине управления. Начальник пароходства самоустранился от порта, помощи Бесхмельному не оказывает».

Окунь тут же изменил формулировку: «Начальник порта, несмотря на партийное предупреждение, наладить работу не сумел. В интересах дела Бесхмельного необходимо

от занимаемой должности освободить, перевести на меньшую в системе пароходства».

Вторая часть докладной осталась без изменений. В ней говорилось, что уборка породы, взорванной зимой на перекатах, производилась; Синдинская протока углублена в соответствии с проектом; конвенционное запрещение было наложено в связи с небывало низкими горизонтами воды на реках Амурского бассейна.

Окунь сам продиктовал машинистке докладную, вычитал, подписал и отнес в кабинет Вяткина. Утром, к приходу секретаря крайкома, она уже лежала у него на столе.

Афанасий Прохорович просмотрел выводы. На меньшую должность. И министр так поступил. Об этом только что доложил помощник. Подозрение мелькнуло лишь на секунду. «Не может быть! Бесхмельный отстранен только что, а докладная написана еще позавчера».

Накануне Вяткин выезжал в район и в крайкоме не был. Секретарь закурил. Вспомнился последний разговор с начальником политотдела.

«Не угодил Окунь, видно, ему чем-то. А работник исполнительный, решения принимает верные. Добрынин? Что ж, он сам признался, что увлечен Строевой...»

Звонки, текущие дела отвлекали Афанасия Прохоровича, но докладную он все же прочел от начала до конца. Управление пути план землечерпательных работ почти выполнило, начальнику бассейна дана самая лестная характеристика. Принципиальный, болеет о производстве, внедряет новую технику, выдвигает молодежь. Вяткин вспомнил барабанную трескотню Тихого-Тищенко в докладной о лесосплаве. «Вот и разберись в людях... Надо самому почаще бывать у речников. А Добрынин-то правильно весной снимал Бесхмельного. Да, номенклатура, номенклатура... Напишу в ЦК».

Вяткин считал приезд министра очень своевременным. Можно было немедленно поставить перед ним ряд вопросов перспективного развития водного транспорта. Афанасий Прохорович сделал несколько пометок в большом настольном блокноте, затем опять придвинул к себе докладную Окуня. Не нравились секретарю крайкома выводы по управлению пути. «Выходит, сигналы не подтвердились? Странно. Не допускаю мысли, что о неубранной породе в Хингане и о Синдинской протоке люди писали неправду! Нет, тут что-то не так. А поручу-ка я еще раз изучить

эти сигналы — ну, скажем, Управлению малых рек, главному инженеру. Пусть побывает на местах, все обстоятельно выяснит, поговорит с народом...»

Думал о делах пароходства и заведующий транспортным отделом. Окунь был убежден, что и Бесхмельного и Белокрылова — его старых приятелей «съел» новый начальник пароходства. Назначение Строевой Окунь считал безрассудством. «Натворит она дел. Схватитесь за голову — да поздно будет. Ох, сломаешь ты себе на Амуре шею...»

Заведующий отделом, конечно, хотел, чтобы транспорт справлялся с перевозками, выполнял государственный план; он всячески, как ему казалось, способствовал этому. Чего скрывать, Окунь считал даже, что гражданский воздушный флот, и железнодорожники, и водники многими своими успехами обязаны только ему. Он находился в курсе всех событий на транспорте, с ним согласовывали, его ставили в известность, в его кабинете люди спорили, договаривались; здесь он знакомился с проектами различных решений, разве этого недостаточно?..

Пока заведующий транспортным отделом размышлял, в управлении пароходства подбирали кандидатуру на должность начальника Хабаровского порта.

— Есть кандидатура! — предложил Волков. — Одинец!

— Молод, — возразил начальник отдела портов и пристаней.

Министр внимательно всмотрелся в начальника политотдела.

— А ведь Волков, пожалуй, прав. Свяжитесь с Ефимом Петровичем.

На пути в Хабаровск министр останавливался в Благовещенске. Одинец произвел на него самое благоприятное впечатление. Энергичный, хозяйственный, смелый.

Высоко оценили деловые качества начальника Благовещенской пристани и другие. Но вот в кабинете раздался звонок. Это звонил Одинец. Добрынин передал трубку министру. Министр в двух словах изложил Одинцу суть дела.

— Что вы на это скажете? — спросил он. Было очень важно услышать, как ответит Одинец: первая реакция говорит о многом. Но Ефим Петрович молчал.

— Вы слышите меня?

Ефим Петрович подтвердил, что слышит, и добавил:

— Думаю.

— Хорошо, подумайте. Я подожду. — Министр улыбнулся, прикрыл рукой микрофон и сообщил присутствующим, что абонент думает. — Вам много времени потребуется?

— Согласен, — сухим баском ответил Одинец.

— Министерство на вас надеется, товарищ начальник Хабаровского порта. Желаю успеха. До свиданья.

Затем министр обратился к Добрынину:

— Вчера, при подчиненных, я не стал делать вам замечания. Как же вы терпели бездельника Бесхмельного на посту? Неужели вы сами не могли раскусить его? Получаю сигнал от крайкома партии!

— В мае я снял его с работы, но Евдокимов приказал восстановить.

— Мой заместитель? Странно. Запишите, пожалуйста, — сказал министр своему секретарю. — В Москве дадите мне всю переписку по этому вопросу.

— Мне кажется, — продолжал Алексей Иванович, — у нас вообще слишком усложнена номенклатурная система.

— Я думал об этом. Вы правы. Список пересмотрим. На самом деле, пьянствует, скажем, на борту капитан, а начальник пароходства не может его отстранить. Как фамилия этого товарища?

— Горчаков.

— Приказ издали?

— Не успел.

— Наложите на него взыскание своей властью. Исправится — снимите выговор, нет — его самого! — министр нахмурился, но глаза его смеялись.

Алексей Иванович попросил утвердить в новой должности Строеву.

— Будет пока исполняющей обязанности. Академию не требую, но институт окончить обязана. Новосибирск, заочное отделение, пожалуйста! Как Юрий Николаевич? Где он? Что-то не показывается на глаза.

У Белокрылова был депутатский день. Он принимал избирателей. Возвращаясь в управление, у подъезда гостиницы «Дальний Восток» Юрий Николаевич встретился с министерской бригадой. Министр узнал старого амурца.

— Постарел, постарел, Юрий Николаевич.

— Годы свое берут.

— Говорят, выжил тебя Добрынин?

— Нет. Укатали сивку крутые горки.

Министр ласково посмотрел на своего старого товарища. Потом сказал:

— Спасибо, Юрий Николаевич. Будешь в Москве, заходи, как прежде. Мы с женой всегда рады тебя видеть.

Белокрылов, взволнованный и гордый тем, что нашел в себе силы посторонитьсся, уступить место молодым, уже подходил к пароходству, когда услышал, что его окликают.

— Ты что же не являешься? Звоню, звоню, а его все нет. Забываешь старых друзей, забываешь, Юрий Николаевич! — укоризненно говорил Окунь.

Белокрылов поморщился.

— Болеешь?

— Устал.

— Устанешь, если начальство заставляет писать рапорты об отставке.

— Заставляет?

— Знаю, знаю. Смалодушничал. А нет того, чтобы со мной посоветоваться!

— Ничего не понимаете вы, ни-че-го! — задыхаясь от возмущения и обиды, прохрипел Белокрылов.

— Как?

Но Юрий Николаевич уже рванул на себя парадную дверь и скрылся за ней. Эта встреча оскорбила старого водника. Ему казалось, что Окунь осквернил его лучшие чувства, все то, что выстрадано не одной бессонной ночью.

Старый амурец поднялся на четвертый этаж и заперся у себя в кабинете. «Еще поработаем!» И Белокрылов достал папку с заданием на проектирование пассажирского теплохода для пригородного сообщения.

В этот день Волков получил пакет с сургучными печатями. Это был ответ с Днепра на запрос пароходства относительно Крохалевой. Начальник политотдела прочел бумагу, нахмурился и запер письмо в сейф.

На совещании в управлении министр проанализировал деятельность Амурского пароходства и поставил перед речниками задачи на ближайшее будущее, затем он поехал к секретарю крайкома. Там уже были Окунь, Добрынин, Волков, Тихий-Тищенко.

Заговорили о перспективах развития края, Амурского пароходства.

— Мне думается, — сказал Волков, — Амуром пора

заняться по-настоящему. Наводнения, перекаты, наилучший выход к океану... Следует комплексно решить все эти проблемы.

— Давно пора, — после паузы произнес министр. Крупный, большеголовый, в чесучевом кителе без погон, он сидел, подперев кулаком подбородок. — Академия наук уже включила изучение Амура в свой перспективный план. Но у нас много и других неотложных дел, и я очень прошу вас не упускать их из поля зрения. Первое. Хабаровск, как вы знаете, должен стать морским портом. Для этого необходимо углубить перекаты, чтобы и малая вода не лимитировала флот. Что делается в этом направлении?

Аркадий Борисович вскочил с кресла.

— План землечерпательных работ, товарищ министр, путейцы выполнят!

— Я недоволен вами. Вместо того чтобы заниматься делом, вы заваливаете министерство депешами, кляузами, объявляете конвенционное запрещение. Песок у вас берут там, где не следует, разрушают берега, меняют фарватер.

Министр коротко поделился своими впечатлениями о Дальнем Востоке и стал прощаться: до вылета оставалось сорок минут.

— Провожать, товарищи, не нужно. Отдыхайте.

Нет, нелегко было новому начальнику эксплуатации флота Зинаиде Сергеевне Строевой. Как не хватало ей сейчас Андрея! До последнего времени у нее еще теплилась надежда, что он явится с повинной. Но теперь, после ареста кочегара, после выговора, он не придет. Своей гордости ему не преодолеть. Зинаиде жаль мужа, жаль дочери, себя. В эту минуту она, кажется, готова простить ему оскорбление, ревность — все! Пусть только он будет прежним, каким Зинаида знала его в техникуме, пусть он не требует от нее невозможного. И сразу — мысли об Алексее Ивановиче. Недавно, у Волковых, он спросил ее: «Помнится, вы говорили мне, что разошлись с Горчаковым?» Зинаида понимала смысл этого вопроса; она видела, что Добрынин неравнодушен к ней. «Да, говорила», — тихо ответила она, невидящим взором глядя на Добрынина.

Наступило короткое молчание.

— О чем задумались, Зинаида Сергеевна? — спросил он.

— Я? — Она смутилась, щеки порозовели. — Нет, я просто утомилась сегодня. Ой, уже первый час! — Строева поднялась, простилась и вышла.

Проводив подругу, Клавдия отправилась спать. Вскоре ушел на судно и Архип Севастьянович. Волков и Добрынин остались вдвоем. Начальник политотдела исподволь заговорил о шефстве.

Добрынин покачал головой:

— Смущает меня колхоз.

— Почему?

— Сельским хозяйством никогда не занимался.

— А начальником пароходства был прежде? Учись! Ты даже не представляешь, как много могут сделать настоящие шефы!

— Например?

— Пожалуйста. С нашей помощью колхозники могут увеличить посевную площадь — раз. Заготовить больше кормов для скота — два. Заложить силос — три. Разве мы не можем выкопать силосные траншеи? Так. Дальше. Поможем в строительстве жилищ, в ремонте клуба, будем посылать лекторов, докладчиков. Наконец вывезем колхозникам на городской рынок картофель, овощи.

— Бесплатно?

— Ох, коммерсант. А если попутные суда будут, неужели потребуешь деньги? Резко увеличить производство зерна, основных животноводческих продуктов, полностью обеспечить города овощами — это задача всенародная, и решать ее надо и деревне и городу. В воскресенье придется тебе погнуть свою генеральскую спину на копке картофеля.

— Тут одними воскресниками ничего не сделаешь. А у нас своих дел предостаточно. И подсобное хозяйство свое есть.

— Помнишь, весной на прогулку ездили?

— Ну?

— Тогда дочь бакенщика говорила Афанасию Прохоровичу о парниках.

— Ну, ну.

— Хорошую идею она подала. Ведь и в решении Пленума ЦК сказано об этом. Интересно наблюдать: мысли зарождаются в народе, партия их аккумулирует, а потом сама обращается к народу, превращает их в материальную силу. Знаешь, о чем я думаю? Взяться б нам дружно,

всем, и за два — три года так помочь колхозу, чтоб потом можно было сказать: мы хоть и речники...

Глаза Добрынина заблестели.

— И люди спасибо скажут.

— Ты на воскресенье запланируй какое-нибудь судно. Поедет человек двести.

Добрынин подумал, потом сказал:

— Пошлем «Сиваш» с баржей под бортом. Все поедут? — спросил он, имея в виду Строеву, но Константин Архипович не догадался, кто именно интересует Алексея Ивановича.

...Вернувшись домой, Добрынин не ложился. Он знал: сегодня ему долго не уснуть. Министр, беседы в крайкоме и с Волковым, встреча с Зинаидой.

Фактам наперекор Добрынин долгие годы надеялся, что свершится чудо — семья найдется. Сознание отказывалось смириться с горькой утратой. А вдруг жена и дети не погибли, а угнаны на чужбину и до сих пор страдают там? Алексей Иванович обращался в различные организации с запросами, но ничего утешительного в ответ не получал.

Напряженная учеба в академии, новые назначения, трудная, порой бессонная работа, — все это приглушало боль души, отвлекало от горестных мыслей и воспоминаний. Кто знает, не повстречай он на своем пути Строеву, быть может, и сейчас его сердце билось бы ровно. Ведь просто удивительно, что в первые месяцы работы на Амуре он почти не замечал Зинаиду Сергеевну, хотя встречался с ней по нескольку раз в день. Когда это началось, как?

Думая о ней, Алексей Иванович видел ее то в диспетчерской, то на капитанском мостике, слышал ее голос, видел фотографию на анкете, видел в театре, на улице — всюду! Его волновал образ Зинаиды. «Что же делать?»

Добрынин ругал себя за нерешительность. «В конце концов кто мне мешает объясниться с нею? Живем в одном доме и не можем поговорить! Интересно, спит она сейчас или нет?» Он взглянул на часы. Начало третьего. Поднялся с дивана, поставил на этажерку книгу, постоял у окна и решил при первом же удобном случае объясниться напрямик.

А утром, еще под впечатлением ночных раздумий и ка-

ких-то смутных, почти не запомнившихся сновидений, хмурый, не отдохнувший, Добрынин едва не столкнулся в дверях управления с Горчаковым. Удивленно взглянув на капитана, Алексей Иванович смутился и почувствовал, что краснеет.

— Доброе утро, — ответил он на приветствие.

Они почти рядом поднимались на второй этаж, шли по коридору, но не проронили больше ни слова. Добрынин молча открыл дверь направо, Горчаков — налево. По всему зданию, точно по тревоге на боевых кораблях, надрывался звонок.

Константин Архипович встретил капитана сухо.

— Садись, — сказал он, помрачнев. Потом снял телефонную трубку. — Привет, Алексей Иванович! У меня Горчаков. Зайдешь?

Сидя в кресле, Андрей Корнеевич весь вытянулся, стараясь по лицу Волкова догадаться: придет начальник пароходства или нет.

— Ну, ладно. Займусь сам. Читал? — он протянул капитану последний номер газеты «Амурский водник».

В передовой статье, озаглавленной «С честью носить звание советского речника», говорилось: «... Но наряду с большим отрядом передовиков есть, к сожалению, и такие, которые не оправдывают звания советского водника. На пароходах, где командиры сами допускают аморальные поступки, нет дисциплины. Плохой пример подает подчиненным капитан А. К. Горчаков».

Андрей Корнеевич ощутил, как вспыхнуло его лицо и сразу взмок лоб. Он также почувствовал, что Волков не спускает с него глаз. В статье рассказывалось о случаях пьянства и авариях на судах, о расхищении грузов, о шинкарстве и спекуляции Крохалевой, которую капитан взял под свою защиту; упоминался инцидент с «Ереваном», говорилось о том, что, получив выговор от министра, Горчаков опозорил не только себя, но и всех водников бассейна. «Вызывает недоумение, — спрашивалось в передовой, — почему руководители пароходства, зная о недостойном поведении отдельных работников, не делают из этого никаких выводов. Пора положить конец такому положению, когда штрафники остаются на командных постах. Надо смелее выдвигать способную молодежь. Это поднимет дисциплину на флоте, культуру его эксплуатации».

Газета дрогнула в руках капитана. Он понял, что его

отстранят от командования. Швырнув газету на стол, он вскочил с кресла:

— Ясно. Валите все на Горчакова. Он выдержит! — Потемневшее лицо капитана страдальчески перекосилось. — Прикажете сдавать пароход?

— Садись, — глухо сказал начальник политотдела.

Капитан свирепо сверкнул глазами и схватился за фуражку.

— Садись! — властно повторил Константин Архипович и резко поднялся со стула. — Ты что — считаешь себя обиженным?

— За один проступок два наказания? Это по уставу? Министр только...

— Министр, говоришь? Министр не знает, что ты бросил семью, связался с Крохалевой...

— Неправда! — капитан сжал кулаки.

— Ручался за воров и спекулянтов, подделывал депеши, оскорбил экипаж «Еревана» — да разве все перечислишь! Если б тебя не поддержал Добрынин, министр наверняка бы выгнал из пароходства, а то и под суд отдал. А ты? Стыдно!

— Поддержал?! Перед Зинкой ловчит: смотри, мол, какой я хороший!

— Да, тебе трудно угодить, — вздохнул Волков и задумался.

— Ты зачем меня вызвал?

— Поговорить, Андрей Корнеевич. А если бы начальник пароходства тебя уволил? Тогда ты, наверное, сказал бы, что он специально от тебя избавился? Так?

Горчаков молчал.

— Вот ты говоришь — Зинаида. Но ведь ты бросил ее. Как же ты живешь теперь? Смотри, о тебе пишут, как о человеке, недостойном носить звание советского водника. Вот куда тебя затянуло!

Андрей Корнеевич плотно стиснул зубы.

— Что я, собственно, сделал, что ты читаешь мне мораль? Выпил? Так пароход — мой дом, я прописан там! Я дома выпил, а не на вахте! А ты разве никогда не пьешь?

— Неплохо придумал, — усмехнулся начальник политотдела. — А вдруг на пароходе пожар, пробоина? Вахтенный к тебе, а ты — пьян. Тогда что? Нет, Андрей, не о том говоришь. Пережитки в тебе разгулялись — вот в чем

беда. Из тебя неплохой феодал мог бы получиться. Ты не обижайся, это правда! И в семье у тебя нелады из-за этого. А Зинаида переживает и, похоже, не собирается выходить замуж...

Андрей Корнеевич снова обмяк, плечи опустились.

— Скажу тебе прямо: отдел кадров и баскомфлот настаивают на отстранении тебя от командования. И это естественно. В самом деле, разве у нас нет достойных людей? Сколько угодно! А вот Добрынин не соглашается. Говорит, надо дать тебе возможность исправиться, если ты сам, разумеется, этого хочешь. И я поддерживаю Алексея Ивановича.

Горчаков отвернулся, нахмурив брови. В его душе полнейшая неразбериха.

— Не надо мне вашей жалости! — вдруг вспылил он. — Пожалели...

— Да, жалеем. Мне кажется, ты живешь без большой мечты. А это не только плохо, это опасно. Так можно стать обывателем. К чему это приведет — сам знаешь. Надо преодолевать в себе плохое.

Горчаков заметно успокоился. Он ждал совсем не таких слов, не такого объяснения. Ждал разноса. Снова взял газету.

— Опозорили на весь бассейн!

— Разве написана неправда?

Капитан не ответил.

— «Адмирал» когда отходит?

— В четырнадцать.

— Так у тебя, наверное, еще дел порядочно?

— Хватает...

— Ну, иди.

В коридоре встречались знакомые. Они, как казалось Андрею Корнеевичу, умышленно делали вид, что очень торопятся; ни один из них не остановился, не поговорил с Горчаковым. На улице он столкнулся со стариком Волковым.

— Здравствуйте, Архип Севастьянович.

— Газетку читал? — вместо ответа спросил тот. — Эх, ты, командир... Штаны с тебя снять да выпороть при всей команде! — Горчаков молчал. — Жену на потаскуху променял? Знать тебя не хочу! — и Архип Севастьянович зашагал дальше.

— Ты чего стоишь, Андрей? — послышался чей-то го-

лос. Это был первый штурман с парохода «Гоголь». Горчаков учился с ним в речном училище.

— Здорово, Всеволод.

— Это верно, что ты... что вы разошлись с Зинаидой?

— Идите вы все к черту с вашими вопросами! — и он рванулся с места, сам не зная куда. Его удивляло, что с кем бы он ни заговорил, все спрашивали о Зинаиде. Было похоже, что водники готовы простить ему выговор от министерства, но не могут простить ему разрыва с женой...

На «Невельском» люди старались не попадаться капитану на глаза. При его появлении матросы прятали газету, опускали глаза.

— Андрей Корнеевич, да что же это такое?! — Жанна без стука вошла к нему в каюту с номером «Амурского водника».

— Подь прочь! — взревел капитан и угрожающе вскочил со стула.

Через несколько минут Горчаков приказал Шнайдеру и боцману проверить по документам все имеющиеся на борту грузы.

— Чтоб ни одного мешка, ни одного ящика не было на судне без документов! Проверьте кубрики, кладовые, бункер, палубу.

В кладовой камбуза обнаружили пять мешков картофеля, принадлежащих Крохалевой.

— За борт! — распорядился капитан. — Кто стоял на вахте, когда она грузилась?

— Выясню.

— Кто разрешил спекулировать на моем пароходе?

На этот вопрос Шнайдер ответить не мог.

За полчаса до отхода Андрей Корнеевич приказал собрать экипаж в красный уголок и без всяких пояснений распорядился вслух прочесть передовую в «Амурском воднике».

— Читайте, Заречный!

Георгий Иванович не без удивления взял протянутую ему газету. Озадаченная команда слушала. Потом капитан сказал:

— Правильная статья. Умняшкина кто просмотрел? Я! Крохалеву кто пригрел? И команду «Еревана», конечно, обидел. Вот так. И вообще... — он махнул рукой.

— Разрешите, Андрей Корнеевич, — поднялся Заречный. — Тут виноват не только капитан. Мы все видели

непорядки, а мер не принимали. Эта статья — о всей команде.

— Правильно, — согласился старший механик.

Потом выступил Шнайдер. Он предложил списать Крохалеву с парохода.

...Добрынин проснулся в превосходном настроении. Вчера от души поработал на копке картофеля. Воскресник в подшефном колхозе удался на славу. Алексей Иванович побрился, позавтракал, подшил чистый воротничок на китель, оделся и без четверти девять вышел из дому. Каково же было его удивление, когда у себя в кабинете он застал Вяткина: тот стоял у окна и смотрел на Амур.

— Афанасий Прохорович?

Секретарь крайкома быстро шел к нему навстречу.

— Ну, как в колхозе? А я, брат, грешный человек, рыбачил. Тянет. Вырос на реке...

Слушая Добрынина, Афанасий Прохорович приговаривал:

— Так. Молодцы. Сколько, сколько раскорчевать? Так. Овощехранилище? Вот это правильно. Тихий-Тищенко был?

— Нет.

— Ну, ну, дальше. У тебя время есть? Проедем по рейду. В порт заглянем.

Алексей Иванович снял телефонную трубку и приказал подать к пригородному причалу катер.

— Да, вот тут я книжонки прихватил, — сказал Вяткин. — Прочти на досуге. Любопытно, есть чему поучиться, — и он передал Добрынину две небольшие брошюры. В одной из них, судя по заглавию, рассказывалось об опыте шефства завода над колхозом, в другой — о круглогодовом выращивании овощей. Добрынину запомнилась фамилия автора — Кудревич. Алексей Иванович едва заметно пожал плечами:

— Но почему выращивание овощей?

— Ничего, ничего. Никита Сергеевич Хрущев, кажется, тоже не агроном, а сельским хозяйством занимается. Поехали?

На следующий день Добрынин также провел несколько утренних часов на участке порта. Заглядывал в пакгаузы, помогал Одинцу в расстановке людей на погрузке, беседовал с капитанами.

В делах пароходства чувствовалось заметное улучше-

ние: за Хинганским ущельем формировались большие составы, ритмичнее стал работать Хабаровский порт, применялась эстафета. Передовые капитаны провели груженые баржи методом толкания вниз по реке. И хотя все это в систему пока не вошло, Добрынину казалось, что он нащупал пути вывода пароходства из многолетнего прорыва. Досадно лишь то, что навигация подходила к концу...

Прежде чем возвратиться в управление, Добрынин поднялся в городской парк и с веранды скалистого утеса, вторгшегося в реку, глядел на рейд, на сиреневые сопки, за которыми начинался Китай.

Хороша в Приамурье осень: дни стоят светлые, солнечные, на небе ни тучки, ни облачка. Чешуйчатым золотом листьев усыпаны газоны, аллеи парка, крыши домов. И хотя по ночам у берегов уже подмерзает, а на днях даже выпадал густой мокрый снег, — все еще настолько тепло, что горожане ходят в одних костюмах. Последние теплые деньки!

На реках резко падает уровень воды. Сложная обстановка! Портам и пристаням нужно скорее отправить последние грузы, расчистить склады; путейцам — обеспечить безаварийное продвижение караванов; работникам управления — своевременно расставить суда в места зимнего отстоя.

Добрынин хмурился: к двадцатому числу пароходство выполнило задание по перевозкам только на восемьдесят семь процентов. А за пять дней, остающихся до официального закрытия навигации, план не завершить. Вот как сказались незнание кадров, нехватка опыта, четырехмесячная проволочка с Бесхмельным, плохая помощь путейцев. Нелегко будет и в следующую навигацию...

В эти дни начальника пароходства можно было встретить в диспетчерской в любое время суток. Строева едва успевала выполнять его многочисленные распоряжения.

Бюро погоды пока не давало тревожных прогнозов, и Добрынин решил рискнуть: продлить навигацию хотя бы на неделю. Однако это устраивало далеко не всех. Судоремонтные заводы требовали в соответствии со своим планом расстановки флота по затонам; директоров заводов активно поддерживал главный инженер пароходства; начальник бассейна заявил, что точно двадцать пятого октября потушит створные огни. Строева колебалась: слиш-

ком велика ответственность. Зато капитаны пароходов, несмотря на частые теперь штормы, туманы, снегопады, спад воды, изъявили готовность плавать до самого ледостава: еще была возможность выполнить навигационные планы и социалистические обязательства.

Двадцать четвертого октября Волков, как обещал, зашел к Добрынину: они неизменно встречались вечерами в кабинете начальника пароходства.

— Как быть, Константин Архипович?

Вместо ответа Волков потянулся к сводке:

— Какие грузы застряли?

Волков склонился над сводкой.

— В конце концов, Алексей Иванович, теперь дело не в том, выполним мы план или нет. Я думаю о людях, которые из-за нас останутся без сахара, хлеба, одежды. Почему эти грузы нам сдают в конце навигации? Вот продовольствие на прииск. Каким транспортом, кроме воды, его доставишь туда? Самолетами?

Вошел дежурный по управлению:

— Товарищ Добрынин, звонит Окунь.

Заведующий транспортным отделом категорически возражал против штурмовщины, предупреждал, что доложит секретарю крайкома, как только тот возвратится из командировки, и угрожал поставить вопрос на бюро.

— Что, наверное, снял с себя ответственность? — спросил Константин Архипович, когда Добрынин швырнул на рычаг трубку.

Начальник пароходства стремительно заходил по кабинету. Звонок Окуня вывел его из равновесия.

— Вот попробуй поработать с таким!

На пороге появился заместитель Добрынина по кадрам.

— Разрешите, товарищ генерал?

— Что у вас?

— Днем не мог вас застать. Расселение плавсостава. Беда, — он заискивающе улыбнулся.

— Что именно?

— Согласовать планчик надо.

— Не могу. Занят. Сами, сами расселяйте!

— Разрешите позднее зайти?

Добрынин ничего не ответил. Когда кадровик вышел, Алексей Иванович обернулся к Волкову:

— Окунь номер два! Закончу навигацию, займусь им. Пустое место!

— Я думаю, Алексей Иванович, пока погода позволяет, надо грузы отправлять. Но не все, а только жизненно необходимые. Соль рыбозаводы подождут до весны. Цемент, нефть, — он ставил против наименования грузов птички, — пусть зимуют. А вот эти надо вывезти. Свободные суда заводи в затоны. Не рискуй всем флотом.

— А как быть с судоходной обстановкой? Тихий уже разослал распоряжения по бассейну. Надо поговорить с ним.

Алексей Иванович снял телефонную трубку.

Начальник бассейнового управления минут через пять появился в кабинете начальника пароходства.

— Привет генералам, — вяло изрек он свою обычную остроту.

— Садись, Аркадий Борисович, — предложил Добрынин. — Как прогноз?

— Как сердце красавицы: склонно к измене! — развел руками начальник бассейна. — Расставляй, расставляй флот по затонам! Зима на подступах.

— Хочу отправить еще пять составов. Как думаешь, не захватит ледостав?

— С двадцать шестого обстановку на реке снимаю.

— Распоряжения уже разослали? — насупившись, спросил Волков.

Алексей Иванович мягко продолжал:

— Может быть, повременишь недельку, обслужишь последние караваны?

Тихий-Тищенко вскочил с кресла.

— Для тебя, что же, официальный срок — не закон?

— Но погода позволяет продлить навигацию.

— Твое дело, смотри. Но обстановочным флотом я рисковать не могу. И крайком возражает!

Поднялся и Константин Архипович.

— Послушай, товарищ начальник бассейна. Ты государственный человек, коммунист или... чиновник?

— За это ты ответишь в крайкоме! — лицо Аркадия Борисовича побагровело, глаза выпучились. — У тебя, Алексей Иванович, есть еще вопросы?

— Прошу обстановку на реке не снимать до первого ноября.

— Нарушить официальный срок? Погубить свой флот и помочь это сделать тебе? — Тихий-Тищенко свирепо посмотрел на обоих собеседников. — Приказ министра на-

рушать не имею права! Все? — и он торопливо зашагал к двери.

— Чиновник с партбилетом! — гневно бросил ему вслед начальник политотдела.

— Мы отвлеклись, Константин Архипович, — заговорил Добрынин. — Давай решим главное. Грузы все равно отправить надо.

— Обязательно, — подтвердил Волков. — Предлагаю сейчас же разослать по лоцмейстерским дистанциям телеграммы, предупредить, что идут караваны. Уверен, путейцы на линии не поступят, как их начальник. А с Тихим-Тищенко будет разговор позднее. Да, чтобы ускорить сдачу грузов в местах назначения, отправь с караванами коммерческих работников. А флот задерживать нельзя.

...Двадцать шестого октября Добрынин и Одинец отправляли в рейс последние пять караванов. Уходил и «Адмирал Невельской» с «Китаянкой» под бортом и с Ксендзицким на борту.

В этот день Крохалева неожиданно подала капитану заявление с просьбой об увольнении. Она показала телеграмму из Днепропетровска: мать находится при смерти.

— После рейса, — сердито ответил Горчаков, прочитав заявление и телеграмму. Он усомнился в правильности телеграммы. Крохалевой капитан больше не доверял. Вызывало сомнение и то, что извещение о болезни матери прибыло как раз к официальному сроку закрытия навигации.

Ровно в полдень, когда Горчаков уже хотел скомандовать отдать швартовы, к судну подошли два человека в полувоенной форме:

— Одну минуту, товарищ капитан!

— В чем дело?

В это время на палубе показалась Крохалева с ведром в руке. Ее окликнули:

— Гражданка Крысалева!

Жанна вздрогнула, но не оглянулась.

— Анна Крысалева! — раздался все тот же властный голос.

— Вам кого? — жеманно спросила она, шевеля плечами.

— Вас! Вы арестованы! Вот ордер.

У Жанны задрожали губы, пальцы разжались, пустое ведро грохнулось о решетчатый, как тюремное окно, люк в кочегарку.

Выяснилось, что следственные органы уже второй год разыскивали опытную аферистку Крысалеву, которая укрывалась под фамилией Крохалевой. Кстати, и звали ее вовсе не Жанной.

ГЛАВА 20

Из-за горизонта выползали тяжелые грязные тучи. Барометр падал. С Охотского моря тянуло холодом.

Капитан «Невельского» тревожно всматривался в неприветливое, хмурое небо. Обыск в каюте Крысалевой и другие формальности на полтора часа задержали выход «Невельского» в рейс. Тени облаков скользили по носу парохода, накрывали рубку, проползали по корме и бросались в пасть Черного дракона... Амур мрачнел с каждой минутой, волны все яростнее нападали на судно, пытаясь забраться на палубу.

До самого вечера навстречу «Адмиралу» шли пароходы, катера с халками, путейские суда; буксир «Партизан» тянул в затон земснаряд.

— На зимовку идут, — сказал Сергей Дымов. — Одни мы — в рейс.

— Как бы ледостав не захватил, — сказал Шнайдер, поглядывая на тучи, уже закрывшие полнеба.

Команда в бушлатах. Ночью было три градуса ниже нуля, сейчас — плюс пять. Вершины Хехцира припорошены снегом. Из домика на барже вилась струйка дыма: Дарья топила каминок. По палубе «Китаянки» прохаживался шкипер в шубе и валенках. Река наградила его ревматизмом.

Стемнело рано. На реке загорелись огни. Капитан распорядился сообщить в управление, что пароход прошел Пензенскую протоку и что на первой лоцмейстерской дистанции судоходная обстановка не снята. Радист выполнил распоряжение, а затем принял депешу, адресованную Лю Чи. В ней сообщалось о разрешении боцману возвратиться в Китай: «Паспорт с визами находится в политотделе», — сообщал в телеграмме Константин Архипович.

Закончив радиообмен, Дымов выскочил из рубки и помчался искать боцмана.

— Лю Чи!

— Я Лю Чи, — послышался голос из темноты.

— Тебе радиограмма!

Китаец очень удивился: за всю свою жизнь он еще ни разу не получал радиограммы.

— Ты не обманываешь старика? — Лю Чи внимательно посмотрел на радиста, недоверчиво взял листок, пошел к люстре у кормовой лебедки, потом остановился. — Твоя, Сергей, говори сразу, чего его пиши.

Радист прочел. Тонкие полоски усов боцмана дернулись, глаза заблестели, он что-то произнес по-китайски, протягивая руки к листку бумаги.

— Костя-Архипа?! — возбужденно переспросил он.

— Ага. Начальник политотдела!

— Капитан Зелик! — вдруг выкрикнул боцман, но тот, конечно, его не услышал.

Что творилось этим вечером на борту «Невельского»! Радиограмма переходила из рук в руки, все поздравляли боцмана, радовались вместе с ним, договаривались переписываться, потихоньку советовались, как организовать проводы, какие подарки поднести товарищу. Шнайдер принес баян, и в палубном пролете Никита лихо отплясывал «яблочко».

Только капитан по-прежнему был хмур. Он поздравил боцмана и снова задумался, вспоминая свое последнее объяснение с женой. «Тогда еще цвели тополя...» Минувшим вечером Андрей Корнеевич ходил под окнами Зинаиды, видел ее тень на занавеске. Подперев руками голову, она долго сидела у окна. Ему хотелось прийти к ней, сказать, что он все понял, но гордость не позволяла ему первым сделать решительный шаг к примирению...

Когда «Адмирал» вышел на траверз поста Корнея Евдокимовича, сердце капитана защемило еще сильнее.

— Точнее держи по створам!

— Есть точнее, — повторил Никита и слегка переложил штурвал.

Видимость становилась все хуже и хуже. Повалил снег. Время тянулось бесконечно долго. Андрей Корнеевич чувствовал сильную усталость: он не спал уже вторую ночь. Лицо капитана осунулось. Но, напрягая волю, сквозь снегопад он зорко всматривался в реку.

Близился рассвет. «Невельской» с баржей под бортом преодолевал последние километры плеса старика Горчакова. На мостик поднялся Заречный, чтобы сменить капитана. В эту минуту пароход внезапно содрогнулся. Зазвене-

ло разбитое стекло. Наступила необычная тишина — остановилась машина. Штурвальному Никите показалось, что от судна оторвались колеса...

Заречный кинулся к трапу: надо немедленно выяснить, нет ли пробоины, что случилось с машиной.

Горчаков выскочил на крыло мостика, включил прожектор. В его луче заметались снежинки, затем поток света лизнул черную воду реки, достиг берега, осветил путейский знак. В тот же миг Андрей Корнеевич снова оказался в штурманской рубке, торопливо открыл альбом лоцманских карт, быстро нашел нужный лист: огромные глубины, и вниз и вверх открытый плес, слева по борту — Китай.

Толчок разбудил спящих. Люди торопливо обувались, хватали бушлаты, рукавицы и бежали туда, где им следовало находиться в случае аварии.

— Вода! — вдруг раздался тревожный голос из переговорной трубы. — В машине вода!

Капитан схватил рычаг звукового сигнала. Окрестность огласилась заунывными протяжными гудками. В это время снова заработала машина, зашлепали колеса.

— Стоп! Отдать якорь! — хрипло скомандовал капитан.

На мостик взбежал Заречный.

— В машину поступает вода!

— Останьтесь здесь! — почти не касаясь ногами трапа, Горчаков скатился по поручням вниз.

В машинное отделение уже тащили маты, кошму, солидол, топоры, мешки с цементом, доски. Из-под слани вода вырывалась наверх, начала заливать кочегарку. Работала аварийная помпа. Старший механик включил питание котлов; чтобы постепенно их остудить, начал травить пар. Масленщики срывали слань, баграми пытались нащупать пробоину. Тщетно. Похоже, что днище распорото под цилиндрами, а туда не добраться.

— Пластырь! — распорядился капитан.

Через минуту на палубе послышался топот, крики.

— Давай, давай! Ай-я-ха!

На длинных концах под днище судна начали заводить брезентовый пластырь. Но вода все прибывала: помпа не справлялась с откачкой.

— В носовой отсек поступает вода! — доложил Шнайдер.

— Крепить переборку!

На мостик, задыхаясь, вбежал Ксендзицкий.

— Тонем!

— Уйди отсюда! — гаркнул на него Никита.

— Опускайте лодку! Вы отве...

Одним рывком Никита вытолкнул ревизора из рубки, захлопнул дверь.

Совершенно ошалев, инженер бросился к трапу.

Уже двенадцать минут продолжалась борьба за жизнь судна. Наконец капитан сказал радисту:

— Передайте: получил пробоину, сохранить плавучесть не удается, выбрасываюсь на берег!

«Адмирал» по-прежнему заунывно ревел в тщетной надежде, что поблизости окажется какой-нибудь пароход и придет на помощь.

В машинное отделение рвался Ксендзицкий. Его не пускали.

— Вы ответите за меня! Где капитан?

Услыхав истерический крик, Горчаков сверкнул глазами:

— Паникеров — за борт!

Палубная команда, вероятно, неудачно подвела пластырь: течь не уменьшалась. Пожарными баграми масленщики на ощупь сдвигали слань, но обнаружить пробоину не удавалось. Сомнений не оставалось: днище распорото под цилиндром. Подвести пластырь, видимо, мешали рваные края пробоины.

Включив прожектор, Заречный изучал берег. Никита подавал сигналы тревоги и всматривался в черные волны Амура. Они набрасывались на пароход, пытаясь сорвать его с якоря. Якорная цепь дрожала. «Как там внизу?» — думали и штурман и рулевой. Но пост не оставишь, а люди все заняты.

— Пора тушить топки, — сказал капитану Лесной.

— Не стравите весь пар! Надо еще дойти до берега!

Уже по колено в воде кочегары и механики задраивали иллюминаторы, забивали мусорные рукава, заборный колодец, спасали приборы. Днище судна вокруг цилиндра забрасывали небольшими кулями с цементом, матами, прижимали их упоринами, но вода прибывала и прибывала. Палубники измучились с заводкой пластыря.

— Выхаживать якорь!

На носу «Адмирала» затарахтела лебедка.

— Сваливаться к берегу!

— Малый! Право на борт! Наметку! — приказал Заречный.

Матрос начал измерять глубины.

— Пронос! — доносилось до мостика. — Пронос!

— Так держать!

Никита прекратил перекладку руля, тревожно всматриваясь в ночь.

— Самый малый!

— Пронос! Пронос! — Футшток не доставал дна реки.

Шатун машины зарывался в воду, обдавая людей брызгами, хлеставшими, как бичи.

— Сколько продержится машина? — прохрипел капитан.

— Не более десяти минут, — ответил Лесной.

Капитану стало ясно: над «Адмиралом» нависла угроза затонуть на больших глубинах: помпа не справляется с откачкой, вода прибывает, главная машина выходит из строя.

— Всем наверх! — распорядился он и бросился к трапу.

Через минуту прозвучал приказ:

— На барже рубить концы! До полного!

Круто поворачивая, «Адмирал» пошел на освещенный прожектором берег.

— Всем покинуть корму! Подготовиться к отдаче якоря!

— Пронос! Двести сорок! Двести двадцать!

«Китаянка» отделилась от парохода. На барже загремела якорная цепь.

Радист сидел в рубке и отбивал ключом мелкую дробь. Лю Чи наготове стоял у брашпиля. Лесной один остался в машине у пусковых рычагов; вода доходила ему до пояса. Масленщики, кочегары, матросы скопились в палубном пролете.

— Двести! Сто восемьдесят!

— Самый малый! Куда светишь? — Это относилось к Заречному. — Отдать левый! Трави!

Пароход ударился о дно раз, два, три... Еще раз. «Четыре пробоины», — сосчитал капитан, стараясь выжать нос «Адмирала» поближе к берегу. Но вот днище ржаво заскрипело о гальку, и судно село на грунт. Мгновенно затонула корма. Через палубу в кормовой отсек хлынула вода.

Заречный взглянул на капитана. На суровом лице — ни тени растерянности. Казалось, он спокоен, как никогда. Но это было не так. Андрей Корнеевич приказал закрепить носовой швартовый конец, сделать перекличку экипажа и выбрасывать сходни. А оставшись один, капитан сжал ладонями голову и повалился на диван.

«Примите все меры к спасению, — радировал Добрынин. — Для оказания помощи выходит «Камчатка».

Прихрамывая, Сергей поспешил в штурманскую рубку. Капитан неподвижно лежал на диване. Сергей испуганно дотронулся до влажного и холодного лба Андрея Корнеевича, торопливо расстегнул крючки на воротнике кителя. Капитан не шевельнулся, хотя все чувствовал и понимал: у него просто недоставало сил. Не оглядываясь, Дымов выскочил из рубки искать Заречного.

Светало. Страшное зрелище представлял выбросившийся на берег пароход: нос задран, вода по самый иллюминатор затопила машинно-котельное отделение, по корме гуляют волны...

Из команды никто не погиб. Ушибся Сергей Дымов, не устояв на покатой палубе; обжег руки кочегар; в каюте боцмана утонул Диверсант. Лю Чи вспомнил о нем лишь после десятка самых неотложных дел.

— А где Ксендзицкий? — тревожно спросил Заречный. — Неужели остался на корме?

Адмиральцы направились было на поиски, когда поднялся радист и сказал, что ревизор своевременно перебрался на баржу.

— Такие не тонут, — едко бросил Шнайдер.

Люди дрожали от холода и нервного потрясения, както сразу потеряв способность что-либо предпринять. Они смотрели друг на друга, еще не до конца осмыслив случившееся.

— Это вам не море, — пробормотал Лесной, пробираясь снова на пароход. К чему он это сказал — никто не понял.

Вслед за механиком на судно отправился Лю Чи.

— Ты куда, боцман?

— Дрова таскай надо. Холодно.

Прогибая доски, по сходням шли Заречный и Дымов. Когда они добрались до мостика, капитан уже сидел на диване.

— Что с вами, Андрей Корнеевич?

— Голова, — слабым голосом отозвался капитан. — И сердце...

Дымов снял с вешалки полушубок и набросил его на плечи Горчакова.

— Мы шли точно по створам, Андрей Корнеевич.

— Знаю, — капитан взглянул на радиста.

— Рация исправна. Вот ответ.

— Давай сюда.

Сергей послушно подал свернутый листок бумаги. Горчаков потянулся к посветлевшему окну.

— Я сделал все, что мог, — прочитав, вздохнул капитан.

На берегу загорелся костер.

— Выдайте команде спирта.

— Дымов! — распорядился старший помощник. — По семьдесят пять граммов.

Радист шагнул к выходу.

— Почему хромаешь?

— Ерунда: упал.

— Еще кто ранен?

— Все целы, Андрей Корнеевич. Да и «Адмирал» — тоже, — утешал капитана Заречный. — Вот подойдет «Камчатка», откачает воду и уведет нас в затон.

Капитан покачал головой.

— Пять пробоин...

— Понтоны подведут. Со дна морей корабли поднимают, а тут не море.

— А время? Зима рядом.

Георгий Иванович про себя отметил, что обо всем этом капитан уже успел подумать.

«Время позднее, — сокрушался Андрей Корнеевич. — Не снимут сейчас — погибнет «Адмирал». Открытый плес!» Капитан знал, что остается от речных красавцев, попавших во власть весеннего ледохода. Вспомнился один из таких случаев.

Суда зимовали на плесе — за отмелями да косами. Началась большая прибыль воды. Сорвало с якорей и швартов и унесло сразу шесть пароходов и восемь барж. Их потащило на виду Благовещенска и вынесло на Зейский перекат. Пароход «Брянта» сел на мель, упал набок. Льдом снесло надстройки, дымовую трубу. Судно перевернулось... Да только ли этот случай известен на Амуре! Ледоходы здесь буйные. Случись затор — через защитные

дамбы в отстойные ковши у судоремонтных заводов лезут льды, а «Невельской» — на открытом плесе. Сомнут, изуродуют, изорвут его льды... Страшно подумать!

От «Китаянки» к берегу подошла шлюпка. В ней находилось трое: Логин с Дарьей и Дмитрий Дмитриевич. Увидев, что шкипер с женой оставляют баржу, ревизор бросился к лодке. Он страшно боялся, что баржу сорвет с якоря. Нет, на твердой земле спокойнее.

Едва шлюпка причалила к берегу, как из-за мыска показался быстроходный катер. Прибыли Остроухов, врач заставы и три матроса.

— Пострадавшие есть? — медик оглядел людей.

Лейтенант подошел к капитану:

— В пароходство сообщили?

Горчаков молча кивнул головой.

— У кого, ребята, есть закурить? — спросил кочегар с обожженными руками.

Его тут же снабдили папиросами. На реке послышался шум мотора. В бинокль с трудом можно было разглядеть в моторке лоцмейстера и бакенщика. «Отец и Подосенов», — отметил про себя Андрей Корнеевич.

— Пробились? — спросил лейтенант. — Где это произошло?

— На створной линии.

— Видимо, топляк.

Через полминуты катер пограничников уже мчался к месту аварии. Он сделал несколько больших кругов, а потом ринулся вниз по течению и исчез вдали.

— Спустите шлюпку, — распорядился Горчаков. — Игнат Тимофеевич, надо объехать судно, осмотреть. — В голове капитана уже рождались планы спасения «Адмирала».

В эту минуту к пароходу наконец подошла моторка с лоцмейстером и бакенщиком.

— Топляк? — не здороваясь, тревожно пробасил Корней Евдокимович, зажав в руке бороду.

— По створам шли, — ответил Андрей.

— Прости сынок, не доглядел. Моя вина!

Лесной покосился на бакенщика, но ничего не сказал.

Часа через два возвратился пограничный катер. Он притащил на буксире выловленный тралами топляк.

Адмиральцы мигом вытащили бревно на берег. Один конец топляка ободран, в древесину въелось машинное масло.

Андрей Корнеевич посмотрел на лесину:

— Метра полтора распорола.

— Не меньше, — согласился старший механик.

Остроухов сфотографировал топляк.

У костра хозяйничала Дарья Дымова — сухонькая, морщинистая женщина в ватнике. Матросы таскали с парохода кастрюли, чайники, продукты. Лю Чи молча мастерил из камней печь; на глазах боцмана — слезы, и не понять — то ли дым разъедает глаза, то ли скорбит человек о постигшем команду несчастье, о гибели своего верного друга.

К девяти часам утра к месту аварии примчался катер начальника пароходства. На его борту — Тихий-Тищенко, Одинец, официальный представитель пароходства Белокрылов, инспектор судоходства, водолазы. Горчаков доложил, какие были приняты меры к спасению судна, высказал предположение о размере и месте пробоин. Комиссия осмотрела пароход, и водолазы начали спускаться в затопленные отсеки.

К капитану подошел радист:

— Телеграмма...

Добрынин запрашивал о состоянии судна, торопил с отбуксировкой «Невельского» в затон. «Необходимо ускорить спасательные работы, — писал начальник пароходства. — Ожидается резкое похолодание, завтра к вечеру возможно появление шуги».

Андрей Корнеевич передал телеграмму Белокрылову.

— Часам к двенадцати подойдет «Камчатка», — сказал Юрий Николаевич, хмуря седые брови. Он познакомил с депешей начальника бассейна и представителя судоходной инспекции.

— Так вы утверждаете, что придерживались створов? — спросил Горчакова начальник бассейна. Он решил наконец внести ясность и узнать, кто же повинен в аварии — эксплуатационники или путейцы.

— Шли по створам.

— Как же вы их видели ночью? Обстановка снята двадцать пятого числа. Огни не горели, товарищ капитан! — сказал Тихий-Тищенко и взглянул на инспектора судоходства и Белокрылова. — Вы, может быть, ориентировались на звезды или костер рыбаков?

Андрей Корнеевич почувствовал издевательские нотки в голосе Тихого-Тищенко.

— Выходит, я лгу?

— Вам виднее.

— Огни горели! — вмешался Заречный.

— Простите, с кем имею честь?

— Старший помощник капитана! — ответил Георгий Иванович.

— На вахте в момент аварии стояли вы?

— Это не имеет значения. Огни горели!

— Подосенов! — подозвал лоцмейстера начальник бассейна. — Объясните, пожалуйста, судоводителям, что они... они не могли ночью ориентироваться по створам, ибо обстановка на реке снята!

Лоцмейстер зарделся, предчувствуя разнос. Аркадий Борисович подбодрил его:

— Вам, Подосенов, бояться нечего: я предупреждал Добрынина. Теперь пусть расхлебывает.

Все ждали, что скажет Александр Степанович. Потупившись, лоцмейстер ответил:

— Огни горели.

— Горели? — лицо начальника бассейна потемнело. — Ты разве не получил приказа?

— Получил.

— И не выполнил?

— Начальник пароходства предупредил, что идет караван...

— Мой приказ не выполнил? — Тихий-Тищенко шагнул к Подосенову. — Ты у кого работаешь?

— И правильно сделал! — вступился за лоцмейстера Заречный.

— Вас не спрашивают! Бакенщик здесь? — нахмурился начальник бассейна, оглядывая собравшихся.

Корней Евдокимович взялся рукой за бороду, кашлянул.

— Тралил когда?

— Вчера, Аркадий Борисович. Колхозники видели. Весь плес прошли с Александром Степановичем.

— Ничего не обнаружили?

— Фарватер чистый был.

— Ну, вот! Значит, напоролись не на створной линии, — сделал заключение начальник бассейна. — Все ясно, товарищи! К этому вопросу мы вернемся позднее. Пойдемте, послушаем, что скажут водолазы.

Водолазы ничего утешительного не сообщили. Пробои-

на на носу, пробоина и вмятина под кочегаркой. В машинно-котельном отделении вообще ничего не обнаружено; видно, днище повреждено под цилиндрами. Приняли решение — в первую очередь заделать брешь в носу.

Адмиральцы готовили кошму, упорины, шили рулоны из наволочек, матрацев и одеял, наполняли их песком и цементом. С «Китаянки» подвезли десяток мешков с мукой.

К приходу «Камчатки»пробоина в форпике была заделана, воду откачали. Архип Севастьянович осмотрел пароход, выслушал соображения Горчакова, поговорил с водолазами, с Белокрыловым, Лесным.

— Да, — сказал он, — пластырь не подведешь — сидит на грунте. И на глубины оттаскивать нельзя: затонет.

Попробовали еще раз откачать воду из машинно-котельного отделения, но безуспешно. Тогда водолазы стали латать днище в корме. Однако по мере откачки начала выпучиваться переборка. Она дала сильную течь: вода из машинного отделения давила на переборку и угрожала ворваться в кормовой отсек. Насосы остановили. Всем стало ясно: необходимо заделать пробоину под цилиндром. Но как до нее добраться?

Близилась ночь. Становилось все холоднее. Дул северный ветер. Надо было подумать о ночлеге команды. На «Адмирале» кубрик затоплен водой, в каютах разве немного теплее, чем на берегу. А люди так устали, измучились.

Архип Севастьянович распорядился, чтобы команда «Камчатки», кроме вахтенного механика, двух кочегаров и штурмана, вышла на аварийные работы, а экипаж «Невельского» отправился отдыхать на буксировщик.

Прежде чем пойти на отдых, Ксендзицкий справился у Подосенова, не проходит ли поблизости шоссейная или железная дорога, не собирается ли на своей моторке лоцмейстер домой, нельзя ли связаться с пограничниками (катер Остроухова уже ушел), но на все вопросы получил отрицательный ответ. Почувствовав себя пленником обстоятельств, ревизор коммерческого отдела поехал на «Камчатку».

Около полуночи Ксендзицкого разбудили, накормили кашей, дали кружку чая и вместе с другими вывезли на берег. Дул ветер. Вода словно густела. Ожидалась шуга. Было холодно и страшно. На берегу горел костер. Дмитрий Дмитриевич направился к нему.

Особенно людно и шумно было на борту «Адмирала». Лю Чи с матросами налаживал тали, а механики зубилами вырубали металлическую палубу над машинным отделением, чтобы поднять наверх цилиндр и заделать под ним пробоину. На судне стоял грохот, словно в кузнечном цехе. Из-под молотков вылетали искры.

В промозглой рубке дремал Сергей Дымов. Каждые два часа он передавал в пароходство сведения о ходе спасательных работ. Радисту казалось: достаточно ему закрыть глаза и положить голову на стол, как немедленно зазвенит будильник, подпрыгивая на столике. Грохота на палубе Сергей не слышал.

Пробили склянки. К костру подошел Заречный.

— Шнайдер, Логин, Дымов, Ксендзицкий, Волков, — на заготовку ваг. Инструмент и факелы у боцмана.

— Ваг? Что это такое? — спросил Дмитрий Дмитриевич.

— Ну, бревен, — ответил Никита.

— Бревен? Ночью — в лес? Простите, но... — но говорить было уже некому.

Ксендзицкий на работу не пошел.

У костра промелькнула фигура капитана, и ревизор снова оказался один.

Вся энергия Андрея Корнеевича, вся его страстность — все было занято одним: надо спасти пароход. Капитан пробирался в полузатопленные отсеки, наблюдал за работами, советовал, спрашивал, торопил, подбадривал, сообщал управлению о ходе спасательных работ.

В машинном отделении, по грудь в ледяной воде, покрытой жирными пятнами, шматками черной пакли, щепками, бродили водолазы. Они разобрали слань и теперь, погружаясь с головой в грязную воду, отвинчивали болты, крепящие цилиндр высокого давления с фундаментом. Работа двигалась медленно; болты поддавались с большим трудом. Руки и ноги водолазов ломило от холода, приходилось часто прерывать работу. Водолазов сменяли механики, спускался к фундаменту и Игнат Тимофеевич, но отсоединить цилиндр до конца не удавалось. За этой трудной работой людей застало утро. Горчаковым овладевало бешенство. Если б было возможно, он бы взорвал эти болты вместе с фундаментом и цилиндром!

Катер начальника пароходства ушел. Из комиссии остался только Белокрылов — ответственный за спасение

судна. Опасаясь застрять в шуге, ушли на своей моторке и Подосенов с Корнеем Евдокимовичем.

Вода в Амуре продолжала густеть, образовывалось «сало». Архип Севастьянович теребил седые усы, тревожно поглядывал на реку, на термометр — он теперь показывал уже девять градусов ниже нуля: мороз крепчал.

И Волков, и Лесной понимали, что с часу на час спасательное судно будет вынуждено само спасаться бегством в затон. Старший механик отправился на «Камчатку» организовать продувание котлов «Невельского», чтобы не разморозить их. Перебросили паровой шланг, продули, заглушили трубки. Теперь вода не попадет в них.

К этому времени, укрепив переборку, откачали воду из кормового отсека «Адмирала». Оставалось поднять цилиндр и заделать пробоину, чтобы через какой-нибудь час «Невельской» приобрел плавучесть. Но до сих пор не удавалось отвинтить последние болты.

Горчаков предлагал стащить судно с грунта и на плаву подвести под него пластырь. Проект рискованный, ибо уже начинала тихо шуршать шуга, приближалась ночь. Белокрылов и капитан «Камчатки» опасались затопить пароход: пока будут возиться с подводкой пластыря, вода может осилить переборки, ворваться в другие отсеки.

Шорох шуги причинял Андрею Корнеевичу почти физическую боль. Он выискивал самые неожиданные проекты спасения «Адмирала», но все они имели уязвимые места. Уже дважды Добрынин по радио предлагал «Камчатке» забрать баржу и уходить в затон. Архип Севастьянович медлил.

Близился вечер. Работы на «Адмирале» не прекращались. Прошло уже свыше полутора суток с момента аварии. По совету старшего механика Заречный снова отправил часть вахты на заготовку леса. Игнат Тимофеевич видел: «Адмиралу» придется зимовать на плесе. Надо готовиться к этому.

Ксендзицкий старался не показываться людям на глаза, держался в отдалении. Только поэтому он прозевал уход «Двух семерок» и лодки лоцмейстера. Не знал он, что в каюте капитана «Камчатки» шло совещание, на котором было решено оставить «Невельского» на плесе, а спасательному судну, пока не поздно, немедленно пробиваться к Хабаровску. Начинался сплошной ход шуги. Оставаться дольше — не только бесполезно, но и преступно.

— Жаль, конечно, но другого выхода нет, — с горечью сказал Архип Севастьянович.

Решили оставить на зимовке десять человек. Позднее, когда выкопают землянку и станет Амур, подъедут остальные.

На «Камчатке» имелся легкий водолазный костюм. Он был оставлен зимовщикам. Волков отдал постельное белье своей команды, полушубки, продукты, инструменты — все, что могло им пригодиться.

Наступали сумерки. «Камчатка» была готова к отходу. Шкипер заспешил к костру, где неотлучно находилась Дарья.

— Бросай, мать, стряпню. Уходим!

Женщина медленно выпрямилась, посмотрела в глаза мужу:

— Ты, отец, иди, а я останусь.

Логин удивленно смотрел на женщину: лицо у нее в копоти, нос припух, губы запеклись.

— Да ты что, мать?

— Такое мое решение. Пропадут они тут без женского присмотру.

— Шкипер — на баржу! — кричал с мостика в рупор Архип Севастьянович.

— Ох, трудно тебе придется, мать.

— А ты сдай баржу — да к нам на помощь.

— Вот беда. Ну, я побег!

В это время Андрей Корнеевич говорил боцману, чтобы он быстро перебирался на «Камчатку».

— Твоя чего, капитан? — брови боцмана круто изогнулись. — Пароход умирай есть — Лю Чи крыса? — Он уже почти кричал. — Сам иди! — рассердился старый китаец и покинул рубку.

— А вам, Шнайдер, пора на учебу.

— Разрешите остаться, Андрей Корнеевич.

Капитан отвернулся и быстро вышел на мостик мертвого парохода.

«Камчатка» выбирала якорь и давала прощальные гудки. На берегу и на палубе «Невельского» стояли мрачные адмиральцы. Сколько горечи у каждого на душе! Надежды, чаяния, планы — все рушилось с этими надсадными гудками «Камчатки».

Судно с баржей на буксире уже выходило на фарватер, когда все увидели Ксендзицкого, который внезапно по-

явился откуда-то из кустарника. Хватая ртом воздух, он взбежал на мостик «Невельского».

— Остановите! — кричал он. — Вы ответите!

— Где его черт носил? — выругался Горчаков, направляясь в каюту.

— Остановитесь! — махая шляпой, орал коммерческий ревизор. — Это произвол!

— Послушайте, Ксендзицкий, как вам не стыдно, — с укором сказал ему Зелик Ефимович. — Вы отказались помочь товарищам, прятались, опоздали, а теперь?

Ксендзицкий кинулся к капитанской каюте.

— Я не понимаю, какой расчет быть плохим, когда можно быть хорошим, — обращаясь к оставшимся на зимовке адмиральцам, говорил Шнайдер. — Как говорится, из всякого положения есть всегда два выхода, причем один из них обязательно хороший. Итак, мы зазимовали. У нас нет жилья. Но у нас есть, как известно, два выхода. Во-первых, кто сказал, что нельзя выкопать землянку? — он оглядел своих товарищей.

— А пароход? — спросил Никита.

— Но, если не ошибаюсь, пароходу землянка не нужна?

— А ледоход?

Зелик развел руками:

— Два выхода! С одной стороны, легче всего, конечно, судно потерять, но, я думаю, такого безобразия мы не допустим? Пригласим сейчас капитана, и он все нам объяснит.

А Белокрылов, выпроводив Ксендзицкого, говорил Горчакову:

— Пароход можно по льду утащить в безопасное место. Или, скажем, возвести защитную дамбу. Право, лично я не считаю, что все надежды потеряны. — В голове старого водника рождались самые различные планы.

Шнайдер пригласил капитана и Белокрылова к команде. Как и утверждал Зелик Ефимович, для спасения «Адмирала» от весеннего ледохода существовало по меньшей мере два способа, или, как их назвал штурман, — «выхода». О них и рассказал экипажу Юрий Николаевич.

Потом выступил Заречный.

— Мы должны и можем спасти своего «Адмирала». Сильным все по плечу! Слабые, Андрей Корнеевич, пусть честно скажут. Задерживать не станем.

Адмиральцы не шелохнулись, хотя, честно говоря, едва ли среди них был хоть один человек, кого бы устраивала зимовка на пустынном берегу, около разбитого парохода.

Уже совсем стемнело. Боцман принес фонарь.

— Как с ужином, Дарьюшка? — спросил капитан.

— Готов, Андрей Корнеевич, готов, милости просим, — пригласила повариха.

— Ну, ужинать и спать, а утром начнем копать землянку, — сказал Горчаков.

Белокрылов считал, что работы по спасению парохода надо оставить до ледостава: следовательно, ждать, пока корпус вмерзнет в лед.

Однако Игнат Тимофеевич ждать не собирался. После ужина он с помощником отправился снимать последние два болта. Как только удастся их отнять, можно шпилем, вручную, через кнехты и блоки приподнять цилиндр, заделать пробоину и приступить к откачке воды, пока она еще окончательно не замерзла. Это куда легче, чем потом вырубить из машинного отделения лед.

С факелами и ключами механики обосновались у трапа в машинное отделение. Надевая водолазный костюм, они по очереди погружались в воду и радовались, как дети, если удавалось хоть немного свернуть гайки.

Утром адмиральцы узнали, что цилиндр наконец отсоединен от фундамента.

— Вот это специалисты! — слышались восторженные голоса.

За ночь люди продрогли. У Заречного припухло лицо, большие синие глаза утратили свой обычный блеск, но Георгий Иванович старался скрыть переутомление. Сбросив полушубок и китель, покрякивая, в одной тельняшке, по-фронтовому, он умывался на берегу.

Белокрылов появился на палубе в валенках, шубе, папахе. Молодежь шутя тузила друг друга. Дарья, казалось, с вечера не уходила от своих кастрюль и чайников, подвешенных над костром. Лю Чи хлопотал на палубе «Невельского» около шпиля. Игнат Тимофеевич — хмурый, нелюдимый, обросший рыжей щетиной — грелся у костра и надсадно кашлял.

А Ксендзицкий, протирая очки, смотрел на Амур. На инженере — теплая шапка, поверх кожаного пальто с поднятым воротником — короткий полушубок. «Как же до-

браться домой?» — думал он. Амур еще не скоро оденется в ледяную броню, а дорог и поселков близко нет. Но не погибать же Дмитрию Дмитриевичу здесь во цвете лет!

После завтрака Ксендзицкий снова явился к капитану и решительно заявил, что больше он не может задерживаться и уходит в ближайшее село, откуда будет пробираться к железной дороге.

— Двадцать восемь километров. Дойдете?

— У меня нет другого выхода.

— Как это вы опоздали на «Камчатку»?

— Странно. Откуда я мог знать? Я полагал, что обо мне проявят больше заботы.

Он отправился в село.

Однако на большой излучине Амура тропинка оторвалась от берега и завела инженера в лес. Повалил снег. Дмитрий Дмитриевич потерял тропку и заблудился. Крутился, вертелся и попал на чьи-то следы. «Куда-нибудь да выведут», — решил он. А они вскоре вывели его на прежнее место: это были его же собственные следы... Наступал вечер, а он не мог найти не только поселения, но и реки. На пути высились кедры, из-под рыхлого снега выглядывали красные гроздья какого-то растения, Ксендзицкий не знал, что это лимонник и что им можно утолить голод. Неизвестно, чем закончился бы этот поход, не заинтересуйся его «заячьими петлями» пограничники. Его отвезли на полустанок; оттуда поездом он наконец добрался до Хабаровска.

В тот же день Ксендзицкий подал заявление с просьбой немедленно освободить его от занимаемой должности. Мотивы? Назначение ревизором, тогда как он ехал на должность заместителя начальника, бесконечные командировки, слабое здоровье.

— В конце концов по закону я имею право предупредить за две недели об уходе и по истечении срока считать себя освобожденным?!

— Безусловно, — ответили ему в отделе кадров. — Но после окончания института вы обязаны — тоже по закону — отработать не менее двух лет по назначению. Впрочем, давайте заявление.

С заявлением ознакомились Добрынин и Волков.

— Ваше мнение? — спросил Алексей Иванович начальника коммерческого отдела.

— Зря деньги платим, только место занимает, — ответил тот.

— Выдайте ему расчет, — заявил Волков, — и чтобы он больше здесь не болтался.

— Не торопимся? — вскинул голову Добрынин.

— Еще воспитывать? — задал встречный вопрос начальник политотдела. — До таких, Алексей Иванович, слова не доходят. Вот когда узнает, почем фунт лиха, — тогда начнет кое-что понимать.

Получив зарплату и отпускные, Дмитрий Дмитриевич задал в ресторане пир. Сколько сразу нашлось друзей! И девицы такие милые. Три дня провел инженер в пьяном угаре. Потом обшарил карманы — пусто. А перевода из дому нет и нет. Пришлось пойти к Аркадию Борисовичу. Тот развел руками:

— Весьма сожалею, но помочь не могу: семья!

Ксендзицкий кинулся к Жене: надо же хотя бы позавтракать!

В этот день, закончив работу в научной библиотеке, Самоцветова пришла домой и обнаружила в ящике для корреспонденции не только газеты, но и письмо. Взглянув на конверт, она узнала почерк Михаила. Сердце сжалось: «Нашел?» Торопливо вскрыла конверт, прочла: «Милая Женя...» — и в глазах у нее зарябило. «Нашел!»

Михаил упрекал в молчании, писал, что как только получит отпуск, немедленно примчится за ней на Дальний Восток. Щеки Жени пылали. Было приятно, что сероглазый майор помнит ее, стремится к ней, любит, разыскал!

Может быть поэтому Женя охотно одолжила Ксендзицкому деньги.

В полдень инженер получил письмо. Ксендзицкий торопливо разорвал конверт. Оказывается, у папы были неприятности. Он ушел с работы и выехал с мамой на Крайний Север, подписав договор на три года. Дмитрий Дмитриевич едва не заплакал, когда прочитал, что в их московской квартире сейчас живут чужие люди. Но и это еще было не все. В заключение отец писал, что, к сожалению, помогать сыну пока не сможет...

— Невероятно! — бледными губами прошептал Ксендзицкий и опустился на кровать.

Ехать было некуда, ехать было незачем и — самое ужасное — ехать было не на что...

ГЛАВА 21

Амур давно сковали льды, но хлопот у начальника пароходства не убавилось. Судоремонтные заводы, порты и пристани с их хозяйством, отделы и службы управления — все требовало времени, внимания, сил. Ежедневно Алексей Иванович был нужен десяткам людей. А телеграммы, распоряжения, инструкции — сколько их поступало из министерства с каждой почтой! И так изо дня в день.

Теперь еще придется объясняться с Окунем. Вчера заведующий отделом спросил при встрече:

— Ну, академики, наломали дров?

Добрынин встал из-за стола, подошел к окну.

На душе было мрачно. «Только изучил бассейн, разобрался в людях, многое понял, и вот...» Алексей Иванович представил себя на бюро, на заседании коллегии министерства. Министр говорит: «Жаль. Я полагал, что из тебя выйдет толковый хозяйственник». Сейчас Добрынин не думал о том, что итоги навигации все же немного лучше, чем были в прошлом году. Объяснить бы все Афанасию Прохоровичу, но он недоволен, хмурится. А чем, собственно, он должен быть доволен? Убытками? Правильно, гнать нужно таких руководителей. Где плановые доходы? Если все так будут работать — разорим государство.

Вспыхивали зеленые глазки телефонного пульта, щелкали автоматы, раздавались звонки. Добрынин к столу не подходил. Он бродил по кабинету, выкуривал одну папиросу за другой. Вдруг показалось, что звонит Строева. Подошел ближе, но глазок уже погас. Повернул рычажок, снял трубку.

— Вы мне звонили? Нет? Значит, ошибся. Извините.

«Почему она не разводится с мужем? До каких пор это будет продолжаться!»

Ему захотелось немедленно пройти к ней. Он энергично направился к двери, но остановился, вернулся к телефону, снял трубку:

— Вы одна? Очень хорошо! Скажите, Зинаида Сергеевна, вы намерены когда-нибудь внести ясность в свои отношения с Горчаковым? Почему интересует? Потому что... потому что я люблю вас и делаю вам официальное предложение! Почему вы молчите?

Строева сказала:

— Пришла дочь. Отвечу позднее.

Она положила трубку.

Алексей Иванович ощутил, что у него пылают щеки. «Отвечу позднее». «Когда?» — И вдруг Добрынин почувствовал, что ему невероятно жарко. «Что же я сделал? Как допустил это? Что за нелепый способ — объясняться по телефону?» Он опустился в кресло, расстегнул крючок на воротнике и снова потянулся за папиросой.

...Неважно чувствовал себя начальник бассейна. Министр им недоволен, а тут еще эта авария! Едва Окунь возвратился с курорта, как Тихий-Тищенко примчался к нему домой, чтобы ориентировать его в обстановке, убедить, что в аварии «Невельского» виноваты эксплуатационники. Видимо, это ему удалось, ибо Окунь занял по отношению к начальнику пароходства непримиримую позицию.

— А капитана ты под суд отдай, — сказал он Добрынину. — Суд разберется, кто прав, кто виноват.

— Мне кажется...

— Ну, что тебе кажется, это не самое главное. Мнение крайкома я высказал.

— Крайкома или твое личное?

Окунь приподнял очки, слегка повернул голову.

— Наломал дров, не послушал старших, теперь выкручиваешься? План выполнил... Ты же знал, что пароходы не успеют вернуться в затоны до ледостава. А что теперь?

Когда Добрынин ушел, заведующий вскочил из-за стола:

— Зарвался, доумничал. Опытные кадры разогнал, флотом командует любовница!

Начальник бассейна молчал.

— Неожиданное похолодание... Два миллиона погубил! Посмотрим, как он на бюро запоет! Что?

— Нет, я ничего, — невнятно пролепетал Тихий-Тищенко.

— А своим — кто там, фонарщик, лоцмейстер — выговоры объяви. Пусть ворон не ловят. Работать надо! Да и с тебя спросим.

Окунь еще раз-другой прошелся по кабинету и устало опустился на стул.

— И вот так целый день, — развел он руками. — Сейчас железнодорожники явятся. Потом авиаторы... — Помолчал, спросил: — Новый год где встречать будешь?

— Три недели впереди. Решим.

«Ох, подведет меня Аркадий, чует мое сердце, — вздохнул Окунь, оставшись один. — И чего он лезет на рожон? Потушил огни на реке, а мне теперь расхлебывать... — Но тут Окунь вспомнил, что ведь он сам поддержал в этом вопросе начальника бассейна, звонил Добрынину... Нехорошо получилось. Нужно тряхнуть его на бюро. Навигацию провалил, разбил семью, с начальником бассейна не сработался, разогнал кадры...»

...Поужинал Добрынин в столовой и сразу пошел домой. Хотелось работать и работать. Он извлек из стола папку с начатой диссертацией. Тема — «Взаимоувязанная работа порта и флота». Выбирая эту тему, Алексей Иванович понимал, что одна из главных причин отставания речного транспорта кроется в плохой взаимоувязанности флота с портами. Как наглядно подтвердилось это на Амуре! Какое огромное количество фактов, мыслей, проектов! Метод толкания, переформировочные рейды, эстафета, планирование перевозок не только по тяговым возможностям флота, но по пропускным способностям портов и пристаней... Сколько нового содержания можно влить в эту старую тему!

Позвонил Вяткин, спросил, чем Алексей Иванович занимается.

— Засел за диссертацию. Тема? Взаимоувязанная работа порта и флота.

— Очень нужная! А на каток ходишь?

— Куда? — не понял Добрынин.

— Кататься на коньках... Напрасно. Великолепный вид спорта! Когда успеваю? Вот видишь — ухитряюсь. Мы вместе с внучкой. Проект спасения «Невельского» готов? Позвони, когда будете рассматривать. Ну, будь здоров. Поговорить? Заходи в любое время.

Положив трубку, широко улыбаясь, Алексей Иванович вслух произнес:

— Заходи в любое время...

Он снова сел за диссертацию, задумался, но вскоре поймал себя на том, что думает вовсе не о транспорте, а о Зинаиде...

Около десяти часов вечера Добрынин позвонил Зинаиде Сергеевне. Ему никто не ответил. Строева умышленно не подошла к аппарату. С самого полудня, после памятного звонка Добрынина Зинаида Сергеевна уже не могла работать. Как вести себя? Вспомнились речной техникум,

годы, прожитые с Андреем, его родные, мама. Бедная мама! Она и не догадывается ни о чем. А дочь? Танюшка узнала в школе, что папин пароход «хотел утонуть, а папа вытащил его на берег». Неизвестно еще, чем все это кончится. Путейцы упорно не признают своей вины. Ведется следствие. Горчакова могут отдать под суд.

На днях Андрей прислал с Заречным небольшую посылку для дочери. В ней оказались сладости и пять тысяч рублей — его двухмесячная зарплата. Зинаида купила дочери шубку, новые валенки, костюмчик, несколько платьиц, ботинки, кучу игрушек и сказала, что все это прислал отец. Сколько было радости! Мать посоветовала Танюшке написать отцу письмо, поблагодарить за подарки, рассказать о своих успехах.

— А как? — спросила первоклассница. — Я не умею.

Письмо составила мама, а Таня переписала его преогромными буквами.

Андрей не ответил, как не ответил и на письмо Зинаиды, посланное сразу, как только по льду пошли машины. Она писала: «Я хочу, чтобы ты знал, Андрей, что в эту трудную для тебя минуту я всеми мыслями, всем сердцем с тобой». Она ни в чем его не обвиняла, ни в чем не оправдывалась, — она старалась ободрить его, укрепить его душевные силы, помочь перенести невзгоды. Никогда Зинаида серьезно не думала о том, чтобы расстаться с Андреем и выйти замуж за Добрынина. А Андрей молчит. Говорят, после аварии он ни разу не приезжал в город. «Без парохода не явлюсь!», — заявил он по радио Добрынину, когда тот вызвал его в управление. Как это понимать? А если «Невельской» погибнет при ледоходе?

Пришла Стрелкова.

— Ну, что у тебя новенького?

— Тревожусь за Андрея. Ведь если в аварии виноват он... ты понимаешь, чем это кончится?

— Десять лет минимум, — спокойно ответила Клавдия. — Ну, а еще что? Алексея Ивановича сегодня видела?

— Он звонил, — сказала Зинаида, прикрывая ресницами большие серые глаза. — Сделал предложение.

— Наконец-то. По телефону? — оживилась Стрелкова. — Вот трусишка! Ты ни разу не была у него?

— Этого еще не хватало!

— Квартира чудная! Ковры, пианино...

— Из тебя может получиться неплохая сваха.

Клавушка-Клава подошла к подруге, обняла ее за плечи, заглянула в лицо:

— Дурочка... О твоем же счастье забочусь. Такой человек!

Зинаида Сергеевна поднялась с дивана:

— А как ты понимаешь счастье? Хорошая квартира, солидный муж, персональная машина, домработница... Так?

— Знаешь, Зиночка, это не помешает.

— Допустим. А дальше?

— Дальше? — Клавдия тоже поднялась на ноги. — Дети, конечно, театр, прогулки, знакомые.

— Наряды, — подсказала Зинаида.

— Вполне естественно.

— Курорты?

— Неплохо, — согласилась подруга.

— И это все? Нет, мне такого счастья не нужно! Неужели тебя не увлекает работа?

— Зиночка, но это само собою разумеется.

— Нет, Клавушка, это в жизни главное. Ты знаешь, когда трудишься от всего сердца, ищешь какое-то новое решение задачи, борешься за свою мечту, — живется не всегда легко, но радостно. Ты посмотри на жену Аркадия Борисовича. Несчастная женщина! Муж, кухня, книги — и все. Разве это жизнь? Нет, я так не могу. С Андреем мне, конечно, трудно, но у него есть то, чем я очень дорожу: он тоже любит работу, смелый, энергичный.

— А Алексей Иванович? Неужели он хуже твоего Горчакова?

— Не знаю, Клавушка, не знаю. Ничего не знаю, кроме того, что мне очень тяжело, — она прикусила губу.

— Вот видишь? А ты возьми и согласись. Что ты, железная, что ли?

— Поступлю в институт. На заочное отделение. Осенью.

— Трудно будет.

— Вот и хорошо. В труде лучше, меньше думаешь о житейской суете.

— А ты не думай, плюнь на своего Андрея — и все.

Лицо Строевой вытянулось, глаза широко раскрылись.

— Что ты говоришь? — вскричала она. — Сейчас, когда он в беде? Нет, это низко и подло!

Клава поспешила уйти.

Белокрылов работал над проектом спасения «Невельского». Он трижды выезжал к месту аварии, изучил конфигурацию берегов, места опасных прижимных течений, промерил глубины, спросил местных жителей о характере ледохода, ознакомился с материалами путейцев. Долго советовался он с Корнеем Евдокимовичем, капитаном и механиком потерпевшего судна, с главным инженером пароходства, с Добрыниным. В конце концов Белокрылов пришел к выводу: надо ремонтировать «Адмирал» на месте, в ледяном доке. Для защиты судна от весеннего ледохода соорудить дамбу.

Прийти к какому-то выводу, сделать чертежи, расчеты, составить смету — дело, в конечном счете, не столь уж сложное. А вот попробуйте гарантировать успех! Когда проектируется здание, ясна нагрузка на фундамент, на стены, перекрытия. А кто определит силу, с какой обрушится на возведенное сооружение ледоход могучей реки? Конечно, можно соорудить железобетонную дамбу с многократным запасом прочности, но для этого, во-первых, нужно не четыре месяца, а гораздо больше. Во-вторых, будет ли игра стоить свеч?

Белокрылов решил соорудить дамбу ледяную. В три ряда, в шахматном порядке нужно вогнать в дно реки восемьдесят свай, связать их между собой бревнами, завалить колодцы камнем, а потом постепенно наморозить до необходимой высоты мощную ледяную надстройку. Перед дамбой, выходящей одним крылом на берег, соорудить три ледореза.

А пароход? Путем выморозки создать вокруг него ледяную «чашу», домкратами приподнять «Адмирал», отремонтировать подводную часть и снова опустить на дно ледяного дока. Таким способом пользуются и в акваториях судоремонтных заводов. На первый взгляд — просто, на деле — далеко не так. Свыше двух месяцев надо осторожно, слоями выкалывать вокруг судна лед. Поторопишься, ударишь неосторожно ломом — в «чашу» хлынет вода, затопит ее. Пропал труд многих людей, упущено дорогое время.

Нелегко и пароход поднять на клетки: не лодка! А сколько непредвиденного таит в себе электросварка! Из-за усадочных напряжений в швах корпус судна может подвергнуться деформации. Следует помнить о планово-предупредительном ремонте «Невельского». Стоимость его

до аварии исчислялась в сорок восемь тысяч рублей. Теперь смета выросла до ста тридцати тысяч.

Следует приступать к ремонту механизмов, а в машинном отделении не менее восьмидесяти тонн льда. Надо вымораживать не только «чашу» вокруг судна, но и траншеи для забивки свай, потом кострами отогревать грунт, вкапывать, вколачивать в землю бревна, затем предстоит поднять судно, залатать днище, заготовить лес, бутовый камень, ивняк, подвезти из Хабаровска различное оборудование, материалы, убрать из-под днища судна камни, чтобы не переломить на них корпус при падении уровня воды, соорудить защитную дамбу — и все это руками адмиральцев! А начнется ледоход — и в каких-нибудь полчаса вся работа может пойти насмарку, если льды разрушат дамбу или переползут через преграду и набросятся на беззащитное судно...

Проект в принципе был одобрен. Белокрылову поручалось обеспечить общее руководство по весеннему отстою «Адмирала».

Как-то к концу рабочего дня в приемную начальника пароходства пришел Ксендзицкий.

Секретарь доложила Добрынину об инженере.

— Пусть войдет, — сказал он.

Увидев находившегося тут же начальника политотдела, молодой человек смутился.

— Слушаю вас, — произнес Добрынин, когда бывший коммерческий ревизор поздоровался.

— Дело в том, что... что я передумал и решил остаться в пароходстве. Знаете, случается: переходный период...

Волков холодно спросил:

— От бездумной юности к обывательской зрелости? Не так ли?

Ксендзицкий смолчал.

— Вот так, Алексей Иванович, проползет человек свой путь по земле и не оставит по себе и следа. А ведь вы, — Константин Архипович взглянул на посетителя, — наверное, мечтаете о счастье? О большом, красивом, как говорят поэты?

— Но кто же об этом не мечтает? — Ксендзицкий попытался улыбнуться.

— О счастье без труда и борьбы?

— Но я пришел, чтобы поступить на службу.

— Мы уже видели вашу службу. Спасибо!

Начальник пароходства добавил:

— Ваше место занято, — и развел руками.

— Место, Алексей Иванович, можно найти, но стоит ли? Насколько я понял, человек ищет легкой жизни без обязанностей и ответственности за свои поступки. Я не ошибаюсь?

Ксендзицкий сделал гримасу удивления:

— Зачем вы все это говорите?

— Чтобы вы наконец поняли: в нашем обществе нет удачи тому, кто стремится к беззаботной, мотыльковой жизни. Ведь вас пятнадцать лет учила страна! Кто ваши родители?

— Это не имеет значения.

— Сомневаюсь. Очень сомневаюсь! У вас чрезмерно развиты потребительские привычки. Вот так проболтаетесь в счастливой стране, а счастья не обретете.

Дмитрий Дмитриевич наконец возмутился.

— Не слишком ли много вы на себя берете? К тому же я пришел не к вам, а к начальнику пароходства!

Добрынин пожал плечами:

— Я вам уже ответил.

От начальника пароходства Ксендзицкий зашел к путейцам.

— Может быть у вас, Аркадий Борисович, есть что-нибудь для меня?

— К сожалению, ничего подходящего.

Дмитрий Дмитриевич продал уже два костюма, кожаное пальто. Но что же делать дальше?

Тихий-Тищенко посоветовал обратиться в крайком партии:

— Возмутительно! Тебя направила Москва. Ну, погорячился по молодости, с кем не случалось! Расскажи секретарю крайкома, что приходил к Добрынину, что он с Волковым, по сути дела, выбросили тебя на улицу.

— Действительно!

Ксендзицкий отправился в крайком партии.

Через секретаря Вяткин пообещал принять инженера утром следующего дня.

Весь вечер Дмитрий Дмитриевич готовился произнести в крайкоме гневную речь. «Издеваются над молодым специалистом!» Уж очень ему не хотелось лететь на край

земли, где предлагали, правда, вполне приличные условия. Как все-таки несправедливо устроена жизнь!

Утром Афанасий Прохорович терпеливо выслушал инженера и тут же позвонил Волкову:

— Ты что же обижаешь молодых специалистов? Да, жалуется.

Начальник политотдела что-то очень долго, как показалось Дмитрию Дмитриевичу, объяснял Вяткину.

— Понятно. Ясно. Да, да, — отвечал Вяткин. — К сожалению. Ну, хорошо. На аварию съездить не собираешься? Так давай вместе. Когда? Договорились!

Он положил трубку, закурил, перевел взгляд на Ксендзицкого:

— А ведь мы с вами знакомы. Помните, ехали из Москвы в одном вагоне?

Инженер не нашелся, что ответить. Он чувствовал, что краснеет.

— Кто ваши родители? Уехали на Север? С ними что-нибудь случилось?

Ксендзицкий рассказал все, что знал.

— Значит, вам ехать некуда?

Дмитрий Дмитриевич молчал.

— Вас напрасно баловали. Но, мне кажется, вам еще не поздно начать трудовую жизнь. Посмотрите на Добрынина: начальник огромного пароходства, а вырос без родителей, слесарем был на заводе. Пришел человек в жизнь не с черного хода. Если вы не хотите оказаться вне общества, намерены быть полезным родине, вам необходимо решительно изменить образ своих мыслей. Не ищите легкой жизни, она ничего вам не даст, не закалит, ничему не научит, ни к чему не подготовит: первое испытание — и сразу крах.

Афанасий Прохорович прохаживался от окна к столу.

— Молодость, — задумчиво произнес он. — Пора дерзаний, поисков, романтических стремлений, нехоженых путей, больших свершений... Если б вы могли понять, сколько радостей в созидании! А вы, на что вы растрачиваете свою молодость? Мне рассказывал Константин Архипович... — и Вяткин развел руками.

Ксендзицкий по-прежнему молчал.

— Вы, кажется, пришли ко мне, чтобы я помог вам?

— Да, Афанасий Прохорович, — оживился Дмитрий Дмитриевич. — У меня такое ужасное положение!

Секретарь крайкома позвонил Добрынину и попросил подумать об устройстве молодого специалиста на работу.

— Он обещает исправиться, — сказал в заключение Вяткин.

Итак, с жалобой на Волкова ничего не получилось. В пароходство надо возвращаться не победителем, а понурив голову... Жизнь сыграла с Дмитрием Дмитриевичем плохую шутку. Хотелось с кем-нибудь поговорить. Он пошел к Жене.

Самоцветова просматривала лекцию, которую ей предстояло прочесть в управлении Амурского пароходства.

— Я к вам, Женя, за советом. Здравствуйте.

— У вас очень нездоровый вид. Устроились?

— Да, — и он рассказал о своем визите к Вяткину.

Выслушав его, Самоцветова сказала:

— А я бы предпочла куда-нибудь уехать. Новые люди, новая обстановка. Хотите чаю? А я сегодня закончила новую лекцию. Прочесть вам немного?

Слушать о судоходстве Дмитрий Дмитриевич не захотел и в очень подавленном состоянии вскоре ушел домой.

Проводив гостя, Самоцветова задумалась. Вспомнились родные, Ростов, сероглазый майор, свой поспешный отъезд. Сколько месяцев уже прошло, а в памяти до сих пор свежи тяжкие переживания тех дней. «Мама, мама, если бы ты была вместе со мной здесь! Как это было бы славно!»

Женя уже успела полюбить Дальний Восток. Огромные просторы с неповторимой историей, новые города, могучие реки... А Хабаровск! «Как интересно жить, узнавать новое, а потом об узнанном рассказывать другим!»

Читая лекции, Самоцветова уже побывала на многих заводах, у лесников, в Комсомольске, Биробиджане и Николаевске, на колхозных полях и у рыбаков, в гарнизонных городках, знакомилась со сборщиками женьшеня, видела ход кеты, когда «кипит» вода... А сколько предстоит увидеть в будущем! Охотское побережье, Сахалин, Уссури, Шилка, Приморье, Чукотка! Везде, везде хочется побывать Жене.

Просматривая лекцию, Женя представила себя в лекционном зале речников, среди капитанов, механиков, матросов. Вспомнился Горчаков... Образ «дальневосточного медведя», который так привлек в поезде, давно перестал ее волновать. Она даже не пыталась ответить на вопрос —

почему? Но, вспомнив о нем, Женя подумала о том, что в управлении пароходства может снова встретиться с его женой. Щеки Самоцветовой запылали, она вновь пережила случившееся в театре.

И Женя решила, пока еще есть время, написать Строевой. Через Ксендзицкого Самоцветова знала, где работает жена Горчакова.

«Хочу верить: вы поймете меня и забудете это досадное недоразумение», — так заканчивалось ее письмо.

Лекция Самоцветовой была назначена на пятницу. Женя пришла в управление пароходства в прекрасном настроении. Ее представили генералу, познакомили с Белокриловым, Одинцом, начальником политотдела и его отцом, с Зинаидой Сергеевной.

— Строева, — произнесла жена Андрея Корнеевича, не подав вида, что она уже встречалась с лектором.

Лекцией были довольны и слушатели и сама Евгения Павловна. Радостная, взволнованная, она спешила домой.

На Комсомольской площади, у автобусной остановки, ее окликнул Дмитрий Дмитриевич. В руке у него — футляр со скрипкой, около ног — чемодан и портплед с постелью.

— Еду. Решил. Обещают квартиру, условия вполне приличные. Всего шестьдесят километров! Оборский леспромхоз.

Самоцветова искренне пожелала ему успеха: кажется, Ксендзицкий наконец взялся за ум.

Подошел запорошенный снегом огромный желто-красный автобус. Дмитрий Дмитриевич торопливо сунул Самоцветовой руку и в числе первых вошел в машину...

...В субботу у Зинаиды Сергеевны — первый день отпуска и день рождения. От Клавдии Петровны Добрынин знал об этом семейном празднике Строевой. Он ждал приглашения, но его не последовало. Что ж, говорят, на именины не приглашают: приходят те, кто помнит о дне рождения. Этим обычаем и решил воспользоваться Добрынин. Он послал шофера достать букет цветов — задача нелегкая для этого времени года. Шофер отличился — букет он привез поистине великолепный. И Добрынин, облачаясь в парадный мундир, невольно любовался цветами.

В это время Константин Архипович Волков у себя дома

беседовал с Одинцом. Прочитав копию докладной записки на имя начальника пароходства, Волков сказал:

— Я помню наш разговор в Благовещенске. Знакомился с работой районного управления.

Ефим Петрович напряженно вглядывался в лицо начальника политотдела. Оба они сидели на диване в гостиной: Константин Архипович — откинувшись на спинку, Одинец — на краешке, вполоборота к собеседнику.

— Ты отдаешь себе отчет, какую предлагаешь ломку? — Волкову давно нравился Одинец. Неспокойный, деловой, с творческой жилкой. — Очень смелое предложение! И мне нравится твоя смелость.

— И только?

— Но ведь большего в твоем проекте нет. Учти: одному тебе не под силу разработать всю документацию, подготовить расчеты, да и доводы твои далеко не все убедительны.

— Значит, не поддержите?

— В целом к твоей докладной я отношусь одобрительно. Молодец. Будоражь тех, кто дремлет, заставляй их думать. Но и сам анализируй явления глубже, иначе можешь прослыть надоедливым автором постановочных вопросов.

— Спасибо! — Одинец вскочил с дивана.

— Не кипятись, Ефим Петрович. Ну, плечи ты наметил, а ремонтные базы, места отдыха команд, пункты снабжения, грузопотоки, расчеты тоннажа и тяги? Приказом по пароходству такого дела не решить.

— Не согласен, Константин Архипович. Взять хотя бы расчеты тяги. Вспомните рейс Горчакова. Разве он не доказал, что мы неразумно расходуем тягу? Никто мне не докажет, что за Хинганом не надо организовывать постоянный переформировочный рейд, то есть конец одного плеча! А если человек твердо убежден, что прав, и может доказать свою правоту, он должен действовать так, как ему подсказывают разум и совесть — так учит партия? — Ефим Петрович налил из графина воды, залпом опустошил стакан.

Константин Архипович спокойно слушал, приглаживая рукой густые волосы.

— Совершенно верно, но надо суметь доказать свою правоту.

— Докажу!

— Буду очень рад. Повторяю, твое предложение мне

нравится. Буду думать сам, поручу сделать некоторые расчеты, соберу материал, проанализирую его. Недели через две — три вернемся снова к этому вопросу. И ты продумай все основательнее, чтобы нам с тобой не оказаться прожектерами. Договорились? Вот и хорошо.

...Первыми к имениннице пришли Волковы и Одинец. Ефим Петрович смущенно топтался перед дверью, Константин Архипович нажимал на кнопку звонка и заранее улыбался, Клавдия осматривала внушительный сверток, перевязанный зеленой тесьмой. Дед на вытянутых руках держал внучку, как бы собираясь немедленно преподнести ее имениннице.

Дверь открыла Танюшка — нарядная, сияющая, с огромным бантом.

— Мама! Тетя Клава пришла с дядей Костей. И дедушка. И еще какой-то дядя.

Как молодо и свежо выглядела Строева! Зеленое платье плотно облегало ее фигуру.

Еще не стихла волна поздравлений, пришла Светлана в сопровождении лоцмейстера Подосенова, Корнея Евдокимовича и Никиты.

— Здравствуйте, папа, — Зинаида обняла и поцеловала Корнея Евдокимовича.

— Ну, поздравляю тебя, дочка! И мать наказала поцеловать за нее. Вот так. Тут она тебе гостинцев послала. Светлана, разберись! Здорово, Архип!

Старики похлопали друг друга по плечу, крепко пожали руки.

— Ну и бородища у тебя, Корней. Не тяжело таскать такую?

Гостиная едва вмещала собравшихся. В квартире стоял такой гомон, что невозможно было понять, кто и о чем говорит.

Хозяйка пригласила к столу. Гости расселись, налили бокалы, пожелали Зинаиде здоровья, долгих лет, счастья, чокнулись. В это мгновение вновь раздался звонок. Хозяйка секунду колебалась, потом вскинула голову, взмахнула рукой и озорно сказала:

— Выпьем!

Архип Севастьянович опрокинул стопку раньше других, крякнул, вытер седые отвисшие усы:

— Позвони, позвони. Не надо из графика выбиваться! — и посмотрел на часы.

— Сиди, Зина, я открою, — вскочила с места Клавдия.

На пороге с букетом цветов в хрустальной вазе стоял Добрынин. Увидев Стрелкову, он не сразу нашелся, что сказать. Клавдия Петровна приложила палец к губам:

— Молчите!

— Кто там, Клава? — послышался голос Зинаиды Сергеевны.

Вместо ответа Клавдия ввела Добрынина в гостиную.

— Принимайте деда-мороза!

Фуражка и черная шинель Добрынина были сплошь усыпаны снегом. Причудливый слой пушистого голубоватого снега лежал и на цветах, освещенных изнутри лампочкой карманного фонарика. Букет искрился, словно осыпанный драгоценностями.

— Здравствуйте, товарищи! — произнес Алексей Иванович, не спуская глаз с зардевшейся хозяйки. — Поздравляю вас, Зинаида Сергеевна, с днем рождения!

— Благодарю, Алексей Иванович. Это очень мило с вашей стороны. Я никак не ожидала... — Кто знает, сколько бы еще Строева произнесла ненужных слов, пытаясь скрыть свое смущение, если бы не вмешался Архип Севастьянович:

— Да ты прикажи ему поначалу раздеться. С него же течет, как с зонта. Лужа скоро будет.

— Идемте, идемте раздеваться. — Клавдия потащила Добрынина в прихожую.

Следом за ними пошел Никита.

— А ты куда? — спросила хозяйка.

— Я на минутку, Клава, дай мне ключ. Мне надо товарищу позвонить.

— Э, нет, нет! — Стрелкова задержалась в дверях. — Твой товарищ с косичками подождет. Вначале расскажи, как вы там живете на зимовье.

— Никита, сядь! — распорядился глава семьи.

Снег на цветах быстро таял, на лепестках дрожали радужные капельки воды.

— Ну и мастер ты, Алексей Иванович, на выдумки, — похвалил Волков-отец, когда Добрынин уселся за стол.

Начальник пароходства только сейчас увидел Корнея Евдокимовича, Подосенова, Никиту, сестру Андрея Корнеевича. Вспомнились недружелюбные взгляды Светланы,

когда он со Строевой приезжал на катере за Танюшкой. Настроение у Алексея Ивановича сразу испортилось. Он почувствовал, что никому здесь не нужен. Его заставили выпить за хозяйку, потом еще и еще, но хмель не действовал, а настроение продолжало ухудшаться.

Строева старалась не смотреть в сторону, где сидел Добрынин. Ей-то понятно, зачем он пришел и чего ждет.

— Ну, Никита, расскажи, как вы там живете, — потребовал Архип Севастьянович.

Сын послушно отозвался:

— Землянку построили. Выкалываем лед из машины, к выморозке приступили.

— Хорошо. Как Андрей? — продолжал допрос отец.

— Ничего. Работает.

— Так. А сюда почему глаза не показывает? Стыдно?

— Не знаю. Говорит: без парохода не явлюсь.

— Характерный человек.

— Мне бы, отец, с дороги переодеться, — с мольбой во взгляде тихо сказал Никита. — Скажи Клавдии: пусть даст ключ.

— А и то верно. Клавдия, выдай ключ.

Константин Архипович заметил, что приход Добрынина смутил не только Зинаиду. Многие почувствовали себя связанными, а Корней Евдокимович не спускал глаз с невестки.

Вскоре исчез Одинец. Зинаида повела укладывать дочь. Танюшка капризничала, требовала, чтобы мать ей сказала, почему Никита приехал, а папка нет.

— Я с Никитой поеду к папке. Вот!

— Это, доча, мы решим утром. А сейчас Никита тоже лег спать.

Гости постепенно хмелели. Архип Севастьянович расспрашивал бакенщика о его житье-бытье, Корней Евдокимович рассказывал старому капитану о своем хозяйстве, сетовал, что «заработали» от начальника бассейна выговор.

— Обоим всыпал — и Александру, и мне. Оно, конечно, раз авария приключилась, стало быть, мы виноватые. Такая наша служба, — вздохнул Горчаков. — А только откуда взялся топляк — ума не приложу. Накануне весь фарватер тралили. Видать, другие, что выше нас по Амуру, ворон ловили. Ладно еще под суд не отдал. Река — это, брат, сложная штука...

Константин Архипович что-то говорил Добрынину, но

его слова едва доходили до сознания Алексея Ивановича. Он думал о том, как улучить удобную минуту, чтобы наедине поговорить с Зинаидой.

А Клавдия потихоньку донимала Зинаиду:

— Это просто невежливо, Зинка. Ты совсем не обращаешь на него внимания. Алексей Иванович! Мы хотим с вами выпить!

Корней Евдокимович покосился в сторону женщин. Борода зажата в кулак. Зинаида видела: не нравится свекру, что у нее в гостях начальник пароходства. Словно за тем, чтобы проведать дочь, она отлучилась в спальню, взяла лист почтовой бумаги, торопливо что-то написала и по пути в гостиную сунула записку в карман шинели Добрынина. Ей хотелось, чтобы он поскорее ушел. Алексей Иванович как бы почувствовал это, взглянул на часы, решительно встал.

— Мне пора. Благодарю. Разрешите откланяться.

— Алексей Иванович! — Клавдия была явно огорчена.

Строева медленно поднялась из-за стола.

— Извините. У нас все так просто. По-семейному.

— Что вы, Зинаида Сергеевна! Я очень доволен, — он слегка поклонился и вышел в прихожую.

Его проводили Клавдия, Зинаида и Светлана.

Через минуту хлопнула входная дверь, и женщины вернулись в гостиную.

— Ну, дочка, разбегаются гости? Не горюй — мы и ночевать у тебя останемся, — басил Корней Евдокимович. — Налей-ка всем по чарочке. И дозволь мне слово сказать. Советовались мы с матерью и решили: блажь вам с Андреем из головы надо выбросить и жить в мире да согласии. Это же срам один! Не так ли, Архип?

— Правильно, — одновременно ответили отец и сын.

— По этому случаю и выпьем. А что касается Андрея — так я с него по-отцовски...

— Папа, не надо! — остановила его Светлана.

— ...сниму штаны и выдеру! Пусть только малость очухается от аварии. И ты, Зинка, гордость свою брось, поняла?

— Поняла, — покорно ответила она и заплакала.

— Вот так. Выпьем!

Крякнув, старый бакенщик потребовал:

— А теперь, дочка, заведи-ка «барыню». — И медведем выбрался из-за стола. Был он в начищенных сапогах,

в плисовых брюках, в рубашке, давным-давно вышитой Ольгой Ильиничной.

На столе зазвенела посуда.

— Эх, эх! Барыня ты моя, сударыня ты моя!

В одной рубашонке заглянула в приоткрытую дверь Танюшка и застыла, словно зачарованная, с улыбкой на сонном лице.

— Эх, эх! Во!

Архип Севастьянович ухмылялся в отвисшие, как кисти, седые усы:

— Ты, Зинаида, постерегись: неровен час, Корней провалит пол — зашибемся насмерть...

— Налей, хозяйка, чарку молодцу! — требовал раскрасневшийся свекор. — А ну, кто смелый, выходи на круг!

Танюшка прыснула и скрылась в спальне. Ай да дед!

Саша Подосенов шевельнул меха баяна, и все подхватили любимую дальневосточную:

Шуми, Амур, шуми, наш батюшка,
Таежная река.
Гуляй, гуляй, гуляй, безбрежная,
Родная на века!

Широкая, торжественная песня прорывалась сквозь стены и окна, останавливала на улице прохожих.

Кати волну, волну могучую,
Неси в морскую ширь.
На всю тайгу, тайгу дремучую,
Звени, наш богатырь!

Поднимаясь к площади, на дороге надрывно рычали моторы грузовиков и автобусов, но и они не могли заглушить могучей песни.

Хранят, Амур, тебя отважные
И верные сыны.
Мила им травка, травка каждая,
Заветной стороны.

Добрынин, сгорбившись, в сотый раз перечитывал обнаруженную в кармане записку. Строева писала:

«Алексей Иванович, не сердитесь на меня. Вы хороший, добрый, вы все поймете. Это невозможно. Не надо вспоминать об этом. Никогда! Я очень вас прошу.

Зинаида».

Было далеко за полночь. Давно ушли Волков и Подосенов, спали в гостиной Светлана и Корней, лишь Зинаида сидела в полутемной спальне и заплаканными глазами смотрела на подарок Добрынина. О чем только не передумала именинница в эту ночь!

Близилось утро. Батарейки в букете истощались, лампочки тускнели, цветы и хрустальная ваза блекли.

ГЛАВА 22

Хоть и не любил Окунь шумных дел в своем транспортном «департаменте», но пришлось заниматься ими. Он сидел в кабинете и готовил на бюро вопрос о работе пароходства. «Бюро крайкома не считает возможным дальнейшее пребывание т. Добрынина на посту начальника Амурского речного пароходства», — писал он в проекте постановления... Когда Афанасий Прохорович вернется из командировки, Окунь положит ему на стол все материалы.

Не дождавшись окончания отпуска, занимался делами пароходства и Волков. Его увлек проект Одинца. Если осуществить поплечевую систему, как на железной дороге — от депо до депо, то команды судов раз — два в неделю смогут бывать дома. Константин Архипович знал, сколько семейных неурядиц происходит из-за длительного отрыва людей от семьи. А дети? Полгода без отцов Но это только одна сторона вопроса. При новом методе судоводители лучше изучат свои участки, смогут безаварийно водить по ним большие составы. Думал Волков и о трудностях, которые возникнут при новой системе работы, особенно поначалу.

Константин Архипович советовался со штурманами, механиками, капитанами. Почти весь плавсостав одобрял проект. Говорил Константин и с отцом.

— Хорошее дело, сынок, — ответил Архип Севастьянович. — А почему нам отставать от других? На Волге, газеты пишут, давно оценили этот метод.

Строева долго думала, понимая, что вся перестройка ляжет главным образом на ее плечи.

— Трудно будет, Константин Архипович, — ответила она. — Это же непрерывная эстафета! Надо самой во всем разобраться, понять, подсчитать.

А Добрынин взмолился:

— Дай мне стать на ноги. Позднее будет видно. В эту навигацию Амур подвел, а теперь сами себя можем подвести. Нет, нет. — Добрынин замолчал, считая разговор исчерпанным.

— Ну что ж... А расчеты, соображения ты на досуге все же посмотри, — и Волков положил ему на стол папку.

Начальник политотдела был убежден в необходимости коренной перестройки работы пароходства и решил вынести этот вопрос на партийное собрание. «Если коммунисты одобрят, никуда ты, Алексей Иванович, не уйдешь, хоть тебе и очень хочется поработать годок спокойно».

Константин Архипович собирался поговорить об этом и с Вяткиным. Но утром вернувшийся из командировки Афанасий Прохорович сам позвонил Волкову и попросил его к десяти часам зайти в крайком.

До прихода начальника политотдела и других приглашенных Вяткин был занят с Окунем. Выслушал его, прочел докладную, ознакомился со сводками, с проектом решения бюро крайкома, задал несколько вопросов, сообщил:

— На десять я пригласил Добрынина, Волкова, Тищенко. Пусть заходят. Вы тоже останьтесь.

Секретарь крайкома был хмур. Он медленно поднялся из-за стола, когда вошли речники, бросил:

— Здравствуйте, товарищи. Садитесь, — и открыл папку, лежавшую перед ним на столе. Это были материалы, подготовленные Окунем на бюро.

В кабинете наступила напряженная тишина. Вяткин оглядел собравшихся.

— У нас, товарищи, накопилось много нерешенных вопросов. В них надо разобраться. Для этого я вас и пригласил. Заведующий транспортным отделом вручил мне докладную записку и целый ряд других материалов, — размеренно продолжал Афанасий Прохорович, всматриваясь в Тихого-Тищенко, который в свою очередь наблюдал за Добрыниным. — Думается, чтобы нам было легче вникнуть в суть дела, попросим товарища Окуня ознакомить присутствующих с этими материалами, — и секретарь крайкома протянул Окуню папку.

— Сейчас, Афанасий Прохорович? До бюро? — растерянно спросил Окунь.

— Да, в порядке подготовки вопроса.

Окунь нервно протер очки, надел их, мельком взглянул на Добрынина и Волкова, встал и начал читать свою

записку. Как бы хотелось ему пропустить некоторые положения своей докладной. Но, увы, это невозможно...

Добрынин слушал, опустив голову. Лицо Тихого-Тищенко ничего не отражало: ни волнения, ни тревоги, ни даже любопытства. Афанасий Прохорович догадывался, что эта докладная, вероятно, уже знакома начальнику бассейна.

— «График перевозок пароходство проваливало из месяца в месяц, — читал Окунь. — В результате к моменту закрытия навигации план выполнен не был. Пытаясь наверстать упущенное, начальник пароходства пошел на явную авантюру: вместо плановой расстановки флота на зимовку, несмотря на категорическое возражение краевого комитета партии, он отправил пять пароходов с гружеными баржами, заведомо зная, что подобная штурмовщина чревата тяжелыми последствиями. Как и следовало ожидать, пароход «Адмирал Невельской», сбившись ночью с курса, потерпел аварию и выбросился на берег; буксировщики «Чукотка» и «Колыма» зазимовали в случайных местах».

Волков и Добрынин дымили папиросами, Тихий-Тищенко украдкой поглядывал на часы. Вяткин сидел неподвижно, только зоркие глаза его двигались под нахмуренными бровями.

— Выводы тоже огласить? — спросил Окунь, заканчивая чтение.

— Конечно. Ознакомьте товарищей со всеми материалами.

В этом требовании Окунь почувствовал что-то недоброе. Огласив наконец и проект решения бюро крайкома, заведующий отделом закрыл папку и протянул ее Вяткину.

— Там, кажется, есть и список лиц, которых вы приглашаете на бюро? — спросил секретарь крайкома.

— Предварительный.

— Ничего. Зачитайте.

— Стоит ли, Афанасий Прохорович? — встрепенулся начальник бассейна. — Затянем время.

— Ничего, — повторил Вяткин.

Окунь прочитал список.

— Что ж, послушаем начальника пароходства, — предложил секретарь крайкома.

Добрынин поднялся, но решительно не знал, о чем ему говорить: так убийственно подействовало на него все услы-

шанное. К чему теперь оправдываться, что-то доказывать, когда вопрос, по-видимому, предрешен. Горькая обида комом подкатила к горлу Алексея Ивановича.

Вяткин не торопил Добрынина, понимая, в каком состоянии он находится.

— Алексей Иванович, — раздался неожиданно спокойный голос Волкова. — Возьми докладную Окуня и по ней выступи, — он протянул руку к злополучной папке.

— Не надо! — невольно вырвалось у Добрынина. — Мне не хочется и прикасаться к этому сочинению!

— Прошу без оскорблений! — злобно выкрикнул Окунь.

Алексей Иванович, волнуясь, стал горячо рассказывать об истинном положении дел в пароходстве. Он обрел необходимую уверенность и перешел в атаку на Окуня.

— За год моего пребывания на Дальнем Востоке вы не решили ни одного сколько-нибудь серьезного вопроса, касающегося работы пароходства. Спрашивается: какой же вы заведующий отделом? — Добрынин досадливо махнул рукой и сел.

— Разрешите, Афанасий Прохорович? — вскочил Тихий-Тищенко. Он повторял доводы Окуня так прилежно, словно они были его собственными; запальчиво доказывал виновность эксплуатационников в аварии «Адмирала Невельского» и полностью согласился с выводами заведующего транспортным отделом.

— Что и требовалось доказать! — прозвучала реплика Константина Архиповича.

Секретарь крайкома спросил Волкова:

— Ты будешь говорить?

— У меня есть вопросы к начальнику бассейна.

— Пожалуйста.

— Скажите, — спросил Волков, — за всю навигацию вы хоть раз пошли навстречу нуждам пароходства? Провели дноуглубительные работы там, где решалась судьба перевозок?

— Путейцы работали по плану, утвержденному министерством. И выполнили его! — не без достоинства отрапортовал начальник бассейна.

— Ясно. Какое участие лично вы приняли в лесосплаве?

— Обеспечивал глубины!

— А в докладной о чем писали?

Начальник бассейна метнул взгляд на Окуня, на Вяткина.

— Я вас не понимаю.

— Речь идет о докладной на имя секретаря крайкома, — спокойно пояснил Волков. — Она не под рукой у вас, Афанасий Прохорович?

Тихому-Тищенко сделалось жарко. Вяткин ничего не ответил. Это ободрило Аркадия Борисовича.

— Я информировал крайком о положении на плотбищах.

— Еще вопрос. Почему вы распорядились потушить створные огни, зная, что по реке идут суда?

— В соответствии с приказом министра о сроках навигации на Амуре. Рисковать обстановочным флотом не имею права. Достаточно того, что вы наделали аварий!

— Понятно. Какие у вас основания считать виновником аварии капитана парохода? Ведь сигнальные огни горели, хотя и вопреки вашему приказу.

— Да что я вам, подсудимый, что ли? Я протестую, Афанасий Прохорович! Свои соображения я высказал.

Секретарь крайкома промолчал и на этот раз.

— И последний вопрос. Полностью ли вы убрали взорванную зимой породу на Хинганском перекате?

— Порода была убрана полностью, — заявил начальник бассейна.

— Ложь! Я поручил изыскательской партии провести траление и сличил профили переката до взрывных работ и после.

— Это бездоказательно!

— Почему же? Полюбуйтесь, — и Константин Архипович достал из папки свернутый лист миллиметровой бумаги. На нем были отмечены огромные глыбы породы, разбросанные по судовому ходу.

Профиль обошел всех и остался на столе Вяткина.

— Это фальшивка! — выкрикнул Тихий-Тищенко.

Секретарь крайкома поднял руку:

— Спокойнее. Товарищ Окунь, скажите, где и как вы проверяли сигнал колхозников о перекате?

— Письмо я проверил лично, Афанасий Прохорович. И вам доложил.

— Помню. Прошу — поподробнее.

— Я был в бассейновом управлении, говорил с народом.

— С кем именно?

— С кем? Ну, с начальником бассейна и еще... сейчас и не вспомнить.

— Я еще тогда сомневался, правильно ли освещает ваш доклад истинное положение дел. Поручил заняться этим вопросом управлению малых рек. Вот заключение. Оно совпадает с данными Волкова. Товарищ начальник бассейна, как прикажете понимать ваше возмущение?

Тихий-Тищенко нервно ерошил волосы.

— Дно реки, Афанасий Прохорович, не проезжая дорога. Возможно какие-нибудь осколки и остались.

— Зачем вы говорите неправду? Вы же видели профиль переката. Ознакомьтесь и с этим заключением.

Пока начальник бассейна читал, в кабинете стояла тревожная тишина.

— Если верить этим бумагам... Значит, меня подвели, обманули? Я займусь. Я лично проверю!

— Теперь такой надобности уже нет: картина достаточно ясна. — Секретарь крайкома не спеша зажег угасшую папиросу. — Как вы решились пойти на обман? Ведь полнавигации на Среднем Амуре флот не догружался!

Начальник бассейна молчал.

— Как вы посмели потушить на реке огни, зная, что идут караваны? За это одно надо вас привлечь к ответственности.

Тихого-Тищенко била нервная дрожь.

Вяткин налил из графина воды, выпил.

— Молчите? А заведующий транспортным отделом? Вы не забыли свои отзывы об этом... о начальнике бассейна? Какое право имели вы знакомить его с докладной на мое имя?

— Я?

— Да, вы! Кто позволил вам подтасовывать факты, сгущать краски? Хотели учинить расправу над неугодным человеком? А на бюро кого собирались вызывать? Только тех, кто помог бы вам? Прав Добрынин: ничего вы не решаете, никому не помогаете. Впрочем, мы еще поговорим обо всем этом на бюро...

По бритой голове Окуня скатывались капли пота, попадали на стекла очков; глаз заведующего отделом не было видно.

От возбуждения голос Вяткина перехватывала хрипота.

— Что ж, идите. А вас, Константин Архипович и

Алексей Иванович, прошу задержаться. Хочу знать, как готовитесь к навигации.

Через два дня Афанасий Прохорович и Волков ехали к месту аварии «Адмирала Невельского». Новенькая «Победа» секретаря крайкома быстро мчалась по ледяной автостраде.

— Поручил бригаде проверить деятельность бассейнового управления и транспортного отдела. Видно, зацепят и пароходство. Помоги разобраться. Будем слушать на бюро. Окунь горой стоял за начальника бассейна, давал о нем самые блестящие отзывы, а что на поверку?! Вот, что такое групповщина! Правильно вы с Добрыниным поступили, проявив нетерпимость к Окуню.

«Победа» обогнала три грузовика. Они везли сварочный агрегат, листы котельного железа, домкраты, горючее, передвижную электростанцию, помпу. В кабине передней машины промелькнуло лицо Одинца.

Вяткин выкурил папиросу, сказал:

— Смелее надо выдвигать способную молодежь. Не бойся обидеть стариков. К сожалению, далеко не у всех из них хватает мужества честно сказать: «Устал я, выработался, не под силу мне тянуть дальше этот воз». И сидит, занимая место, проваливает дело. Нет оснований, говоришь?

— Я ничего не сказал.

— Порой, прежде чем освободиться от человека, который явно не справляется с делом, мы начинаем мудрствовать, изучаем родословную, послужной список, накапливаем серию взысканий, испрашиваем санкции, согласовываем вместо того, чтобы прямо сказать: «Дорогой товарищ, вы заваливаете дело, до свиданья!» Как у тебя дела с учебой?

— Из графика не выбиваюсь.

— Хорошо. А ведь, к сожалению, еще встречаются лентяи. Да, да, именно лентяи. Всю жизнь, мол, учиться, что ли? А того не понимают, что страна идет вперед настолько быстрыми темпами, что знаний, полученных в школе, институте не хватает на всю жизнь. И вот человек начинает отставать, выбиваться, как ты говоришь, из графика. Так начинается отставание творческой мысли, организации производства. А нам нельзя отставать. Вот почему неустанная учеба — это долг каждого...

Волков вспомнил китайскую пословицу: «Учиться —

все равно, что грести против течения: только перестанешь — и тебя отгонит назад».

— Что они там делают? — Афанасий Прохорович всматривался в окно «Победы». — Остановите машину.

Шофер затормозил. Вяткин и Волков направились к людям, которые долбили лед. Около них стояли санки и две пары лыж. Это были Подосенов и бакенщик Горчаков. Они вымораживали крупные камни, чтобы затем взорвать их и удалить с фарватера. Во время навигации, при низких горизонтах воды, камни приходится ограждать бакенами. Лучше, разумеется, чтобы дно было чистым.

Увлеченные работой, путейцы не сразу обратили внимание на подходящих к ним людей.

— Никак Афанасий Прохорович? — прищурился Корней Евдокимович.

— Здравствуйте. Решили с начальником политотдела съездить на аварию.

— Очень даже хорошо. Трудное дело ребята задумали. Плес-то больно опасный. Ледоходы страшные.

Вяткин расспросил бакенщика о топляке, об аварии.

— А кто обслуживает следующий плес? — спросил Афанасий Прохорович.

— Выше — перекат. А как старшину звать-величать не знаю. Называют «Рваный треух», а какой он из себя, не скажу, не приходилось познакомиться. Летом — недосуг, а зимой — ни к чему.

Подосенов рассказал, что старшина в навигацию занижал глубины.

— Докладывали?

— Говорил Аркадию Борисовичу.

— Так. Что же он — принял меры?

Подосенов замялся:

— Не знаю, Афанасий Прохорович.

— В гостях бывал у старшины? — задал вопрос Волков.

— Один раз.

— Расскажи подробнее.

Лоцмейстеру пришлось рассказать о том вечере, когда перекатный старшина угостил его водкой и хотел послать начальнику бассейна мешок карасей.

— Больше к нему в дом я ни разу не заходил, — красный от мороза и смущения закончил Александр.

— Какая семья у старшины? — продолжал Волков.

Александр ответил.

— А Тихий-Тищенко часто там бывает?

— Все лето пьянствовать туда ездил.

— Чего же вы молчали? — вмешался секретарь крайкома. — Тут вы ошиблись. Об этом надо сообщать, молодой человек. Для пользы дела.

«Победа» шла дальше.

Вскоре стал виден приткнувшийся к берегу, вмерзший в лед «Адмирал». Вокруг него сновали люди. Дымило несколько костров.

«Победа» подкатила прямо к пароходу. Многое успели сделать адмиральцы. Судно стояло в ледяной чаше, правда, пока еще не глубокой. Вокруг громоздились горы выброшенного мелкобитого льда. На дне чаши работали матросы. В корпусе тоже слышался стук. Там люди осторожно скалывали лед с трубопроводов, цилиндров, котлов.

Повсюду валялись сваи, бревна, тросы, стоял копер.

Никита первый узнал приехавших и побежал за капитаном.

Андрей Корнеевич выбрался из ледяного дока — в ватнике, рукавицах, шапке — и быстро направился к Вяткину и Волкову.

— Здравия желаю! — он остановился в трех шагах. — Капитан-аварийщик Горчаков.

Лицо капитана обветрилось, загрубело, нос и щеки приморожены.

— Зачем же так мрачно, Андрей Корнеевич? — протягивая ему руку, сказал секретарь крайкома. — Мы знаем: вы в аварии не виновны.

Глаза капитана заблестели.

— Спасибо, Афанасий Прохорович, что приехали. Очень люди довольны будут. Разрешите собрать команду?

— Нет, не надо. Зачем нам митинг? Походим, поговорим. Значит, твердо решили отстоять пароход? Какая нужна помощь?

— Ай-я! Костя-Архипа? — раздался радостный голос Лю Чи. — Сы-па-сибо, Костя-Архипа! Моя читай радиописьмо. Сы-па-сибо! Костя-Архипа, железо надо, машинка поднимать пароход надо...

— Все отгружено, Лю Чи. Везет Одинец.

— Ну, покажите нам свое зимовье, — попросил Вяткин.

Капитан повел приезжих по зимовью.

Около землянки с топором в руках что-то мастерил Ло-

гин Дымов. В помещении Дарья готовила обед. Землянка была неказистая: нары в два яруса, полумрак, от печек-бочек пышет жаром, тут же сушится выстиранное белье.

— Больных нет? — спросил Вяткин.

— Старший механик. Простыл. Отправили домой.

Секретарь крайкома интересовался, хорошо ли одеты люди, как питаются, слушают ли радио, в чем нуждаются сами или их семьи.

Никита сказал, что надо бы по субботам присылать автобус, чтобы команда выходной день могла провести дома, сходить в баню.

— Правильная мысль. Дорога позволяет. Решено.

Волков делал пометки в блокноте.

— Новый год мы решили встретить здесь. К нам колхозники в гости собираются, — продолжал Никита.

— Позаботься, Константин Архипович. Яблоки, торты — всего чтобы в достатке было. Люди заслужили.

...Приближались сумерки. Вяткин и Волков в сопровождении зимовщиков еще раз обошли строительную площадку, заглянули на пароход и стали прощаться.

— В город никому не нужно? Одно место свободное. А где Одинец?

Оказывается, Ефим Петрович уже уехал со своими грузовиками и прихватил желающих провести воскресенье дома. Попутчика не нашлось.

— Может быть, поедете вы, Андрей Корнеевич? — спросил капитана Вяткин.

— Не имею права оставить пароход!

Убеждать Горчакова было бесполезно. «Победа» ушла.

Последняя предновогодняя неделя проходила на зимовке очень стремительно. Сергей Дымов пустил передвижную электростанцию. В землянке вспыхнули лампочки, заговорило радио. Политотдел завалил адмиральцев книгами, газетами, журналами. Заречный получил письмо от Катюши Ломакиной. Девушка писала, что ей не удалось попасть в заграничное плавание. Сейчас думает вернуться на Амур. «Ничего, мы с ней вместе поплаваем», — радовался Георгий Иванович, вновь и вновь разглядывая фотографию Катюши. Он запоем читал книги и продолжал изучать английский, мечтал вместе с Катей отправиться по всем странам мира. «Она будет радисткой, я — штурманом дальнего плавания». Лю Чи готовил команде какой-то сюрприз к Новому году.

Капитан последние дни был особенно задумчив. Перечитывал письмо Зинаиды. «Я жду. Я хочу, чтобы ты, Андрей, знал, что я всем сердцем с тобой...» «Сердцем. А на именинах — Добрынин! — Об этом Горчаков узнал от Никиты. — Не надо мне твоей жалости! Ждет... А сюда не едет?» Впрочем, Андрей Корнеевич не хотел показываться в городе не только из-за Строевой. Было стыдно по многим причинам. Самолюбие его жестоко страдало. Расплодил на судне жуликов, получил выговор от министра, погубил пароход. И вновь мысли о родном судне: «Удастся ли спасти «Адмирала»?»

Работая вместе со всеми, Андрей Корнеевич уставал. Вечерами, лежа на нарах, он обдумывал план спасения парохода, видел тот день, когда «Невельской» вырвется из ледового плена. Но неизменно эти картины сменялись другими. Он видел разрушенную ледоходом дамбу, гибель «Адмирала». Спал капитан беспокойно.

Двадцать девятого декабря адмиральцы получили посылку из Харбина. Ее прислали Мо Ли, Мын, их товарищи. В ней были яблоки, апельсины, лимоны, вино. Китайские студенты-речники спрашивали о ходе спасательных работ, желали удачи, поздравляли с Новым годом. «Получил ли боцман Лю Чи разрешение вернуться на родину? Как здоровье капитана? Мы очень благодарны ему за учебу».

Сколько воспоминаний, сколько радости!

«Вот это настоящие друзья», — говорили адмиральцы.

Весь вечер составляли ответное письмо. Не участвовали только Никита и Заречный. Они выпускали новогодний номер стенгазеты.

Накануне к адмиральцам приезжал помощник начальника политотдела по комсомолу, вручил Никите комсомольский билет.

Возбужденный, счастливый рулевой весь этот день трудился с каким-то особым праздничным задором.

Тридцатого декабря под вечер из города снова пришел грузовик, привез какие-то ящики, палатку, шланги для насосов. Но не груз привлек внимание адмиральцев. Из кабины вышла девушка в новых валенках, полушубке, ушанке; в руках — чемодан.

— Здравствуйте, — поздоровалась она, вглядываясь в обветренные, приморожденные лица. — Кто здесь у вас начальник?

— Ну, допустим, я, — недружелюбно отозвался Горчаков.

— А я вас знаю. Вы у меня ужинали, помните?

Адмиральцы смотрели на капитана.

— Что вам нужно? — спросил Андрей Корнеевич, не узнавая девушку.

Приехавшая стащила с руки новенькую меховую рукавицу, полезла под полушубок, достала свернутый листок бумаги и протянула его Горчакову. Это был приказ о зачислении Ломакиной в команду «Адмирала Невельского» в качестве повара.

— Мне повара не нужны, — отрезал капитан.

— Вы так думаете?

— Я не думаю, а говорю, — и вернул листок.

— Приказ есть приказ, — решительно заявила девушка. — Где мне поместиться?

Зимовщики недоуменно смотрели на эту сцену. Даже Андрей Корнеевич заколебался.

Из землянки вышел Заречный.

— Катюша! — вдруг раздался его восторженный голос. — Катюша!

Девушка обернулась к Заречному, бросилась к нему, но вдруг остановилась:

— Не вообрази, пожалуйста, что я к тебе приехала. Я приехала спасать пароход. Я...

В дружном хохоте команды утонули ее последние слова.

— ЭПРОН прибыл!

— Товарищ ЭПРОН!

— Прекратить зубоскальство! — потребовал Георгий Иванович.

Капитан узнал наконец девушку, улыбнулся:

— Что ж, товарищ Ломакина. Лишняя пара женских рук нам, конечно, не помешает. Идите к нашей Дарье.

Когда Катюша переоделась и вышла из горенки Дарьи — отгороженного простыней угла землянки, — у ребят уже не было желания насмешничать: девушка понравилась.

— Ивовые брови, — тихо сказал Лю Чи.

— Это как?

— Очень красивые, изогнутые, — пояснил боцман. Девушка чем-то напоминала ему дочь.

Катюшу стали называть «Ивовые брови». Она сердилась, это еще больше подзадоривало хлопцев.

— Доброе утро, Ивовые брови!
— Как спалось, товарищ ЭПРОН?
— Не спасли еще пароход во сне?
Ломакина явно избегала Заречного.
— Катя, но мы же писали друг другу.
— Подумаешь, я многим писала.
Георгий Иванович решительно ничего не мог понять.
Катюша с утра начала помогать Дарье. А дел было много — особенно сегодня, в канун Нового года.
Около землянки адмиральцы устроили баню. На куче камней жгли костер, а когда он прогорал, ставили палатку, обливали камни водой и парились. Рядом стояли бочки с холодной и горячей водой.
Логин заколол выкормленного еще на барже кабана, Лю Чи по-прежнему скрывался в своем уголке. Редколлегия заканчивала стенгазету, Дарья стряпала, Ломакина, как могла, украшала землянку. Словом, все были заняты.
Немало хлопот было в тот день и у Светланы. Она провела два урока, выдала ребятам табеля и побежала домой. Маме надо помочь, самой подготовиться к поездке к «Адмиралу».
В восемь часов вечера ватага парней и девушек с подарками для подшефных зимовщиков выехала в лагерь адмиральцев. С ними — Светлана и Подосенов. До чего же хорошо ночью в лесу! Серебрятся под луной лохматые кедры, часовыми стоят остроконечные пихты, светятся стволы берез. И все в снегу...
Светлана тихонько прижимается плечом к Саше.
— Правда, красиво? Как в сказке. Сыграй что-нибудь.
И снова поет баян, разливаются звонкие голоса. Лошади бегут бодро, сани то и дело подпрыгивают на корневищах, и тогда Саша ужасно врет.
К зимовке «Адмирала» подъехали в одиннадцать часов. Землянка едва вместила хозяев и гостей.
Прошло полчаса — стол не накрывали. До Нового года осталось пятнадцать минут, а хозяева не шевелились.
За окном загудела машина. Горчаков бросился к двери. Навстречу Добрынин.
— Чуть не опоздал! Колесо в дороге меняли. Здравствуйте, товарищи!
Андрей Корнеевич сухо поздоровался с начальником пароходства, взглянул на часы и на всю землянку скомандовал:

— Выходи строиться!

Гости переглянулись.

«Что это значит?» — недоумевал Алексей Иванович, выбираясь из землянки.

— За мной, на встречу Нового года!

Ничего не понимая, застегивая на ходу полушубки, пальто, ватники, спотыкаясь и утопая в снегу, все шли за капитаном.

— Прибавить шагу! Опаздываем, — раздался впереди голос Андрея Корнеевича.

Забрались в чащу. Мрачно, тревожно, того и гляди налетишь на дерево.

— Смотреть под ноги!

И в этот миг одна из елей вспыхнула, освещенная десятками лампочек. Изумленные гости остановились. Стало светло, как на проспекте большого города.

На вершине ели пылала красная звезда. Заснеженные ветви увешаны разноцветными фонариками, блестками канители, флажками, игрушками. Поляна против елки расчищена. На ней накрытые столы, за ними на председательском месте, в ледяной шубе восседал белобородый дед-мороз... Широким жестом он приглашает к столу:

— Дорогие зимовщики и гости, прошу!

Не успели еще приглашенные сесть за столы, как ледяной дед продолжал:

— До Нового года осталась одна минута. Наполним бокалы.

А затем торжественным голосом оглушительно произнес:

— С Новым годом, дорогие товарищи!

Вскоре дед-мороз снова заговорил:

— Милые детки, пока вы еще, как говорится, в полном здравии, поглядите на себя через мой волшебный фонарь.

Кто-то чиркнул под елкой спичку. Около ствола дерева начал медленно поворачиваться огромный восьмигранный фонарь, склеенный из промасленной бумаги. На всех его гранях пестрели карикатуры и шаржи.

Дед-мороз коротко пояснял:

— Коммерческий ревизор пароходства!

Карикатура довольно точно изображала Ксендзицкого: он бежал за уходящим пароходом...

— Ивовые брови! — Перед зрителями появилась хорошенькая китаянка, очень похожая на Катю Ломакину.

— Отважный капитан!

Это был дружеский шарж на Горчакова, вытягивающего судно из льдов.

— С крестом на шее.

Диверсант поймал в трюме Гришку Умняшкина.

— Начальник бассейна!

На палубе «Бриза» — одна рука за спиной, другая — за бортом кителя, словно высеченный из камня, стоял Тихий-Тищенко.

— Старший механик! — Игнат Тимофеевич Лесной поднимал на спине из машинного отделения цилиндр высокого давления...

В заключение дед-мороз объявил:

— Художник и конструктор волшебного фонаря — боцман парохода «Адмирал Невельской», наш дорогой Лю Чи.

Катя Ломакина выскочила из-за стола и помчалась рассматривать устройство волшебного фонаря. Оказалось, что струя теплого воздуха от горящей лампы вращает картонный винт, соединенный с промасленной бумагой.

— Вот здорово!..

Пир шел горой. Звенели стаканы, менялись баянисты, в перерывах гремела радиола, под сапогами и валенками танцующих, словно во время поземки, вихрился снег...

Андрею Корнеевичу приятно, что начальник пароходства здесь: значит его нет около Зинаиды. «А в такой день...» В душу капитана начали закрадываться сомнения. «Уж не напрасно ли приревновал? Глаза у него честные».

Домой начальник пароходства возвращался под утро. Все места в «ЗИМе» были заняты: в город ехали Никита, Катюша Ломакина и Заречный, Сергей Дымов и Зелик Шнайдер. Добрынин думал о предстоящей поездке в Москву — на совещание работников водного транспорта.

Возбужденная молодежь без умолку хохотала, пела, заставляя штурмана играть на баяне. Со стороны можно было подумать, что по Амуру мчится свадьба. Над уснувшей рекой звучали широкие и вольные песни.

В новогоднюю ночь собрались вместе и друзья Аркадия Борисовича: Бесхмельный и Окунь с женами. Но им эта встреча не принесла радости; не подняло настроение и вино. Да и в самом деле — чему радоваться? Идет проверка бассейнового управления и транспортного отдела, не сегодня-завтра вызовут на бюро...

Особенно не по себе было Тихому-Тищенко. В эти дни он ходил словно помешанный: никого не замечал, ничего не слышал. Крепко напугал его «Рваный треух» своими угрозами. Но еще более тревожила начальника бассейна проверка...

Потускневший от утреннего тумана черный министерский «ЗИМ» бесшумно мчался к Верхним Котлам. На заднем сиденье — два пассажира.

— В Котлах куда? — спросил шофер.

— В колхоз «Память Ильича».

Всесоюзное совещание работников водного транспорта закончилось вчера, в субботу, но Константин Архипович настоял на том, чтобы задержаться еще на сутки.

— Подъезжаем, — сообщил шофер.

Хозяйство выглядело необычно: оно скорее походило на строительную площадку, обнесенную забором, из-за которого торчала довольно высокая железная труба. Однако вывеска рассеивала сомнения.

«ЗИМ» остановился у небольшого домика, рядом с воротами. Из машины вышли два человека.

— Здравствуйте! — приветствовала их пожилая женщина в ватнике и белом пуховом платке. — За редисочкой пожаловали? Так некстати: никого нет.

— А вы?

— От меня вам какой толк? Дежурю за деда Терентия. Недосуг ему ноне: внука женит.

— Нельзя ли агронома вызвать?

— Кудревича-то? Укатил на мотоцикле в город.

— А председатель?

— Да что вы, милые? Где его, председателя-то, в воскресный день сыщешь? — она развела руками.

— Выходит, зря время потеряли, — заметил Добрынин. — В Новосибирске уже были бы.

Но Волков не разделял пессимизма Алексея Ивановича.

— Мы ведь не за редисом приехали. Подшефный колхоз у нас на Дальнем Востоке. Хотели с вашим хозяйством познакомиться. Поучиться.

— Вон оно что! — Лицо женщины стало серьезным. — Аж с Дальнего Востока, говорите? А почему же зря? Ничего не зря. Если насчет опыта — милости просим. — Она покосилась на погоны приезжих, лукаво сощурила глаза и,

поправляя на голове платок, добавила: — Значит, ноне Никита Сергеевич Хрущев и генералам наказал землицей заниматься? Ну, что ж, пойдемте, — и повела гостей в свои владения.

За высоким забором блестело море стекла.

— Тысяча шестьсот парниковых рам! — заметил Константин Архипович.

— А ты откуда знаешь? — удивился Добрынин.

— Из брошюры, которую нам Афанасий Прохорович дал. Земли у них всего сорок гектаров.

— Почему так мало?

— Тесновато: в черте Москвы находятся. Впрочем, площадь достаточная. Они специализируются исключительно на выращивании овощей, причем — в течение круглого года. Ранней весной и поздней осенью — лук, редис, капуста, огурцы, салат, спаржа, щавель; летом — все, что угодно: двадцать две культуры; зимой — петрушка, сельдерей, лук, капуста.

Начальник пароходства молчал.

— Огурчики-то мы весной на месяц раньше других на продажу везем, — похвасталась колхозница.

— Это как же вы ухитряетесь? — заинтересовался водитель «ЗИМа».

— Никакой тут хитрости нет. Будку с железной трубой видишь?

— Ну?

— Котел паровой там стоит, грунт в рамах паром подогревает. Уразумел?

Шофер хмурил брови.

— Интересно, сколько люди получили на трудодень? — спросил Алексей Иванович.

— По тридцати рублей да овощей на всю зиму.

— Неплохо, — заметил начальник политотдела.

— Парники-то мы по три — четыре оборота используем. Вот и прикиньте. Меньше тысячи рублей с рамы не берем.

Руководители Амурского пароходства осматривали парниковое хозяйство, спрашивали, запоминали. Колхозница, как видно, неплохо знала овощеводство, но с устройством парового обогрева парников знакома была слабо. Однако именно это и привело Константина Архиповича в колхоз «Память Ильича».

— Жалко, агронома нет, он бы вам все по-научному

объяснил. Книжку написал, в ней все наши дела честь по чести изложил.

— Вы про эту книгу говорите? — Волков достал из шинели брошюру в зеленой обложке.

— Она, нашего Кудревича книжка! Читали?

— Еще в Хабаровске. Потому и заехали к вам.

— Выходит, слава про нас аж туда докатилась?

— Вот только не все нам понятно с паровым обогревом.

— Так я вам председателя сыщу хоть на дне морском. Шуточное ли дело: люди аж с Дальнего Востока приехали!

За воротами, около машины, речники встретились с человеком, который смотрел на них с явным любопытством.

— А вот и наш председатель, — обрадовалась колхозница и представила ему гостей.

Председатель колхоза выглядел горожанином: ничто не выдавало в нем работника сельского хозяйства, разве что загар на лице. Зашли в правление, разложили на столе чертежи и просидели над ними до полудня. Волков набрасывал себе в тетрадь схемы, записывал различные данные, расспрашивал. Добрынин посмеивался:

— Уж не собираешься ли ты агрономом стать?

— Знания всякие полезны. Неловко вот только — председателю испортили выходной день. Не следовало в воскресенье приезжать.

Хозяин сказал:

— Это пусть вас не смущает. Вся партия сейчас занимается сельским хозяйством.

Возвратился из города агроном Кудревич. Беседа разгорелась с новой силой. Вдруг председатель спохватился:

— Ну и хозяева же мы! Целый день голодом морим людей. Идемте ко мне. По чарочке выпьем, потом на свадьбу сходим.

Добрынин и Волков отказались: «Торопимся, ночью вылетаем к себе».

— Жаль... А может все-таки зайдете, а? — Было видно: председателю и агроному очень хотелось показать дальневосточникам, как живут подмосковные колхозники.

— Большое вам, товарищи, спасибо. Не можем. Извините. Билеты на самолет. — И уехали.

Дорогой Волков спросил:

— Ну как?

— Значит, задумал парники и в наш «Верный путь»?

— Поддержишь? Списанного котла не найдем, что ли!

Высокого давления для обогрева парников не нужно. Условия у нашего колхоза такие же, как у подмосковного: от города близко, здесь — дорога, у нас — река.

— Надо им помочь построить катер и халку для доставки овощей в Хабаровск.

— Обязательно. И парусом научить пользоваться. Посмотри на китайцев — целый парусный флот.

Помолчали. Потом Добрынин сказал:

— Без агронома не обойтись. Слыхал, что говорит Кудревич? Чередование культур, агротехника, температурный режим, рамообороты, — читал генерал по своей записной книжке, — комплексное использование парников и открытого грунта. Только при этих условиях овощеводческое хозяйство приносит высокие доходы.

— Добьюсь, Афанасий Прохорович поможет, — убежденно заявил Волков.

— А что мы вообще-то сделали как шефы?

— Механики автомашину отремонтировали, шкиперы Купцов и Герасименко с бригадой плотников строят три жилых дома, служащие выкопали силосную яму, ну, на уборке картофеля ты сам был. Сейчас, наверное, помогают навоз вывозить на поля.

— А бензин?

— На сэкономленном. Теперь надо помочь колхозу изготовить парниковые рамы. Для начала думаю хотя бы штук двести пятьдесят, а?

— Лес у них есть?

— Возьмут ссуду в банке.

— В городе куда? — спросил шофер.

— К гостинице «Москва».

Константин Архипович задумчиво говорил:

— Большие дела партией намечены. Мы — накануне еще небывалого расцвета сельского хозяйства.

«ЗИМ» остановился у ярко освещенного подъезда гостиницы «Москва». Добрынин отметил водителю путевку, поблагодарил, простился и вместе с Константином вышел из машины.

Через несколько часов дальневосточники были уже в самолете. Под рокот моторов они вспоминали Всесоюзное совещание, заседание коллегии, министра, поездку в колхоз. Но чем дальше самолет уходил от Москвы, тем чаще мысли переносились на Амур. Оба уже думали о предстоящих трудах.

ГЛАВА 23

В последнее время Андрей Корнеевич часто размышлял о жизни, о себе. Изменения, происходящие в пароходстве, заставили Горчакова о многом задуматься. Бесхмельный понижен в должности, Белокрылов, говорят, сам признался, что командовать флотом ему не под силу. Окунь изгнан из крайкома со строгим выговором. После проверки работы бассейнового управления снят с работы и исключен из партии Тихий-Тищенко. Бывшему начальнику бассейна напомнили и о пьянках у «Рваного треуха»... «Выходит, партия все видит». Наблюдая, как трудятся на зимовке Лесной, Заречный, Шнайдер, Никита, увлекая за собой остальных, Андрей Корнеевич проникался к ним все большим уважением. Доброжелательнее стал капитан и к Константину Архиповичу. «Уважают его водники». Вспомнился давний разговор с ним о вступлении в партию, и было стыдно. Воскресали в памяти речной техникум, Зинаида, Жанна, выпивки... «Эх, Андрей-воробей. Обворовал, брат, ты себя. Зазнался, возвеличил себя и — сколько ошибок наделал! Спасибо, люди не отвернулись, поддержали в трудную минуту. И Зинаиде мешал. А она, смотри, куда выдвинулась — заместитель по флоту!»

Горько было на душе у Андрея Корнеевича. Лежал на нарах, ворочался, старался вспомнить, где и когда свернул он в своей жизни с фарватера. «Да, выходит, правильный путь в жизни не так-то просто найти...»

Зинаида писала ему, что со следующей навигации перед Хинганским ущельем будет создан переформировочный рейд. «Можешь радоваться — ты оказался новатором». Сказано не без яда: явный намек на подделку депеши. Андрей почувствовал это. А все-таки приятно. «И Зинаида молодец».

Сейчас у Горчакова уже не возникало мысли о том, чтобы Зинаида бросила работу или плавала вместе с ним в должности помощника. Андрей Корнеевич с интересом читал в печати статьи о перспективах работы флота по системе тяговых плеч. Такая перестройка обещала плавсоставу более нормальный образ жизни, исключающий длительный отрыв от семьи. Об этом писала и Зинаида в «Амурском воднике». Андрею Корнеевичу казалось, что строки эти адресованы специально ему. Да, жизнь обогнала его. Люди выросли вокруг, а он оставался тем же...

Вспомнился недавний разговор с отцом. Он советовал Андрею одуматься, пока птичка не улетела. Трудно Андрею Корнеевичу, кто бы знал, как трудно! Характер тяжелый. А хочется многого: к Зинаиде и дочери вернуться, пароход спасти, обогнать других с выполнением плана перевозок, доказать всему бассейну, на что способен Андрей Горчаков. И он вновь и вновь ловил себя на мысли, что больше всего думает о своих личных планах, о том, как блеснуть перед всеми...

Думы о прошлом сменялись заботой о пароходе, потом уносили капитана в Хабаровск, к Зинаиде. Случались минуты, когда он был готов среди ночи, пешком идти домой. Тогда без полушубка и шапки он выходил из землянки. Разгоряченное тело охватывал мороз. Капитан возвращался на нары и снова думал о Зинаиде. Кажется, со всем готов примириться Андрей Корнеевич, кроме необходимости явиться к жене с повинной головой. Нет, на это он не способен! И она не идет к нему, как будто они условились: кто сделает этот шаг — тому и покориться.

В землянке было тепло, а на Амуре с самого февраля держались крепкие холода. Они радовали зимовщиков, пока шла выморозка судна и основания под дамбу: морозы ускоряли работы. Но теперь, когда в ледяном доке корпус «Адмирала» наконец поднят на клетки и забиты почти все сваи для будущей защитной дамбы, холода угнетали. Неприятно было с утра до вечера находиться на морозе, все время ощущая лютую стужу ледяного ветра...

Ремонт судна подходил к концу. Днище залатали. Шла сборка машины, сооружали дамбу и ледорезы. Логин Дымов и Лю Чи скрепляли сваи бревнами и скобами; в образовавшиеся колодцы матросы сваливали камни вперемешку с лозой. Шнайдер и Никита намораживали дамбу.

Воду качали помпой. Она быстро замерзала, цементируя камни, сваи, лозняк. Дамба росла с каждым днем.

— Куда ледоходу сдвинуть эдакую крепость! — радовался старый шкипер. — Плотина!

Просушенные за ночь валенки в первые же минуты работы намокали, ноги мерзли. Полушубки одубели от замерзших брызг; порывы морозного ветра срывали с дамбы колючие капли воды, обдавали ими Зелика и Никиту, обжигали лица.

Дарья и Катюша не успевали сушить одежду «пожарников». Не легче было и механикам. Металл остыл: дотро-

нешься рукой, и прилипнет! А не каждую работу сделаешь в рукавицах. В машинном отделении горят факелы. Около них люди греют инструмент, детали. Лица у механиков закопченные, брови подпалены. После такой работы пойти бы под душ, в баньку. Париться в палатке, около раскаленных камней, — не то. Подогреют в землянке воду Дарья с Катей Ломакиной, польют на головы механикам — и все. Ужинай да ложись спать. Тут уж не до развлечений, не до газет: руки, ноги гудят. Приедет в субботу автобус из города, а ехать не хочется: три часа сидеть на холоде надо...

Устали люди, поморозились: у того нос прихвачен, у этого щеки, подбородок. Особенно сильно «обжегся» Заречный. Он работал на подвозке камня из карьера и не заметил, когда побелели щеки. Теперь на них — черные пятна.

— Потерпите, хлопцы, немного осталось, — утешал зимовщиков Горчаков. — В апреле теплее будет, а в двадцатых числах — и ледоход.

Сказал, и сердце екнуло. «Неужто весь труд прахом пойдет?» И опять думал...

На днях приезжал Юрий Николаевич. Он осмотрел пароход, дамбу и сказал, что пятнадцатого апреля в лагерь приедут подрывники. К этому же сроку будут наготове самолеты, чтобы не допустить затора льдов.

Все, кажется, предусмотрено. Уже начали подвозить уголь и смазочные материалы для «Адмирала». Но работы оказалось еще много. Надо закончить намораживание защитной дамбы, сделать во льду траншею, чтобы паводковые воды не разъели сооружение, построить ледорезы, собрать машину. Да разве все перечислишь!

Андрей Корнеевич похудел, осунулся. Каких только работ он не переделал! Лед из судна выкалывал, корпус вымораживал, на городки пароход поднимал, камень в карьере ломал, лес пилил, землянку строил, на пожогах в траншеях дежурил, сваи забивал... Словом, делал то, что делали все.

Последние дни марта тянулись бесконечно долго.

— Ну и месяц... — вздыхал капитан. Ему не терпелось помериться силами со стихией, спасти судно. Андрей Корнеевич тщательно готовился к этому.

Готовились к открытию навигации и в управлении пароходства. И чем меньше оставалось времени до вскрытия

Амура, тем тревожнее становилось на сердце Строевой. «Удастся ли Андрею спасти пароход?»

По управлению зазвенел звонок: конец рабочего дня. Зинаида Сергеевна взглянула на папку с графиками и почувствовала, как учащенно забилось сердце. Завтра с этой папкой она должна явиться к начальнику пароходства.

С того памятного дня, когда она написала записку Добрынину, Строева всячески избегала встреч с ним. Зимой это было несложно: диспетчерских совещаний нет, флот — в затонах, каждый сотрудник занят своим делом. Но вот наступает время, когда придется встречаться чуть ли не ежедневно.

Дома, уложив Танюшку спать, Зинаида не могла найти себе места. Ходила, смотрела на хрустальную вазу — подарок Алексея Ивановича, мысленно перечитывала свою записку. Она чувствовала, что завтра Добрынин будет говорить с ней не только о графиках движения флота...

Она не знала, на что решиться. Андрей молчит, на письма не ответил, домой ни разу не приехал. «Да любит ли меня Андрей? Разве это любовь? Да, кажется, Клавдия права. А дочь?»

Лишь поздно ночью она забылась в тяжелом полусне.

На работу Строева пришла с головной болью. Достала из сейфа папку с графиками, села за стол и снова задумалась. Телефонный звонок испугал ее. Она вздрогнула, схватила трубку:

— Строева слушает!

Нет, звонил не Добрынин. Зинаида устало откинулась на спинку стула.

В два часа дня она принесла Добрынину разработанные графики. Начальник пароходства долго рассматривал их, задавал вопросы, давал советы и наконец заключил, что внимательно изучит график еще раз.

— Мне можно идти? — спросила Строева.

— Если вы не очень торопитесь, задержитесь немного.

Она опустила плечи, догадываясь, о чем будет говорить Добрынин.

— Зинаида Сергеевна, я прочел вашу записку и... и давно хотел поговорить с вами.

Она молчала, чувствуя биение пульса в висках.

— Я много думал, — продолжал Добрынин. — У вас растет дочь, ей нужен отец.

— Он у нее есть, Алексей Иванович.

На телефонном аппарате вспыхнул зеленый глазок. Добрынин снял трубку.

— Позвоните позднее.

Большие серые глаза Зинаиды были задумчивы. Она вздохнула, подняла голову.

— Алексей Иванович. — И запнулась. — Я тоже много думала. Но я не могу привести Танюшке другого отца. Вы должны понять меня...

— А если он... не вернется?

— Не знаю, Алексей Иванович. Но замуж я, наверное, больше не выйду. Если вы уважаете меня, вы должны, должны забыть об этом. Не надо, Алексей Иванович! Иначе мне будет трудно с вами работать.

Наступило томительное молчание.

— Не могу, Алексей Иванович! — с болью повторила она. — Нет, нет, Алексей Иванович!

Они поднялись одновременно. Она протянула ему руку. Так молча они простояли, наверное, целую минуту, глядя друг другу в глаза.

— До свидания! — Зинаида быстро направилась к двери.

Добрынин опустился в кресло, в котором только что сидела Строева. Он все еще слышал ее слова, видел ее глаза, подернутые дымкой грусти.

Странное состояние охватило его: он понимал, что все кончено, но сердце отказывалось этому верить. Добрынин закурил, подошел к огромному окну и долго смотрел на закованный во льды Амур, на сиреневые дали Хехцира.

— Разрешите, — в дверях показалась Стрелкова. — Здравствуйте, Алексей Иванович. У меня к вам несколько вопросов. Во-первых, в истекшую навигацию из-за недопустимой водотечности барж мы перевезли вместе с грузами шестнадцать тысяч тонн воды.

— Простите, Клавдия Петровна, я сейчас очень занят. Давайте позднее...

...Дня через три вечером к Добрынину зашел начальник политотдела:

— Сбежал. Женушка составляет квартальный отчет и взвалила все заботы по дому на меня. Пришел к тебе с протестом...

— Она, брат, и мне на днях перцу задала с финансами. Раздевайся.

Они заговорили о делах пароходства.

— Последнее время радуют меня управленцы, — сказал Добрынин. — Приходят с проектами, предложениями. И дельных много.

— Значит, поверили в тебя.

— А помнишь, ты говорил о «синклите»?

— Стой, Алексей Иванович! Не думай, пожалуйста, что теперь дела пойдут сами собой. Изучай людей, не допускай, чтобы опять сложилась группа друзей-приятелей. Урок всем хороший был.

Пили чай, прослушали по радио последние известия. Когда Волков собрался уходить, Добрынин задержал его:

— Хочу с тобой поделиться, Константин. Не знаю, как и сказать, — он развел руками. — Не то горем, не то радостью. Странное у меня было состояние: чувства добрые, как раньше говорили, святые, а на душе неспокойно, будто задумал я товарища обокрасть... Давно с тобой хотел поговорить, да опасался — не поддержишь. А сейчас хочу, чтоб ты знал.

— Правильно опасался.

— Хорошая она, Константин. — Отвернулся, пошел к столу за папиросой.

— Не надо об этом, Алексей.

Несколько минут оба молчали, не глядя друг на друга, затем Добрынин сказал:

— Ну, иди, Константин. Клавдия ждет. Спасибо, что зашел.

...Приближалась весна. В Березовой роще колхозники часто собирались около будущих парников, говорили о круглогодовом выращивании овощей. Внимание людей привлекал огромный водотрубный котел. Он уже стоял на фундаменте, и плотники возводили вокруг него помещение. Неподалеку лежали трубы, груды песка и перегноя, штабели досок, готовые короба для парников, десятка два рам.

Светлана совсем замоталась. Прямо из школы мчалась к монтажникам, к агроному, к председателю колхоза, потом — на почту, звонила в пароходство...

— Товарищ Горчакова, — возмутился как-то Добрынин, — вы так говорите, как будто пароходство обязано...

Она не дала ему закончить:

— Да, обязано, и вы это знаете не хуже меня.

Когда для пробы затопили котел и над колхозом «Верный путь» потянулась черная полоса дыма, учительница спросила семидесятилетнего деда Маякина:

— Василий Михайлович, скажите, лично вы верите, что парники будут приносить большие доходы?

Тот усмехнулся:

— Кто же, дочка, нынче в науку не верит? Без малого пароход приобрел колхоз, — он поглядел на котельную. — Надо только, чтоб «пароход» этот не дымил без толку. Я так думаю, Светлана Корнеевна, очень даже правильное это дело, когда городские и колхозники помогают друг другу. Это и есть наш самый верный путь.

— Послушай, Светлана, — вмешалась в разговор статная молодуха, — есть у меня один план: шефы у нас ладные, пароходы у них свои, денег с нас не возьмут, вот бы они и брали наши ранние овощи — да в Николаевск, на север. Знаешь, там им какая цена? Озолотиться можно!

— Ну и ловкая ты, Ксения. С твоей головой — в министры надо, — засмеялся один из парней.

— Чего зубы скалишь? Своего ума не хватает — могу одолжить, — женщина воинственно подбоченилась.

Впрочем, мысль ее не нашла одобрения.

— Ты, Ксения, больно много о деньгах думаешь, — сказал дед. — В Николаевск, конечно, возить можно. Но только мы не эти, как их... спекулянты. Колхозники мы!

Вечером Светлана читала Макаренко: «Человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного».

Светлана задумалась. О, у нее впереди много радостного и светлого! Скоро она переведет учеников в следующий класс, перейдет сама на второй курс института, поможет поднять колхоз...

— О чем, доченька, задумалась?

— Так, мама, размечталась.

— Ну, ну. Помечтай...

Пришел отец.

— Ну, колхозный начальник, котел опробовали?

— Семь атмосфер свободно держит!

— Добро.

— Как лед, папа? Скоро?

— Скоро, дочка, скоро, — вздохнул Корней Евдокимович и покачал головой. — Талые воды пошли.

...На зимовке закончены последние приготовления: пробита широкая траншея для вывода «Невельского» из-за укрытия, подрывники ослабили на реке лед ниже стоянки парохода, заполнены угольные бункера, старший механик

давно опробовал механизмы и теперь ждал только приказа поднимать пары. «Адмирал» уже был на плаву. Каждые четыре часа радист принимал сводки о состоянии льдов по всем плесам от Благовещенска до Хабаровска. Три дня назад тронулась Уссури.

Лед на Амуре потемнел, потрескался. Андрей Корнеевич приказал затапливать котлы, а команде перебираться из землянки на борт судна.

Лю Чи с матросами размещали на палубе домкраты, электросварочный аппарат, помпу со шлангом. Глядя на сосредоточенное лицо боцмана, можно было подумать, что он готовился по меньшей мере к кругосветному плаванию.

Шнайдер и Заречный прохаживались возле стометровой ледяной дамбы.

— Даже не верится, что все это сделали мы, — сказал Шнайдер. — Какая махина.

Миновал еще один день и одна ночь, и вот на рассвете Амур наконец тронулся.

— Пошел! — взволнованно оповестил Никита, вбегая в каюту капитана.

Как по сигналу тревоги, Андрей Корнеевич кинулся на мостик. Дверь в каюту осталась открытой настежь.

Дул холодный ветер, лед немного продвинулся, но затем остановился. Через некоторое время он тронулся опять и снова замер. Крепчал ветер. Над рекой поднимался шум, хотя ледоход еще не начался.

Пролетели самолеты. Где-то далеко раздались взрывы. Амур поднатужился и снова двинулся к океану. Казалось, реке вдруг стало тесно в своем русле. Огромные глыбы льда цеплялись за берега, вспахивали их, загребали оттаявшую землю. Грязные и уродливые, они громоздились на ледорезы, срывались, раскалывались и уходили вдоль дамбы к фарватеру. Ледоход становился грозным. Юрий Николаевич Белокрылов, прибывший на зимовку еще неделю назад, неотлучно находился у защитных сооружений. Могучий мол пока отделывался царапинами. «Пронесет». — решил Белокрылов и возвратился на судно.

Шум над рекой усиливался. С наступлением темноты он стал особенно тревожить людей. Капитан часто включал прожектор, осматривая то дамбу, то реку.

А ночью русло заклинилось на траверзе судна.

Вот уж такого несчастья не предвидел никто! Ниже

дамбы река очищалась, а выше Амур рычал, льды лезли друг на друга, на ледорезы, на дамбу; что-то трещало, рушилось, скрежетало.

— Мамочка, как страшно! — прошептала Катюша, когда Горчаков снова включил прожектор. Она придерживала руками шапку: с такой силой дул ветер.

«Плохо дело», — отметил капитан и приказал подрывникам ликвидировать затор, а всем свободным от вахты с ломами и кайлами идти к ледорезам, крушить льды, не дать им перебраться через дамбу.

Все эти попытки были обречены на неудачу: разве разобьешь ломом многотонную громадину могучей льдины?..

Гул над рекой нарастал. Амур с гневом срывал с себя ледяные покровы, карежа и увеча все, что становилось на его пути. Он швырял глыбы на берега, врывался в протоки и все яростнее напирал на затор. Один ледорез уже развернуло в сторону, два других были едва видны. На дамбу сейчас давила чудовищная сила.

Белокрылов понимал: катастрофа может произойти в любую минуту. Ему уже виделось, как дамба раскалывается, подается назад, как все огромное сооружение со страшной силой обрушивается на пароход и своей тяжестью топит судно... По спине Белокрылова пробежал холодок.

Освещенные неярким светом факелов, люди суетились около глыбы, которая наползала на дамбу.

— Осторожно! — крикнул Шнайдер, но поздно: глыба раскололась, и несколько человек вместе с ней полетели вниз. Что с ними? К счастью, ничего серьезного: легкие ушибы. Работа возобновилась, но «крепостной вал», казалось, становился все ниже и ниже, а льды продолжали свой неистовый напор. У Лю Чи застряла в трещине нога. В это мгновение на боцмана стала надвигаться огромная ледяная глыба. На помощь бросились Никита, Зелик, Заречный с факелом. Спасли.

На реке вновь прогремели взрывы. Однако положение не изменилось. Взорванный лед проплыл по реке, а затор остался: слишком много Амур наворочал глыб, клин образовался огромный и прочный.

Капитан поглядывал на часы. А что, собственно, может принести утро? Не пошлешь же самолеты бомбить пробку около самого парохода и защитной дамбы!

Уже сутки не спали люди. Гремя кружками, Катя по-

несла к «крепостному валу» термосы с чаем, хлеб, колбасу. Команда выбивалась из сил, а река продолжала свое грозное наступление.

В эту ночь Добрынин не уходил из диспетчерской. Но разве мог он чем-нибудь помочь? Ему уже сообщили, что подрывники ничего сделать не могут, самолеты использовать нельзя, льды начинают переваливаться через дамбу. Начальник пароходства радировал: Горчакову действовать по своему усмотрению.

Получив депешу, Андрей Корнеевич почувствовал себя свободнее. Но как вообще действовать в этом ледяном ковше?!

С рассветом ветер усилился. Льды с новой силой обрушивались на дамбу, почти непрерывно переваливаясь через нее и подступая к судну.

Вдруг адмиральцы, работающие за «крепостным валом», услышали тревожный гудок парохода. Измученные, усталые до предела, они молча посмотрели друг на друга. Что случилось? Через секунду они уже бежали к пароходу.

Никита в это время находился в самом конце дамбы. Услыхав гудок и видя, что все бросили работу, он положил на плечи лом и стал торопливо пробираться к берегу. Это отняло у него, наверное, не менее десяти минут: мешали торосы. Когда он наконец выбрался за сооружение, то увидел, что сходни убирают, а по судну мечутся люди. Бросив лом, рулевой что есть мочи побежал к пароходу.

— Рубить концы! — донеслась до него команда.

Но прежде чем боцман занес топор над носовым причальным канатом, на нем уже висел Никита, торопливо перебирая руками. Под ним зияла черная вода.

— Лю Чи! — закричал Волков.

Боцман взглянул через борт и замер с поднятым топором:

— Ай-я!

— Назад, малый! — скомандовал капитан в машинное отделение.

Швартовый конец натянулся, но прежде чем он успел лопнуть, рулевого подхватили и втащили на палубу.

Кормой вперед, по узкому каналу, «Невельской» медленно пятился от берега.

— Сумасшедший! — воскликнул Белокрылов, увидев, что Горчаков выводит пароход из-за укрытия. Юрий Ни-

колаевич ходил обследовать ледорезы и только сейчас вышел на берег.

— Наметку! — раздалось с мостика.

— Пронос! Пронос! — послышалось в ответ.

Горчаков прекрасно знал, что делает. Не зря команда сражалась со льдом, выигрывая минуты. Капитан ждал светлого времени суток. Теперь он вывел пароход на фарватер, развернул по течению реки и приказал:

— До полного!

Впереди река судоходна: ниже затора лед прошел. На пути есть две протоки. Если Амур не очистится до Хабаровска к подходу «Невельского», Горчаков подождет, а если, прорвав затор, судну будут сверху угрожать льды, Андрей Корнеевич спрячет пароход в протоку.

Он приказал Дымову радировать в управление: «Покинул место зимнего отстоя. Полным ходом иду к Хабаровску».

Капитан время от времени брал бинокль и смотрел назад. Затор держался. Сердце Горчакова обуяла радость. «Спас, спас, Андрей-воробей, пароход!» А радость, говорят, половина счастья.

— Поднять флаг навигации! — приказал Андрей Корнеевич.

По традиции флаг навигации поднимает судно, которое раньше и лучше других подготовилось к плаванию. Правда, такой чести удостаивают себя не сами команды, но разве не бесспорно, что эта честь принадлежит «Адмиралу»!

Мелкие льдины изредка ударялись о корпус судна, но капитан не обращал на них внимания. Он взял бинокль и направил его на берег. Так и есть. Вся семья вышла взглянуть на «Адмирала». Мать утирала слезы, Светлана вертелась около своего жениха. Отец тоже смотрел в бинокль, широко расставив ноги. Он приветственно махнул рукой сыну, и Горчаков улыбнулся в ответ...

Радист принес депешу. Добрынин писал: «К подходу «Невельского» плес очистится до Хабаровска. Поздравляю с победой!»

Капитан огласил радиограмму и спросил:

— Ну, юнги, рады? То-то!

Заречный спустился с мостика к команде. Через минуту на весь пароход загремело дружное: «Ура!» Трудно передать чувства, охватившие экипаж. Хотелось кого-то об-

нять, петь, танцевать, восторгаться и даже немножко всплакнуть.

Зелик Шнайдер сбегал за баяном, Катю Ломакину насильно вытащили прямо с камбуза от кипящих кастрюль, и пошел пляс.

— Что они там? — ни к кому не обращаясь, добродушно спросил капитан.

— Радуются! — улыбаясь, ответил Никита. «Ох и будет о чем рассказать ребятам! — подумал он. — Небывалый случай: все пароходы в затонах, а на клотике «Адмирала» флаг навигации!»

В управлении пароходства тоже царило праздничное настроение.

— Ведь сзади льды! Как они решились? — рассуждали в каждом отделе.

Архип Севастьянович поглаживал седые, почти запорожские усы:

— Горчаков — голова!

— Ну, теперь задерет нос пуще прежнего.

— По такому случаю ему положено.

С дочуркой на руках Клавдия забежала за Строевой.

— Скорее, Зина! Опоздаем.

Зинаида посмотрела на часы, постояла минуту у окошка, подумала и пошла. В конце концов не один же капитан спас пароход.

Впрочем, Строева увидела Горчакова лишь издали: на пароход она не поднималась, а он, опьяненный победой, домой не явился. Да Зинаида и не рассчитывала на его приход, хотя ей горько было за дочь: целую зиму девочка не видела отца.

На следующий день Танюшка страшно поразилась, когда узнала в школе, что ее папка возвратился еще вчера. После уроков с подружками она отправилась в порт.

— Вы куда? — остановил их вахтенный у проходной будки.

— Она к папе идет! — хором ответили первоклассницы

— А кто он?

— Капитан.

— На каком?

— На «Невельском».

— Пропуска есть?

К счастью, подоспел Одинец. Послушал, нахмурился и сказал школьницам:

— Бегите. Вон «Адмирал». Видите?

Стайка вспорхнула.

Когда в каюту вбежала дочь, а за ней и все подружки, Горчаков дремал на диване: он отдыхал.

— Папка! — бросилась к нему Танюшка. — Ты почему не пришел вчера?

Вопрос явно смутил отца. Он сел, взглянул на дочь, на девочек, привлек к себе Татьянку, поцеловал в одну щеку, в другую.

— Ой, колючий! — вырвалась девочка.

— Ну, рассказывай, как учишься.

— Хорошо. Одевайся, пойдем вместе домой, ладно?

— Тебя мать послала?

— Нет. Мы прямо из школы!

Андрей Корнеевич опять покосился на подружек дочери, на свои босые ноги.

— Вы идите. У меня еще дела есть.

Танюшка надула губы. Нет, не такой она себе представляла встречу с отцом!

Не явился Горчаков домой ни в этот день, ни в последующие.

Вскоре «Адмирал» ушел в первый рейс...

В канун празднования столетия русского парового судоходства на Амуре бассейновая газета поместила статью Одинца. Она называлась «Подвиг экипажа парохода «Адмирал Невельской». Статья воскресила в памяти Андрея Корнеевича пережитое. Да, дела налаживаются. На днях начальник пароходства снял с него прошлогодний выговор. В руках Горчакова целых три пригласительных билета: на торжественное заседание, посвященное столетию судоходства на Амуре, на гулянье в парке и на массовую прогулку по Амуру. Пожалуй, надо побывать всюду.

На торжественное заседание Андрей Корнеевич пришел без четверти восемь. Он сегодня надеялся на встречу с Зиной. Большой зал Дома офицеров был уже заполнен. Только в предпоследнем ряду нашлось место.

Зинаида оказалась в президиуме. Поговорить с ней не удалось: видимо, после доклада начальника пароходства она поспешила домой...

Назавтра Горчаков отправился в парк. Корабли на рейде, парк, здание пароходства, водная станция были

украшены флагами расцвечивания. На реке проходили гребные гонки и соревнования по плаванию. Высоко в голубом небе реял поднятый на аэростате вымпел морского и речного флота страны.

Около выставки, посвященной столетию судоходства, гуляющие рассматривали макет парохода «Аргунь», который был спущен на Шилке и вступил в воды Амура сто лет назад.

Здесь он увидел Самоцветову под руку с каким-то военным.

— Андрей Корнеевич? — воскликнула Евгения. — С праздником вас, здравствуйте!

И представила военного:

— Знакомьтесь, мой муж.

— Кураев, — назвал себя сероглазый майор.

— Михаил, с капитаном Горчаковым мы ехали в одном поезде. Помнишь, я рассказывала? — Самоцветова улыбнулась мужу.

— И в одном купе, — уточнил Андрей Корнеевич.

— Да, я помню, Женечка.

— Как вы живете? — спросила Самоцветова.

— Превосходно! — и заторопился: — Извините, меня ждет семья...

— Так это ты в него чуть не влюбилась? — улыбнулся майор.

Капитан обошел почти весь парк, но так и не увидел Зинаиду. «Может быть, удастся встретить ее на прогулке по Амуру!»

...На речном вокзале людской поток подхватил Горчакова, вынес на ажурный мостик, потом на дебаркадер, а уж с него на «Камчатку». На капитанском мостике парохода, в белом кителе, при всех орденах и медалях, разглаживая седые усы, стоял Архип Севастьянович. Слева и справа к «Камчатке» вплотную примыкали две огромные баржи, украшенные зелеными ветками ивняка.

Прозвучали отходные гудки, и «Камчатка» пошла вверх по Амуру. Но многие смотрели назад. Оказывается, пароход эскортировали три военных судна, за ними, замыкая строй «эскадры», в отдалении шел огромный буксир, а москитный флот владельцев моторных лодок напоминал дивизион торпедных катеров, устремившихся к цели.

Со значком на синем кителе (как будет приятно возвратиться в Китай отличником речного флота СССР!) на

палубе стоял Лю Чи и смотрел на город. В последний раз... Завтра боцман попрощается с близкими его сердцу русскими людьми: с Костей-Архипа, с капитаном Зеликом, с Никитой, с Ивовыми бровями... Тонкие усы китайца слегка подергивались. Кто знает, о чем сейчас вспоминал Лю Чи...

От железнодорожного моста на целое полукружье горизонта тянулась зубчатая линия города, достигая подножия Хехцира. Дымили трубы заводов, белели жилые массивы; словно зеркала гелиоскопов, то там, то здесь вспыхивали на солнце фары автомобилей.

Горчакову очень хотелось, чтобы пароход дошел до места, где стояла ледяная дамба. Пусть бы все посмотрели, где он спас «Адмирала»! Но это исключено: прогулка рассчитана только до полуночи.

Переходя с парохода на баржи, Андрей Корнеевич искал Зинаиду. Но не так-то просто найти ее среди сотен людей. Промелькнули в танце Шнайдер, Катюша, Заречный. Одинец, но не спрашивать же у них о жене!

Зинаида Сергеевна сидела в капитанской каюте вместе с Вяткиным, его женой, Константином Архиповичем, Лесным, Добрыниным.

Чего скрывать, всем было приятно, что им посчастливилось принять участие в праздновании этого исторического для Дальнего Востока события. Говорили о перспективах развития края, мечтали вслух. Игнат Тимофеевич молчал. Когда же его спросили, что думает о будущем он, Лесной ответил:

— Счастье в воздухе не вьется, а руками достается.

— Правильно, — отозвался Вяткин. — Мечтать, конечно, нужно, но и от земли отрываться не следует.

Встретив на барже Горчакова, секретарь крайкома поблагодарил его за спасение «Невельского», а потом, помолчав, сказал:

— Смелый вы человек. Ведь как пароход спасли — позавидовать можно! А вот в жизни верной дороги не нашли. Почему это? Вы извините меня.

Среди веселых жизнерадостных людей Алексей Иванович чувствовал себя особенно одиноким. Он ушел в каюту. Сердечная рана начала снова кровоточить. Опять зарождалась какая-то смутная надежда. Было грустно и горько. До сих пор Добрынин не мог понять Зинаиду. Хотелось верить в чудо. Вот-вот откроется дверь, войдет она,

скажет: «Алексей Иванович, я измучила и вас, и себя. Простите. Вы добрый, хороший...»

— С ума сойти можно! — Добрынин ощупал горячий лоб и снова зажал голову в ладонях.

Уже давно стемнело. Вяткин уединился, смотрел на огни города, думал о том, как много могут сделать люди за сравнительно короткое время. Ведь сто лет назад не было здесь ничего. И ему рисовались картины будущего Приамурья. На плодородных землях — новые совхозы и колхозы, среди лесных массивов — бумажные комбинаты, на рудном поясе — заводы-гиганты, на дорогах — амурские автомобили... Афанасий Прохорович мысленно видел новые города, гидростанции, Амур, ставший рекой трех морей — Охотского, Японского, Желтого. И ведь все это не фантазия, а недалекое будущее.

«Камчатка» достигла намеченного пункта, развернулась и теперь, в попутном потоке, возвращалась к Хабаровску. Там, где днем была зубчатая линия города, сейчас мерцала огромная дуга.

Наконец Горчаков увидел жену.

— Здравствуй, Зинаида.

— Здравствуй, Андрей.

— А где Татьяна?

— Дома.

— Ты что же меня не встретила?

— Я была на дебаркадере.

— Не видел. — Он огляделся по сторонам. — Мне поговорить с тобой надо.

— Я слушаю.

— Здесь помешают.

— Хорошо, пойдем в каюту.

Пришли, сели. Горчаков закурил.

— Ну, как ты живешь?

— Живу. Воспитываю дочь. В институт готовлюсь.

— Ну, а дальше как думаешь? — Он исподлобья наблюдал за женой.

— Осенью поеду сдавать экзамены.

Андрей Корнеевич нахмурился, вспомнил предупреждение отца.

— Что, генерала переводят?

В глазах Зинаиды сверкнули гневные огоньки, но она сдержалась.

— Не знаю. Замуж за него не собираюсь, и вообще

не о том ты говоришь. — В голосе ее все-таки прозвучало раздражение.

После долгой паузы Горчаков сказал:

— Хорошо. Учись. Только дочь не увози.

— Учиться буду заочно.

Капитан поднялся со стула, подошел к иллюминатору.

— Скажи, Зинаида, почему у нас все так получилось?

— Скажу. Скажу, Андрей! Ты... нет, интересы общие у нас были, но тебе... ты не хотел видеть во мне человека...

Горчаков молчал.

— Ты считал себя вправе распоряжаться моей жизнью, ты требовал... — она отвернулась.

— Ну, а дальше как?

— Не знаю, Андрей. Не знаю!

Горчаков начал расхаживать по каюте.

— Я долго боролась за семью. Ведь это я просила начальника пароходства перевести тебя на буксир.

— Знаю.

Она посмотрела на него вопросительно.

— Дневник читал твой. И о театре знаю, и про именины! — сказал, и тотчас брови сомкнулись лицо потемнело.

Вздохнув, она спросила:

— И ничего из всего этого не понял?

Андрей, не отвечая, слегка наклонялся вперед, ходил по каюте, едва сдерживаясь, чтобы не схватить Зинаиду за плечи, заставить смотреть себе в глаза и отвечать на его безжалостные вопросы. С языка были готовы сорваться то оскорбления, то слова любви, рвущиеся из самого сердца.

Наконец, запинаясь, он произнес:

— Если неправда, что ты, то я решил...

— Опять — «я решил»? — вздохнула Строева.

— Почему опять?

— Понимай сам...

И опять наступила пауза. Зинаида Сергеевна выпила воды.

— Ну, что ты молчишь?

— Не знаю, Андрей. Слишком много ты причинил мне горя. Смогу ли? Надо снова в тебя поверить, свыкнуться с мыслью...

Пароход уже подходил к речному вокзалу, а они так ни до чего и не договорились.

— Время покажет, Андрей. Ничего больше сказать те-

бе не могу. — Зинаида вытерла влажные глаза, устало поднялась и, слегка пошатнувшись, направилась к двери.

Оскорбленный, он не проронил ни слова, хотя было мгновенье, когда хотел остановить ее, воскликнуть: «Куда же ты?!»

С гулянья Горчаков возвращался один. Поднялся на Комсомольскую площадь. Справа — управление пароходства, через дорогу — колонны, венчающие лестницу к Амуру. А зачем он пришел в город? Капитан остановился. По радио о чем-то скорбела скрипка. Вход в парк по-прежнему оберегали каменные львы. Светилась арка. Массивные колонны казались часовыми, охраняющими подступы к реке.

Андрей Корнеевич перешел дорогу, посмотрел на ступеньки, разрисованные тенями деревьев, и медленно побрел дальше. Но вот он остановился, взглянул назад.

На крыше управления горели синие огни рекламы, а само здание напоминало ступенчатый утес-маяк, сооруженный из трех поставленных одна на другую застекленных башен; к нижней — примыкали массивы домов — один с площади, другой — со стороны Амура. На высоком флагштоке развевался вымпел пароходства, а внизу, около двери, стояли два многопудовых якоря.

Первый час ночи. Площадь быстро пустела. Вспыхнул запоздалый фейерверк, осветил корабли на рейде, бронзовую фигуру Невельского. Капитан стремительно шел дальше.

Вот и утес. На нем, как боевая рубка, — отслуживший свое время маяк. Внизу, вгрызаясь в скалы, шумел Амур.

Около рубки, на обнесенной парапетом площадке, один среди ночи, в белом кителе и фуражке, Горчаков казался командиром гигантского корабля.

Река бурлила. По ней проплывала песня:

Шуми, Амур, шуми, наш батюшка,
Таежная река,
Гуляй, гуляй, гуляй, безбрежная,
Родная на века!

Андрей Корнеевич скорее угадывал слова, чем слышал. Возбужденный объяснением с женой, взволнованный коротким, но всколыхнувшим все его существо разговором с Вяткиным, он сейчас мысленно прослеживал свой жизненный путь. Как много виделось в этот час! Школа, родные, техникум, пароход, на котором был матросом, помощником,

капитаном. Но вот он уже видит не себя, а Зинаиду на мостике «Кузнецка», эстафетную передачу барж, собрание актива речников, статьи в бассейновой газете, Одинца с нашумевшим проектом... Как много людей и событий! Горчакову кажется, что не только прошлое, не только песня, но и сама жизнь проплывает, течет мимо него, как эта могучая, неукротимая река. Все мимо, все без него, а где же он, Андрей Горчаков, почему его нигде не видно?!

Песня на реке проплыла, и хотя еще различались звуки баяна, Андрей Корнеевич их не слышал. «Как же это? Почему? Где же створные огни, которые выведут меня в главное русло? Но ведь и огни на реке зажигают люди...» Душа Горчакова была в полном смятении. Он чувствовал, что больше не может жить так, как прежде, путаться в лабиринте проток и смотреть, как все, решительно все проплывает мимо него, будто он не человек, а утес.

А когда мысли прояснились, когда все стало понятным, он вплотную подошел к парапету и, словно с капитанского мостика, произнес:

— Костя, Вяткин, Зинаида — вот они, твои створные огни!

Где-то за облаками рокотал гром. Вдали, над Амуром, мигали освещенные окна поезда. На волнах колыхались зеленые и красные огни.

Вглядываясь в ночь, Андрей Корнеевич думал о будущем, а в ушах, как неумолчная песня реки, призывно звучали слова: «Шуми, Амур, шуми, жизнь!»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1 5
Глава 2 15
Глава 3 23
Глава 4 27
Глава 5 33
Глава 6 47
Глава 7 57
Глава 8 66
Глава 9 76
Глава 10 91
Глава 11 106
Глава 12 . 118
Глава 13 . 135
Глава 14 155
Глава 15 . 166
Глава 16 . 183
Глава 17 200
Глава 18 208
Глава 19 . 227
Глава 20 244
Глава 21 262
Глава 22 . 279
Глава 23 298

Максимов Николай Иванович.

ШУМИ, АМУР. Хабаровское книжное издательство, 1961
320 с.

Редактор Н. И. Занин.
Художник В. И. Ярошенко.
Художественный редактор Л. А. Остроушко.
Технический редактор М. Д. Кайдалова.
Корректор А. А. Приходько.

* * *

ВЛ 05942. Подписано к печати 10/VIII 1961 г.
Бумага 84×108/32=5 б. л., 16,4 п. л., 18,29 уч.-изд. л.
Тираж 30 000 экз. Заказ № 786.
Цена 70 коп.

* * *

Книжно-журнальная типография управления культуры, г. Хабаровск, ул. Л. Толстого, 3.

НОВЫЕ КНИГИ

ХАБАРОВСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

А. А. Вахов. МАЯК ПРОДОЛЖАЕТ ГОРЕТЬ. 176 стр. Цена 42 коп.

В. М. Ефименко. ПОД ЗНАКОМ КОРШУНА. 60 стр. Цена 9 коп.

В. К. Пеунов. ЛЮБОВЬ И МОРЕ. 88 стр. Цена 7 коп.

А. Ф. Полянский. ПАМИРСКАЯ ЛЕГЕНДА. 88 стр. Цена 14 коп.

П. Л. Проскурин. ЦЕНА ХЛЕБА. 168 стр. Цена 42 коп.

Ан. Рыбочкин. ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ. 72 стр. Цена 10 коп.

А. С. Ткаченко. ХОРОШИЕ ЛЮДИ. 88 стр. Цена 7 коп.

В. Ф. Трихманенко. НАТАШИНЫ ЗОРЬКИ. 88 стр. Цена 7 коп.

Книги можно приобрести в магазинах Хабаровского книготорга, а также выписать наложенным платежом по адресу: Хабаровск, ул. Карла Маркса, № 23, магазин Книготорга № 1, отдел «Книга—почтой».

В 1961 году ВЫЙДУТ ИЗ ПЕЧАТИ НОВЫЕ КНИГИ

ХАБАРОВСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

М. П. Белов. КОГДА ПРОБУЖДАЮТСЯ ВУЛКАНЫ. Научно-приключенческая повесть о вулканологах.

А. А. Вахов. ТРАГЕДИЯ КАПИТАНА ЛИГОВА. Роман.

А. М. Грачев. СТОРОЖКА У БУРУКАНСКИХ ПЕРЕКАТОВ. Научно-приключенческая повесть.

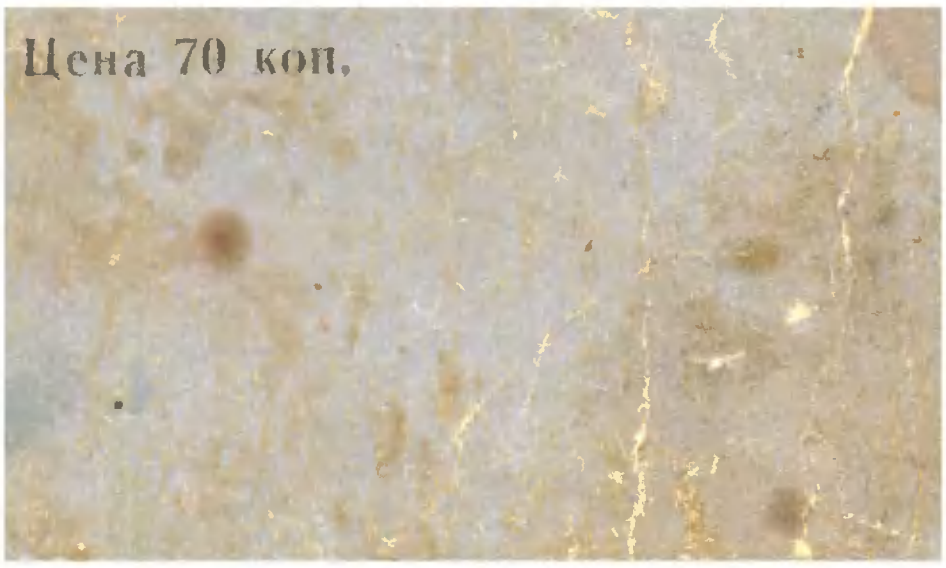
А. Б. Комаровский. ЗАКОН ТУНДРЫ («Библиотечка дальневосточного рассказа»).

М. И. Овчинников. В пути. Рассказы.

С. Л. Рослый. Огонь на себя. Документальная повесть о Герое Советского Союза Е. Тягушеве.

В. В. Старцев. ЗВЕЗДЫ В ГОРАХ. Повесть.

Г. Г. Ходжер. ЭМОРОН-ОЗЕРО. Повесть.


Цена 70 коп.